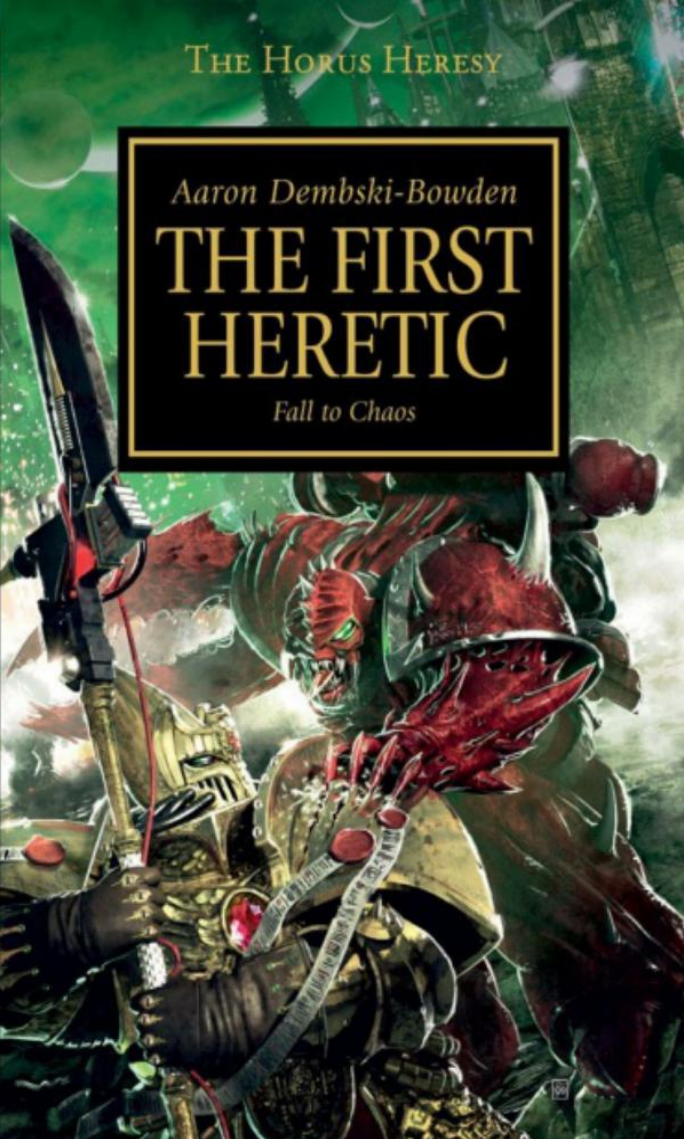
The Horus Heresy
Aaron Dembski-Bowden
THE FIRST HERETIC
Fall to Chaos

Annotation

Распространив Великий Крестовый Поход от края до края галактики, Император внезапно решает жестко наказать легион Несущих Слово — за слишком медленное приведение к Согласию новых миров и религиозное поклонение ему, Императору Человечества. Для вящей убедительности он приказывает стереть в пыль город, бывший гордостью Несущих Слово. Унижение легиона серьезно пошатнуло душевное равновесие примарха Лоргара и направило его духовные поиски к самому краю материальной вселенной, где варп просачивается в реальный мир, где слышны голоса богов и можно прикоснуться к истине. Эта истина, неприглядная и болезненная, и станет колыбелью Великой Ереси.

- Аарон Дембски-Боуден
  -
  - Действующие лица

- Часть первая
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
- Часть вторая
  -
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
- Часть третья
  - Глава 20
  - Глава 21

- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29

- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2

Аарон Дембски-Боуден

ПЕРВЫЙ ЕРЕТИК

Падение в Хаос

Посвящается брату Адаму
— связующему элементу,
укрепляющему всю нашу семью

Это было время легенд. Герои сражались за власть над Галактикой. Неисчислимые армии Императора Терры сражались в Великом Крестовом Походе, мириады чуждых рас были сокрушены элитными воинами Императора, а память о них стерта. Начинался рассвет новой эры, эры правления человека. Огромные, сверкающие золотом цитадели были символом бесчисленных побед Императора. Миллионы миров встречали триумфальные колонны его смертоносных воинов. Богоподобные примархи вели Легионы Адептус Астартес, космических десантников Императора, от победы к

победе. Несокрушимые и величественные, венец генетических экспериментов Императора, космические десантники были сильнейшими воинами человечества, и каждый в бою стоил сотни простых солдат. Неостановимые десятитысячные Легионы, ведомые своими примархами, завоевывали Галактику для Империума Человека.

Величайшим из примархов был Хорус, прозванный Великолепным, Воссиявшей Звездой. Любимый сын Императора, он был Воителем, величайшим командиром, направлявшим армии своего отца на завоевание Галактики. Он был воином, не знающим себе равных как в сражениях, так и в переговорах. И когда пламя войны станет пожирать Империум, все лучшие воины человечества сойдутся в последней битве.

Действующие лица

примархи

Лоргар — примарх легиона Несущих Слово

Робаут Жиллиман — примарх легиона Ультрамаринов

Магнус Красный — примарх легиона Тысячи Сыновей

Коракс — примарх легиона Гвардии Ворона

Конрад Курц — примарх легиона Повелителей Ночи

Феррус Манус — примарх легиона Железных Рук

Пертурабо — примарх легиона Железных Воинов

ЛЕГИОН НЕСУЩИХ СЛОВО

Кор Фаэрон — Первый капитан

Эреб — Первый капеллан

Деймос — магистр ордена Зубчатого Солнца

Аргел Тал — капитан Седьмой штурмовой роты

Ксафен — капеллан Седьмой штурмовой роты

Торгал — сержант, штурмовое отделение Торгала

Малнор — сержант, штурмовое отделение Малнора

Даготал — сержант, моторизованный отряд Даготала

Алый Повелитель — командир Гал Ворбак

ЛЕГИОН ПОВЕЛИТЕЛЕЙ НОЧИ

Севатар — Первый капитан

ЛЕГИО КУСТОДЕС

Аквилон — «Оккули Император», «Очи Императора», кустодий

Вендата — кустодий
Калхин — кустодий
Ниралл — кустодий
Ситран — кустодий

ТРИСТА ПЕРВАЯ ЭКСПИДИЦИОННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Балок Торв — магистр флотилии
Аррик Джесметин — майор, Эухарский Пятьдесят четвертый пехотный полк

ГРАЖДАНЕ ИМПЕРИУМА

Кирена Валантион — Исповедница Слова
Исхак Кадин — официальный летописец, имажист
Абсолом Картик — личный астропат «Оккули Императора»

ЛЕГИО КИБЕРНЕТИКА

Инкарнадин — Прима-«Завоеватель» Девятой манипулы, Карфагенская когорта

Кси-Ню-73 — техноадепт Девятой манипулы, Карфагенская когорта

НЕИМПЕРСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Ингетель — эмиссар Изначальной Истины

Часть первая
СЕРЫЕ
За сорок три года до событий на Исстваане V

Тогда убей меня, Император. Лучше умереть на закате свободы, чем дышать при рассвете тирании. И пусть боги исполнят мое последнее желание: чтобы моя душа просуществовала достаточно долго и могла посмеяться, когда ваше безбожное государство наконец развалится.

Дайвал Шан, предводитель терранских сепаратистов, перед казнью

Если человек держит в

своих руках тысячу солнц... Если человек заселяет своими сыновьями и дочерьми сто тысяч миров и отдает им во владение саму Галактику... Если человек одной лишь силой мысли ведет среди бесчисленных звезд миллион кораблей... Тогда, прошу, скажи мне, если сможешь, как этот человек может не быть богом.

Лоргар Аврелиан,
примарх легиона
Несущих Слово

Нет более очевидного признака упадка государства, чем пренебрежение религиозными обрядами.

Никколо
Макиавелли, древний
евразийский философ

Пролог
СЕРЫЙ ВОИН

Сестры заплакали, когда за ним пришел легион. В то время он не мог понять причины их слез. Не существовало большей чести, чем быть избранным, и их огорчение казалось бессмысленным.

Голос серого воина, звучавший из-под череполикой маски, дребезжал, как у машины, и потрескивал от помех. Он потребовал назвать ему имя мальчика.

Но мать, прежде чем ответить, задала свой вопрос. Это было вполне в ее духе: не сгибаться и не кланяться ни перед чем. Эту силу она передала своему сыну, и она останется в его крови, несмотря ни на какие перемены.

Она произнесла, улыбаясь:

— Я назову тебе его имя, воин. Но сначала назови свое.

Серый воин посмотрел вниз, на его семью, впервые встречаясь взглядом с родителями, прежде чем увести их сына.

— Эреб, — протянул он. — Меня зовут

Эреб.

— Благодарю, господин Эреб. А это мой сын, — она указала рукой на своего мальчика, — Аргел Тал.

1. Ложные ангелы

Я помню Судный День.

Вы можете себе представить, как на землю падают звезды? Можете вообразить, что с небес на мир льется не дождь, а огонь?

Вы скажете, что это возможно. Я вам не поверю. Я не говорю о войне. Я не говорю о едком маслянистом запахе прометия или о химическом запахе пламени ракет. Забудьте о беспощадной ярости сражений и ударах орбитального обстрела. Я не говорю о привычной жестокости, с которой люди идут друг против друга.

Я говорю о правосудии. О божественном правосудии.

О ярости бога, который смотрит на

целый мир, и увиденное переполняет его сердце злобой. В гневе своем он посылает сонмы ангелов, чтобы обрушить свое проклятие. Он воспламеняет небо и сеет разрушение на шесть миллиардов запрокинутых лиц своих последователей.

А теперь повторите. Скажите снова, что можете представить, как звезды падают с неба. Скажите, что можете представить, как с небес вместо дождя на мир льется огонь, и город, пылающий так ярко, что вы уже ничего не в состоянии видеть, кроме его гибели.

Судный День лишил меня зрения, но я все же могу вас просветить. Я помню все, да и как можно это забыть? Это было последнее, что я видела.

Они опустились к нам на хищных птицах из голубого металла и белого пламени.

И они называли себя Тринадцатым легионом. Воинами Ультрамара.

Мы не произносим этих имен. Когда они выгоняли нас из наших домов, когда истребляли всех, кто осмеливался протестовать, когда они обрушили

божественное проклятие на все, что мы создали...

Мы назвали их ложными ангелами.

Вы пришли ко мне, чтобы узнать, как моя вера пережила Судный День. Я открою вам секрет. Когда падали звезды, когда кипели океаны, когда горела земля, моя вера не умерла.

Именно тогда я уверовала.

Бог действительно есть, и он нас ненавидит.

Отрывок из «Паломничества» Кирены Валантион

Глава 1
ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД ЛОЖНЫЕ АНГЕЛЫ СУДНЫЙ ДЕНЬ

Первая звезда опустилась в самый центр идеального города.

На площади, как обычно, шумел многолюдный ночной рынок, но, когда небо осветилось огненными штрихами и звезды стали медленно снижаться, все стихло.

Толпа расступилась, образовав плотное кольцо вокруг площади. И только когда звезда приземлилась, все осознали истину. Сияние рождали дюзы десантного челнока.

Приземляющийся корабль выбросил облако дыма, пахнущего сгоревшим маслом и инопланетными химикатами. Корпус корабля, окрашенный в кобальтово-синий и матово-золотой цвета, напоминал тело хищной птицы. Днище, еще не остывшее после спуска с орбиты, пылало оранжевым жаром.

Кирена Валантион, которой до восемнадцатого дня рождения оставалось еще три недели, тоже была в этой толпе. Вокруг нее стали раздаваться шепотки, постепенно перешедшие в декламацию, а потом и в молитву.

С соседних улиц и площадей донеслись прерывистые раскаты грома — рев мощных двигателей и хриплые вздохи ускорителей; с неба спускалось множество других звезд-которые-небыли-звездами. Воздух дрожал, и каждый вдох оставлял привкус выхлопных газов.

На темном корпусе небесного посланца имелся символ Священного Орла, тоже почерневший после спуска через атмосферу. У Кирены двоилось в глазах: она видела то, что происходило перед ней сейчас, и то, что запечатлелось в памяти с детства. Она не была слишком усердна в вере, но прекрасно знала этот корабль, тщательно изображенный на пергаменте яркими разноцветными красками. Подобные изображения имелись во всех священных текстах.

И она понимала, почему пожилые

люди, оказавшиеся в толпе, плачут и причитают. Они тоже узнали корабль, но не по изображениям в священных книгах. Несколько десятилетий назад они сами были свидетелями того, как корабли опускались с неба на землю.

На глазах у Кирены люди падали на колени, поднимали руки к звездам, молились и плакали.

— Они вернулись, — бормотала рядом с ней пожилая женщина. Она на мгновение прервала свои причитания и дернула Кирену за ниспадающую накидку-шул. — На колени, нечестивая блудница!

К этому моменту молитву уже подхватила вся толпа. Старуха вцепилась в ногу Кирены, но на этот раз девушка стряхнула скрюченные пальцы.

— Не трогай меня, пожалуйста, — произнесла она.

По давней традиции никто не смел прикоснуться к женщине, носящей красный плащ-шул, не спросив предварительно ее разрешения. Но старуха в своем религиозном усердии пренебрегла старинным обычаем. Ее ногти сквозь

тонкий шелк уличного платья царапнули кожу девушки.

— На колени! Они вернулись!

Кирена потянулась за кинжалом-кваттари, пристегнутым к бедру. Тонкая узорчатая сталь блеснула янтарем, отражая огни небесного судна.

— Не. Трогай. Меня.

Старуха прошипела ругательство, а затем еще истовее принялась молиться.

Кирена, стараясь успокоить бешено бьющееся сердце, сделала глубокий вдох. Горячий воздух обжег горло и оставил на языке едкий привкус сажи. Значит, они все же вернулись. Ангелы Бога-Императора вернулись в идеальный город.

Она не испытывала ни капли благоговения. И не упала на колени, чтобы возблагодарить Бога-Императора за второе пришествие ангелов. Кирена Валантион уставилась на хищный металлический силуэт небесного судна, а в мозгу ее рождался вопрос.

— Они вернулись, — снова забормотала старуха. — Они вернулись к нам.

— Да, — сказала Кирена. — Но зачем?

Корпус корабля неожиданно пришел в движение. Массивная задвижка люка отошла в сторону, послышался свист пневматики, и на землю опустился трап. В толпе послышались восторженные восклицания и рыдания, молитва стала громче. Люди нараспев повторяли молитвенные строки из «Слова», и те, кто до сих пор еще стоял, тоже преклонили колени. Только одна Кирена продолжала стоять, выпрямившись во весь рост.

Облачко дыма быстро рассеялось, и появился первый из ангелов. Торжественность момента не помешала Кирене внимательно его рассмотреть, а затем прищурить глаза. Ее кровь леденило зарождающееся сомнение.

И, словно высказанный шепотом протест единственной женщины мог изменить происходящее, она выдохнула одно только слово:

— Подождите!

Массивная броня воина отличалась от знакомых по священным пергаментам изображений. На ней не было свитков,

которые свидетельствовали о благочестии их носителя, и цвет не был похож на цвет серого зимнего неба, как у настоящих ангелов Бога-Императора. Как и корабль, из которого вышли воины, их броня отливала ярким кобальтом и была отделана полированной бронзой, сверкавшей, словно золото. А вместо глаз на бесстрастных масках виднелись только раскосые красные прорези.

— Подождите! — громче повторила Кирена. — Это же не Несущие Слово.

От такого богохульства старуха злобно зашипела и плюнула ей на ногу. Кирена не обратила на нее внимания. Ее взгляд был прикован к одетому в синие доспехи воину, так неуловимо и в то же время так явно отличавшемуся от иллюстраций к священному писанию, которое ей приходилось заучивать еще ребенком.

Из чрева корабля вышли собратья воина, и все они спустились на площадь. На всех была одинаковая синяя с золотом броня. Все несли в руках оружие, слишком тяжелое для обычного смертного.

— Это не Несущие Слово! — попыталась Кирена перекричать общую молитву.

Несколько стоящих неподалеку людей ответили сердитым шиканьем и крепкими ругательствами. Кирена уже набрала в грудь воздуха, чтобы высказать свое сомнение в третий раз, как вдруг воины, двигавшиеся с неестественной синхронностью, подняли оружие и направили его на толпу молящихся людей. При виде этого Кирена едва не задохнулась.

Затем заговорил первый из ангелов, и его голос, проходя через скрытые в лицевом щитке динамики, зазвучал глухо и отрывисто:

— Жители Монархии, столицы мира Сорок семь — десять, выслушайте эти слова. Мы, воины Тринадцатого легиона, верны своей присяге и намерены исполнить свой долг. В Десятый мир, приведенный к Согласию Сорок седьмой экспедиционной флотилией Великого Крестового Похода, мы принесли волю Императора.

И все это время дюжина ангелов

продолжала целиться в коленопреклоненных горожан. Кирена видела, что дула орудий, предназначенных для стрельбы чудовищно большими снарядами, стали такими же закопченными, как и брюхо хищного корабля.

— Согласие с Империумом продлилось шестьдесят один год. С великим сожалением Император Человечества приказывает всем жителям немедленно покинуть Монархию. Правители вашей планеты получили точно такое же уведомление несколько минут назад. Город должен быть эвакуирован в течение шести дней. В последний день правителям планеты предоставят возможность отправить единственный сигнал бедствия.

Люди в толпе онемели, их взгляды вместо благоговейного восторга выражали теперь растерянность и недоверие. Ангел, словно уловив изменение в их настроении, поднял оружие и дал залп в воздух. В глубокой тишине звук выстрела прокатился по долине оглушительным раскатом грома.

— К рассвету седьмого дня в Монархии не должно остаться ни одной живой души. Расходитесь по домам. Собирайте свои пожитки. Освобождайте город. Сопротивление будет караться смертью.

— Куда же нам идти? — раздался в оцепеневшей толпе женский голос. — Это же наш дом!

Первый ангел развернул оружие и направил его прямо на Кирену. Девушке потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что голос принадлежал ей. Зато окружающим надо было гораздо меньше времени, чтобы разбежаться в разные стороны, оставив ее в одиночестве.

Ангел повторил свои слова, и их бесстрастный тон ничуть не изменился:

— К рассвету седьмого дня в Монархии не должно остаться ни одной живой души. Расходитесь по домам. Собирайте свои пожитки. Освобождайте город. Сопротивление будет караться смертью.

Кирена тяжело сглотнула, но промолчала. В толпе стали раздаваться

выкрики и улюлюканье. Брошенная кем-то бутылка разбилась о шлем одного из ангелов и осыпалась стеклянным дождем. Затем несколько голосов потребовали объяснить, что происходит, а Кирена резко развернулась и пустилась бежать, проталкиваясь сквозь толпу.

За ее спиной раздался треск выстрелов; посланцы Бога-Императора открыли огонь по толпе возмущенных жителей.

Три дня спустя Кирена все еще оставалась в городе.

Как и многим другим людям, называвшим Монархию своей родиной, в наследство от предков, живших в экваториальных пустынях, ей достались смуглая кожа и красивые светло-карие глаза, блестящие, как каштаны. Выгоревшие на солнце волосы цвета лесного ореха непослушными прядями падали ей на плечи.

По крайней мере, так описывали ее наружность самые страстные поклонники.

Она была такой всего три дня назад,

но нынче отражение в зеркале разительно отличалось от этого портрета. На измученном лице после нескольких бессонных ночей появились темные круги вокруг глаз, а на губах, ссохшихся от обезвоживания, постоянно ощущался привкус кислоты.

Как это получилось, оставалось для нее загадкой. Жители города оказали яростное сопротивление захватчикам, однако длилось оно всего около часа. Самая страшная бойня произошла у Врат Тофета, где протесты переросли в восстание, подавленное танками. Укрывшись в ближайшем храме, Кирена все видела, хотя смотреть было почти не на что. Жителей города, все преступление которых состояло в попытке защитить свои жилища, безжалостно выгоняли и расстреливали.

Орудие боевого танка в кобальтовой с золотом броне ударило по Вратам Тофета, и, хотя повальные расстрелы ужасали, этот выстрел стал настоящим надругательством. Гусеницы танка давили тела погибших, а его пушка била

по величественной триумфальной арке. Каждый выстрел заставлял сжиматься сердце Кирены, но она не могла отвести взгляд.

Врата Тофета рухнули, и траморная громада при ударе о мостовую рассыпалась на части. Драгоценный монумент из белого камня и листового золота, посвященный истинным ангелам Бога-Императора, пал под ударами захватчиков, называвших себя верными слугами Империума.

Кирене были видны неподвижные фигуры упавших статуй, еще недавно венчавших арку. Часто посещая ночной рынок на площади, она прекрасно их изучила. Все эти годы траморные ангелы, высеченные в камне, взирали на нее с высоты. Раскосые бесстрастные глаза смотрели на нее не мигая. Бескрылые доспехи были изображены с особым тщанием. Не то что ложные пернатые ангелы из мифов древней Терры — эти фигуры были олицетворением настоящей святости, ангелами смерти, внушавшими трепет перед Богом-Императором. Его

тени, его сыновья, Несущие Слово.

Силуэты еретиков, просвечивающие сквозь пелену поднятой пыли, придвинулись к танку.

— Воины Ультрамара, — прошептала тогда Кирена. — Тринадцатый легион.

Святотатцы, все до единого. И их сходство с Несущими Слово только усугубляет скверну.

Планетарная сеть вокс-связи была отключена. От уличного торговца она слышала, что захватчики еще до спуска в атмосферу уничтожили все спутники Кхура. Правда это или нет, но связь с другими городами и даже внутри самой Монархии осуществлялась теперь только силой человеческого голоса.

— Они восстали в районе Куами, — рассказывал торговец. — Не только в Тофете. И в Гальшии тоже. Сотни убитых. А может, и тысячи. — Он пожал плечами, словно передал какие-то любопытные сплетни, которым сам не очень-то верил. — Я ухожу сегодня вечером. Нет смысла сражаться с дьяволами, шуллаша.

Кирена ничего не ответила, лишь улыбнулась, услышав старинное уважительное обращение к женщине своей профессии. Да и что она могла сказать? Захватчики взяли город в кольцо. Сопротивление бессмысленно, попытки противостоять врагу бесплодны.

После этих первых столкновений начался исход из Монархии — район за районом. Как только открылись ворота, из города потек нескончаемый поток людей.

К заходу солнца массовая эвакуация жителей уже шла полным ходом. Самые состоятельные жители Монархии, по большей части торговцы и высокопоставленные священники, называемые Глашатаями Слова, переезжали в свои поместья в других городах. Утреннее небо над Монархией гудело от межпланетных шаттлов, уносивших богатых, важных и просвещенных к другим небесам, к другим убежищам.

Кирена еще не уехала. По правде сказать, она еще не решила, покидать город или нет. Она стояла на балконе

второго этажа жилого блока апартаментов Джиро, расположенного в одном из самых дешевых районов города, где занимала комнатку не больше тюремной камеры. Ближайшие громкоговорители на башнях третий день бубнили одно и то же:

— Вес личного имущества, проносимого на эвакуационные корабли, строго ограничен. Всем жителям района Инага надлежит незамедлительно проследовать в космопорт Йаэль-Шах или к Двенадцатым Торговым Воротам. Вес личного имущества...

Кирена давно перестала прислушиваться к громкоговорителям и вместо этого наблюдала за заполнившими улицы людьми, за медленно двигающимися процессиями. Внизу, в конце улицы, один из воинов Тринадцатого легиона регулировал движение, погоняя жителей города, словно стадо скота. В руках ложного ангела было такое же оружие, как и у всех его собратьев: тяжелый болтер с полной обоймой разрывных зарядов. Кирена облокотилась на ограждение балкона и

продолжала наблюдать за извечной драмой угнетателей и угнетенных, завоевателей и побежденных. Ее район подлежал эвакуации к завтрашнему утру. Процесс уже начался, и на молчаливых ложных ангелов обрушился неиссякаемый поток проклятий и ругательств.

— Вес личного имущества... — снова загудели громкоговорители.

Прежде из этих тарелок трижды в день лились молитвенные чтения, произносились слова о терпимости и просвещении, обращенные ко всем обитателям города. Теперь от святости не осталось и следа и громкоговорители стали рупорами врага.

Кирена слишком поздно поняла, что ее заметили.

Раскаленная струя, выбрасываемая двигателями, нагрела и сгустила воздух, и на высоте балкона на улице показался небольшой катер. Двухместное судно, закрытое синей броней, скользило по воздуху, поддерживаемое завывающими турбодвигателями. В рубке сидели два ложных ангела и сканировали вторые

этажи зданий.

Кирена почувствовала озноб, грозящий перерасти в дрожь, но осталась стоять на месте.

Катер подлетел ближе. Из труб антигравитационной установки вырывались струи горячего воздуха. Ложный ангел, занимавший место стрелка, наклонился и коснулся ворота своего доспеха.

— Граждане! — Резкий окрик из вокс-передатчика перекрыл шум двигателей. — Этот район эвакуируется. Немедленно покиньте дома.

Кирена сделала глубокий вдох, но не сдвинулась с места.

Воин оглянулся на своего напарника-пилота, потом снова посмотрел на Кирену, застывшую в молчаливом протесте.

— Граждане, этот район эва...

— Я вас слышала, — сказала Кирена достаточно громко, чтобы ее голос не растаял в адском реве двигателя.

— Немедленно выходите на улицу, — повторил воин.

— Зачем вы это делаете? — спросила она, не понижая голоса.

Стрелок тряхнул головой и, схватившись за гашетку, направил крупнокалиберное орудие прямо на Кирену. Молодая женщина сглотнула — отверстие в дуле орудия было приблизительно такого же размера, как ее голова. Каждая косточка в ее теле заныла от панического страха, умоляя спасаться бегством.

— Зачем вы это делаете? — повторила она, стараясь превратить испуг в гнев. — Какими грехами мы все себя запятнали, что должны быть изгнаны из своих домов? Мы верные подданные Империума! Мы преданные слуги Бога-Императора!

Ложный ангел на несколько секунд неподвижно завис, и Кирена закрыла глаза, ожидая оглушительного грохота, который возвестит о ее смерти. Несмотря на ужас, она ощущала, как ее губы вздрагивают от улыбки. Это же чистое сумасшествие. От нее даже не останется ничего, что можно было бы похоронить.

— Гражданка.

Она открыла глаза. Воин отвел ствол орудия.

— Император, возлюбленный всеми, направил сюда Тринадцатый легион и предписал действовать именно так. Посмотри на нас. Посмотри на наши доспехи и на оружие, которое мы носим. Мы его воины и выполняем его волю. Спускайся на нижний уровень и покинь город.

— Бог-Император повелел, чтобы ты расстались со своей жизнью?

Из динамика послышалось рычание. Этот насыщенный треском помех механический звук свидетельствовал о человеческой ярости. И это было единственным проявлением эмоций, замеченным Киреной у захватчиков.

— Спускайся на улицу. — Воин снова положил палец на гашетку. — Немедленно. Если ты еще раз произнесешь свою языческую ахинею в адрес Императора, возлюбленного всеми, я уничтожу тебя на месте.

Кирена сплюнула вниз.

— Я пойду. Но только потому, что

жажду истины. Я отыщу скрывающийся за всем этим смысл и буду молить о расплате.

— Истина будет открыта тебе, — сказал воин, разворачивая катер дальше. — На рассвете седьмого дня возвращайся и взгляни на свой город. И ты обретешь прозрение, которого жаждешь.

И наступил рассвет седьмого дня.

Небо только начало светлеть, когда Кирена Валантион поднялась на вершины предгорий Галахе. Ее традиционная одежда скрывалась под длинным, плотно запахнутым плащом, защищавшим от осеннего ветра. Волосы свободно развевались под его порывами, а Кирена пристально смотрела на восток, где в абсолютном безмолвии затер ее город. Несколько часов назад в небе появились огненные полосы, оставленные шаттлами Тринадцатого легиона. Все они возвращались в небо, воины завершили свою работу.

Солнце с ужасающей неотвратимостью показалось из-за

горизонта. Бледное золото — холодное в своем неярком сиянии — разлилось над минаретами и башнями Монархии. Город несравненной красоты, все его десять тысяч шпилей позолотил рассвет.

— Святая Кровь! — прошептала девушка, не решаясь нарушить тишину и ощущая на своих щеках слезы. Подумать только, что человечество способно создавать такие чудеса. — Святая Кровь Бога-Императора...

День разгорался — но слишком быстро и слишком ярко. Рассвет едва наступил, а уже стало светло, как в полдень.

Кирена подняла голову и влажными от слез глазами посмотрела на облака, подсвеченные вторым рассветом.

Она увидела, как с небес на землю падает огонь и в город из-за туч вонзаются копья света невыносимой яркости. Но смотрела она недолго. Копья света, затмевавшие свет солнца, лишили ее зрения всего через несколько мгновений, оставив в темноте слушать стоны умирающего города. Мир покачнулся под ногами Кирены, и она упала на землю. Что

еще хуже, перед тем как окончательно ее покинуть, зрение прояснилось, и последним, что увидела Кирена, была картина разрушенной Монархии и ее объятых пламенем башен.

Ее город горел, а ослепшая и преданная судьбой Кирена рыдала и молила небеса о возмездии.

II. Последняя мольба

Несущие Слово, услышьте нашу мольбу.

К нам сошли ложные ангелы, подобные вам обликом, но лишенные вашего сострадания. Они называют себя Тринадцатым легионом, воинами Ультрамара, и, с тех пор как неделю назад от их кораблей потемнели небеса, мы слышим от них только угрозы. Они прошли по улицам Монархии и заставили жителей покинуть город. Те, кто им воспротивился, были убиты. Мы будем вспоминать наших мертвых как

тучеников.

Но не одна Монархия пострадала. Шестнадцать городов по всей планете опустели и стоят, лишенные признаков жизни.

Все эти дни мы были вынуждены молчать, не имея возможности воззвать к вашему милосердию. Тринадцатый легион позволил передать это послание лишь за несколько часов до последнего рассвета. Они поклялись, что с первыми лучами солнца сожгут наш идеальный город дотла. Мы умоляем вас вернуться. Вернитесь и заставьте их ответить за несправедливость. Отомстите за павших и восстановите то, что будет разрушено, когда посветлеет горизонт.

Несущие Слово, услышьте нашу мольбу.

Вернитесь к нам, сыны Бога-Императора, будь благословенно Его имя. Верни...

Первый и единственный сигнал бедствия,

поступивший из Монархии, столицы Кхура

Глава 2
ЗУБЧАТОЕ СОЛНЦЕ РАЗРУШЕНИЕ АВРЕЛИАН

Ответ на мольбу Кирены прибыл только через два месяца. Почти девять недель длилась безудержная гонка по бесконечным просторам вне космоса, по океану Иттатериума, без мыслей о безопасности и осторожности. Они теряли корабли. Они теряли жизни. Но не теряли времени, оставляя за собой содрогающуюся реальность.

Первый корабль вынырнул из варпа в реальность на пределе мощности истерзанных двигателей. На границе перехода он, словно брошенное серое копье, стал набирать скорость, и следом потянулись непереносимо яркие струи сгорающей плазмы. С рифленой возвышенности его хребта в звездную бездну смотрели многочисленные статуи из тратора и золота. Покрытые броней

храмы поднимались на поверхности корабля набухшими карбункулами. Стены этих сооружений венчали зубцы с бойницами, и десятки других, меньшего размера храмов украшали орудийные башни, установленные на самых высоких точках. Судно устрашающего размера и мрачного вида больше походило на крепость-монастырь, чем на корабль для космических странствий.

От резкого толчка его металлический костяк опасно вздрогнул, но корабль не снизил скорости. Огромные сопла, для создания которых потребовались десятки лет и миллионы часов труда тысяч рабочих, продолжали извергать быстро исчезающие голубовато-белые потоки раскаленных газов. Нос корабля украшала колоссальная фигура орла, отлитая из тяжелого металла и отполированная до серебристого сияния. Его когти сжимали открытую книгу, выкованную из стали, клюв на неподвижно застывшей голове открылся в безмолвном крике, а глаза отражали холодный свет звезд.

В разрыве реальности стали появляться другие корабли, вышедшие из варпа такими же серыми штрихами — словно залп стрел, выпущенный по звездам. Сначала всего несколько судов, потом дюжина, затем целая флотилия и, наконец, армада... Сто шестнадцать кораблей, один из самых колоссальных флотов человечества. Но граница между царствами реальности и варпа продолжала содрогаться, и корабли продолжали прибывать, стараясь не отставать от величественного флагмана.

Серая армада двигалась в свободном строю, медлительные суда сильно отстали, но более сотни кораблей быстро приближались к одинокому голубовато-зеленому миру.

Миру, уже окруженному другой боевой флотилией.

Одним из кораблей армады — достаточно мощным, хотя и проигрывающим в сравнении с идущим впереди флагманом, — была боевая баржа «De Профундис». На низком готике ее

название означало «Из бездны», тогда как на колхидском диалекте домашнего мира корабля эти протоготические слова переводились как «Из отчаяния».

Вибрация корпуса постепенно уменьшалась по мере того, как реальное пространство принимало судно, и на смену перегретым варп-двигателям пришли маневровые ускорители. Как только корабль освободился от уз Эмпиреев, капитан «De Профундис» поднялся с роскошного командирского трона. Великолепное кресло, выкованное из черненой стали и украшенное резной слоновой костью, все изголовье которого было увешано священными пергаментными свитками, возвышалось в центре мостика. На ведущих к трону ступенях стояли еще трое воинов, в одинаковой гранитно-серой броне. Все трое не сводили взглядов с обзорного дисплея, занимавшего всю переднюю стену рубки.

То, что разворачивалось на экране, можно было с полным основанием назвать хаосом. Порядок был нарушен еще до вступления в контакт с противником,

корабли мчались, словно обезумевший табун. Капитанами правила ярость, и необходимая сосредоточенность уступила место бешенству.

Доспехи магистра ордена гудели от избытка энергии, подаваемой через наружные кабели из силового ранца. Броня, украшенная более замысловато, чем у любого Астартес, свидетельствовала о достижениях магистра. На наплечниках доспеха клинописью колхидского наречия в стихах перечислялись его военные победы и подвиги. На левом плече поверх письмен красовалась отлитая из бронзы книга с объятыми пламенем страницами. Каждый огненный язычок был вручную вырезан из красного золота, и при соответствующем освещении казалось, что металлические страницы дрожат, словно в раскаленном мареве.

Кроме всего прочего, одну из скошенных красноватых линз грозного шлема магистра окружала бронзовая остроконечная звезда. Тот же самый символ повторялся на корпусе корабля и всех надстройках, свидетельствуя о

принадлежности боевой баржи к братству Зубчатого Солнца. Каждый корабль флотилии был отмечен особыми знаками – Трона из Костей, Полумесяца, Витой Плети... Множество символов, бесконечные потоки значений. Здесь, в пустоте, они были разбросаны, словно иероглифы на гадальных камнях шаманов.

Взгляды всех воинов, офицеров, слуг и рабов были обращены на планету Кхур и ее столичный город, который раньше можно было увидеть из космоса. Сейчас тоже можно было видеть черное пятно, расползшееся на четверть континента.

Черты лица Деймоса, словно высеченные из древних скал Гималайского хребта Терры, где он родился двести лет назад, никогда не искажала улыбка. Некоторые люди смеялись, кто-то смеялся часто. Деймос не принадлежал к их числу. Его юмор был черным.

Один из его подчиненных, в звании Седьмого капитана, однажды сказал, что лицо Деймоса – это летопись сражений, в которых никто не хотел бы принимать участие. Попытка Аргел Тала проявить

остроумие магистру понравилась.

Прогнав непрошеные воспоминания, Деймос снова обратился к экрану, все еще не веря своим глазам. Прочие корабли армады рассыпались веером в свободном атакующем строю, и некоторые из них продолжали набирать скорость. Суда сопровождения и разведчики уже заметно замедлили ход и, выключив двигатели, двигались только по инерции.

— Что я вижу? — спросил Деймос. Слова вылетали из-под его шлема отрывистым лаем. — Ауспик, докладывайте.

— Первоначальные данные сканирования еще обрабатываются.

Офицеры, столпившиеся возле сканера, были облачены в форму такого же серо-стального цвета, как броня магистра. Старший из них, ауспик-мастер, заметно побледнел.

— Я... я...

Магистр ордена перевел на него взгляд.

— Говори, и говори быстро, — приказал он.

— Флотилия противника на геостационарной орбите над Монархией — имперская, сэр.

— Значит, это правда. — Деймос пристально уставился на аусник-мастера, стареющего офицера с громким голосом, который лихорадочно подкручивал ручки настройки трехметрового дисплея. — Продолжай.

— Это точно корабли Империума. Это не враги. Сенсоры непрерывно принимают потоки кодов опознавания. Они объявляют о своей принадлежности всему флоту.

Напряжение, охватившее Деймоса, ничуть не уменьшилось. Оно только глубже проникло в его мысли и вызвало воспоминание о безумном послании. «Вернитесь к нам. Они называют себя Тринадцатым легионом. Утоляем, вернитесь».

Деймос заставил тревогу затаиться в дальнем уголке мозга. Сейчас необходимо сосредоточиться. На широком экране было заметно, как серые корабли снижают скорость и выбрасываемые их

двигателями струи пламени теряют яркость. Некоторые суда свернули в сторону, нарушив элегантный атакующий строй. Все дело в сомнениях. Ни один капитан не может понять, что ему делать.

Безукоризненный рисунок атаки рассыпался на глазах, когда корабли стали останавливаться в нерешительности или покидать свои места в строю. Повсюду можно было видеть, как боевые баржи, готовые к сражению, прекращали подачу энергии на артиллерийские установки. Яростная целеустремленность сменилась растерянностью и нерешительностью. И снова возникало ощущение, что эмоции капитанов передаются их кораблям.

Сама планета была уже близко, настолько близко, что можно было различить нависшие над ней корабли. На таком расстоянии они казались темными пятнышками на низкой орбите, окруженными плотными облаками газов. Деймос повернулся к своим братьям, своим подчиненным, стоявшим на ступенях командирского возвышения.

— Теперь мы доберемся до истины.

— Сегодняшний день закончится во тьме.

Эти слова произнес Седьмой капитан; его левый визор тоже был окружен символом зубчатого солнца.

— Мы знаем истину, мы знаем, что совершили наши братья. Никакие объяснения не в силах смягчить горе примарха. Никакие доводы не в состоянии погасить его ярость. И тебе это известно не хуже, чем мне, магистр.

Деймос кивнул. На одно мгновение он позволил себе вообразить, что «Лекс» не замедлит хода, а серым клинком вонзится в сердце вражеского флота и его орудия вспыхнут огнем и пропоют свою смертоносную песню. Брат против брата. Астартес против Астартес.

Прежде он посмеялся бы над столь кощунственной идеей. Но не теперь.

— К нам поступил вызов! — крикнул из-за своего пульта офицер вокс-связи.

Наконец-то. Обращение ко всей флотилии, звук единственного голоса, который так ждали. Обращение

транслировалось на капитанский мостик и, несмотря на помехи, звучало вполне отчетливо.

— Сыны мои. — Никакие искажения сети не могли скрыть боль и теплоту, звучавшие в этом голосе. — Сыны мои, мы достигли Кхура. Пришло время ответить на последнее воззвание Монархии. Сегодня ты воочию увидит то, во что наши братья превратили идеальный город.

Четверо Астартес на ступенях командирского возвышения обменялись взглядами, хотя выражения их лиц и были скрыты под шлемами доспехов «Марк III». Все они отметили дрожь в голосе своего отца.

— Сыны мои, — продолжил примарх, — кровь взывает к крови. До конца этого дня ты получит ответы на наши вопросы. И я клянусь...

Обращение не было завершено: оно было прервано. Более мощный сигнал заполнил вокс-сеть — настолько мощный, что заглушил слова примарха легиона.

Этот голос, ниже тоном и более бесстрастный, звучал так же искренне:

— Воины легиона Несущих Слово. Я Робаут Жиллиман, примарх Тринадцатого легиона, повелитель Макрагге. Вам предписывается без промедления спуститься на поверхность и собраться в центре разрушенного района, ранее известного под названием Монархия. Координаты будут переданы позже. Неподчинение этому приказу недопустимо. Ваш легион в полном составе соберется в указанном месте. Это все.

Голос умолк, и воцарилась тишина.

Почти сотня душ собралась на капитанском мостике «Де Профундис» — люди и Астартес, — но никто из них целую минуту не мог вымолвить ни слова.

Седьмой капитан, не обращая на остальных никакого внимания, вдруг повернулся и направился к выходу, громко стуча керамитовыми подошвами по пластальному покрытию палубы.

— Аргел Тал?

Деймос окликнул капитана по внутренней вокс-сети. Дисплей его визора отследил объект и белыми строчками вывел его биоритмы. Магистр мигнул в

сторону периферической руны, и тактический дисплей очистился.

Седьмой капитан обернулся, и его руки в перчатках на фоне блестящего нагрудника сплелись, сотворив знамение святой аквилы, символа Бога-Императора.

— Я иду готовить Седьмую роту к высадке на поверхность, — сказал он. — Необходимые нам ответы мы найдем там, в руинах идеального города. Деймос, мне нужны эти ответы.

Воздух загустел от поднятой пыли, песка и дыма. Земля превратилась в черную пепельную пустыню с пятнами оплавленного стекла и мрамора, которые отражали солнечный свет и хрустели под ногами.

Аргел Тал вдохнул рециркулированный воздух, ощущая запах собственного пота и химических компонентов генетически усовершенствованной крови. Он не мог заставить себя полностью загерметизировать доспех, хотя каждый вдох приносил с разоренной земли

угнетающий запах серы и выжженного камня.

От города ничего не осталось. Стоило Несущим Слово остановиться в центре Монархии, как пыль миллионов разбитых вдребезги мраморных зданий стала оседать на их броне. Свитки пергамента с клятвами и молитвами, прикрепленные к доспехам, уже покрылись тонким белесым налетом. Аргел Тал взглянул на своих воинов, стоящих посреди развалин. Кто-то оглядывался по сторонам, другие застыли в полной неподвижности, и он попытался найти для них нужные слова, но, если такие слова и существовали, сейчас они не приходили ему на ум.

Затрещал вокс-передатчик, и на краю ретинального дисплея Аргел Тала вспыхнула красноватая руна Ксафена.

— Мы стояли на этом самом месте шесть десятилетий назад.

Ксафен подошел к капитану. Его необычный, отделанный золотом доспех тоже стал серым от пыли. В этот момент капеллан Седьмой роты почти

ничем не отличался от своих братьев, стоявших на обломках Монархии.

— Город превратился в слой пыли, но это то самое место, помнишь? — спросил Ксафен.

Аргел Тал окинул взглядом окрестности, и в тусклой пелене перед ним предстали призраки — шпили и купола уже не существующих соборов.

— Я помню, — ответил он. — Здесь была открытая площадь района Инага. — Капитан показал рукой на юг, хотя одинаково пустынный пейзаж окружал их со всех сторон. — Там стояли Врата Тофета, и у их подножия собирались проповедники и торговцы.

Ксафен кивнул. Вокруг его левого глаза имелся тот же символ, что и у Аргел Тала: зубчатое солнце, знак братства. Закрепленное магнитами на его спине оружие капелланов легиона Несущих Слово — священный крозиус — имело вид булавы, увенчанной шипами из темного металла с серебристыми прожилками.

Разговор, если это можно было

назвать разговором, иссяк до тех пор, пока трачную тишину не нарушила высадка другой роты. Десантно-штурмовые корабли, ревя двигателями, недолго кружили над развалинами, а затем впивались опорами в выжженную землю. Обычно резкий запах горящего масла неприятно ударял в ноздри, но среди развалин он уже почти не ощущался.

Открылись люки, и на землю спустились трапы. Еще сотня воинов в гравированной броне Семнадцатого легиона сделала первые шаги по мертвой земле. И без того нестройный порядок высадки мгновенно нарушился, когда Астартес разошлись, стараясь осознать то, что предстало перед их глазами. Аргел Тал мигнул, активировав руну общего канала вокс-связи. В сети послышались изумленные возгласы только что прибывших воинов, носивших знаки отличия Пятнадцатой роты. Их нагрудники были отмечены символами в виде горы человеческих черепов — братства Трона из Костей.

Аргел Тал негромко приветствовал

братьев. Ближайшие к нему воины отсалютовали, отдавая дань уважения его рангу, несмотря на принадлежность к другому братству. Плотью и кровью каждый из них принадлежал легиону Несущих Слово, и это было важнее всего остального.

«Громовые ястребы» продолжали прибывать и проносились над головой, отыскивая свободные площадки для приземления. Все больше воинов и десантных кораблей оказалось на земле, и оставшиеся подразделения легиона уже испытывали трудности с высадкой. С востока на запад и с севера на юг небо дрожало от гула двигателей и раскаленных струй газа.

Каждые несколько минут небо темнело от спускающихся «Грозовых птиц». Эти могучие челноки перевозили целые роты и оглушительно завывали, на время затмевая солнце.

Аргел Тал бесцельно шагал, пиная обломки камней. Устав вдыхать серное зловоние могилы Монархии, он загерметизировал систему вентиляции.

Запах оплавленных камней и сожженной земли никогда не доставлял капитану удовольствия, тем более что интенсивная вонь раздражала его обостренное обоняние. Вдыхая рециркулированный воздух, он продолжал шагать, не останавливаясь ни на минуту.

Орбитальная бомбардировка изрыла землю обугленными кратерами. Аргел Тал ощущал, как включаются стабилизаторы и гироскопы его доспеха, компенсируя неровности почвы. С легким гудением они настраивали коленные и голеностопные механические суставы брони, чтобы облегчить движение по пересеченной местности.

Даже не глядя на дисплей обзора, он знал, что Ксафен идет следом, и ничуть не удивился, снова услышав голос капеллана.

— У меня возникло такое ощущение, что мы проиграли войну, не сделав ни одного выстрела, — обратился к нему по воксу капеллан роты. — Посмотри-ка наверх, брат. Приближается наш отец.

Небо опять потемнело, и, подняв

голову, Аргел Тал увидел над головой последнюю «Грозовую птицу». Ее золотистый корпус отражал лучи полуденного солнца и распространял яркое сияние. Визор капитана мгновенно потемнел, предохраняя глаза.

Но еще более ярким стало ощущение унижения. Несколько синих «Громовых ястребов» меньшего размера строем двигались параллельным курсом, конвоируя могучую «Грозовую птицу». Эскадрилья сопровождения; не почетная стража, а надсмотрщики. Ультрамарины сопровождали примарха легиона Несущих Слово на поверхность планеты с унизительной торжественностью, словно приговоренного к смерти пленника.

Визор Аргел Тала, реагируя на его прищур, включил приближение. На полсекунды его взгляд исказился помехами, а затем линзы настроились, и картина стала еще яснее.

Все до одного орудия кораблей Ультрамаринов были направлены на золотой корпус «Грозовой птицы» Несущих Слово.

— Ты видишь? — спросил он по воксу Ксафена.

— Такое оскорбление трудно не заметить, — ответил капеллан. — Если бы я не видел все своими глазами, ни за что бы не поверил.

Аргел Тал проводил взглядом транспорт, спускавшийся в глубине несуществующего города; не дожидаясь других сигналов, все Несущие Слово повернулись и зашагали туда, где опускался на землю огромный корабль.

— Похоже, что мы присутствуем при новом повороте истории, — пробормотал Ксафен. — Укрепи свою душу, брат. Обуздай свой нрав.

Такого отчетливого беспокойства в голосе капеллана Аргел Талу еще никогда не приходилось слышать. И оно еще сильнее пошатнуло его и без того нестабильное душевное равновесие.

— Ответы, — откликнулся он, попутно считывая с ретинального дисплея данные о комплектности боеприпасов в болтере и о температуре силовой установки. — Ответы. Ксафен. Это все,

чего я хочу.

Аргел Тал и Ксафен возглавили Седьмую роту и повели своих братьев к центру бывшего города, где собирался весь легион.

Сто тысяч воинов безмолвно застыли под лучами заходящего солнца.

Сто тысяч воинов образовали идеальный строй, прижали к груди серыми перчатками болтеры и гордо подняли закрытые шлемами головы.

Сто тысяч пар красных линз смотрели вперед. Отделение за отделением под командованием сержантов. Рота за ротой под командованием капитанов. Орден за орденом под командованием магистров.

Перед каждой ротой, высоко подняв потускневшие от пыли штандарты, стояли знаменосцы. Символ братства Зубчатого Солнца, удерживаемый сержантом Малнором, реял над знаменами трех составляющих братство рот, превосходя их как по размеру, так и по значимости. Усеянный шипами круг из

полированной бронзы повторял знак, окаймлявший левую глазницу шлема каждого из воинов, и его дополняли шестьдесят восемь выбеленных черепов, висевших на черных цепях. Черепа принадлежали как людям, так и ксеносам, но каждый был когда-то головой достойного упоминания противника. И левую глазницу каждого черепа тоже окружал символ Зубчатого Солнца, нанесенный кровью Астартес и благословленный ротным капелланом.

Подобные символы возвышались над всеми орденами собравшегося легиона. Они постанывали на ветру, и подвесы вызванивали грустную мелодию, в такт которой колыхались боевые ротные знамена.

Вместе с другими командирами ордена Аргел Тал вышел вперед, оставив за спиной стройные ряды воинов. Хотя орден был далек от того, чтобы занять ведущее положение рядом с примархом — эта честь принадлежала более крупным и прославленным орденам, состоявшим из двадцати и более рот, — командиры по

своему рангу должны были занимать места впереди строя.

Проходя мимо застывших, словно статуи, Несущих Слово, Аргел Тал включил канал вокс-связи, выделенный Седьмой роте перед высадкой на поверхность:

— Держитесь, братья. Вскоре на нас снизойдет понимание.

Серия из десяти щелчков известила его о том, что каждый из подчиненных ему сержантов принял обращение.

Капитаны со значками своих орденов на шлемах и нагрудниках обменялись негромкими приветствиями через сеть вокса и выстроились в линию.

Перед ними на земле стояла золотистая «Грозовая птица», а вокруг расположились шесть «Громовых ястребов» Ультрамаринов. Края их керамитовых крыльев после входа в атмосферу местами почернели.

Один из капитанов нарушил строй. Он сделал еще один шаг вперед, и Аргел Тал почувствовал, как от этого движения слегка дрогнула земля под ногами.

Первый капитан Кор Фаэрон в громоздких доспехах терминатора, с серебристым нагрудником, словно вчера вышедшим из кузниц Марса, по праву стоял впереди своих собратьев. Элитный доспех легиона, состоявший из искусно обработанных пластин керамита, не уступавшего по толщине броне боевого танка, позволял ему возвышаться над остальными капитанами на целый метр. Он не носил другого оружия, кроме того, что было предусмотрено доспехом: огромных перчаток, каждый палец которых заканчивался когтем, длинным и острым, наподобие тех примитивных орудий, которыми в захолустных мирах Империума убирали урожай. Вдоль клинков проходили тонкие кабели, которые по желанию Первого капитана насыщали когти искрящейся энергией.

В отличие от остальных капитанов, Кор Фаэрон не надел шлем, и ни один поэт или художник не смог бы изобразить его красавцем, не погрешив против истины. Ангел Тал заметил, что по пальцам-лезвиям Кор Фаэрона пробегают разряды —

– верный признак раздражения. На лице огромного воина блуждала неизменная усмешка человека, который не чувствует ничего, кроме горечи пепла, и никакого другого выражения Аргел Тал у Кор Фаэрона никогда не видел. Несмотря на массивные доспехи, лицо Первого капитана было изможденным и бледным, словно у мертвеца.

— Я его ненавижу, — раздался на вокс-канале шепот Ксафена. — Он носит свою броню как щит от тысячи слабостей. Я ненавижу его, брат.

Аргел Тал не шелохнулся, и прижатый к груди болтер не дрогнул. Он слышал от капеллана эти слова уже много раз, но не мог найти способ унять эмоции своего друга.

— Я знаю, — ответил он, надеясь, что Ксафен замолчит.

Вряд ли сейчас подходящее время для подобных речей.

— Он не такой, как мы. Это фальшивый Астартес. — Ксафен впал в привычное исступление и шипел сквозь стиснутые зубы. — Он неполноценен.

— Сейчас не время для старых обид.

— Вот из-за этой своей слабости ты никогда не получишь крозиус, — сказал капеллан.

В назначении Кор Фаэрона Первым капитаном определенно просматривался протекционизм, и это ни для кого не было тайной. Этот человек, будучи духовным наставником и приемным отцом Лоргара в годы юности примарха, прошедшей вдали от Империума, помог подрастающему полубогу сформироваться, чего не мог сделать его настоящий отец. Они плечом к плечу выстояли в годы смуты и революции, в годы священной войны, грозившей разорвать Колхиду на части, пока мир не объединился под благословенной властью Лоргара.

И когда столетие назад Бог-Император посетил Колхиду и возложил на Лоргара командование Семнадцатым легионом, Кор Фаэрон был уже слишком стар, чтобы перенести имплантацию органов и генетическую модификацию, необходимую для превращения в настоящего Астартес. Вместо этого, в

знак признательности со стороны примарха, Кор Фаэрон возвысился над людьми при помощи омолаживающей хирургии, искусной бионики и частичных генных улучшений.

Но, превзойдя людей, он так и не достиг положения истинного Астартес. Аргел Тал видел в нем величайший образец генетического компромисса, и если не восхищение, то уважение заставляло его придержать язык.

Кор Фаэрон сплюнул на обугленную землю. Кислотная слюна с шипением растеклась по обломкам камней. Тогда Аргел Тал снова активировал вокс-связь с Ксафеном, мигнув на его личную руну.

— Тебя раздражает только неполноценность Первого капитана? Или то, что он не подчиняется дисциплине легиона, а его успехи затмевают твои и мои достижения, вместе взятые?

Ксафен мрачно усмехнулся сквозь зубы. Его руки крепче сжали крозиус-молот, опущенный к земле.

— Он в каждой компании сражается бок о бок с примархом. Он командует

Первой ротой, лучшей во всем легионе, и носит доспех терминатора. Надо быть дураком, чтобы потерпеть неудачу при таких обстоятельствах.

— Брат, я слышал его проповеди. И ты тоже их слышал. Я не испытываю к нему любви, но я его уважаю. Никому другому не под силу так проникновенно проповедовать Слово. Еще будучи простым человеком, жрецом, он добился победы в гражданской войне всепланетного масштаба. Не стоит недооценивать его способности.

Ксафен был неутолим:

— Нет прощения неполноценности.

— На него пал выбор примарха. — Голос капитана тоже зазвучал настойчивее. — Тебе это о чем-нибудь говорит?

— В суждениях отца я не могу сомневаться, — последовал неохотный ответ.

Аргел Тал был готов к продолжению, но Ксафен неожиданно умолк, вероятно отыскивая скрытый смысл в неодобрении брата.

— Приготовьтесь! — прорычал Корфаэрон. Его скрежещущий голос странным образом не соответствовал мертвенной бледности лица. — Примарх идет.

Едва слова стихли, трап золотистой «Грозовой птицы» стал плавно опускаться.

Аргел Тал медленно и с трудом выдохнул, чувствуя, как ускорился ритм основного сердца. Хотя он и не участвовал сейчас в сражении, второе сердце отреагировало на участившееся биение первого и тоже стало медленно сокращаться.

По трапу спускалась одинокая фигура, и Седьмой капитан ощутил резь в глазах, означавшую подступающие восторженные слезы, хотя смотрел при этом только в опустошенную огнем землю. Он не видел своего примарха почти три года. Лишиться возможности лицезреть его сияние, даже ради священного долга, означало блуждание в темноте безо всякого вдохновения.

Вокс ожил тысячами негромких голосов Несущих Слово, выдохнувших имя отца. Многие благодарили судьбу за

возможность снова оказаться с ним рядом. Благоговейные восклицания заполнили каналы вокса, но были не громче шепота. Аргел Тал, один из немногих, остался безмолвен: он благодарил судьбу в молчаливом благоговении.

Три года. Три долгих, долгих года сражений во тьме, с молитвами о приближении этого момента. Биение двух его сердец разгоняло все сомнения, все тревоги, все подозрения по отношению к Ультрамаринам.

Шаги по обожженной земле замерли, и Аргел Тал понял, что примарх остановился.

И только тогда он заговорил. Он произнес единственное слово: имя, которое редко звучало от кого-то другого, кроме сынов-воинов, в чьих венах текла кровь Лоргара и кто покорял невежественную Галактику при помощи крозиуса и болтера.

— Аврелиан, — произнес Седьмой капитан, и его голос растворился в потоке множества аналогичных восклицаний.

Наконец Аргел Тал поднял взгляд и

увидел сына бога, стоящего в центре
мертвого города.

Глава 3
КРОВЬ ВЗЫВАЕТ К КРОВИ СИГИЛЛИТ ПОВЕЛИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Семнадцатый примарх в зарождающемся Империуме был известен под многими именами. Жители миров, через которые проходил его триумфальный путь, звали его Помазанником, Семнадцатым Сыном, или, более изысканно, Несущим Слово.

Для братьев-примархов он был просто Лоргаром — этим именем нарекли его в домашнем мире, в смутные для Колхиды времена, до пришествия Императора.

И как многие другие примархи, он был награжден прозвищем — знаком уважения, принятым среди восемнадцати легионов. Так Фулгрита, примарха Третьего легиона, называли Фениксийцем; Феррус Манус, примарх Десятого легиона, носил

прозвище Горгон; повелитель Семнадцатого легиона прозывался Уризеном, по имени героя полузабытых терранских мифов.

Но никто из ста тысяч собравшихся воинов сейчас не вспомнил о нем. Несущие Слово, стоящие во всем своем невероятном могуществе и великолепии, все до единого приглушенным шепотом протяжно, словно заклинание, выпевали его истинное имя.

— Аврелиан, — хором выдохнули они. — Лоргар Аврелиан.

Золотой Лоргар. Этим именем преданные дети называли своего возлюбленного отца.

Семнадцатый примарх обратил взор к океану воинов в серых доспехах, созданных для исполнения его замыслов. Величие увиденного, казалось, на мгновение ошеломило его. Те, кто стоял ближе к примарху, заметили, как в его глазах вспыхнули огоньки.

— Сыны мои, — заговорил он с улыбкой, тронутой оттенком скорби, — при виде вас моя душа наполняется радостью.

Смотреть на одного из сыновей Бога-Императора было все равно что смотреть на воплощенное совершенство. Человеческие чувства, даже улучшенное в лабораториях восприятие воинов Астартес, с трудом могли вынести такую нагрузку. После того как Аргел Тал, еще застенчивым одиннадцатилетним мальчиком впервые предстал перед Лоргаром, его целый месяц мучили кошмары, полные смятения и страданий.

Апотекарии легиона, наблюдавшие за детьми-рекрутами, были к этому готовы. Один из них, апотекарий Турион, наблюдавший за внедрением имплантатов в период созревания, объяснил ему это явление во время беседы в крошечной келье, предоставляемой легионом на время обучения каждому юному послушнику.

— Твои кошмары вполне естественны, и со временем они исчезнут. Просто твой разум не в силах воспринять то, что ты увидел.

— Я и сам толком не понимаю, что я увидел, — признался мальчик.

— Ты видел сына бога. Глаза и мысли

смертных не предназначены для подобного зрелища. Чтобы приспособиться, тебе потребуется некоторое время.

— Я закрываю глаза, и мне становится больно. Больно вспоминать его.

— Эта боль не будет преследовать тебя вечно.

— Я хочу служить ему, — заявил одиннадцатилетний мальчик, все еще дрожавший от ночных видений. — Клянусь, я буду ему служить.

Турион тогда кивнул и стал рассказывать о смертельно опасных испытаниях, которые надлежит преодолеть рекруту, прежде чем заслужить право надеть доспех Астартес. Аргел Тал его не слушал, по крайней мере, в то утро, когда робкие лучи колхидского солнца принесли рассвет в его келью.

Потом он часто вспоминал о Турионе. Апотекарий погиб сорок лет назад, но Аргел Тал все еще хранил память о той битве. Даже теперь он не мог взять в руки сломанный кривой кинжал ксеноса, чтобы не вспомнить рассеченное горло Туриона.

По правде говоря, именно потому он его и хранил. Ради воспоминаний. Ужасная привычка, за которую его часто укоряли капелланы. Хранить оружие, убившее брата, говорили они, это признак больного разума.

Аргел Тал поднял взгляд.

— Кровь взывает к крови, — обратился Лоргар к своим воинам, собравшимся на изрытой воронками могиле Монархии. — Кровь взывает к крови.

Как и всегда в присутствии отца, Аргел Тал старался сосредоточиться на отдельных деталях его облика, а не пытаться осознать все величие примарха.

Глаза Лоргара — серые, как зимнее небо Колхиды, — были подведены сурьмой и от этого еще ярче выделялись на коже, которая могла показаться золотой, если смотреть невооруженным взглядом.

Линзы в шлеме Аргел Тала затемняли весь окружающий мир, сводя поток информации к темно-серым строкам сводок, но они не скрывали ни одной, даже самой мелкой детали. Он мог различить тысячи колхидских рун,

нанесенных золотом на белую кожу примарха. Кое-кто говорил, что татуировка в виде письмен покрывает большую часть тела Лоргара. Их можно было видеть на лице, строчки рун змеились от выбритого черепа до самого подбородка, и каждая строка содержала искреннюю молитву, пророчество о будущем или призыв к высшим силам.

Там, где плоть Лоргара скрывалась под пышными одеяниями, письмена кислотной гравировкой продолжались на сияющих золотых пластинах брони. И при всем своем могуществе, семнадцатый примарх все же не подчеркивал собственное превосходство церемониальными доспехами. Его броня была позолочена, но украшений на ней было не больше, чем на доспехе модели «Марк III», который носили его капитаны. И свитки пергамента, закрепленные на нагруднике и наплечниках, говорили не о личных достижениях примарха, а о его преданности отцу и обязательствах служить народам Империума.

— И вот до чего мы дошли, —

продолжал примарх. Его голос едва ли был громче шепота, но ему и не нужно говорить громче. Слова достигали ушей воинов в ближайших рядах и мгновенно транслировались по воксу для тех, кто стоял сзади. — Вот до чего мы дошли — нас заставляют ждать объяснений.

Человеческая речь не в силах передать пламенную, проникновенную уверенность, излучаемую Лоргаром. Его тонкие губы изогнулись в улыбке страстного поэта, несмотря на то что он стоял у могилы своего величайшего творения. Его руки в золотых перчатках словно нехотя сжимали оружие — гигантский крозиус в рост Астартес.

Иллюминариум был единственным предметом роскоши в убранстве примарха. Древко оружия, выточенное из слоновой кости, пересекали черные полосы железных накладок. Верхняя часть представляла собой сферу из адамантия, черненную мастером-кузнецом и украшенную рунами из листового серебра. Равномерно распределенные шипы длиной в руку человека торчали в разные стороны с

поверхности булавы, придавая ей угрожающий вид, не слишком соответствующий облику философа-искателя, который нес Иллюминариум по Вселенной.

Несмотря на искусную отделку, крозиус Лоргара не был украшением. Его носитель бросал в огонь целые миры, и каждый капеллан легиона Несущих Слово был вооружен уменьшенной копией Иллюминариума.

Ни один из сыновей Лоргара, даже те, кто провел последние годы вдали от примарха, не мог не заметить беспокойство своего отца. Примарх искоса бросил взгляд в сторону приземлившихся «Громовых ястребов» Ультрамаринов, словно ожидая, что оттуда кто-нибудь выйдет. Вокруг изогнувшихся в улыбке губ кожа стала темнее от щетины, чего Аргел Тал никак не мог ожидать от своего внимательного к мелочам примарха.

Лоргар отвернулся от сыновей и теперь в упор смотрел на штурмовые корабли. Его шепот разнесся над легионом:

— Жиллиман, брат мой, если не по сердцу, то по крови. Приди и попробуй оправдать свое безумие.

Словно в настоящем спектакле, трапы кораблей тотчас начали опускаться. Легион еще вслушивался в последние слова отца, когда из кораблей наконец-то вышли Ультрамарины.

— Несущие Слово, — тихо произнес примарх, — будьте наготове и не пропустите малейшего признака предательства.

Ста тысячам воинов противостояла всего одна сотня. Единственная рота Ультрамаринов вместе со своим примархом высадилась на планету посреди целого океана серой брони. Аргел Тал даже в этот напряженный момент не мог решить, какое из двух испытываемых им чувств сильнее: изумление или оскорбление. Он решил, что они равны, и от этого его раздражение лишь усилилось.

— Девятнадцатая рота, — передал по воксу Ксафен, наблюдая, как легкий ветерок развевает знамя Ультрамаринов.

На полотнище белый конь с огненной гривой поднялся на дыбы над серией чисел. — Любопытно.

Аргел Тал взглянул на штандарт, бьющийся на ветру, и попытался разгадать, о чем говорит присутствие именно этого подразделения. Конь на знамени постоянно двигался и казался живым. Слава роты Эфона, Девятнадцатой роты Ультрамаринов, гремела далеко за пределами легиона. Сам Эфон, по слухам, командовал целой имперской экспедицией вдали от своего примарха и слыл непреклонным представителем своего командира и искусным политиком. Как бы то ни было на самом деле, капитан имел больше доверия и независимости, чем любой Астартес.

— Они получили этот герб, — продолжил Ксафен, — в честь огнедышащего скакуна из мифологии древнего Макрагге. Эфоном звали коня, который вез по небу колесницу бога солнца.

Аргел Тал с трудом удержался, чтобы не покачать головой.

— При всем моем уважении, брат, это меня сейчас ничуть не интересует.

— Знание — сила, — заметил Ксафен.

— Сосредоточься, — бросил ему капитан. — Ты слышал приказ примарха.

Ксафен ответил условным знаком, подтверждающим согласие.

Трап последнего «Громового ястреба» коснулся земли, выпустив струи пара. Аргел Тал неподвижно замер, напрягая все мускулы. Тринадцатый примарх спускался со своим почетным караулом, а следом...

— Нет! — воскликнул Аргел Тал, едва не задохнувшись от изумления.

— Кровь Бога-Императора, — прошептал Ксафен.

Стоящий перед своим легионом Лоргар наблюдал за процессией все с той же усмешкой.

— Малькадор Сигиллит.

Рядом с примархом, облаченным в броню цвета лазури, шагал худощавый человек в простом полотняном одеянии. Ошеломляюще хрупкий рядом с массивной фигурой Жиллимана, Первый лорд Терры сжимал в руке жезл из темного металла,

увенчанный звенящими цепями и двуглавым орлом.

Насколько маленьким казался Сигиллит, настолько огромным рядом с ним выглядел Жиллиман. Его доспехи, голубые, как давно испарившиеся океаны Терры из древних легенд, были отделаны золотом и жемчугом и ярко сверкали в лучах восходящей луны.

— Что за бред! — рыкнул Кор Фаэрон, не в силах сдержать эмоции.

— Спокойно, друг мой, — пробормотал Лоргар, не отводя взгляда от стоящих напротив воинов. — Необходимые ответы ты скоро получим. Капитаны, вперед.

По его команде сто капитанов дружно сделали шаг вперед, непринужденно держа болтеры и мечи в бронированных руках. Сто капелланов, выделяющиеся на фоне строя золотыми накладками на броне и крозиусами, остались на месте. А за их спинами наготове ровными рядами, несмотря на вздыбленную почву, стояли сто тысяч Несущих Слово.

Аргел Тал отвел взгляд от Жиллимана. На благородное лицо

повелителя Макрагге смотреть было так же нелегко, как и на лицо Лоргара. Труднее всего было смотреть ему в глаза. В них не было ни сомнений, ни размышлений, ни любопытства — ничего, что выдавало бы человеческие чувства. Это лицо вполне могло быть высечено из обожженного солнцем камня. Олицетворение патрицианской холодности.

Седьмой капитан подавил зарождающуюся дрожь и сосредоточил внимание на Сигиллите. Слишком человек, чтобы его бояться, и слишком влиятельная персона, чтобы не брать его в расчет. Правая рука и доверенный советник Императора.

Здесь.

Здесь, и по всей вероятности, одобряет действия Ультрамаринов, уничтоживших идеальный город. Рука Аргел Тала крепче сжала рукоять болтера.

— Брат, — заговорил Лоргар, сохраняя внешнее спокойствие и почти не проявляя волнения и скорби, которые, как прекрасно

понимали его сыновья, переполняли душу примарха. — И Малькадор. Добро пожаловать в Монархию.

При этих словах он широко развел руки, охватывая жестом разоренные окрестности. Его прекрасное лицо исказила гримаса.

— Лоргар.

Голос Жиллимана прогремел отдаленным раскатом грома, но, кроме имени своего брата, он не произнес ни слова. Такая невыразительность его приветствия заставила Аргел Тала озадаченно прищуриться. В Легио Кибернетика он видел автоматонов, которые проявляли куда больше эмоций, чем примарх Ультрамаринов.

— Примарх Лоргар, — заговорил Малькадор, отвесив приветственный поклон. — Нам всем очень грустно встречаться с тобой в подобной ситуации.

Золотой воин, держа на плече свой крозиус, шагнул вперед.

— В самом деле? Вам грустно? Брат мой, а по тебе этого не скажешь.

Жиллиман ничего не ответил.

Несколько мгновений Лоргар продолжал смотреть на него, затем повернулся к Сигиллиту:

— Ответы, Малькадор. — Он сделал еще шаг и теперь стоял на одинаковом расстоянии от своего легиона и сотни Ультрамаринов. — Я хочу получить ответы. Что здесь произошло? Как могло подобное безумие остаться безнаказанным?

Сигиллит сбросил с головы капюшон, открыв лицо, настолько бледное, что оно казалось болезненно-серым.

— А ты не догадываешься, Лоргар? — Человек покачал головой, словно был искренне огорчен. — Это действительно стало для тебя неожиданностью?

— Отвечай мне! — взревел примарх.

Ультрамарины отшатнулись, а кое-кто, вздрогнув от неожиданности, поднял оружие.

Лоргар во второй раз распростер руки и обвел почерневшую пустыню, а потом закричал, так что с его губ полетели брызги слюны:

— Отвечай, чего ради вы это сотворили! Я требую!

— Что нам делать? — спросил по воксу Ксафен. — Что... Что происходит?

Аргел Тал не ответил. Внезапно болтер и меч показались ему чересчур тяжелыми. Он взглянул в сторону Ультрамаринов — они тоже не могли скрыть своего потрясения. Сотня воинов сохраняла строй, но было видно, что они до крайности возбуждены. И не зря.

— Что вы сделали с моим городом?

Голос Лоргара упал до шипящего шепота, и на его губах все так же играла фальшивая улыбка.

— Мир не был приведен к Согласию, — медленно и терпеливо ответил Малькадор. — Этот мир, это общество не было приведено к...

— Ложь! Кощунство! Это был образец Согласия!

Несколько Ультрамаринов сделали шаг назад, и Аргел Тал заметил, как они встревоженно переглядываются. Вокс-канал, перехваченный Несущими Слово, гудел от взволнованных переговоров Ультрамаринов. Только Жиллиман не шелохнулся. Даже Малькадор, ощутив

ярость примарха, вздрогнул, широко раскрыл глаза и крепче сжал свой жезл.

— Лоргар...

— Они воспевали имя моего отца на улицах!

— Лоргар, они...

— Они славили его при каждом восходе солнца! — Лоргар подошел ближе, его сверкающие безумным блеском глаза держали лицо советника словно на прицеле. — Отвечай, человек! Оправдай это бесчинство, когда статуи Императора стояли на каждой улице и каждой площади!

— Лоргар, они поклонялись ему. — Малькадору пришлось поднять голову, поскольку он был вдвое ниже каждого из примархов. — Они возвели его в культ. — Он посмотрел на Лоргара, отыскивая малейшие признаки понимания на золотом лице гиганта. Ничего не обнаружив, Сигиллит вздохнул и стер со щеки каплю слюны примарха. — Они обожествляли его.

— Ты пытаешься оправдаться моими же доводами?

Лоргар уронил крозиус, и тяжелое

оружие с глухим стуком ударилось о землю. Он опустил взгляд на свои руки, на согнутые пальцы, словно желая выцарапать себе глаза.

— Ты... Ты стоишь на руинах совершенства, и ты говоришь, что город был уничтожен напрасно? Ты пересек Галактику, чтобы сказать мне, что утратил свой хрупкий разум смертного?

— Лоргар...

Сигиллит попытался сказать что-то еще, но этим словам не суждено было слететь с его губ. Размашистый удар ладони примарха заставил его замолчать и отбросил в сторону. Малькадор отлетел и тяжело рухнул на каменистую землю, а стоящие поблизости воины услышали отвратительный хруст ломающихся костей.

Лоргар оскалился, оказавшись лицом к лицу со своим невозмутимым братом:

— Почему. Ты. Это. Сделал?

— Я исполнил приказ.

— Этого червя? — Лоргар со стехом махнул рукой в сторону лежащего в пыли Малькадора. — Этого ничтожества? —

Примарх Несущих Слово покачал головой и повернулся к своему легиону. — Я со своим легионом отправляюсь на Терру и лично извещу отца об этом... безумии.

— Он знает.

Эти слова принадлежали Малькадору. Он с трудом поднялся на ноги и едва шевелил разбитыми в кровь губами. Жиллиман слегка наклонил голову, и этого едва заметного движения было достаточно, чтобы двое Ультрамаринов бросились на помощь советнику Императора. Малькадор встал, не в силах выпрямиться от боли, но жестом отослал воинов. Стоило ему поднять руку, как отлетевший при падении на десяток метров жезл поднялся с земли и прыгнул в его ладонь.

— Что? — переспросил Лорган, неуверенный, что правильно понял его слова. — Что ты сказал?

Высший лорд Терры прикрыл глаза и оперся на свой жезл, словно на костыль.

— Я сказал, что Император знает. Твоему отцу все известно.

— Ты лжешь. — Лорган стиснул зубы,

его дыхание стало неровным и прерывистым. — Ты лжешь, и благодари судьбу, если я не убью тебя за эти кощунственные слова.

Малькадор не стал спорить. Подняв лицо к небу, прикрыв глаза, он беззвучно заговорил. И его обращение обладало такой силой, что мысли советника слышал каждый Несущий Слово, каждый Ультрамарин и каждое живое существо в радиусе десяти километров.

Он не послушает, мой повелитель. Не послушает меня.

Лоргар уже собирался поднять с земли свой крозиус, но затем. Жиллиман совершил самое энергичное движение с момента прибытия — он отвернулся от своего брата. Но не с отвращением, как в первый момент решил Аргел Тал. Он просто защищал свои глаза.

Глаза Малькадора остались закрытыми, лицо запрокинуто к небу. К висевшим на орбите кораблям.

Лоргар отступил на шаг назад.

«Нет, нет, нет», — беззвучно произносили его губы, словно слова могли

изменить судьбу.

Мир погрузился в невыносимый свет.

Хлопок телепорта немногим уступал грохоту при преодолении звукового барьера, но не он заставил Аргел Тала покачнуться. Он видел, как работает технология телепортации — и даже сам перемещался этим неординарным способом, — но звук не могли отфильтровать до переносимого уровня даже системы регулировки его шлема.

И не сопровождавшая телепортацию вспышка заставила его зажмуриться. Ее тоже могли компенсировать внутренние сенсоры доспеха, мгновенно затемнившие линзы.

Однако он ослеп. Он был ослеплен золотым сиянием, пылавшим, словно расплавленный металл.

Вокс зазвенел от пронзительных возгласов его братьев, пораженных тем же недугом, но слова доносились приглушенно, теряясь в звуках, которых не должно было быть. И вины вокса в этом не было — шум возник в его голове — грохот волн,

настолько громкий, что грозил сбить с ног.

Ослепший и почти оглохший Аргел Тал почувствовал, как болтер выскальзывает из его ослабевших пальцев. Ему потребовались все силы, чтобы не упасть.

Лоргар Аврелиан не испытал ничего подобного.

Он не видел ослепляющего золотого сияния и не слышал психического рева.

Он увидел шестерых человек. Пятеро были ему незнакомы, но одного примарх знал. Ультрамарины, не так сильно пострадавшие, как его воины, преклонили колени, не нарушив строя. Стоять остались только Жиллиман и Сигиллит.

Лоргар снова перевел взгляд на телепортировавшуюся группу. Пятеро воинов окружали знакомую фигуру, и, хотя примарх не знал их имен, ему было известно, кто они такие. Невероятно искусные доспехи из чистого золота. Плащи торжественного алого цвета на плечах. Длинные алебарды в руках,

которые не дрогнут.

Кустодес. Телохранители Императора.

Лоргар смотрел на шестого, который выглядел сейчас обычным человеком. Несмотря на юношескую энергичность, время оставило свой след в виде морщин на лице одновременно строгом и великодушном. Внешность этого человека зависела от того, к какой грани его характера было обращено внимание смотрящего. Он мог показаться стариком и молодым атлетом. Полководцем с неподвижным лицом и холодным взглядом и эмоциональным поэтом, готовым расплакаться.

Лоргар сосредоточился на его глазах, видя в них тепло любви и доверия. Но вот человек моргнул, и когда его глаза открылись вновь, в них мерцал холод с отчетливым оттенком разочарования, смешанного со льдом отвращения.

— Лоргар, — произнес человек.

Его голос, негромкий, но сильный, терялся в бесконечности, разделяющей любовь и ненависть.

— Отец, — приветствовал Лоргар Императора Человечества.

Глава 4
ЛЕГИОН НА КОЛЕНЯХ
ЕСЛИ УЛЬТРАМАР СГОРИТ СЕРЫЕ

Зрение восстановилось и прогнало ужасное ощущение беспомощности. Подобные чувства были проклятием для Аргел Тала и терзали его, словно укусы тысячи насекомых.

Сквозь затемненный визор он сумел разглядеть могучую фигуру, окутанную языками ослепительно-белого пламени. Воины в золотых доспехах и алых плащах с привычной легкостью держали удивительные алебарды. Каждый из них ростом не уступал Астартес, и ни один Астартес не мог не узнать этих солдат.

— Кустодес, — прохрипел Аргел Тал сквозь стиснутые зубы.

— Это же... — пробормотал Ксафен. — Это...

— Я знаю, кто это. — Аргел Тал по-прежнему выдавливал слова сквозь зубы.

И в то же мгновение его сразил голос, сразил их всех:

На колени.

Негромкий шепот ударил, словно молотом по лбу. Сопротивляться ему было невозможно. Мышцы отреагировали мгновенно, несмотря на то что сердца многих отказывались повиноваться. Аргел Тал был одним из упрямцев. В прозвучавших словах не было требования верности или уважения. Голос требовал покорности, рабской покорности, и все существо Аргел Тала протестовало, но он не мог не подчиниться.

Сто тысяч Несущих Слово опустились на колени посреди города, стертого с лица земли приказом Императора.

Легион встал на колени.

Лоргар оглянулся через плечо на океан коленопреклоненных воинов. Когда он снова обратил взгляд на Императора, в его глазах вспыхнуло пламя.

— Отец... — заговорил Лоргар, но человек покачал головой.

— На колени, — повторил он.

На его неподвластном времени лице проступила такая же темная щетина, как и у Лоргара. Каков отец, таков и сын.

— Что? — переспросил примарх.

Он перевел взгляд на стоящего позади Императора Жиллимана — гордого и непреклонного. Снова взглянув на отца, он протер глаза кончиками пальцев, будто прогоняя навязчивое видение.

— Отец?

— На колени, Лоргар.

Скрипя зубами, Аргел Тал смотрел, как Лоргар опускается на одно колено.

Ярость сопротивления теперь немного поутихла, и на смену ей пришли здравый смысл и вера. Перед Богом-Императором необходимо преклонить колени. Капитан заставил успокоиться оба своих сердца и призвал самого себя к смирению, несмотря на оскорбленные чувства.

Но спустя мгновение вновь

пробудившийся гнев вызвал прилив адреналина. Он увидел, как по знаку Жиллимана Ультрамарины встают. Он увидел, как их скучающие взгляды скользят по рядам коленопреклоненных Несущих Слово. Один легион в присутствии Императора стоял во весь рост с благословения своего примарха, тогда как другой оставался на коленях в руинах мертвого города.

Этот момент всколыхнул волну воспоминаний, поскольку Несущие Слово не раз оказывались в таком положении под чужими небесами. Легионы, не придерживающиеся такой строгой дисциплины, могли по достижении Согласия бить себя кулаками в грудь или выть на луну, но среди сынов Лоргара было принято отмечать победу с достоинством и благоговением. Победители преклоняли колени в центре завоеванного города и внимали словам своих капелланов.

Ритуал Памяти. Время вспомнить павших братьев и задуматься о своем месте в Слове.

По лбу и щекам Аргел Тала побежали

холодные струйки пота. Перенапряженные мускулы угрожали сорваться в неконтролируемую дрожь. Сочленения доспехов гудели от прибывающей энергии, подстегнутой возбуждением, пока Аргел Тал заставлял себя терпеть это надругательство над самым священным ритуалом легиона.

Голос раздался снова. И на этот раз он озвучил ответы, которых так жаждал Семнадцатый легион.

Император говорил, а Лоргар смотрел в его непостижимое лицо.

— Сын мой, ты полководец, а не первосвященник. Ты был создан для войны, для завоеваний во имя объединения человеческого рода под сенью истины.

— Я...

— Нет. — Император прикрыл глаза, и перед мысленным взором Лоргара предстало видение великолепной Монархии, такой, какой она была совсем недавно. — Это культ, — сказал Император. — Это искажение истины. Ты говоришь обо мне словно о боге и

заставляешь миры страдать от той же самой лжи, которая раз за разом ставила человечество на грань гибели.

— Люди с радостью...

— Люди обмануты. И когда ложь вскроется, люди сгорят.

— Мои миры верны тебе. — Лоргар больше не мог стоять на коленях. Он поднялся во весь рост и возвысил голос: — Мой легион выковывает самую крепкую преданность твоему Империуму.

Это не мой Империум.

Слова взорвались в мозгу Аргел Тала залпом болтерных снарядов. В ненавистный момент слабости он даже взглянул на ретинальный дисплей, чтобы проверить жизненные показатели. Он был уверен, что умирает, и если бы уже не стоял на коленях, наверняка упал бы сейчас.

Это Империум Человечества. Империя людей, просвещенных и озаренных истиной.

На этот раз он услышал ответ Лоргара:

— Я не лгу. Ты — бог.

Лоргар.

— Я не буду молчать лишь потому, что тебе не по нраву это слово. Ты управляешь тысячей миров! По твоей воле миллионы судов странствуют в космосе. Ты бессмертен, ты видишь и знаешь все, что происходит во Вселенной. Отец, ты бог, только отказываешься это сказать. Пора признать эту истину.

Лоргар.

Теперь голос обрушился стеной водопада и был почти осязаемым. Он обжигал, как струя пламени из реактивного двигателя, раскаляя доспехи и повергая ниц. Несущие Слово распростерлись в пыли.

Лоргар, не отступая перед ураганом невидимой энергии, срывавшей пергаментные свитки с брони, поднял руку и указал на своего отца:

— Ты бог. Признай это и давай покончим с обманом.

Император качнул головой:

— Сын мой, ты слеп. Ты придерживаешься древних понятий и тем

самым подвергаешь опасности всех нас. Давай покончим с этим, Лоргар. Ты прислушаешься к моим словам, и все будет закончено.

Психический ветер утих с последним раскатом грома.

Лоргар стоял как вкопанный. Он дрожал, хотя его воины не могли понять причины этой дрожи, и по его татуированной щеке из одного уха медленно вытекала струйка крови.

— Я слушаю тебя, отец.

Седьмой капитан с трудом поднялся на ноги, покачнулся, но выпрямился, не дожидаясь, пока активируются стабилизаторы доспехов. Он был одним из первых Несущих Слово, кто смог встать. Остальные, еще дрожа, оставались на четвереньках, а то и бились в конвульсиях, загребая пыль руками и ногами.

Аргел Тал помог подняться Ксафену, услышав в благодарность его невнятный стон.

Несущие Слово, слушайте меня внимательно. Вы единственные из

моих легионов, кто потерпел неудачу. У вас больше воинов, чем у всех остальных, за исключением Тринадцатого легиона. Но ваш поход идет слишком медленно, а ваши победы неполноценны.

Подобные грому слова, произносимые человеком, окутанным ослепительным сиянием психического сияния, причиняли непереносимую боль.

После завоевания вы на долгие годы остаетесь в приведенных к Согласию мирах и насаждаете среди населения религию, множите культы, основанные на наивных и фальшивых убеждениях, возводите лживые монументы. Все ваши достижения в Великом Крестовом Походе ничего не стоят. Другие одерживают победы и способствуют процветанию Империума, и лишь вы меня подвели.

Лоргар отступил на шаг назад и только теперь поднял руки, загораживаясь от невыносимо яркого света.

Ведите войну, для которой вы были созданы. Несите службу

Империуму, для которой вы рождены. Усвойте сегодняшний урок. Вы преклонили колени в конце ложного пути. Пусть этот день станет днем перерождения вашего легиона.

Примарх тихо выдохнул: «Отец...» — но его возглас унесся в пустоту. Еще один хлопок телепорта возвестил о возвращении Императора на флагман.

Ультрамарины остались на своих местах и в полном молчании наблюдали за коленопреклоненными Несущими Слово. Кустодес замерли рядом с Жиллиманом, и примарх что-то обсуждал с их командиром, чей шлем был увенчан плюмажем того же цвета, что и плащ.

Аргел Тал увидел, что Кор Фаэрон с большим трудом поднимается на ноги, несмотря на помощь гудящих сервоприводов терминаторского доспеха. Но ни Аргел Тал, ни Ксафен не стали ему помогать. Они оба бросились к своему примарху.

В то время как Несущие Слово постепенно поднимались с земли, Лорган все же упал на колени.

Сверкающий золотом сын Императора оглядывал окрестности с отсутствующим видом, словно не узнавал это место и не понимал, как он здесь оказался. Помертвевшие глаза, слишком безучастные, чтобы плакать, взирали на опозоренный легион и пепел города, который должен был стать его уроком.

Аргел Тал первым приблизился к нему. Инстинкт подсказал ему снять шлем, и он отстегнул зажимы на вороте, чтобы предстать перед примархом с открытым лицом.

— Аврелиан, — негромко окликнул он.

Аргел Тал впервые вдохнул воздух Монархии, не очищенный милосердными фильтрами. Пахло сожженной нефтью. Недавние слова Ксафена ужалили его своей правотой: это был запах проигранной войны.

Аргел Тал не осмелился дотронуться до Лоргара, протянутая рука застыла рядом с плечом примарха, и губы снова прошептали имя отца.

Лоргар повернул голову, но в его взгляде не было и тени узнавания.

— Аврелиан, — снова окликнул его Седьмой капитан. Неподалеку по-прежнему маячили фигуры Жиллимана и Кустодес. — Мой лорд, надо идти, пора вернуться на корабли.

Его рука наконец легла на закрытое броней плечо примарха, где еще недавно был прикреплен свиток пергамента. Лорган, не обращая внимания на прикосновение, вдруг запрокинул голову и закричал. Капитан сжал золотой наплечник, изо всех сил стараясь успокоить полубога.

Лорган продолжал кричать в равнодушное небо, и его оглушительный вопль длился куда дольше, чем могли бы позволить легкие смертного человека.

А когда крик отчаяния все же затих, примарх набрал пригоршни пепла и дрожащими пальцами размазал по лицу прах.

Раздался негромкий, но настойчивый голос Ксафена:

— Ультрамарины наблюдают за нами. Надо увести его в безопасное место.

По пепельной маске Лоргара

протянулись неровные дорожки. Двое воинов объединили свои силы в попытке поднять золотого гиганта на ноги. К их удивлению, он оказался не таким слабым, как можно было ожидать. Лоргар сплюнул на сожженную землю и с их помощью поднялся во весь рост. Оба Астартес заметили, что его конечности еще дрожат, но никто из них не проронил ни слова об этом.

— Жиллиман.

Примарх с нескрываемой злостью произнес имя своего брата. Одно движение плеч отбросило в стороны Аргел Тала и Ксафена.

Взгляд Лоргара снова наполнился смыслом. Его взгляд был прикован к Жиллиману — настолько же бесстрастному, насколько возбужденным был сам Лоргар.

— Ты доволен? — усмехнулся повелитель Несущих Слово. — Ты рад видеть мой позор?

Жиллиман не отвечал, но Лоргар не собирался отступать.

— Тебе это нравится? — настаивал

он. — Тебе нравится смотреть, как все мои труды растерты в пыль, когда все похвалы отца достаются тебе?

Жиллиман медленно вздохнул, но остался таким же невозмутимым. Он заговорил так, словно не слышал вопросов Лоргара:

— Наш отец поручил мне передать тебе еще кое-что.

— Так говори и убирайся отсюда.

Лоргар нагнулся и поднял с земли свой крозиус. С шипов потекли струйки пепла.

— Здесь стоят пять воинов Легио Кустодес. — Примарх Ультрамаринов кивнул в сторону телохранителей Императора. — Еще пятнадцать находятся на моем флагмане. Отец приказал им сопровождать тебя, брат.

От этого финального оскорбления Аргел Тал даже зажмурился. После стояния на коленях в пепле, после слов Императора о тщетности всех их достижений... Еще и это.

Лоргар презрительно расхохотался:

— Я отказываюсь. Они мне не нужны.

— Наш отец считает иначе, —

возразил Жиллиман. — Эти воины станут его глазами в твоем легионе, когда вы вернетесь к Великому Крестовому Походу.

— А к тебе наш отец не засылает лазутчиков? Или они уже обосновались в твоем драгоценном Ультрамаре и докладывают ему о каждом твоем шаге? Я вижу на твоих губах улыбку. Никто другой не знает тебя так хорошо, как я, брат. Твои сыны могут не заметить удовлетворения в твоем взгляде, но я не слепой.

— Ты всегда отличался богатым воображением. И сегодня это доказал.

— В моей набожности моя сила. — Лорган стиснул безупречно ровные зубы. — А у тебя нет ни сердца, ни души. — Ангельские черты исказила презрительная ухмылка. — Я молюсь, чтобы тебе когда-нибудь довелось испытать то же, что чувствую сейчас я. Как ты будешь улыбаться, если один из миров Ультрамара погибнет в пламени? Тарентус? Эспандор? Калт?

— Тебе пора возвращаться к своей флотилии, брат. — Жиллиман развел скрещенные на груди руки, открыв золотую

аквилу, украшавшую его нагрудник. Распростертые крылья орла сверкнули, отражая свет солнца. — Тебе многое предстоит сделать.

Удара никто не увидел. Но воздух зазвенел от удара металла о металл, подобного звону огромного соборного колокола. Это было почти великолепно.

Примарх лежал в пыли, окруженный своими воинами. Никому из присутствующих еще не доводилось видеть ничего подобного. Аргел Тал мгновенно поднял свой болтер и нацелился в Ультрамаринов, которые, со своей стороны, в точности повторили его движение. Сотня стволов обратилась против ста тысяч. Седьмой капитан смог заговорить только после третьей попытки.

— Не стрелять, — приказал он по общему вокс-каналу. — Не стрелять раньше, чем они откроют огонь.

Лоргар положил свою огромную палицу-крозиус на золотое плечо. Оскалившись, он обернулся к поверженному повелителю Макрагге, и в его взгляде

мелькнуло непонятное выражение.

— Ты больше никогда не посмеешь надо мной насмехаться, брат. Это понятно?

Движения поднимавшегося Жиллимана казались неуверенными. Золотой орел на его броне раскололся, и символ перечеркнула глубокая трещина.

— Ты зашел слишком далеко, — раздался негромкий голос. Малькадор, Высший лорд Терры, все так же сжимал свой жезл. Только с его помощью он и мог оставаться на ногах. — Ты зашел слишком далеко.

— Помалкивай, червяк. В следующий раз, когда ты истощишь мое терпение, ты не отделаешься простым шлепком.

Жиллиман уже встал на ноги и повернул бесстрастное лицо к брату.

— Ты уже выплеснул свое недовольство, Лоргар? Мне пора возвращаться к Великому Крестовому Походу.

— Идем, сын мой. — Мертвенно-бледное лицо Кор Фаэрона было обращено к Жиллиману, хотя его слова

предназначались Лоргару. — Идем. Нам еще многое предстоит обсудить.

Лоргар резко выдохнул и кивнул. Его гнев угас и больше не защищал от стыда.

— Да. Возвращаемся на корабли.

— Всем ротам, — отрывисто бросил Кор Фаэрон в общий канал вокса. — Возвращаемся на орбиту.

— Слушаюсь, Первый капеллан, — вместе с остальными ответил Аргел Тал. — Как прикажешь.

«Громовой ястреб» Аргел Тала стоял в тени полуразрушенной стены. Этот почерневший от сажи обломок здания был едва ли не единственным в пепельной пустыне. Последняя память о сооружении, которое никогда не будет отстроено заново. Капитан направился к руинам в сопровождении Ксафена и младших командиров — братьев-сержантов Малнора и Торгала. Отделения грузились на свои корабли в подавленном молчании.

— Не будет никакого восстановления, — сказал Торгал. — Город превратился в могилу. Здесь не осталось ничего, что

можно было бы перестраивать.

— Во многих исторических хрониках, — произнес Ксафен, — говорится о том, что даже в наиболее развитых из примитивных цивилизаций доимперской Терры после разрушения вражеского города его землю было принято посыпать солью. Чтобы на ней ничего не могло расти в течение нескольких поколений. И жителям побежденных селений ничего не оставалось, как искать для жизни другие места, а не восстанавливать пепелище.

— Очень интересно, — пробормотал Малнор.

— Помолчи, — одернул его Торгал. — Продолжай, пожалуйста, капеллан.

— Я уверен, что никто из вас не слеп настолько, чтобы не отметить отголосков тех древних традиций. Сколько орбитальных бомбардировок произвели мы сами? Сколько раз сражались на развалинах обстрелянных с орбиты городов? Это не просто разрушение. Это искоренение. Ультрамарины сделали то, что и собирались сделать. Они стерли с лица планеты все сколько-нибудь

значительные следы цивилизации Кхура. Это урок для нас и для людей тоже.

Аргел Тал подвел группу к открытому люку грузового отсека «Громового ястреба», и керамитовые подошвы загрохотали по трапу.

— Я целился в воина Тринадцатого легиона, — наконец заговорил он. — Целился ему в шею. — Он постучал пальцем по гибкому многослойному участку своих доспехов, где проходила связка кабелей. — Если бы я нажал на курок, он был бы мертв.

— Ты не нажал на курок, — сказал Торгал. — И никто из нас не нажал.

Аргел Тал кивнул проходящему мимо них отделению Седьмой роты и нажал рычаг герметизации, который привел в действие поршни трапа. Гидравлическая система с механическим скрежетом стала медленно поднимать сходни.

— Да, не нажал, — сказал капитан. — Но хотел нажать. После того, что они сделали с нашим городом. После того, как они смотрели на нас, стоящих на коленях под тяжестью ложных обвинений. Я очень

хотел выстрелить и почти сделал это. Отдавая приказ, я в душе надеялся, что кто-то из вас его нарушит.

Малнор не шелохнулся. Ксафен промолчал. Через несколько секунд Торгал нерешительно окликнул капитана:

— Сэр?

Аргел Тал смотрел в сужающуюся щель между трапом и корпусом корабля. Внезапно, не говоря ни слова, он стукнул кулаком по контрольной панели, прервав герметизацию. Трап, подрагивая, снова стал опускаться, и капитан побежал вниз, не дожидаясь, пока он остановится.

— Сэр? — снова окликнул его Торгал.

— Я что-то увидел. Какое-то движение вдали, на краю северного кратера.

Его визор загудел, приближая неровный горизонт. Ничего. Меньше, чем ничего.

— Только пыль и мертвые скалы, — сказал Малнор.

— Я скоро вернусь. — Аргел Тал был уже в самом конце трапа.

Он не потянулся ни за болтером, ни

за парными печами, закрепленными на спине.

— Капитан! — крикнул ему вслед Ксафен. — Нам приказано возвращаться на орбиту. Стоит ли из-за этого задерживаться?

— Стоит. Там есть кто-то живой.

По неровной земле, пошатываясь, ковыляла женщина. Зацепившись ногой за обломок скалы, женщина без звука повалилась вперед и тяжело ударилась о землю. Некоторое время она так и оставалась распростертой в пыли и пепле, тяжело и неровно дышала и, вероятно, собиралась с силами, чтобы подняться.

Судя по кровоточащим ссадинам на ее руках и коленях, она проделывала одно и то же не один раз и уже не один день.

Ее ярко-красное платье испачкалось и истрепалось, хотя было заметно, что оно и раньше не отличалось роскошью. Аргел Тал издали смотрел, как прихрамывающая фигура продолжает свой мучительный путь по разоренной земле. Казалось, что она не придерживается

какого-то определенного направления, часто поворачивает назад и останавливается передохнуть после каждого падения.

Астартес подошел ближе. Голова незнакомки моментально дернулась вверх.

— Кто здесь?! — воскликнула она.

Шлем Аргел Тала превратил его голос в раздраженное механическое рычание.

— В самом деле, кто?

Капитан выставил закованные в перчатки руки ладонями наружу — так обитатели Кхура выражали свои добрые намерения. Молодая женщина смотрела в его сторону... но не на него. Ее взгляд как-то неопределенно блуждал.

— Ты один из них.

Женщина отпрянула, оступилась и опять упала в пыль. Она оказалась моложе, чем Аргел Тал определил с первого взгляда, впрочем, он не слишком полагался на свое суждение в отношении возраста смертных. Восемнадцать. Может быть, меньше. Но никак не больше.

— Я Аргел Тал, капитан Седьмой

штурмовой роты братства Зубчатого Солнца Семнадцатого легиона Астартес.

— Семнадцатого. Так ты... Ты не ложный ангел?

— Я был в этом мире шесть десятков лет тому назад и тогда не был ложным, как и теперь.

— Ты не ложный ангел, — повторила женщина.

Она не скрывала своего замешательства и по-прежнему не сводила глаз с Астартес, пока поднималась на дрожащих ногах. Аргел Тал сделал еще шаг вперед и протянул ей руку. Женщина не приняла помощь. Она, похоже, даже не заметила руки.

Дисплей шлема замерцал бегущими строчками первоначального анализа ее жизненных показателей, но Аргел Тал в них не нуждался. Состояние женщины можно было определить по выступающим костям на ее лице, пятнам омертвевшей кожи на теле и дрожи в конечностях, которую нельзя было приписать испугу.

— Тебе угрожает полное истощение, — сказал капитан. — И раны на руках и

ногах опасно гноятся.

Последнее было явным преуменьшением. Учитывая травмы ног ниже коленей, было удивительно, что она вообще способна ходить. Вполне вероятно, что единственным выходом могла стать ампутация.

— Какого цвета твои доспехи, ангел? — спросила девушка. — Ответь, утоляю тебя.

Несущий Слово отдернул протянутую руку.

— И ты слепа, — сказал воин. — Прости, что не заметил сразу.

— Я видела гибель города, — сказала девушка. — Я видела, как он горел в пламени, пролившемся со звезд. Небесный огонь лишил меня глаз в Судный День.

— Это называется ослепление вспышкой. Твоя сетчатка повреждена слишком ярким светом. Со временем зрение может вернуться.

Ангел Тал положил руку в перчатке на ее исхудавшее плечо, но девушка испуганно вскрикнула и отшатнулась. Она неловко попыталась отпрянуть, но рука

Астартес удержала ее, не дав упасть.

— Пожалуйста, не убивай меня.

— Я не собираюсь тебя убивать. Я отведу тебя в безопасное место. Шестьдесят лет назад мы спасли этот мир, кхурианка. Мы никогда не совершили бы ничего подобного. Как тебя зовут?

— Кирена. Но... Но какого же цвета твои доспехи, ангел? Ты мне так и не ответил.

Аргел Тал взглянул в ее невидящие глаза.

— Скажи, прошу тебя.

— Серые.

Женщина разразилась слезами и позволила проводить себя на борт катера Несущих Слово.

Глава 5
СТАРЫЕ ПУТИ ТОПЛИВО ДЛЯ ДУШИ НОВЫЕ ГЛАЗА

В силу воинствующего высокомерия, свойственного поистине невежественным людям, эта война была названа Последней.

Последняя война — война, которая положит конец всем войнам.

— Я все помню, — пробормотал Кор Фаэрон. — Я помню каждый день и каждую ночь в объятой пламенем войны Колхиде.

— Шесть лет. — Лоргар горько улыбался, не отрывая взгляда от траморного пола зала для медитаций. — Шесть долгих, долгих лет гражданской войны. Целый мир разрывался на части во имя веры.

Кор Фаэрон провел языком по заостренным резцам. Зал освещался только горящими свечами, и воздух загустел от удушливого запаха ладана.

— Но мы победили, — продолжал он.

Кор Фаэрон в сером одеянии правящей касты жрецов Колхиды сидел напротив примарха. Без терминаторских доспехов он выглядел точно таким, каким его всегда знал Лоргар: стареющим, несмотря на все ухищрения медицины, мужчиной, очень худым, но с горящим взглядом.

На самом Лоргаре не было никакой одежды, кроме набедренной повязки из простой ткани, оставлявшей обнаженным его мускулистый, но стройный андрогинный торс. Ритуальные клейма клинописью колхидских рун покрывали его спину, и самые старые уже побелели. Плечи после самобичевания были покрыты свежими рубцами от плети, образовавшими похожий на паутину рисунок.

Эреб, одетый в черное облачение капеллана легиона, сидел на полу вместе со своим примархом и командиром. Запах крови Лоргара затруднял дыхание. Примархи не получали ран в сражениях. Проливать кровь для них считалось святотатством.

— Да, — произнес Лоргар, почесывая

покрытый щетиной подбородок. — Мы победили. Мы победили и распространили свою веру по всему домашнему миру. — Прокушенным языком он увлажнил золотые губы. — И посмотрите, куда привел нас этот триумф. Прошло столетие, и в нашей власти остался только легион — единственный, не оправдавший надежд моего отца.

— Мой лорд, ты всегда учил нас...

— Говори, Эреб.

— Ты всегда учил говорить правду, даже если при этом дрожит голос.

Лоргар поднял голову, встретил серьезный взгляд капеллана, и его потрескавшиеся губы слегка шевельнулись в улыбке.

— И мы так и поступали, верно?

— Время для сомнений закончилось.

— Император — бог, — сказал Эреб. — Мы понесли эту истину к звездам и сеяли ее по всему Империуму. Нам нечего стыдиться своих действий. Ты не должен испытывать чувство стыда, мой лорд.

Примарх тыльной стороной кисти провел по лбу, стряхнув с лица часть пепла

и открыв золотистую кожу. После того как почти неделю назад они покинули Кхур, Лоргар каждый день покрывал свое лицо пеплом Монархии. Его подведенные сурьмой глаза еще больше потемнели от усталости и щурились от стыда. Но этот жест в глазах его воинов стал единственной попыткой очиститься после унижения перед Императором.

— Все началось на Колхиде, — сказал он. — И с того самого момента мы пребывали в заблуждении. Мои видения о прибытии Императора. Битвы Последней войны. Все началось с убеждения, что божественность достойна преклонения только в силу своей божественности. — Он невесело усмехнулся. — Даже теперь я не могу без боли в сердце вспоминать о той вере, которую мы разрушили ради своих убеждений.

— Мой лорд, — Эреб наклонился вперед, пристально глядя в глаза примарха, — мы стоим на грани краха. Легион... его вера расшатана. Капелланы проявляют стойкость, но их осаждают воины, одержимые сомнениями. И после

того, как ты удалился от нас, лишившись путеводного света, носители крозиуса не в силах ответить тем, кто носит серую броню.

Лоргар моргнул, с его ресниц на колени упали хлопья пепла.

— Я не в силах помочь капелланам найти ответы на вопросы, — признался он.

— Возможно, это так, — согласился Эреб. — Но ты слишком глубоко погружен в скорбь. «Ищи вдохновение в прошлом. Используй его для создания будущего. Не поддавайся стыду».

Лоргар фыркнул, но без злобы.

— Эреб, ты цитируешь мои же труды?

— В них содержится истина, — сказал капеллан.

— Ты слишком погружен в размышления о Колхиде.

В глазах Кор Фаэрона сверкнуло пламя отраженных свечей. Эреб почему-то испытал внезапный приступ страха. В глазах пожилого воина сверкал неутолимый голод, пожиравший его изнутри. Абсолютно чуждый благородству.

— Сын мой, если ты хочешь о чем-то поговорить... — Тонкая рука Кор Фаэрона опустилась на золотое, истерзанное плетью плечо Лоргара. — Выскажись.

Примарх взглянул на своего старинного союзника, на его мертвенно-бледное и всегда мрачное лицо. Но в глубине его глаз, куда мог заглянуть далеко не каждый, он видел доброту и заботу.

Отеческую любовь к оскорбленному сыну.

Впервые за три дня Лоргар искренне улыбнулся и положил свою татуированную руку поверх таких по-человечески слабых пальцев приемного отца.

— Ты помнишь день прибытия Императора? Помнишь, как ликовали наши сердца от сознания собственной правоты? Помнишь это неопровержимое оправдание после шести лет праведной войны?

— Я все помню, — кивнул старик.

Юноша с золотой кожей преклоняет колено, и на его лице священным елеем

сверкают серебристые капельки слез.

— Я знал, что ты придешь, — шепчет он, едва сдерживая рыдания. — Я знал, что ты придешь.

Бог в Золоте протягивает коленопреклоненному юноше закованную в броню руку.

— Я Император, — говорит он с улыбкой.

Безграничное милосердие разбивается вокруг него ослепительным сиянием, причиняя боль глазам свидетелей этого события. На улицы высыпали тысячи людей. Сотни жрецов в сизо-серых одеяниях экклезиархов Завета вместе с Лоргаром встали на колени перед Богом-Императором.

— Я знаю, кто ты, — говорит золотой примарх, роняя слезы восторга. — Я мечтал о тебе много лет и предвидел этот миг. Отец, Император, мой повелитель... Мы — Завет Колхиды, и мы покорили этот мир, поклоняясь тебе, во имя тебя.

Лоргар поворачивается и

встречается взглядом с Кор Фаэроном.

— То утро. Когда я опустился на колени перед Императором под пение всех жрецов моего домашнего мира... Когда рассвет залил янтарем красные купола Варадеша... Видел ли ты все так же, как и я?

Кор Фаэрон отвел взгляд:

— Лоргар, тебе не понравится мой ответ.

— Мне многое не нравится в последнее время, но все же я хочу знать. — Лоргар неожиданно мягко рассмеялся. — Говори правду, даже если твой голос дрожит.

— Я видел бога в золотых доспехах, — сказал Кор Фаэрон. — Он был очень похож на тебя, хотя и старше, но, в чем это выражалось, я не мог понять. Я никогда не замечал в нем особого великодушия. Его психическая сущность резала глаза, и от него исходил запах кровопролития, владычества и многих миров, обращенных им в пепел. Уже тогда я опасался, что мы напрасно вели войну на протяжении шести лет, что напрасно искореняли истинную

веру, чтобы заменить ее ложной. В его глазах — так похожих на твои — я видел бесконечную алчность и жажду наживы. Но все остальные не видели в нем ничего, кроме надежды. Даже ты... И тогда я подумал, что, вероятно, ошибаюсь. Я доверял твоему сердцу, Лорган. Не своему.

Лорган кивнул и опять отвел в сторону задумчивый взгляд. Эреб не решался заговорить: не так часто Несущим Слово выпадала возможность услышать о жизни примарха до легиона.

— Из всех сынов Императора ты больше всех похож на своего отца лицом и фигурой. Но ты никогда не мог с улыбкой на устах совершать жестокие поступки. Другие — твои братья — на это способны. В этом отношении они больше похожи на Императора, чем ты.

Лорган опустил голову.

— Даже Магнус? — спросил он.

Рядом с Императором стоит гигант; он облачен в цвета неземных океанов. Один глаз смотрит вниз на коленопреклоненную фигуру. Второго

глаза нет, вместо него впадина зарубцевавшегося шрама.

— Приветствую, Лорган, — говорит мускулистый гигант. Он превосходит ростом даже Бога в Золоте, а его длинные волосы образуют пышную красную гриву, как у вожака львиного прайда. — Я Магнус. Твой брат.

— Даже Магнус. — Кор Фаэрон признал это с явной неохотой, и его лицо осталось напряженным. — Я отношусь к нему с глубоким уважением, но его сущность пронизана жестокостью, порожденной отсутствием терпения. Я прочел это в его лице в тот день и видел каждый раз при последующих встречах.

Лорган посмотрел на свои испачканные пеплом руки с ободками засохшей крови под ногтями.

— Мы все сыновья своего отца, — промолвил он.

— Вы все воплощаете в себе отдельные грани Императора, — уточнил Кор Фаэрон. — Вместе с генами прародителя вы унаследовали и черты его

характера. Лев олицетворяет рациональность вашего отца, его аналитический ум, не отягощенный совестью. Магнус — его психический потенциал и пытливый ум, не обузданный терпением. Русс — его ярость, лишенную логики. И даже Хорус...

— Продолжай, — сказал Лорган, подняв голову. — Что ты скажешь о Хорусе?

— Амбиции Императора, не ограниченные скромностью. Вспомни все те миры, где мы сражались рядом с Лунными Волками. Ты все видел так же хорошо, как и я. Хорус скрывает свое высокомерие, но оно остается внутри него и пеленой окутывает душу. Гордость пульсирует в его теле, словно кровь.

— А Жиллиман?

Лорган снова опустил руки на колени, на его лице проявилась легкая улыбка.

— Жиллиман. — Тонкие губы Кор Фаэрона, в противовес реакции примарха, неприязненно скривились. — Жиллиман представляет собой эхо своего отца, его сердце и душу. Если что-то случится, он унаследует Империум. Хорус — ярчайшая

звезда, ты повторяешь его внешне, но душу и сердце Императора получил Жиллиман.

Лоргар кивнул, но продолжал улыбаться, видя такую озлобленность своего советника.

— Моего братца с Макрагге легко читать, словно открытую книгу, — сказал он. — А что ты скажешь обо мне, Кор Фаэрон? Я наверняка не только внешне похож на своего отца. Какую грань личности Императора унаследовал я?

— Мой лорд, — вмешался Эреб, — позволь мне?

Лоргар в знак согласия наклонил голову.

— В тебе воплотилась надежда Императора. Ты олицетворяешь его веру в лучшую жизнь и желание возвысить человечество. Ты посвятил себя достижению этих целей, добросовестно и самозабвенно сражаясь ради всеобщего блага.

В глазах примарха, так похожих на глаза Императора, блеснуло веселое изумление.

— Поэтично, но слишком возвышенно,

Эреб. А как насчет моих недостатков? Если я не настолько высокомерен, как Хорус Луперкаль, и не так нетерпелив, как Магнус Красный... Что скажет история о Лоргаре Аврелиане?

Эреб вдруг утратил невозмутимость. На его лице мелькнула тень сомнения, и он оглянулся на Кор фаэрона. Это вызвало у примарха негромкий смех.

— Да вы сговорились! — воскликнул он. — Но не бойся моего гнева. Эта игра мне нравится. Она меня просвещает. Давай попробуй просветить меня еще раз.

— Господин, — заговорил Кор фаэрон, но Лоргар заставил его замолчать, коснувшись руки приемного отца, лежащей на его плече.

— Нет. Ты прекрасно знаешь, Кор, что для тебя я не господин. И никогда им не был.

— История скажет, что у Семнадцатого примарха имелась одна слабость — это его вера в других. Его бескорыстная преданность и нерушимая верность не раз причиняли ему страдания,

которых не вынес бы ни один смертный. Он верил слишком легко и безоглядно.

Несколько мгновений Лорган молчал, не соглашаясь, но и не возражая. Его плечи поднимались и опускались в такт тихому дыханию, ссадины от плети жгло от пота, выступившего по всему телу. Свежие ожоги на спине уже начали чесаться.

Наконец он заговорил, прищурившись:

— Мой отец во мне ошибся. Я не генерал, как мои братья. И я не приемлю эту судьбу. Я не намерен вслепую шагать по уже пройденной или дороге. Я никогда не смогу разбираться в тактике и стратегии с той же легкостью, как Жиллиман или Лев. И никогда не овладею искусством фехтования, как Фулгрим или Хан. Разве я унизил себя, признав свои недостатки? Мне кажется, что нет.

Он снова опустил взгляд на свои руки. Кисти с тонкими пальцами, почти без мозолей, вполне могли принадлежать художнику или поэту. Его палица — крозиус арканум из вороненого железа — была не столько оружием, сколько символом его власти.

— Неужели я не прав? — обратился он к своим ближайшим советникам. — Неужели нельзя следовать путем провидца и искателя, а не оставаться простым солдатом? Что заставляет отца постоянно искать кровопролитий? Почему на каждый заданный ему вопрос он отвечает лишь разрушениями?

Кор Фаэрон крепче сжал плечо Лоргара:

— Это потому, сын мой, что он не безупречен. Он несовершенный бог.

В сумраке зала взгляд примарха встретился со взглядом его приемного отца — пронзительным и холодным.

— Не произноси тех слов, которые ты собираешься сказать.

— Лоргар... — попытался настаивать Кор Фаэрон, но взгляд примарха заставил его умолкнуть.

В его глазах сверкала не ярость, а только мольба.

— Не говори этого, — попросил Лоргар. — Не говори, что много лет назад мы разрывали наш домашний мир на части ради ложной веры. Я этого не

перенесу. Одно дело, когда Император плюет на все достижения легиона, но это совсем другое. Сможешь ли ты осквернить Завет и мирную Колхиду, построенную нами после шести лет гражданской войны? Сможешь ли назвать моего отца ложным божеством?

— Говори правду, — произнес Эреб, — даже если твой голос дрожит.

Лоргар уронил голову в испачканные пеплом руки. В тот же момент его советники переглянулись. Кор Фаэрон кивнул Эребу, и Первый капитан заговорил снова:

— Лоргар, ты же знаешь, что это правда. Я бы никогда не осмелился тебе солгать. Нам придется это признать. И искупить этот грех.

— Капелланы не отступятся от тебя, мой лорд, — поддержал Кор Фаэрона Эреб. — Сердце каждого воина-жреца нашего легиона бьется в унисон с твоим сердцем. Мы готовы действовать по одному твоему слову.

Лоргар пожатием плеч отмахнулся от их доводов, а заодно стряхнул и руку

своего приемного отца. От резкого движения рубцы на заживающих ранах полопались, и по золотой спине побежали струйки темной крови.

— Вы говорите, что вся моя жизнь была основана на лжи.

— Я говорю, что мы заблуждались, сын мой. Вот и все.

Кор Фаэрон погрузил руку в чашу с пеплом, стоящую рядом с Лоргаром. Прах Монархии просыпался сквозь согнутые пальцы, в воздухе запахло сожженным камнем и поражением.

— Мы молились ложному богу по праведным причинам, и Монархия заплатила за нашу ошибку. Но никогда не поздно искупить свои грехи. Мы очистили домашний мир от Старой Веры, и теперь тебе стало страшно, как и всем нам. Колхида процветала, следуя Старым Путям и легендам, пока мы не уничтожили все это во имя лжи.

— Это ересь.

Лоргар дрожал всем телом, едва сдерживая эмоции.

— Это искупление, сын мой. — Кор

Фаэрон покачал головой. — Наше заблуждение было слишком долгим. Но теперь необходимо вырвать корни наших ошибок. И начинать надо с Колхиды.

— Хватит! — Пепел на щеках Лоргара пересекли дорожки слез. — Вы оба... оставьте меня.

Эреб поднялся, чтобы выполнить приказ, а Кор Фаэрон опять положил руку на плечо примарха.

— Сын мой, ты меня разочаровываешь. Твоя гордыня настолько сильна, что мешает тебе признать свои ошибки и исправить их.

Лоргар стиснул идеально ровные зубы, на губах блеснула слюна.

— Ты предлагаешь вернуться на Колхиду, в колыбель нашего легиона, и извиниться за два миллиона смертей, за шесть лет войны, за то, что мы целое столетие заставляли домашний мир поклоняться ложному богу?

— Да, — ответил Кор Фаэрон. — Потому что признак истинного величия — это способность искупить свои ошибки. Мы перекуем Колхиду, так же как и

каждый мир, завоеванный за время Великого Крестового Похода.

— И каждый мир, который покорит в будущем, — добавил Эреб, — должен следовать новой вере, а не поклоняться Императору.

— Нет никакой новой веры! Вы оба несете чушь! Вы считаете, что легион, преклонивший колени в пепле, меня опозорил? Монархия ничего не значит по сравнению с ложью, осквернившей мой домашний мир.

— Истина не принимает в расчет наших желаний, мой лорд, — сказал Эреб. — Она просто есть.

— Ты же изучал Старую Веру, — продолжил Кор Фаэрон. — И ты следовал ей, будучи молодым искателем, пока не появились видения об Императоре. Тебе известен способ выяснить, была ли она ложной или истинной.

Лоргар стахнул с лица слезы.

— Ты хочешь, чтобы мы искали миф среди звезд. — Его взгляд, яркий и сосредоточенный, метался от одного собеседника к другому. — А теперь давайте

будем откровенны, как никогда. Вы хотите, чтобы мы отправились в идиотскую одиссею через всю Галактику в поисках тех самых богов, существование которых мы отрицали не одно десятилетие? — Лоргар громко и презрительно расхохотался. — Я прав, не так ли? Вы хотите организовать паломничество.

— Мы ничто, если нет веры, — заметил Эреб.

— Человечество, — Кор Фаэрон молитвенно сложил перед собой ладони, — должно во что-то верить. Ничто так не объединяет людей, как общая религия. Никакие конфликты по своей ярости не могут сравниться со священными войнами. Ни один воин не убивает с убежденностью крестоносца. Ничто не порождает таких уз и амбиций, как связи и мечты, рожденные из веры. Религия дает надежду, объединяет, заключает в себе законы и определяет стремления. Вера не что иное, как опора для любых разумных наций, возвышающая их над животными, автоматонами и ксеносами.

Эреб плавным движением обнажил свой гладиус[1] и, развернув рукоятью вперед, протянул его Лоргару.

— Мой лорд, если ты и впрямь отказываешься от своих верований, возьми этот меч и закончи мою жизнь. Если ты уверен, что в старых обычаях нет истины, если ты уверен, что человечество может процветать без веры, вырежи из моей груди оба сердца. Я не хочу жить, если все принципы, которые вели наш легион, будут растоптаны твоими ногами.

Лоргар принял меч дрожащей рукой. Повертев его из стороны в сторону, он посмотрел на отражение огня свечи на поверхности клинка — золото в серебристой стали.

— Эреб, — заговорил он, — мой мудрейший и благороднейший сын. Моя вера ранена, но мои убеждения остаются. Поднимись с коленей. Все хорошо.

Капеллан, сохраняя привычную невозмутимость, повиновался и занял свое прежнее место напротив Лоргара.

— Вера необходима человечеству, —

сказал примарх. — Но вера должна быть истинной, иначе она приводит к разрушению — как, к несчастью, доказали наши собратья из Тринадцатого легиона. И... и как мы сами убедились за шесть лет безрассудной войны до пришествия Императора на Колхиду. Пора учиться на наших собственных ошибках. Мне пора учиться на моих ошибках.

— Есть еще кое-кто, к кому ты можешь обратиться, — продолжал Кор Фаэрон, стараясь поддержать растущую решительность примарха. — Это твой брат, с которым вы обсуждали природу Вселенной. Ты часто рассказывал о тех вечерах, когда вы во дворце Императора обсуждали вопросы философии и веры. Ты ведь знаешь, о ком я говорю.

Эреб кивнул, соглашаясь с Первым капитаном.

— Мой лорд, у него могут найтись веские доказательства. Если в Старой Вере содержится истина, он мог бы подсказать, откуда начинать странствие.

— Магнус. — Лоргар задумчиво произнес имя брата.

Это предложение имело смысл. Психические способности и неукротимый разум его брата могли посрамить кого угодно. Они часто беседовали в Зале Лэнга — в этом холодном и величественном кабинете на далекой Терре они спорили о природе Вселенной, демонстрируя друг другу свитки с доказательствами.

— Ладно. Я встречусь с Магнусом.

Кор Фаэрон наконец-то улыбнулся. Эреб склонил голову, а Лоргар продолжал:

— И если наши подозрения оправдаются, мы отправимся в паломничество. Необходимо узнать, правы ли были наши колхидские предки, когда создавали свою веру. Но следует соблюдать осторожность. Вокруг нас кружат целые стаи ищеек. А мой отец, при всей своей мудрости, оказался слеп к сокровенным тайнам Вселенной.

Кор Фаэрон, повторяя жест Эреба, тоже поклонился.

— Лоргар, сын мой. Это и будет нашим искуплением. Мы сможем донести свет этих истин до всего человечества и стыть позор прошлого. Должен

признаться, я... опасался этого момента.

Лоргар облизнул потрескавшиеся, пахнущие пеплом губы.

— Если так, то почему ты медлил поделиться своими опасениями? Каждый крепок задним умом, но ни ты, ни я не могли предусмотреть того, что произошло.

В глазах Кор Фаэрона блеснул огонь. Старик подался вперед, словно его ноздри уловили запах преследуемой дичи.

— Я должен кое в чем признаться, мой лорд, — произнес он. — Время пришло, и тебе следует узнать об этом.

Лоргар с угрожающей медлительностью повернулся к приемному отцу.

— Мне не нравится твой тон, — процедил он.

— Мой повелитель, мой примарх, я не солгал, когда говорил, что опасаюсь прихода этого дня. Я готовился к нему и предпринял необходимые меры...

Слова затерли в горле, перехваченном могучей рукой его повелителя. Лоргар почти без усилий сжал тонкую, слабую

шею старика и лишил возможности дышать и говорить. Эреб заметно напрягся и тревожно переводил взгляд с одной фигуры на другую.

Лоргар подтащил Кор Фаэрона ближе. Он медленно и глубоко дышал, словно издеваясь над судорожными попытками старика схватить глоток воздуха.

— Довольно признаний, Кор Фаэрон. Мы и так признали достаточно грехов за этот вечер.

Он немного ослабил хватку, дав возможность Кор Фаэрону прохрипеть несколько слов.

— Давин, семнадцать лет назад, — зашептал старик. — Коросса, двадцать девять лет назад. Увандер, восемь лет назад...

— Это же приведенные к Согласию миры, — прошипел Лоргар в лицо приемному отцу. — Миры, где ты лично оставался, чтобы начать процесс внедрения Имперского Кредо.

— Они в согласии с Имперским Кредо. Но угли их культур... не затушены.

— Какие угли? — Лоргар уже рычал.

— Верования... похожие... на Старую Веру... нашего домашнего мира. Я не мог... уничтожить... потенциальную истину.

— Неужели я не в состоянии контролировать своих воинов? — Лоргар порывисто вздохнул, и что-то негромко хрустнуло в шее Кор Фаэрона. — Или я, как мой брат Курц, вынужден управлять легионом лжецов и мошенников?

— Мой лорд... я... — Глаза Кор Фаэрона закатились, почерневший язык вывалился между тонких губ.

— Мой лорд, ты убьешь его, — осторожно вмешался Эреб.

Лоргар повернул голову в его сторону, но Эребу показалось, что примарх его даже не узнает.

— Да, — наконец заговорил Лоргар. — Да. Мог бы убить. — Он разжал пальцы, позволив Кор Фаэрону бесформенной грудой рухнуть на пол. — Но не стану этого делать.

— Мой лорд... — Старик хватал воздух посиневшими губами. — Эти культуры... позволят нам многое узнать...

Все они... отклики веры наших далеких предков. Я... не мясник, как и ты сам... Я хотел сберечь... знания человеческой расы.

— Поистине время откровений, — вздохнул примарх. — И я не настолько слеп, чтобы не понять причины твоих поступков, Кор Фаэрон. Жаль, что я не проявил такой же проницательности и милосердия.

Ему ответил Эреб:

— Мой лорд, ты сам задаешь себе этот вопрос. А вдруг в культурах, которые ты искореняем, содержится истина? Кор Фаэрон спас немногих, но Великий Крестовый Поход уничтожает их тысячами. Что, если мы снова и снова повторяем грех Колхиды?

— И почему, — Кор Фаэрон, потирая онемевшее горло, выдавил слабую улыбку, — во многих культурах проявляются отголоски веры нашего домашнего мира? Уверен, где-то здесь кроется истина...

Семнадцатый примарх кивнул, и это неторопливое движение было исполнено искреннего чувства. Еще до последнего откровения его разум, перебирая

бесконечное множество вероятностей, уже устремился в будущее. Таков был его генетический дар: оставаться мыслителем и мечтателем, когда его братья были воинами и убийцами.

— Мы больше ста лет молились перед ложным алтарем, — сказал Кор Фаэрон, вновь обретая голос.

Лоргар запустил руку в чашу, набрал еще горсть пепла и растер его по лицу.

— Да, — его голос зазвучал с прежней силой, — это так. Эреб?

— К твоим услугам, мой лорд.

— Передай капелланам мои слова, расскажи обо всем, что произошло за эти дни. Они заслуживают того, чтобы знать, что творится в сердце их примарха. А когда ты завтра вернешься на следующий совет, принеси пергамент и перо. Мне предстоит многое записать. Это займет дни. Недели. Но это должно быть записано, и я не нарушу уединения, пока все не исполню. А вы, вы оба поможете мне завершить великий труд.

— Какой труд, мой лорд?

Лоргар улыбнулся и в этот момент,

как никогда, стал похож на своего отца.

— Новое Слово.

Глава 6
СЕРВИТОР КЕЙЛ РАССЕЯНЫЙ ВОИН-ЖРЕЦ

Она поняла, как трудно спать, не имея возможности узнать, когда заканчивается день и начинается ночь. Окружающие ее звуки ни на мгновение не утихали; в комнате постоянно слышался гул, хотя порой он был совсем тихим — от работы удаленных двигателей. В постоянной темноте и шуме она коротала время, сидя на кровати, ничего не делая и ничего не слыша, кроме случайно раздававшегося за дверью голоса.

Слепота принесла с собой сотни трудностей, но самой страшной была скука. Раньше Кирена много читала, а ее профессия требовала частых перемещений и посещений общественных мест города. С утратой зрения оба эти занятия для нее почти полностью исключались.

В самые мрачные моменты она

размышляла о жестокой насмешке судьбы. Быть избранной Астартес, находиться среди ангелов Императора... Ходить по переходам их огромного железного военного корабля, вдыхать запахи пота и машинного масла... и ничего этого не видеть.

Да. Очень весело.

Первые часы на борту корабля дались ей нелегко, но они хотя бы оказались богатыми на события. Во время медицинского обследования в холодной до боли палате, с иглами, воткнутыми в ее руки и ноги, Кирена слышала, как один ангел говорил другому что-то насчет обесцвечивания пигмента сетчатки и влияния истощения на внутренние органы и мышцы. Она пыталась сосредоточиться на его словах, но мысли рассеивались, разум был не в силах осознать, что произошло и где она оказалась.

Два предыдущих месяца на поверхности планеты оказались для нее неимоверно тяжелыми. Шайки бродячих бандитов в предгорьях вокруг города не испытывали ни малейшего уважения к

священному одеянию шул и не проявляли привычного почтения.

— Нашему миру пришел конец, — со смехом сказал один из них. — Старые обычаи теперь ничего не стоят.

Кирена так и не увидела его, но в сновидениях перед ней мелькали жестокие насмехающиеся физиономии, одна из которых могла бы принадлежать ему.

Все время, пока продолжался осмотр, она не могла унять дрожь, как бы ни напрягала ослабевшие мускулы. На странствующем среди звезд корабле ангелов было так холодно, что зубы продолжали выбивать дробь, даже когда она говорила. Кирена была почти уверена, что изо рта у нее вылетают облачка пара.

— Ты все понимаешь? — спросил ее ангел.

— Да, — солгала она. — Понимаю. — И добавила: — Спасибо, ангел.

Вскоре пришли какие-то люди, чтобы ей помочь. От них пахло душистым ладаном, а голоса звучали приглушенно и заботливо.

Она не знала, как долго они шли. Может быть, пять минут, а может, и все тридцать — в окружающей ее темноте время казалось растянутым. В коридорах было довольно многолюдно. Время от времени она слышала механический лязг доспехов проходивших мимо ангелов. Но гораздо чаще рядом раздавался шелест одежды.

— Кто вы? — спросила она на ходу.

— Слуги, — ответил один из людей.

— Мы служим Несущим Слово, — сказал второй.

Они продолжали идти. Время шло, секунды отмерялись шагами, минуты — случайно услышанными голосами.

— Вот твоя комната, — сказал один из провожатых и повел вперед, прикладывая ее дрожащие пальцы к кровати, к стенам и контрольному пульту на двери.

Он терпеливо обошел с ней все помещение. Ее новую камеру.

— Спасибо, — поблагодарила она.

Комната оказалась небольшой и обставленной весьма скудно. Ей не хватало

уюта, но Кирену не тревожила перспектива остаться здесь в одиночестве. Это было своего рода благом.

— Поправляйся, — хором пожелали оба ее провожатых.

— А как вас зовут? — спросила она.

В ответ послышалось только шипение гидравлического привода закрывающейся двери.

Кирена села на кровать — матрац оказался тонким и жестким, как в тюремной камере, — и начался долгий, лишенный всяких событий процесс ничегонеделания.

Монотонность ее существования ежедневно нарушалась лишь приходом сервитора, который приносил ей пищу три раза в день, но отличался нежеланием или неспособностью вдаваться в подробности. Еда всегда была одной и той же: жидкая синтетическая кашица.

— Это отвратительно, — сказала она однажды с улыбкой. — Должна ли я полагать, что в пище содержится достаточное количество питательных и прочих полезных элементов?

— Да, — последовал ответ, произнесенный сухим бесцветным голосом.

— И ты тоже этим питаешься?

— Да.

— Я тебе сочувствую.

Молчание.

— Ты не очень-то разговорчив.

— Нет.

— Как тебя зовут? — сделала она последнюю попытку.

Молчание.

— А кем ты был? — спросила она.

Империум перестал охранять секреты создания сервиторов еще шестьдесят лет назад, и в Монархии они давно стали привычным явлением. Для предназначенной еретикам и преступникам участи употреблялся термин «искупление». Так или иначе, это означало, что мозг провинившегося лишали жизненной силы, а его тело дополняли бионическими устройствами, определявшими дальнейшую деятельность.

Ее вопрос остался без ответа.

— До того, как ты стал этим, — она постаралась, чтобы ее голос звучал как

можно дружелюбнее, — кем ты был?

— Нет.

— «Нет» означает, что ты не помнишь, или же «нет» — ты не желаешь говорить?

— Нет.

Кирена вздохнула:

— Ладно, иди. Встретимся завтра утром.

— Да, — ответил сервитор.

Послышалось шарканье ног, и дверь с шипением закрылась.

— Я буду звать тебя Кейл, — сказала она пустой комнате.

Дважды после ее появления на корабле Кирену навещал Ксафен, и Аргел Тал заходил три раза. Каждая встреча с капитаном проходила одинаково: неуклюжие попытки беседы, прерываемые неловкими паузами. Насколько понимала Кирена, флотилия легиона двигалась в направлении мира, который предстояло завоевать, но приказа начать штурм еще не поступило.

— Почему? — спросила она, радуясь

хотя бы этой ограниченной компании.

— Аврелиан до сих пор пребывает в уединении, — ответил Аргел Тал.

— Аврелиан?

— Это имя нашего примарха, редко используемое вне легиона. Это колхидское слово, из нашего домашнего мира.

— Странно, — заметила Кирена, — что у бога есть прозвище.

Аргел Тал на некоторое время погрузился в молчание.

— Примарх не бог. Порой сыновья богов, даже унаследовав все его силы, остаются полубогами. И это не прозвище. Это семейное обращение. Оно приблизительно переводится как «золотой».

— Ты сказал, он остается в уединении.

— Да. В своих покоях, на нашем флагмане «Фиделитас Лекс».

— Он скрывается от вас?

Она услышала, как Астартес напряженно сглотнул.

— Мне не совсем удобно это обсуждать, Кирена. Могу лишь сказать,

что ему многое надо обдумать. Осуждение Богом-Императором легло на наши души тяжким бременем. Примарх страдает, как страдаем и мы.

Перед тем как заговорить, Кирена долго и напряженно размышляла.

— Аргел Тал?

— Да, Кирена.

— Ты не выглядишь страдающим. И не похоже, чтобы ты был расстроен.

— Разве?

— Нет. Ты разозлен.

— Я понимаю.

— Ты зол на Императора за то, что он сделал?

— Мне пора идти, — сказал Аргел Тал. — Я получил вызов.

Астартес поднялся.

— Я не слышала никаких вызовов, — заметила молодая женщина. — Прости, если чем-то обидела тебя.

Аргел Тал, не говоря больше ни слова, покинул ее комнату. И после этого ее никто не навещал четыре дня.

Аргел Тал на мгновение оцепенел,

увидев обезглавленное тело. Он не собирался этого делать.

Тело сервитора упало на бок и осталось лежать на железном полу тренировочной камеры, подергиваясь в предсмертных конвульсиях. Но капитан проигнорировал содрогающийся труп и уставился на голову с полуоткрытым ртом, пролетевшую между прутьями клетки и ударившуюся о стену учебного зала. Она и сейчас смотрела на него мертвыми глазами, подрагивая отвисшей бронзовой челюстью.

— Разве это было необходимо? — спросил Торгал.

Сержант был по пояс обнажен, и его торс демонстрировал географию вздувшихся многослойных мышц, сформированных пластической тектоникой, определяемой его генетическим кодом. Соединенные между собой ребра, равно как и грубая мощь мускулатуры, лишали его большей части признаков принадлежности к человеческому роду. Если в выведенной в лаборатории физиологии Астартес и было

нечто привлекательное, эти черты у Торгала отсутствовали. Большую часть его темной кожи покрывали шрамы, ритуальные клейма, татуировки на колхидском языке и узкие полоски, оставленные за долгие годы попавшими в цель клинками.

Аргел Тал опустил свой тренировочный гладиус. Растекшаяся по всей поверхности алая жидкость влажным блеском отразила свет потолочных светильников.

— Я рассеян, — сказал он.

— Я это заметил, мой лорд. И тренировочный сервитор тоже.

— Уже две недели. Две недели ты болтаешься на орбите и ничего не предпринимаешь. Две недели продолжается уединение Аврелиана. Я не для этого создан, брат.

Аргел Тал ударил по кнопке механизма, раздвигающего полусферы тренировочной камеры, и вышел наружу. Сердито фыркнув, он бросил на пол окровавленный меч. Клинок скользнул по полу и остался лежать рядом с трупом

раба.

— Следующей была моя очередь, — пробормотал Торгал, глядя на обезглавленного сервитора.

Все шесть его бионических рук заканчивались лезвиями, но ни на одном не было и следов крови.

Аргел Тал вытер полотенцем пот с шеи и швырнул его на ближайшую скамью. Он почти не обратил внимания на вспомогательных сервиторов, которые поволокли тело убитого в камеру для сжигания.

— Я разговаривал с Киреной, — сказал он. — Несколько дней назад.

— Да, я слышал. Я и сам собираюсь с ней повидаться. Ты не заметил, что ее общество действует успокаивающе?

— Она видит слишком много.

— Какая ирония.

— Я говорю вполне серьезно, — настаивал капитан. — Она спросила, не злюсь ли я на Императора. И что я должен был на это ответить?

Взгляд Торгала охватил тренировочный зал Седьмой роты. Боевые

братья, пришедшие поупражняться, понимали, что настроение капитана оставляет желать лучшего, и потому предпочитали держаться от него на почтительном расстоянии. Деревянные шесты с треском ударяли друг о друга; кулачные бойцы награждали своих противников звучными ударами; силовые щиты приглушали звон сталкивающихся клинков. Затем Торгал снова повернулся к капитану:

— Ты мог бы сказать правду.

Аргел Тал покачал головой:

— Правда оставляет на языке противный привкус. Я не хочу ее произносить.

— Другие произнесут, брат.

— Другие? Такие, как ты?

Торгал пожал обнаженными плечами:

— Я не стыжусь своей злости, Аргел Тал. Мы были обмануты и шли ложной тропой.

Аргел Тал потянулся, расправляя затекшие плечи. Он воспользовался этим моментом, чтобы обдумать ответ. Торгал слыл болтуном, и капитан

понимал, что все сказанное им будет известно всей роте, а может, и всему братству Зубчатого Солнца.

— Здесь дело не только в том, ошибается Император или нет. Для нашего легиона вера всегда была главной опорой, и вдруг мы ее лишились. Злость естественна, но это не выход. Я дождусь, пока к нам не выйдет примарх, услышу его мудрые слова и только тогда определю свой путь.

Торгал не смог удержаться от улыбки:

— Послушай, что ты говоришь. Ты уверен, что не хочешь носить крозиус? Я думаю, Эреб не откажется вновь стать твоим наставником. Я не раз слышал, как он говорит Ксафену о своем сожалении.

— Ты коварный искуситель, брат.

Привлекательное лицо капитана отрачилось. Его глаза были синими, как летнее небо Колхиды, а лицо — не изуродованное шрамами, как у многих собратьев, — до сих пор хранило черты того человека, которым он мог бы стать.

— Корабль странствует уже давно, —

сказал капитан. — Я сделал свой выбор, а Первый капеллан сделал свой.

— Но...

— Довольно, Торгал. Старые раны тоже могут причинять боль. Нет ли известий о возвращении примарха?

Торгал пристально вгляделся в лицо Аргел Тала, словно отыскивая в его глазах какие-то тайны.

— Нет, я ничего об этом не знаю. А почему ты спрашиваешь?

— Ты и сам знаешь. Ты не слышал, о чем говорят на своих собраниях капелланы?

Торгал покачал головой.

— Они связаны обетами молчания, которые не могут нарушить несколько невинных вопросов. А ты не разговаривал с Ксафеном?

— Не один раз, но и он рассказывает немного. Эреб пользуется вниманием примарха, и он доносит слова Аврелиана до воинов-жрецов. Ксафен обещал, что нас скоро просветят. Уединение примарха продлится недели, а не месяцы.

— Ты в это веришь? — спросил

Торгал.

Аргел Тал коротко и трачно рассмеялся:

— Решить, во что верить, — это для нас самое трудное.

Следующий заслуживающий внимания гость пришел к Кирене, когда она спала. Звук открывающейся двери поднял ее из глубины сновидений, но не разбудил окончательно.

— Уходи, Кейл. Я не голодна.

Она перевернулась и накрыла голову тонкой подушкой. Похоже, что монашески скромный образ жизни воинов легиона распространялся и на слуг тоже.

— Кейл? — переспросил глубокий звучный голос.

Кирена сбросила подушку. Под языком собралась отдающая медью слюна, и сердце забилось быстрее.

— Привет, — откликнулась она.

— Кто такой Кейл? — спросил тот же голос.

Кирена села в кровати, ее невидящие глаза инстинктивно, хотя и тщетно,

забегали по сторонам.

— Это сервитор, который приносит мне еду.

— Ты дала имя сервитору?

— Так звали уличного торговца с площади Тофет. Его уличили в том, что под видом баранины он продавал собачатину, и за это приговорили к искуплению.

— Понимаю. Вполне логично.

Легкий шорох одежды подсказал ей, что посетитель прошелся по комнате. Несмотря на слепоту, Кирена по движению воздуха определила, что посетитель обладает величественной и массивной фигурой.

— Кто ты? — спросила она.

— Я думал, ты узнаешь меня по голосу. Я Ксафен.

— А-а. Голоса ангелов для меня звучат одинаково, все очень низкие. Здравствуй, капеллан.

— Здравствуй и ты, шул-аша.

Она едва не поморщилась. Даже это уважительное обозначение ее профессии в устах ангелов вызывало ощущение стыда.

— А где Аргел Тал?

Послышалось ворчание, похожее на рык загнанного в угол шакала. Только через несколько секунд Кирена поняла, что так звучал смех Астартес.

— Капитан на собрании командиров легиона.

— А почему ты не с ним?

— Потому что я не командир и у меня свои обязанности. Например, участие в конклаве капелланов братства на борту «Неосквернённой святости».

— Аргел Тал говорил мне об этом.

Улыбка Ксафена затронула и его голос, так что следующие слова прозвучали почти добродушно:

— Вот как? А о чем еще он тебе рассказывал?

— О том, что примарх общается с кем-то по имени Эреб и этот Эреб передает его слова воинам-жрецам.

— Все верно, шул-аша. Мне сказали, что пока нет никаких признаков восстановления твоего зрения. Адепты рассматривают вопрос об аутентической замене.

— Заменить мои глаза? — У нее по коже поползли мурашки. — Я... Я хотела бы подождать, может, они еще исцелятся.

— Решение за тобой. Аугментика таких деликатных органов дело редкое и тонкое. Если ты решишься, придется ждать несколько недель, пока все будет готово для имплантации.

Его беспристрастный тон почему-то нервировал Кирену, а понятные и доброжелательные фразы звучали с обходительностью бьющего по голове молота.

— А почему они занялись этой проблемой? — спросила Кирена.

— Потому что их попросил об этом Аргел Тал. На тот случай, если потребуется помощь ценному члену экипажа, в апотекарионе на борту «Де Профундис» имеется все необходимое для аугментации человека.

— Но я не представляю никакой ценности. — Она сказала так не из жалости к самой себе, просто слова вырвались от смущения. — Я не представляю, чем могу быть полезна

легиону.

— Разве?

Ксафен на некоторое время замолчал. Возможно, он осматривал ее безликую комнату. Когда его голос раздался снова, он звучал еще мягче:

— Прости мою небрежность, шул-аша. Я мог бы посещать тебя чаще, но последние дни выдались довольно тяжелыми. Позволь мне пролить свет на твое положение.

— Я рабыня?

— Что? Нет.

— Слуга?

Ангел усмехнулся:

— Дай мне закончить.

— Извини, капеллан.

— На руинах Монархии обнаружено еще несколько потерянных душ, так что ты не единственная уроженка Кхура, которая присоединилась к легиону, когда ты улетали. Но все они оказались в других орденах, и лишь ты попала в братство Зубчатого Солнца. Ты говоришь, что не знаешь, как можешь принести пользу легиону. Но ты уже оказалась нам

полезной. Аргел Тал — мой брат, и мне известен ход его мыслей. Он взял тебя с собой как напоминание, как символ прошлого. Ты живое свидетельство величайшего краха нашего легиона.

— Идеальный город не был пристанищем греха. — Она постаралась, чтобы ее слова нельзя было счесть за оскорбление. — Почему вы все время о нем так говорите?

Последовало долгое молчание. Потом глубокий вздох.

— Сам город не содержал в себе греха. Дело в том, что он собой олицетворял. Я уже говорил тебе, что приказал в тот день Бог-Император. У тебя острый ум, девочка. Не задавай вопросов, ответы на которые можешь найти сама. А теперь о твоем желании служить легиону. Скажи, что это для тебя означает?

Она никогда об этом не задумывалась. Это казалось единственно правильным решением после того, как ее привели на корабль. Но была еще и более глубокая причина, необъяснимое желание, которое возникло в бесконечные часы, проведенные в

тишине.

— Я обязана легиону жизнью, — сказала Кирена, — и считаю, что это правильное решение. Это было бы справедливо.

— И это все?

Она покачала головой, хоть и не знала, смотрит ли Ксафен в ее сторону.

— Нет. Должна признаться, что чувствую себя очень одинокой и мне скучно.

Ксафен опять усмехнулся:

— Тогда мы решим эту проблему. Скажи, на Кхуре ты была верующей?

Кирена в нерешительности провела языком по пересохшим губам.

— Я слушала проповеди на площадях и ежедневные молитвы, транслируемые по всему городу. Но они не проникали в мою душу. Я верила и знала писание, но все это меня не...

— Не затрагивало.

Кирена кивнула и тяжело вздохнула.

— Да, — призналась она.

А когда тяжелая рука Ксафена опустилась на ее плечо, девушка не смогла удержаться и вздрогнула.

— Мне жаль, — сказала она, — что моя вера не слишком сильна.

— Не жалей. Ты была права, Кирена.

— Я... Что?

— Ты проявила проницательность и силу духа, позволившие усомниться в традиционной вере. Во имя веры человечество за многие столетия достигло небывалых высот. Вера есть топливо для странствия души. Без веры в великие идеи мы несовершенны, лишь единство тела и духа поднимает нас над животными и нелюдями. Но ошибочное поклонение? Почитание недостойного идола? Это грех величайшего невежества. И в этом грехе тебя нельзя обвинить. Гордись этим, женщина.

Подобная похвала из уст ангела наполнила все ее тело теплом, и в ее голосе, впервые после гибели города, прозвучала страсть:

— Как может кто-то почитать недостойного идола?

Снова возникла пауза. Задумчивый вздох, а затем ответ:

— Возможно, люди были обмануты. А

возможно, они лицезрели божественность и поклонялись ей, считая достойной поклонения.

— Я не понимаю. — Ее брови в смятении сошлись над невидящими глазами. — Поклоняться можно только божеству, и нет других богов, кроме Императора.

Она услышала еще один вздох Ксафена. Капеллан снова заговорил, и теперь его слова звучали почти вкрадчиво:

— Ты в этом уверена, Кирена?

Глава 7
СОГЛАСИЕ МЕЧИ ИЗ КРАСНОГО ЖЕЛЕЗА КАРФАГЕН

Мир имел два названия, но значение имело только одно из них. Первое было в ходу у местного населения — этому имени было суждено в скором времени затеряться на страницах истории. Второе имя было присвоено завоевателями, и оно должно было сохраниться на века, словно выжженное клеймо, означавшее принадлежность мертвой планеты Империуму.

Шар вращался по орбите с медлительной грацией, напоминавшей о далекой Терре, и его голубовато-зеленая поверхность тоже могла принадлежать младшему собрату самого известного мира. Но океаны Терры высохли до дна за долгие столетия войн и тектонических

сдвигов, а океаны Сорок семь — шестнадцать кишели организмами, приспособленными к жизни в соленой воде, и были так глубоки, что могли поразить даже воображение поэта. Возможно, в будущем этот мир был бы востребован, чтобы стать бастионом-метрополией вроде Терры, где земли уже не было видно под дворцами, замками и многолюдными башнями-ульями. Но сейчас его материки были окрашены в зелено-коричневый цвет девственных лесов и серо-белые краски горных хребтов. На континентах точками виднелись города из хрусталя и серебра со шпилями, пронзающими небо и опирающимися на смехотворно хрупкие фундаменты. Города соединялись между собой старинными торговыми путями — пульсирующими венами, по которым вместо крови перемещались грузы.

Таким был Сорок семь — шестнадцать, шестнадцатый мир, который была готова привести к Согласию Сорок седьмая экспедиционная флотилия.

Спустя четыре недели после того, как флотилия Несущих Слово покинула

руины Кхура, корабли вошли в эту систему и рыскали вокруг Сорок семь — шестнадцать с угрожающей неторопливостью древних морских разбойников.

Серые боевые корабли восемь часов провели на орбите, не включая двигателей и ничего не предпринимая.

На девятый час все корабли охватило оживление. На капитанском мостике «Фиделитас Лекс», сопровождаемый Эребом и Кор Фаэроном, появился примарх. Оба Астартес вышли в боевом облачении: один в серой броне легиона, второй в грозных доспехах терминатора.

Пикт-трансляция в режиме реального времени передавала изображение на мостики всех остальных кораблей, и за возвращением своего примарха могли наблюдать тысячи и тысячи воинов.

В гранитно-серых блестящих доспехах, лишенных каких-либо украшений, Лоргар выглядел еще более величественно, а его кривая улыбка предвещала какие-то приятные известия, которыми примарху не терпелось поделиться со своими

сыновьями.

— Я надеюсь, что вы простите мне столь долгое отсутствие. — Фраза закончилась сдержанным смешком. — И уверен, что вы с пользой провели время — в веселье и размышлениях.

Стоявшие вокруг него Астартес разразились смехом. Кор Фаэрон опустил взгляд ввалившихся глаз и мрачно усмехнулся. И даже Эреб слегка улыбнулся.

— Сыны мои, прошлое осталось в прошлом, и сейчас мы смотрим в будущее. — Серый кулак Лоргара сжимал рукоять крозиуса, непринужденно заброшенного на плечо. — Те воины, которые приписаны к другим экспедиционным флотилиям, вскоре получат возможность туда вернуться, но сначала мы обновим узы братства единого легиона.

Новый вал радостных возгласов пронесся по палубам сотни кораблей.

— Перед вами Сорок семь — шестнадцать. — Задумчивая улыбка Лоргара не исчезла, но выражение меланхолии лишило ее некоторой доли

убедительности. — Мир чрезвычайной красоты.

Свободной рукой он провел по короткой каштановой бородке, еще почти щетине.

— Я не верю, что люди этого мира безнадежно заражены скверной, но, как мы все недавно видели, мои суждения подвергаются критике.

Снова смех. Кор Фаэрон и Эреб переглянулись, и их усмешки потонули в веселье легиона. Такое легкомыслие могло быть вызвано только желанием избавиться от воспоминаний об отвратительном унижении, и оба воина это прекрасно понимали.

— Все вы ознакомились с планом боевых действий, — продолжал примарх. — Первый капеллан и Первый капитан доложили мне, что лидеры орденов встречались сегодня утром, чтобы обсудить поставленные задачи и зоны высадки, так что я не стану тратить на это ваше драгоценное время. — Его сдержанная улыбка еще держалась на лице, но радости в ней не осталось. —

Император пожелал, чтобы завоевания Семнадцатого легиона проводились более энергично. Если мир не удается быстро привести к Согласию, значит, он должен быть очищен до самого основания. Вот этим мы и займемся.

Эреб поднял крозиус, и в тот же миг между когтями перчаток Кор Фаэрона проскочила молния.

— Сыны мои, — улыбка повелителя легиона исчезла так быстро, словно ее и не было вовсе, — простите меня за слова, которые мне повелевает произнести долг.

Лоргар вскинул черную железную булаву и показал на планету, медленно вращающуюся на обзорном экране. На глазах легиона сильнейшие бури закружились по поверхности в медленном метеорологическом балете — флотилия перешла на низкую орбиту и нарушила движение потоков в слоях атмосферы.

— Несущие Слово, — сказал примарх, — убейте всех мужчин, женщин и детей этого погрязшего в ереси мира.

Кирена ждала, пока не поняла, что

Аргел Тал не собирается продолжать рассказ. Только тогда она заговорила сама.

— И что дальше? — спросила она. — Вы так и сделали?

— Разве ты не почувствовала, как задрожал корабль, когда начался обстрел?

Капитан прошелся по комнате, и Кирене стало любопытно, шагает ли он просто так, чтобы отвлечься, или рассматривает те немногие личные вещи, которые у нее имелись.

— Я ни за что не поверю, что ты проспала все двенадцать часов, пока продолжалась орбитальная бомбардировка.

Кирена вообще не спала. Когда два дня назад взвыли сирены и комната содрогнулась, она поняла, что происходит. Боевые корабли Несущих Слово начали вторжение с артиллерийского обстрела, длившегося целый день. Иногда, когда мириады механических процессов совпадали по времени, главные батареи флагмана извергали зажигательные снаряды единым залпом. После этого у нее в ушах в течение полуминуты гремел гром, и это было мучительно: она стала

не только слепой, но и глухой. Кирена, оказавшись в плену собственного воображения, падала на свою неудобную кровать и молилась, чтобы не ощутить на лице прикосновения незнакомых пальцев.

— Я не это имела в виду, — сказала она. — После обстрела с небес вы спускались на поверхность?

— Да. Мы высадились поблизости от единственного уцелевшего города. Его следовало уничтожить с земли, поскольку корабельные орудия были не в состоянии пробить оборонительный барьер.

— И вы... уничтожили целый мир за один день?

— Мы Легио Астартес, Кирена. Мы исполняем свой долг.

— Сколько же людей погибло?

Аргел Тал видел сводки авгуров. Они полагали, что в тот день было принесено в жертву около двухсот миллионов душ.

— Погибли все, — сказал капитан. — Все люди, обитавшие в этом мире.

— Я не понимаю, — сказала она, прикрыв невидящие глаза. — Все люди.

Почему они должны были умереть?

— Некоторые культуры не желают меняться, Кирена. Если цивилизация основана на неверных принципах, бесполезно надеяться на спасение. Пусть лучше они сгорят, чем живут в нечестивости.

— Но почему они должны умереть? Какие грехи они совершили?

— Потому что так повелел Император. Все остальное не имеет значения. Эти люди отвергли наши предложения о мире, посмеялись над нашим намерением ввести их в состав Империума и открыто продемонстрировали тяжкий грех невежества, создав целые группы из искусственных структур. Производство фальшивой жизни, имитирующей человеческую, — это осквернение нашего рода, и такое нельзя оставлять безнаказанным.

— Но почему?

Эти два слова в последние дни стали для Кирены почти мантрой.

Аргел Тал вздохнул:

— Тебе известна старая пословица: «Суди человека по его вопросам, а не по ответам»?

— Я ее слышала. Нечто подобное говорили и на Кхуре.

— В той или иной форме она в ходу по всей Вселенной. Это древнее изречение с Терры. А есть и колхидский эквивалент: «Благословен разум, в котором нет места сомнениям».

— Но почему? — повторила Кирена.

Аргел Тал удержался, чтобы не вздохнуть снова. Ему было трудно: девушка невероятно наивна, а он не может считать себя учителем. Но просвещение должно с чего-то начинаться. Если утаивать истину, ничего хорошего не получится.

— Ответ надо искать среди звезд, Кирена. Наша раса молода, и мы разбросаны по множеству миров. Пространство между звездами таит в себе бесчисленные опасности: тысячи видов враждебных ксеносов, ведущих хищный образ жизни. Те, которые не нападают сразу, чтобы сожрать или просто

уничтожить, представляют опасность по другим причинам. Их древние цивилизации пришли в упадок или из-за слабости и неспособности стабилизировать рост, или же из-за пренебрежительного высокомерия в отношении технологий, что тоже нередко приводит к гибели. Эти расы ничему не могут нас научить, и история вскоре сбросит их со счетов. И как же нам поступить: оставить колонии людей на потребу хищным чужакам или присоединить бесценные миры к Империуму и тем самым сделать его еще сильнее? Можно ли позволить людям и дальше прозябать в невежестве, когда они рискуют причинить вред себе — и нам, — или сокрушить их, пока еретическая угроза не стала слишком сильной?

— Но...

— Нет, — холодным, словно камень, тоном прервал ее Аргел Тал. — На этот раз не может быть никаких «но». «Империум прав в силу своего могущества». Так говорят императоры, так записано в Слове, значит, так оно и

есть. Мы добились успеха там, где любые другие расы потерпели неудачу. Мы возвышаемся над всеми ксеносами. Мы сокрушаем любые солнечные системы и одиночные миры, которые отказываются от благословенного союза. Какие еще доказательства нужны, чтобы убедиться, что мы, и только мы идем верным путем?

Кирена долго молчала, покусывая нижнюю губу.

— Это... Это разумно.

— Конечно. Ведь это истина.

— Значит, они все убиты. Население целого мира. Не мог бы ты рассказать мне, как выглядел их последний город?

— Расскажу, если хочешь.

Аргел Тал окинул девушку долгим взглядом. За прошедшие четыре недели ей стало гораздо лучше, и теперь Кирена была одета в серое бесформенное одеяние слуги легиона. Когда он впервые увидел ее в этой одежде, женщина спросила, какого она цвета. «Серая», — ответил он. «Хорошо». Она улыбнулась, но ничего не стала объяснять.

Сейчас Аргел Тал всматривался в ее

лицо. Девушка вперила в него слепой взгляд, не испытывая ни смущения, ни сомнений.

— Почему тебя интересует этот город? — спросил он.

— Я помню Монархию, — сказала Кирена. — И было бы хорошо, чтобы и этот город кто-то запомнил.

— Вряд ли я его забуду. Высокие шпили из стекла и воины из движущегося хрусталя. Приведение к Согласию было не долгим, но отнюдь не легким.

— А Ксафен был с тобой? Он очень добр ко мне. Он мне нравится.

— Да, — ответил Аргел Тал. — Ксафен был со мной. Он первым из Седьмой роты увидел коварство врага, когда пал оборонительный щит.

— Ты мне расскажешь, как это было?

— Капитан, — окликнул его по воксу Ксафен. — Ты себе представить не можешь, что я вижу.

Аргел Тал в сопровождении штурмового отделения Торгала продвигался по развалинам. Его боевые

братья, закованные в серую броню, шагали по улицам, хрустя осколками рухнувших стеклянных зданий. Бездействующие цепные мечи тихонько гудели в руках воинов, но на каждом зубчатом лезвии уже виднелись следы крови.

— Это Аргел Тал, — отозвался капитан. — Мы находимся к западу от вас, никакого достойного упоминания сопротивления не встретили. Доложите обстановку.

— Искусственные существа. — Голос Ксафена искажали помехи, но его отвращения они скрыть не могли. — Они используют искусственных существ.

Аргел Тал повернул на восток, где город из стекла и черного с прожилками камня уже начинал рушиться и разваливаться. Вдоль дорог, ведущих к центру города, беспрепятственно распространялось пламя — верный признак наступления легиона.

— Штурмовое отделение Торгала, приготовиться к атаке, — передал он по воксу. — Несущие Слово, за мной!

Громоздкие двигатели прыжкового

ранца за спиной гортанно взревели и подняли Аргел Тала высоко над землей.

Датчик высоты на дисплее шлема замигал, быстро меняя обновляемые голубоватые цифры. Внизу проплывали невысокие башенки из витого стекла и петляющие улицы. Местная культура создала архитектуру, которая исполняла собственный танец. Капитан не мог даже определить, что перед ним — произведения искусства или продукт рационального подхода. Но город из закаленного чужеродного стекла... Дороги, вымощенные черным камнем...

Он был по-своему красив. Безумие часто обладает особой привлекательностью.

— Я тебя вижу, — передал он по воксу Ксафену.

Внизу под ним отряды Несущих Слово продвигались сквозь развалины разгромленного городского квартала, и воинам в серой броне противостояла какая-то серебристая гадость, изрыгающая потоки разрушительной энергии. Рецепторы шлема уловили его недоумение

и увеличили изображение вражеских воинов.

Аргел Тал не мог поверить своим глазам.

— Вниз, — скомандовал он отделению Торгала.

Вокс-канал затрещал от подтверждающих сигналов. Аргел Тал инстинктивным мысленным импульсом отключил двигатели, и светящаяся колхидская руна на дисплее его визора сменила цвет с красного на белый. Основные ускорители прыжкового ранца завибрировали и отключились. Затем сопла выпустили струи дыма, свидетельствуя о том, что вспомогательные двигатели активировались, чтобы погасить скорость спуска до не представляющей опасности для жизни.

Приземление получилось жестким. Удар керамитовых подошв расколол мостовую, и по камню разбежалась паутина трещин. В реве двигателей и с громким треском рядом с ним опустились на землю остальные воины отделения.

— Высокие звезды! — воскликнул Торгал, обводя руины своим гудящим цепным мечом. — Теперь я понимаю, о чем говорил капеллан.

По проходу между полуразрушенными стеклянными стенами к ним на трех паучьих ногах приближалось одно из искусственных существ противника. Все его конечности имели множество суставов и оканчивались острыми лезвиями, вонзавшимися в землю при каждом шаге. Туловище вполне можно было бы назвать человекоподобным, если бы оно не состояло целиком из подвижного стекла. Под прозрачной кожей виднелись электрические цепи, заменявшие вены, и металлический остов скелета.

— Это наверняка какое-то украшение, — сказал Торгал, глядя на приближающееся существо, плавно скользившее на ногах-лезвиях. — То есть... Только посмотрите на них!

— Ты зря тратишь свое время, — ответил Ксафен. — Прячься в укрытие, пока оно снова не выстрелило.

Аргел Тал пробежал до ближайшей

стеклянной стены, где уже притаились бойцы Ксафена. Их было видно со всех сторон, но стена все же представляла какую-то защиту.

— Оно еще и стреляет? — удивился Аргел Тал. — Ты уверен, что это не движущаяся статуя и что ты не собираешься атаковать произведение местного искусства?

— Оно стреляет, — удивился Ксафен. — И не желает умирать. Посмотри сам. Отделение Малнора, огонь!

Из находящейся чуть впереди воронки с привычной синхронностью поднялись Несущие Слово и открыли стрельбу из болт-пистолетов. Снаряды забарабанили по корпусу стеклянного создания, покачнули его, но не причинили никакого видимого ущерба. В каждой точке, где болт достигал цели, вспыхивал электрический разряд, и снаряд детонировал, ограничивая воздействие минимальным кинетическим толчком.

— Прекратить огонь и отступить, — приказал Ксафен.

— Этот приказ уже начинает мне

надоедать, сэр, — хрипло буркнул Малнор, но стрельба стихла.

Искусственное существо немедленно восстановило равновесие и повернулось в ту сторону, где скрывались воины отделения Малнора. Энергетические цепи, заменявшие ему внутренности, вспыхнули злобным сиянием, и из открытой пасти вырвалась ослепительная молния, заплясавшая на краю воронки и оплавившая черные камни.

— Оно сделано из непробиваемого стекла, — передал по воксу Торгал, — и плюется электрическими разрядами. Примарх не напрасно приказал истребить этот народ. Эти люди не просто еретики — они облекают свое безумие в физическую форму.

Аргел Тал прослушал вокс-донесения от других подразделений и тихо выругался — воины сталкивались с подобными существами по всему городу. Преодолев оборонительный щит столицы, он рассчитывал быстро справиться с задачей. Руководство планеты должно быть уже мертво. Проклятие, почему не

прекращается сопротивление?

— Отделение Торгала, подняться на верхние позиции.

— Как прикажешь, капитан, — послышались ответы воинов.

Громоздкие прыжковые ранцы снова активировались, и воздух задрожал от жара двигателей. Вокруг них разнесся сильный запах горящего топлива.

Аргел Тал, словно брошенное копье, взмыл вверх и приземлился на балконе, нависавшем над улицей. Остальные воины отделения Торгала последовали его примеру и разместились по краю ближайших крыш. Как будто серые горгульи, наблюдающие за идущим внизу боем.

— Сколько таких созданий вам удалось уничтожить? — спросил Аргел Тал.

— Трех, но двух из них подбил «Поборник» из Огненного Шторма.

Ксафен говорил о танковом батальоне братства Зубчатого Солнца.

— Только не говори мне, что танк при этом был уничтожен.

Вместо Ксафена ему ответил Малнор:

— Я тебе этого не скажу, капитан. Но его больше нет.

Аргел Тал посмотрел, как искусственное создание приближается на многосуставчатых ногах, балансируя на неровной поверхности с нечеловеческой ловкостью. Визор шлема на мгновение помутнел от искажений, а затем приблизил изображение. Весь корпус существа пронизывали серебристые вены, пульсирующие энергией. Кожа двигалась, словно жидкое стекло, но болты отскакивали от нее, причиняя не больше вреда, чем дождевые капли.

— Ты сказал, что уничтожено три этих создания, а танк успел убить только двух.

— Третьего я убил своим крозиусом, — пояснил Ксафен. — Похоже, что существо уязвимо для силового оружия.

— Понятно. Этого оставь нам. — Аргел Тал переключил визор. — Отделение Торгала, приготовиться. Ответим огнем на огонь.

— Как прикажешь, капитан, — снова раздался хор голосов.

Аргел Тал обнажил оба меча. Под каждым лезвием из красного железа в эфесе слоновой кости был скрыт силовой генератор. Пальцы привычно легли на триггеры, расположенные вдоль обтянутой кожей рукоятки, и клинки с негромким гудением ожили, окутавшись зигзагообразными разрядами.

— За примарха!

Оглушительный призыв, прокатившись по всей улице, привлек внимание машины. Ничего не выражающее лицо поднялось вверх. На том месте, где у человека располагался рот, от нарастающего жара раскалилось стекло.

Аргел Тал сделал два стремительных шага; от первого задрожал балкон, а вторым он оттолкнулся от перил, разбив их вдребезги, и взвился в воздух. Двигатели за его спиной взревели, выбрасывая струи дыма и огня. За парными клинками потянулся шлейф искр.

— Аврелиан! — Воины отделения

Торгала с криками покинули свои позиции вслед за капитаном и понеслись вниз, завывая двигателями прыжковых ранцев. — Аврелиан!

Аргел Тал возглавил атаку, уклоняясь от огненной дуги, выброшенной искусственным существом. Секундой позже он приземлился на спину машины, развернулся и нанес удар бронированной ногой по стеклянной голове. Сверкнул фонтан блестящих осколков, и голова дернулась назад. Через мгновение последовал удар обоими мечами, и лезвия врезались в стеклянное лицо. Град осколков стал гуще.

Сержант Торгал прыгнул сзади на плечи робота, и его цепной меч заскрежетал и завизжал по поверхности стекла. Послышался одиночный выстрел из болтера, но снаряд отлетел в сторону и взорвался в воздухе, не причинив ни малейшего ущерба.

Напряженное рычание, вылетавшее из динамиков шлема птичьими криками, сопровождало приземление остальных воинов отделения, и вскоре все Астартес

поддержали атаку своими мечами. Они набрасывались волнами, взлетали вверх, уступая место собратьям, а затем снижались для очередной серии ударов. Искусственное существо содрогалось под их мощным натиском, не имея возможности отразить нападения всех противников сразу.

Аргел Тал спикировал в третий раз и свел клинки вплотную, так что силовые поля, соприкоснувшись, зашипели и стали разбрасывать искры. В этом выпаде он нанес колющий удар обоими мечами в стеклянное горло, и по щитку шлема снова застучали сверкающие осколки.

Машина умерла мгновенно. Серебристые вены почернели, и корпус, не удержавшись на подогнувшихся конечностях, рухнул на землю.

Воины штурмового отделения Торгала неторопливо приземлились вокруг своего капитана. Они ослабили хватку на рукоятках цепных мечей, и гул оружия постепенно затих. Двигатели, остывая, выбрасывали последние струи выхлопных газов.

Ксафен и Малнор с болтерами наперевес вывели свое отделение из развалин.

— Отличная работа, — произнес капеллан. — Двигайся вперед, если хочешь, брат. Мы расчистим дорогу к центру города. Не ждите нас.

Аргел Тал кивнул, все еще не успев привыкнуть к изменениям в броне Ксафена. Доспех капеллана стал черным — потемнел в память о пепле Монархии, недавно покрывавшем доспехи каждого воина. Аргел Тал ничего не сказал, когда впервые столкнулся с этим нововведением, но при виде его все еще испытывал раздражение. Некоторые неприятности лучше побыстрее забыть.

Из шипящего вокс-приемника прорвался новый искаженный помехами голос:

— Капитан, это Даготал.

Аргел Тал взглянул на шпили в самом центре города. Там что-то было — какое-то скрытое устройство, которое вносило неразбериху в работу связи.

— Я слушаю, Даготал.

— Прошу разрешения вызвать Карфаген.

Ксафен и Малнор переглянулись, хотя под щитками шлемов выражения лиц разобрать было невозможно. Торгал нажал на триггер цепного меча, и зубья несколько секунд яростно перемалывали воздух.

— Подробнее, Даготал.

— Это искусственные существа, сэр. У них есть свой король.

Отделение Даготала двигалось по улицам, не опускаясь на землю и не переставая вести наблюдение. Для моторизованного отряда Седьмой роты, проникавшего во вражеский город далеко впереди основных сил капитана, это было делом привычным.

Но в данном случае противник преподнес несколько неприятных сюрпризов. Армия искусственных существ, наводнившая обреченный город, оказывала яростное сопротивление — и это еще до того, как передовые отряды Несущих Слово столкнулись с Обсидианами.

Даготал одним из первых засек такое

создание. Он наклонился вперед в седле и переключил визор шлема на максимальное приближение, чтобы рассмотреть величественно вышагивающее по улице черное сооружение.

— Кровь Уризена! — воскликнул он.

Это существо достигало второго этажа — машина на шести конечностях с корпусом не из прозрачного стекла, а из непроницаемо-черного.

Он немедленно доложил о своей находке капитану, а воины отделения тем временем открыли огонь. Установленные на каждом байке болтеры выдали оглушительные очереди. Но шестиногий робот даже не соизволил обратить на них внимания. Несмотря на значительный вес, машина двигалась, не вонзая в землю клинки на ногах.

— Отступаем, — приказал Даготал своим братьям.

И они отступили, и отступили быстро.

Серые байки зарычали, поворачивая под самыми невероятными углами, покрышки с визгом цеплялись за гладкие

камни. Мчавшийся впереди Корус вильнул и резко затормозил.

— Осторожнее, — предостерег его Даготал.

— Тебе легко говорить, сержант, — огрызнулся Корус.

Даготал сновал между байками своих братьев, легко их обгоняя. Его гравицикл парил в двух метрах над дорогой и устремлялся вперед под вой двигателя при малейшем нажатии на акселератор. Реактивный байк работал намного чище, чем его кузены — наземные мотоциклы остальных воинов отделения Даготала.

Несущий Слово наклонился вправо, проходя очередной невероятный поворот извилистой улицы стеклянного города. Он притормозил — едва заметно, только чтобы его братья не отставали. Впереди между двумя шпилями вдруг показался еще один огромный шестиногий робот, и его безликий черный череп уже окутался ореолом молний.

— Еще один Обсидиан, — доложил по воксу Даготал, пользуясь услышанным в других донесениях Несущих Слово

обозначением противника.

— Нас зажимают в клещи, — заметил подъехавший Корус. — Будем атаковать?

— Зачем? Только напрасно потратим снаряды.

Даготал нажал на акселератор, его двигатель взвыл громче, и руки ощутили знакомую тягу.

— За мной.

Он качнулся влево, сворачивая на боковую улицу.

— Мы не можем без конца убегать, — проворчал Корус. — Если так будет продолжаться, у нас кончится горючее.

Разведчики Даготала скрылись за ближайшим углом, и тогда он в гудении своего байка тоже услышал нетерпение. Корус прав: двигатели требуют топлива, а оно подходит к концу после долгих часов игры в кошки-мышки на улицах города, пока отделение занималось разведкой для главных сил братства Зубчатого Солнца.

— Мы не убегаем, — произнес он.

Улица внезапно потемнела, и воздух наполнился ревом мощных двигателей. Затмившее солнце судно несло на корпусе

изображение бионического черепа — символа жрецов Марса.

На лице Даготала под щитком шлема появилась улыбка.

— Мы просто ищем место, где мог бы приземлиться Карфаген.

Из-под красного капюшона на горящий город взглянули три зеленых глаза-линзы. Все три зрительных рецептора постоянно вращались и меняли фокусировку, обеспечивая невероятную четкость и широту обзора, недоступные зрению человека.

— Обработка, — произнес обладатель этих линз. А затем, через несколько секунд молчания, во время которого линзы не переставали двигаться, добавил тем же самым тоном: — Информация получена.

Разведчики Даготала тем временем воспользовались случаем дозаправить свои машины, и каждый Астартес залил в бак по канистре прометия, извлеченного из грузового отсека спускаемого модуля Механикум.

Даготал остался в седле гравицикла,

его гравитационные подвески, не подвергаясь нагрузке, почти затихли.

— Два Обсидиана, — сказал он трехглазому человеку. — Направляются сюда. — Вокс-приемник раскалился от рапортов отступающих отделений, требований помощи Карфагенской когорты и танкового батальона. — Эти искусственные существа очень опасны, Кси-Ню.

— Я проинформирован, сержант Даготал.

Кси-Ню-73 был худым как палка и лишь отдаленно напоминал человека. Полы его красного одеяния хлопали на горячем ветру, открывая аугментированное тело из матового металла, опутанное силовыми кабелями. Его руки, поднятые сейчас, чтобы снять капюшон, представляли собой скелет, собранный из формованных пластин брони с бронзовыми кистями и множеством тонких пальцев. Лицо, если его можно так назвать, только что появившееся из-под капюшона, представляло собой переплетение тонких проводов над с

шумом втягивающей воздух дыхательной маской и не имело никаких отличительных черт, кроме зеленых глаз-линз, образующих равносторонний треугольник.

Приблизительно столетие назад Кси-Ню-73 был человеком и в этом состоянии ограниченной хрупкости провел около двух десятилетий. Подобно остальным механикумам Марса, он был вынужден все эти годы мириться с оболочкой из теплой плоти и жидкой крови, пока не приобрел достаточно опыта, чтобы себя облагородить.

С тех пор он значительно улучшил свой организм.

Техножрец стоял перед трапом и наблюдал за выходом нескольких высоких и массивных созданий. Каждое из них было облачено в прочную броню, покрытую грубыми мазками алой краски. Механические сооружения высотой почти пять метров даже не пытались имитировать движения людей. Две первые машины, уже спустившиеся по трапу, были неуклюжими на вид «Крестоносцами», и их

снабженные лезвиями конечности неловко раскачивались при каждом движении плечевого яруса. Вдоль каждого из лезвий тянулись мощные кабели, соединяющие оружие с силовым генератором, расположенным в корпусе машины.

— Сангвин, — произнес первый робот лязгающим металлическим голосом, — готов.

— Ализарин, — вторил ему другой, — готов.

Следующая машина, ступившая на трап, была по меньшей мере вдвое шире предыдущих, и рядом с долговязыми «Крестоносцами» казалась грузной, верхние конечности ее были отлиты в форме осадных молотов. От нее еще сильнее пахло промасленным металлом и смазкой. Из-за покатой массивной брони этот робот казался сутулым и двигался с еще меньшей грацией, чем остальные.

— Вермиллион, — протянул он, с лязгом останавливаясь рядом с «Крестоносцами», — готов.

Глаза-линзы Кси-Ню-73 повернулись в сторону последней машины, выкатившейся

из грузового отсека. Этот робот, казалось, был компромиссным вариантом своих собратьев, фигурой и походкой сильно смахивал на человека, точно так же был закрыт броней, а вместо рук имел мощные орудия. Третья пушка поднималась над его плечом, а ленты со снарядами спускались вдоль спины, и бронзовые оболочки звенели при каждом шаге. Даготал знал каждого из подопечных Кси-Ню и уже двенадцать лет сражался плечом к плечу с ними. Эта последняя машина принадлежала к классу «Завоеватель» и была главной ударной силой в группе. Плечо робота покрывал штандарт легиона, а на броне были выгравированы колхидские руны.

Несколько Несущих Слово приветствовали последнего механического воина салютом. Он никак на это не отреагировал.

— Инкарнадин, — абсолютно безучастным голосом объявил «Завоеватель», — готов.

Кси-Ню-73 повернулся к Несущим Слово и мгновенно перенастроил свои линзы.

— Приветствую, сержант. Девятая манипула Карфагенской когорты ожидает твоих приказов.

Аргел Тал приземлился и сразу пустился бегом, не дожидаясь, пока стихнут двигатели ранца. Оба меча остались в ножнах, а искусно украшенный болтер в его руках непрерывно дергался, извергая снаряды. Вместе с несколькими воинами своего отделения он укрылся на нижнем уровне стеклянной башни и вел огонь через витражные окна. Неизвестно, что было изображено на цветных стеклах: Несущие Слово разнесли витражи, чтобы обеспечить линию огня.

Стоящий снаружи Обсидиан возвышался над всеми Астартес и щедро поливал дорогу потоками электричества, вырывавшегося из безликого черепа. Аргел Тал перезарядил болтер и, вставляя в магазин свежую обойму, мельком глянул в осколок у своего ботинка — в стекле отразилась фигура в золоченой броне.

Отделение Даготала оказывало сопротивление, скрываясь под ногами

огромной машины, петляя и уворачиваясь, чтобы не попасть под струи смертельного огня. Болтерные снаряды, летевшие с той стороны, где укрылись люди Торгала, впивались в механические соединения робота, но все эти усилия лишь раздражали противника.

— Кси-Ню-73, — передал по воксу Аргел Тал, — мы на позиции. Поторопись.

— Принято, Седьмой капитан.

Они вышли из переулка за спиной искусственного существа. Сангвин и Ализарин, пошатываясь, словно нищие попрошайки, выскочили вперед, представляя удивительный контраст по сравнению с текучей грацией вражеской машины. Оба «Крестоносца» открыли огонь из наплечных лазерных орудий, и на поверхности Обсидиана появились свежие шрамы — потеки расплавленного стекла на черном фоне. Затем пришли в действие и их руки-лезвия: механические приводы направили размашистые выпады на опоры конструкции.

Обсидиан быстро отреагировал на новую угрозу и развернулся лицом к боевым

машинам Механикум. Он тотчас оказался под шквальным огнем: тяжелые наплечные болтеры мощными разрывными снарядами выбивали осколки из лица и корпуса машины. Инкарнадин, величественный по сравнению с собратьями, отслеживал каждое движение вражеской машины. Он ни на секунду не прекращал стрельбы, и ни один снаряд не проходил мимо цели. Роботам Механикум быстро удалось лишить равновесия огромную конструкцию, и следующий залп Обсидиана пропал зря, устремившись в небо.

«Катафракт» Вермиллион, массивный, словно дредноут Астартес, обладал еще более мощными двигателями. Приземистая и неуклюжая на вид машина быстро приблизилась к противнику, пока Обсидиан пытался выровняться на оставшихся четырех конечностях. Осадные молоты взметнулись вверх и с оглушительным звоном обрушились на стеклянное сооружение чужаков. Из четырех ног осталось три, и конструкция рухнула наземь.

— Прикончим его, — скомандовал по

воксу Аргел Тал.

Его прыжковый ранец снова ожил, и двигатели отозвались мощным ревом.

— Как прикажешь, — услышал он ответ своих товарищей.

Мечи стремительно и плавно покинули ножны, короткий рывок ускорителей мгновенно поднял Аргел Тала вверх. Обсидиан, даже поверженный, не собирался уступать. Несущие Слово, подлетевшие к его спине, предпочитали не опускаться на могучую конструкцию, а держались в воздухе. Мечи стучали и скрежетали по корпусу машины, но только силовые клинки Аргел Тала наносили противнику хоть сколько-нибудь заметный урон, разбрызгивая во все стороны осколки темного стекла.

Обсидиан, уже на пороге гибели, все еще полз, протягивая хватательную конечность к ближайшему противнику. Инкарнадин отступил назад, прицелился из автопушки в вытянутую руку и одним залпом отделил пальцы от кисти. Кси-Ню, стоя позади имперской боевой машины, с неослабевающим вниманием наблюдал за

боем и время от времени подкручивал диски приборов на своем нагруднике. Зачем он это делал, никто из Несущих Слово так и не смог узнать, несмотря на десятилетие, проведенное в общих сражениях.

Когда Обсидиан наконец окончательно затих, Аргел Тал и Даготал подошли к техножрецу. Поверженная конструкция приобрела сходство с подтаявшей ледяной статуей, так сильно был поврежден ее корпус тысячами болтов, ударами мечей и лучами лазеров. Под ногами обоих Астартес хрустели осколки темного стекла, усыпавшие всю улицу.

— Приветствую, капитан, — произнес Кси-Ню-73. — Девятая манипула Карфагенской когорты ждет твоих приказов.

Кирена, положив руку на предплечье Аргел Тала, прервала повествование:

— Вы и сами использовали разумные машины?

Он ожидал этого вопроса.

— Легио Кибернетика — это драгоценная грань Механикум. Боевые машины Легио Титаникус выручают Великий Крестовый Поход в самых тяжелых ситуациях, но и Кибернетика для благородных легионов Астартес играет не менее важную роль. Их разумные машины представляют собой робототехнические оболочки, в которых живет дух машин. Техножрецы Кибернетики создают органо-синтетические разумы из биологических компонентов.

Кирена потянулась за стаканом с водой, стоящим на прикроватном столике. Ее пальцы скользнули по металлической поверхности, потом наткнулись на стакан и только тогда обхватили его. Она мелкими глотками прихлебывала воду и, казалось, не имела никакого желания говорить.

— Ты не видишь разницы, — произнес Аргел Тал не вопросительным, а утвердительным тоном.

Она опустила стакан и обратила на него незрячий взор.

— А она есть?

— Только не задавай этого вопроса Кси-Ню-73, если вам вдруг доведется встретиться. Он будет так оскорблен, что, того и гляди, убьет тебя, а я так рассержусь, что в ответ убью его. Достаточно сказать, что разница в сознании. Органический разум, даже если он синтетический, все равно связан с превосходством человеческой расы. В искусственном разуме этого нет. Многие цивилизации усваивают эту истину только в тот момент, когда подчиненные им машины начинают бунтовать, как наверняка взбунтовались бы Обсидианы против людей Сорок семь — шестнадцать.

— Ты всегда говоришь, что мы превосходим всех остальных. Я имею в виду людей.

— Так написано в Слове.

— Но Слово со временем меняется. Ксафен говорит, что оно меняется даже сейчас. Неужели люди действительно совершенны?

— Мы покоряем Галактику, верно? Разве это не свидетельствует о нашей

чистоте и предназначении?

— Другие расы покоряли ее до нас. — Она сделала еще глоток нагревшейся воды. — Возможно, мы совершим ошибку, и тогда покорять Галактику будет кто-то другой. — Потом она улыбнулась и убрала с лица упавшую прядь волос. — Ты так уверен во всем, что делаешь. Я тебе завидую.

— Разве ты не была уверена в своем жизненном пути, живя в Монархии?

Она склонила голову, и в ее позе Аргел Тал заметил некоторую напряженность — пальцы босых ног были слегка подогнуты, руки легонько перебирали ткань серого одеяния.

— Я не хочу об этом говорить, — произнесла она. — Мне просто стало интересно, как ты можешь жить, не испытывая ни сомнений, ни сожалений.

Астартес не сразу нашелся, что ответить.

— Это не уверенность. Это... долг. Я живу согласно Слову. То, что записано, должно свершиться, иначе вся наша жизнь окажется напрасной.

— Для меня это равносильно великой жертве. Судьба превратила тебя в оружие. — Улыбка Кирены выражала нечто среднее между восхищением и печалью. — Что-то подобное в своих предрассветных молитвах говорили проповедники идеального города. «Идите единственно верным путем, ибо все остальные ведут к гибели».

— Это цитата из Слова, — сказал Аргел Тал. — Часть мудрости примарха, оставленная нам, чтобы направлять ваш народ.

Она подняла руку, словно отмахиваясь от его склонности к деталям.

— Знаю, знаю. Ты расскажешь мне конец истории? Я хочу больше узнать о городе. А примарх тоже сражался рядом с вами?

Капитан набрал полную грудь воздуха. Мысли девушки стремительно перескакивают с одной темы на другую.

— Нет. Но мы увидели его на рассвете. А до этого встретились с Аквилоном.

— Расскажи, как это произошло. —

Она легла, положив голову на скрещенные руки. Неизвестно зачем, но она все время держала глаза открытыми. — Я не сплю. Продолжай, пожалуйста. Кто такой Аквилон?

— Его титул «Оккули Император», — ответил Аргел Тал. — «Очи Императора». Мы встретились перед закатом, когда горел уже почти весь город.

Глава 8
КАК ДОМА ЗОЛОТЫЕ, НЕ СЕРЫЕ В СЕРДЦЕ ПАВШЕГО ГОРОДА

На руины города опустился сумрак. Аргел Тал в изрядно потрепанных доспехах стоял и смотрел, как янтарный диск опускается за горизонт. Этот великолепный закат навел его на размышления о Колхиде, о доме, о мире, которого он не видел уже почти семь десятилетий. В его памяти, почти эйдетической, собрались картины закатов двадцати девяти миров. Сегодняшний был тридцатым, и он был почти так же прекрасен, как первый.

Небо, возвещая о скором наступлении ночи, из голубого становилось фиолетовым.

— Капеллан! — крикнул он. — Ко мне.

Ксафен оставил производивших

перегруппировку Несущих Слово и прошел в другой конец улицы, где стоял капитан.

— Брат, — приветствовал он Аргел Тала. Капеллан снял шлем и наблюдал заход солнца невооруженным взглядом. — В чем дело?

Аргел Тал кивнул на темнеющие небеса:

— Напоминает мне о доме.

Негромкое гудение сочленений доспехов подсказало ему, что Ксафен пошевелился. Возможно, пожал плечами.

— А где Торгал и его штурмовое отделение?

— Ведут разведку в окрестностях шпилей, — сказал капитан. — Я буду рад, когда мы приведем этот мир к Согласию, Ксафен. Несмотря на то что нам всем необходимо было увидеть сражение, это бесполезная война.

— Как скажешь, брат. Так что ты хотел?

Аргел Тал по-прежнему не смотрел ему в глаза.

— Ответов, — сказал он. — До того, как мы вернемся на орбиту. Примарх не

показывается уже целый месяц, а воины-жрецы молчат после своих собраний. Что происходит на встречах тех, кто носит черное?

Ксафен, уже отворачиваясь, сердито фыркнул:

— Сейчас не время. Нам надо еще привести этот мир к Согласию.

— Не уходи, капеллан.

Их взгляды скрестились — раскосые линзы капитана и прищуренные глаза капеллана.

— Что случилось? — спросил Ксафен. — Почему ты так рассеян?

Его голос, сохраняя твердость, зазвучал умиротворяюще. Аргел Тал хорошо знал этот тон. Так Ксафен разговаривал с воинами, которые поверяли ему свои сомнения. По непонятной причине такая манера говорить сильно раздражала Аргел Тала.

Капитан кончиком меча показал в конец улицы, где два отделения помогали своим раненым. Большую часть дороги занимали труп еще одного Обсидиана и байки Даготала, проходившие ремонт под

пристотром Кси-Ню-73.

— Мы все слепы, — сказал капитан. — Все, кроме тебя. Мы сражаемся, получив приказ, и уничтожаем еретическую цивилизацию. И Аврелиан прав — это освобождение от прошлого и очищение крови. Пережив незабываемый провал, легиону необходимо было добиться победы. Но после гибели идеального города, после месяца молчания ты по-прежнему слепы.

— Что же ты хочешь от меня услышать?

Ксафен снова подошел к капитану, и его закованная в перчатку рука поднялась, но в то же время по лицу пробежала тень сомнений. Капеллан опустил руку, сознавая, что прикосновение к плечу послужит не напоминанием о братстве, а поводом к еще более сильному раздражению.

— Я хочу, чтобы ты ответил на вопросы и просветил своих братьев, как предписывает твой долг.

Ксафен резко выдохнул, и вместе с воздухом его покинули остатки терпения.

— Тайна собраний тех, кто носит

черное, священна и нерушима. Никто из нас не вправе говорить о том, что там происходит. Тебе это прекрасно известно, и все же ты продолжаешь задавать вопросы. А как же традиции, брат?

Аргел Тал опустил меч.

— Какие традиции? — усмехнулся он. — А как относиться к тому, что легион преклонил колени в прахе, а примарх ничего не говорит нам уже целый месяц? Всем нам необходимы ответы, Ксафен. Мне необходимы ответы.

— Как прикажешь, капитан. Но все, что я могу сказать, я уже говорил раньше. Мы изучаем Слово и ищем новые пути. Легион заблудился, и мы ищем ответы, чтобы снова его направлять. Можно ли нас за это осуждать? Должны ли мы и дальше плутать во тьме, лишившись света Императора?

Аргел Тал ощутил, как едкая слюна покалывает язык.

— А тем временем легион, слепой во всех отношениях, ждет и ведет войну. Нашли ли капелланы ответы, которые они искали?

— Да, брат. Мы верим, что нашли.

— И когда вы планируете поделиться этой истиной с нами?

Ксафен обеими руками поднял свой крозиус и повернулся лицом к собравшимся воинам.

— А как ты думаешь, зачем мы сюда пришли? Только ли затем, чтобы покончить с несчастными святотатцами? Чтобы стереть со страниц истории эту ничтожную империю одинокого мира?

— Если ты находишь, что я недостаточно проницателен, — стиснув зубы, произнес капитан, — тогда просвети меня.

— Спокойно, брат мой. Лорган прекрасно понимает символизм и чистоту цели. Мы шли по ложному пути, и он закончился в городе, обращенном в пепел. В другом разрушенном городе мы сделаем первые шаги по пути истинному. Он укажет нам дорогу, и мы проведем Ритуал Памяти как положено, искренне и с достоинством. И Император не будет держать нас за ошейник и оскорблять,

словно провинившихся псов.

Аргел Тал ждал чего-то в этом роде. Не надо было быть пророком, чтобы предсказать, что скажет примарх после приведения мира к Согласию, но то обстоятельство, что этот момент станет первым шагом в новой одиссее, тревожило его и в то же время внушало любопытство.

— Мне жаль, что братство капелланов так долго держало нас в неведении, но благодарю, что ты наконец со мной поговорил.

— До возвращения примарха мне почти не о чем рассказывать. По правде говоря, это никакой не секрет. — Ксафен улыбнулся, и улыбка добавила тепла чертам его обветренного лица. — Я полагаю, по легиону уже и сейчас распространяются слухи. Аврелиан встретится с нами в центре города, как только мы уничтожим все остатки нечестивой жизни этого мира. И когда легион опустится на колени в пепле, это будет означать, что город погиб в пламени очищения.

Вокс с треском ожил:

— Сэр? Сэр?

— Это Аргел Тал. Говори, Торгал.

— Капитан, прошу меня простить за очередной неприятный сюрприз, но ты себе представить не можешь, что я вижу.

Аргел Тал выдохнул колхидское ругательство, не предназначенное для канала связи. Необходимость употребления таких слов в этом мире начала его утомлять.

Пятеро воинов убивали молча, их мечи вращались со скоростью и силой турбинных лопаток, рассекая конечности и тела, словно клочья тумана. Легион наконец проник вглубь города, и здесь силы Империума столкнулись с сопротивлением людей. Армия искусственных существ, вероятнее всего, была уже разбита и сократилась до разрозненных малочисленных групп. Настал черед милиции и гражданского ополчения выйти на улицы с фактически бесполезным оружием и принять смерть, предпочитая ее капитуляции.

Малокалиберные заряды отлетали

от золоченой брони воинов, прорубавших себе дорогу в толпе, заполнившей улицу. Противостоявшие им отряды милиции вели огонь из винтовок, которые стреляли пулями не крупнее самого мелкого калибра болтера. Связь цивилизации с человечеством доимперской эпохи не подлежала никаким сомнениям, но эти люди сбились с пути и тем обрекли себя на гибель.

Несмотря на неэффективное оружие, они упорно защищались в укрытиях или держали боевой строй, пока их не уничтожали. Их миру пришел конец, и последний из городов уже был объят пламенем. Бежать было некуда, да они и не пытались. Солдаты в серой, как здания города, униформе просто умирали. Щитки из обычного стекла не выдерживали даже ударов копий, и воины опрокидывали одну фалангу милиции за другой.

Командира Кустодес, возглавляющего атаку, было невозможно не узнать по коническому шлему, украшенному красным плюмажем в виде конского хвоста.

Огромный двуручный меч в его руках описывал стремительные полукружья, поднимался и падал, рубил и колол. Люди шарахались от него, некоторые успевали закричать, но все, кто попадался ему на пути, неизменно разваливались на части. Он убивал, убивал и убивал, не упуская ни единого шанса нанести смертельный удар и ни на секунду не останавливаясь. Дорога под его ногами покраснела, давая начало реке, питаемой кровью.

— Аквилон, — сказал Аргел Тал, глядя сверху на поле боя. Произнося это имя, он покачал головой, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение. — Никогда раньше не видел, как сражаются Кустодес.

На краю крыши, нависавшей над улицей, притаилось несколько Несущих Слово: Аргел Тал, Торгал и его штурмовое отделение. Золотые воины с непревзойденной ловкостью продвигались вперед, и танец их клинков превосходил все, на что были способны смертные.

— Никогда не видел ничего подобного, — признался Торгал. — Может, мы к ним присоединимся?

Снизу над полем боя раздался клич «За Императора!» — клич, который после Монархии ни разу не срывался с губ Несущих Слово. Странно, но теперь Аргел Талу он казался совершенно чуждым.

— Нет, — ответил капитан. — Пока нет.

Торгал, рассеянно поглаживая пальцем триггер активации цепного меча, понаблюдал за боем еще несколько секунд.

— В их манере сражаться что-то не так, — заметил он. — Какая-то странность, которой я никак не могу уловить.

Аргел Тал взглянул на Аквилона: меч кустодия по-прежнему неустанно обрывал жизни людей, и ничего странного в этом он не увидел, о чем и сообщил Торгалу.

Торгал покачал головой, все еще не спуская глаз с кустодия.

— Я не могу сформулировать... Но им чего-то не хватает... Они сражаются... неправильно.

На этот раз, стоило Аргел Талу снова посмотреть на уличное сражение, он

мгновенно увидел. В целом Кустодес вели бой почти так же, как и Астартес, и только опытный глаз мог бы заметить различия. В первый раз капитан сосредоточил свое внимание на одиночном воине, но стоило взглянуть на сцену целиком...

— Точно! — воскликнул Аргел Тал. — Я тоже это вижу.

Но недостаток ли это? Возможно, по стандартам Астартес, которые жили и вели войны в соответствии с понятиями братства, заложенными в их генетический код, так оно и было. Но Кустодес были созданы более сложным и длительным способом — при помощи биологических манипуляций, в результате чего появились на свет телохранители Императора, не связанные узами верности ни с кем, кроме их верховного владыки.

— Они не братья, — сказал Аргел Тал. — Посмотрите, как они двигаются. Взгляните, каждый ведет свой собственный бой, в одиночку, без чьей-либо поддержки. Они не такие, как мы. Это не солдаты, а воины.

От этой мысли у него по коже поползли мурашки. Торгал, похоже, испытывал то же самое, поскольку он озвучил вертевшиеся в голове капитана мысли.

— Львы, — произнес сержант. — Они львы, а не волки и охотятся в одиночку, а не стаей. Золотые, — добавил он, постукивая пальцами по своей броне, — не серые.

— У тебя зоркий глаз, брат.

Аргел Тал продолжал внимательно следить за Кустодес. Теперь, когда он заметил их разобщенность, он больше не мог сосредоточиться ни на чем другом. Это был недостаток, причем серьезный, и компенсировало его только героическое мастерство воинов и слабость противостоящих им противников.

Глядя на идущий внизу бой, он непроизвольно вздрогнул. В памяти всплыли давно знакомые слова Императора, впоследствии ставшие основным принципом легионов Астартес: «Да не познают они страха».

Аргел Тал был одним из тех, кто

воспринимал это изречение в буквальном смысле и полагал, что чувство страха отсутствует в его генокоде. Но поведение его кузенов, не имеющих братьев, вызвало в груди леденящий холод. При всем своем личном совершенстве они оказались лишены слишком многого.

— Не поддерживая братства, — сказал он, — они проигрывают в силе. Им недоступна тактика стаи. Вера в тех, кто сражается рядом. Я подозреваю, что секрет таится в их природе и генетический механизм запрограммирован только на один вид преданности, — возможно, их единственным братом является сам Император.

Наблюдательность не подвела Торгала и на этот раз.

— Они больше не вызывают у тебя восхищения, — сказал он. — Я понял это по твоему голосу.

Аргел Тал только улыбнулся, полагая молчание достаточным ответом.

Внизу на улице Кустодес продолжали сражение.

— Похоже, у них неприятности.

Один из воинов штурмового отделения показал на дальний конец дороги. Они увидели, что из проулка появилась стеклянная машина и направилась навстречу золотым воинам.

На этот раз Аргел Тал поднялся на ноги.

— Пошли, братья. Посмотрим, как волки могут охотиться рядом со львами.

— Как прикажешь, — послышался дружный отклик, и десять ускорителей взревели одновременно.

Приветствие Аквилона было сдержанным. Он воспроизвел знак аквилы на фоне нагрудной брони, где уже красовался выгравированный двуглавый имперский орел.

— Приветствую, капитан.

Аргел Тал ответил другим салютом: он ударил себя кулаком по груди, в том месте, где билось сердце, — таким был символ верности Империуму еще в период Объединительных войн.

— Кустодес. Рад был оказать услугу.

Аргел Тал одним из мечей показал на

поверженную машину. Стеклянная конструкция неподвижно лежала на дороге, разбитая и окруженная трупами ополченцев.

— Любопытно, капитан. Ты приветствуешь меня салютом, вышедшим из употребления еще до начала Великого Крестового Похода.

Несущие Слово выстроились позади и вокруг капитана, и Кустодес тоже окружили своего командира. Это еще не было противостоянием, однако никто из воинов не был настолько наивен, чтобы не заметить сгустившуюся напряженность.

Аргел Тал не попался на приманку.

— Вам вроде бы нужна была помощь, и я рад, что мы оказались неподалеку.

Аквилон усмехнулся и, не сказав больше ни слова, зашагал прочь. Остальные Кустодес последовали за ним, не соблюдая строя. Похоже, что Аквилон тоже не собирался заглатывать наживку.

— Сэр? — окликнул капитана Торгал. — Мы пойдем с ними?

Аргел Тал невольно усмехнулся:

— Да. Хоть здесь и осталось сделать

совсем немного, мы будем воевать рядом с ними.

К рассвету утихли последние предсмертные судороги стеклянного города.

Площадь, выбранная для сбора легиона, была более чем вместительной, но в то же время располагалась в самом центре города. Хрустальные башни после проведенной терминаторами зачистки остались нетронутыми и окружали огромный парк. Под гусеницами танков и сапогами сотни тысяч Астартес земля вскоре превратилась в грязь. Парк тянулся во все стороны на многие километры. В мирное время он служил горожанам местом отдыха и проведения праздников; теперь здесь праздновалось их истребление, и ирония происходящего доставляла Аргел Талу некоторое удовольствие.

Седьмая рота прибыла к месту сбора — не первой, но и далеко не последней — и заняла отведенный ей сектор. Кси-Ню-73 и четыре его боевых робота знали свое

место и не пытались приблизиться к месту построения Несущих Слово. Капитан и его младшие командиры попрощались с техноадептом на краю площади, и Аргел Тал, оглянувшись напоследок, увидел, что жрец Механикум стоит рядом с Инкарнадином. Робот слегка ссутулился рядом со своим господином, но все равно намного возвышался над аугментированным человеком. Безжизненные глаза-линзы с постоянством камеры двигались из стороны в сторону, а рука Кси-Ню-73 рассеянно поглаживала броню машины, словно мягкий мех домашнего любимца.

Они стояли отдельно от Астартес, но далеко не в одиночестве. Карфагенская когорта состояла из десятков манипул, в одну из которых входили четверо подопечных Кси-Ню-73. В строй гордо встали около сотни роботов в красной с черным броне, а значит, помощи у отряда Легио Кибернетика, приписанного к Семнадцатому легиону, запросили многие подразделения. Но лишь у нескольких боевых машин, особо отличившихся в

сражениях, имелись пергаментные свитки с клятвами и молитвами. Все эти роботы, хоть и принадлежащие к различным классам, были занесены в архивы «Фиделитас Лекс» как почетные члены легиона Несущих Слово.

Инкарнадин был одним из них. На его лбу красовался еще и золотой символ Зубчатого Солнца.

Аквилон и Кустодес покинули их, когда Аргел Тал и его братья начали строиться.

— Всего хорошего, капитан, — сказал их командир и отдал салют.

Аргел Тал ограничился кивком:

— И тебе тоже, «Оккули Император».

После этого Кустодес прошли сквозь строящийся легион и встали отдельной небольшой группой. Сотни серых шлемов повернулись в их сторону, следя за каждым движением воинов, наблюдая, осуждая и ненавидя.

Аргел Тал и Ксафен направились в передние ряды, где стоял магистр ордена Деймос и другие командиры Зубчатого Солнца. Несмотря на одержанную победу,

приветствия звучали довольно сдержанно. Аргел Талу потребовалось всего мгновение, чтобы понять причину.

— Сколько времени ты провел с ними? — чуть ли не обвиняющим тоном спросил Деймос.

Аргел Тал взглянул на табло хронометра своего визора:

— Восемь часов и сорок одну минуту.

Деймос не надевал шлем, и на его морщинистом лице застыло выражение выжидания.

— Ну?

— Что, ну? — спросил Аргел Тал. — Я сделал что-то не так?

— Нет, конечно. Тебе есть о чем доложить?

— Да, сэр. — Аргел Тал смотрел ему прямо в глаза. — Но это может подождать.

— Посмотри на них, брат. — Деймос был слишком осторожен, чтобы позволить себе даже жест, но значение его слов не нуждалось в толкованиях. — Посмотри, как они стоят в стороне от нас и все же надеются услышать слова примарха.

Кустодес, прямые, как копья, выстроились в две шеренги по десять человек. Их плюмажи развевались на ветру, а алебарды были подняты, как в присутствии Императора. Они были продуктом усовершенствованного процесса по сравнению с массовым производством Астартес, и было легко вообразить этих золотых рыцарей лучшими представителями человечества, уступающими только примархам. Для неопытных и нетренированных глаз такое предположение стало бы естественным, но тот, кто заметил их недостатки, относился к Кустодес более сдержанно.

Аргел Тал все еще не мог решить, как вести себя с ними. Они великолепно сражались, хотя их боевое искусство имело серьезный изъян. Аквилону было поручено наблюдать за легионом и докладывать о его действиях Императору, и все же он, невзирая на раздражение, вызывал симпатию все то время, пока они сражались рядом, и проявил себя отличным воином.

Несущие Слово уже выстроились под

густо исписанным знаменем Седьмой роты и символом Зубчатого Солнца, ожидая, пока их собратья тоже займут свои места.

— Карфагенцы тоже стоят в стороне от нас, но они будут внимать словам примарха, — заметил Аргел Тал.

— Это другое дело, — проворчал Деймос. — Верховное духовенство Карфагена еще сто лет назад принесло присягу и подписало обязательства. С тех пор почти дюжина их машин зачислена почетными членами нашего легиона. Помотни мои слова: Аврелиан прикажет им удалиться, но они, по крайней мере, заслужили право стоять рядом с нами.

— Со временем Аквилон тоже мог бы его заслужить.

Деймос рассмеялся, так что в их сторону повернулись головы ближайших воинов.

— Ты сам-то в это веришь, капитан?

Аргел Тал отвел взгляд от строя Кустодес:

— Нет, мой лорд. Ни капли.

Ослепительная вспышка телепортации еще не рассеялась, а каждый воин уже заметил удивительную деталь. Лоргар появился не в доспехах командира Несущих Слово, а в одеянии архижреца их домашнего мира. Кор Фаэрон и Эреб, как все и ожидали и как того требовала традиция, стояли по обе стороны от примарха. Но и они были одеты в облачения колхидского жречества, и аугментированные тела скрывались под многослойными одеяниями пепельного цвета.

От порыва перемещенного воздуха на плече Аргел Тала взвились и затрепетали пергаментные свитки. Ряд за рядом, начиная с переднего и заканчивая самым последним, сто тысяч воинов встали на колени. Каждая шеренга, опускаясь, громко стучала керамитом о землю. Над океаном гранитно-серых доспехов остались только высоко поднятые знамена.

Лоргар, повторяя жест каждого капеллана в построенном перед ним легионе, поднял на плечо свой крозиус. Ритуальное оружие, несмотря на свою

угрожающую мощь, ничуть не противоречило мирному облику примарха.

Отсутствие доспехов лишало Лоргара возможности обращаться к воинам через вокс. Вместо этого слуги легиона запустили сервочерепа — лишенные кожи, отбеленные и аугментированные черепа бывших слуг легиона, избранных для продолжения службы и после смерти. Гудящие антигравитационные установки удерживали их в воздухе, в глазницы были вставлены пиктографы, а зубы заменили решетки громкоговорителей.

Один из них неспешно проплыл по воздуху мимо Аргел Тала и навел капитана на беспокойные мысли. Когда-нибудь такая же судьба может ожидать и Кирену. Если ее желание служить легиону в ближайшие десятилетия не пропадет... Аргел Тал, поражаясь собственному беспокойству, повернул голову вслед улетающему сервочерепу. Большинство смертных были бы рады даже такому подобию бессмертия, но Кирена...

— Что с тобой? — прошипел Ксафен. —

Сосредоточься.

Аргел Тал снова повернулся лицом к примарху и вытянулся в струнку. Лоргар с особой тщательностью выбрал место своего появления и теперь стоял на небольшой возвышенности перед рядами поклявшихся ему в верности воинов.

Капюшон медленно сполз с его головы, открыв сильное и прекрасное лицо — лицо его отца, но расписанное золотом и с подведенными сурьмой глазами. Он словно сошел с фрески Древнего Гипта — верховный жрец фараона, обращающийся к верующим.

— Мои верные сыны, раньше во время Ритуала Памяти вы всегда преклоняли колени, как преклонили и сейчас. Но это было в прошлом. Несущие Слово... встаньте.

Забыв о дисциплине, Астартес, ошарашенные приказом примарха, начали переглядываться. Церемония только началась, и вдруг такой неожиданный приказ. Изумленные и смущенные Астартес медлили с его выполнением.

— Встаньте, — повторил Лоргар,

коротко рассмеявшись. — Встаньте все. Сейчас не время демонстрировать свое почтение.

Ксафен тут же поднялся. И остальные капелланы тоже встали. Аргел Тал, глядя на своего друга, немного помедлил, но поднялся на ноги.

— Что происходит? — спросил он.

— Сейчас увидишь, — ответил Ксафен.

Следующие слова Лоргара были обращены не к его сынам. Его поднятая рука блеснула золотом в рассветных лучах и указала на небольшую группу воинов на краю площади.

— А это что? — спросил примарх. Сервочерепа донесли его слова до каждого воина легиона, передавая мягкость голоса даже сквозь треск помех. — Приставленные к нам наблюдатели. От имени Семнадцатого легиона я благодарю вас за помощь в приведении к Согласию этого еретического мира.

Два десятка Кустодес вразнобой поклонились.

Аргел Тал находился слишком далеко,

чтобы услышать ответ Аквилона, но увидел, что командир Кустодес поклонился ниже, чем его товарищи, а потом показал рукой на выстроенный легион.

Ответ Лоргара прозвучал с той же вежливостью и мягкостью, что и слова благодарности:

— Ты прав, кустодий Аквилон. Ваши отношения с Семнадцатым легионом были отрачены. Но сейчас я должен принести тебе свои извинения. Слова, с которыми я хочу обратиться к своим сыновьям, не предназначены для ушей посторонних.

И снова у Аргел Тала не было ни малейшего шанса услышать ответ Аквилона. А Лоргар улыбнулся и воспроизвел символ аквилы. Когда примарх сформировал символ, его золотые руки на фоне серого одеяния изобразили орла, в точности повторявшего того, что украшал нагрудники телохранителей Императора. Аргел Тал ничуть не сомневался, что все присутствующие уловили символичность этого жеста.

— Мои сыны были посрамлены и

пережили крах своей веры. Я привел их в этот мир не только для того, чтобы перековать в битве, но и для разговора о будущем. Взгляни на юг, даже наши союзники Механикум удаляются в знак уважения.

Аргел Тал оглянулся и увидел, что слова примарха исполняются и воины Механикум удаляются. Осталось лишь несколько роботов, удостоенных чести быть зачисленными в легион. Инкарнадин неподвижно затер, и знамя Несущих Слово спадало с его плеча, подобно королевской мантии.

Лоргар улыбнулся точь-в-точь как его отец и не дал Аквилону возможности ответить.

— У каждого легиона есть свои обычаи и традиции, Аквилон. Ритуал Памяти как раз из их числа. Не станешь же ты навязывать свое присутствие Волкам Русса, когда они оглашают воем каменные курганы своих павших? Посмеешь ли нарушить медитации сынов Просперо, когда они размышляют о человеческих возможностях?

После этого Аквилон шагнул вперед. Пролетавший сервочереп подхватил его ответ и передал слова всему легиону:

— Если Император, возлюбленный всеми, поручил бы мне наблюдать за этими легионами...

Лоргар всплеснул руками, а выражение его лица стало настолько снисходительным, что граничило с насмешкой.

— Я присутствовал, когда мой брат Жиллиман передавал тебе приказ, Аквилон. Твой долг убедиться в том, что Несущие Слово целиком и полностью следуют принципам Великого Крестового Похода. И я, и все мы благодарим тебя за поддержку. Но сейчас ты нарушаешь приличия. Ты проявляешь неуважение к нам и попираешь наши традиции.

— Я не хочу никого оскорбить, — возразил Аквилон, — но мой долг обозначен предельно ясно.

Лоргар кивнул, изобразив сочувствие. Это было явной показухой, и Ангел Тал никак не мог решить: смеяться ему или стыдиться.

— Но давай не будем нарушать пределы полномочий, — сказал примарх. — Ты не имеешь права постоянно следить за мной, словно тюремный надзиратель. Я сын Императора, созданный его искусством и призванный творить его волю. А вы все — стая генетических игрушек, собранных в лаборатории из ошметков биомассы. Вы настолько ниже меня, что я не помочусь на вас, даже если вы будете корчиться в пламени. Итак... во избежание будущих недоразумений буду говорить предельно ясно.

Аквилон сделал еще шаг вперед, но Лоргар заставил его остановиться, произнеся одно лишь имя:

— Кор Фаэрон.

Как только слова отзвучали, на канале вокса заскрежетал голос Первого капеллана:

— Всем Несущим Слово, взять на прицел Кустодес.

В отличие от приказа встать с колен, этот не вызвал ни малейших сомнений. Тысячи и тысячи Несущих Слово подняли болтеры и активировали цепные

течи.

— Прощайте, — сказал Лоргар, сопровождая слова отеческой улыбкой отца. — До скорой встречи на орбите.

Два сервитора подняли громоздкий телепортационный маяк, размерами и формой напоминающий усиленную нефтяную бочку. Бионические рабы выкатились из передних рядов Астартес и бесцеремонно сбросили на землю шедевр инженерной мысли, воплощенный в бронзе и черном железе. Пока Аквилон, не шелохнувшись, смотрел на Лоргара, маяк покачнулся и опрокинулся в траву.

— Можете воспользоваться этим для возвращения на «Фиделитас Лекс», — предложил примарх. — Идите с миром.

— Хорошо. — Аквилон, нерешительно помедлив, наклонился и поставил маяк вертикально. — Как прикажешь.

— И он просто так ушел? — спросила Кирена.

Ее нос наморщился, но Аргел Тал не понял, было ли это выражением смущения или недовольства.

— У него не было выбора, — ответил капитан.

— А что случилось потом?

— А потом... Примарх смотрел на легион так долго, что, казалось, прошла целая вечность. И прежде чем снова заговорить, он улыбнулся.

— А о чем он говорил?

— О двух вещах. — Аргел Тал отвел взгляд от ее лица. — Во-первых, о древнем обычае паломничества в поисках того места, где смертные встречаются с богами. И еще он говорил о Колхиде.

— О твоем домашнем мире? — В ее голосе прозвучало благоговение. — Колхида. Колыбель ангелов.

— Да, — сказал Аргел Тал, наблюдая выражение восторга на ее лице. — Мы возвращаемся домой.

Глава 9
Алый король
Город серых цветов
Блаженная

«Колхида — страдающий от жажды мир».

В зависимости от говорившего эти слова произносились либо с усмешкой, либо с проклятиями. В любом случае они были правдивы: континенты постоянно испытывали жажду, и сам мир был отмечен воспоминаниями.

Планета втрое превосходила Землю размерами, но далеко не так густо населена, и на один оборот вокруг безжалостного солнца ей требовалось почти пять терранских лет. Она и сама вращалась очень неторопливо: один день длился целую терранскую неделю, а неделя была равна месяцу.

С орбиты ее поверхность выглядела картиной, составленной из суровых горных хребтов и золотисто-коричневых пустынь,

пересекаемых тонкими нитями рек. В таких же засушливых землях, которые впоследствии назовут колыбелью цивилизации, появились на свет древние прародители человечества — первые мужчины и женщины мира, больше не называемого Землей.

Колхида сохранила свою первобытность. Поскольку человечество зародилось на похожих просторах, Колхида была похожа на Землю, какой она могла стать, а не на Терру, какой она стала.

На протяжении многих поколений население распространялось по засушливым континентам, но большинство городов вырастали вдоль побережий. Города-государства поддерживали между собой связь посредством океанских и воздушных торговых путей, поскольку путешествия по пустынным плато были бы безрассудной глупостью.

В отличие от большинства других миров Империума, Колхида не была защищена огромными орбитальными платформами. И что более показательно,

вокруг планеты почти не было промышленных космических станций, предназначенных для снабжения и дозаправки паразитических экспедиционных флотилий во время их крестовых походов по Галактике.

Колхида еще не избавилась от шрамов, оставленных эрой чудес, окончившейся в пламени. В этом отношении она была эхом будущего, уже сошедшего на Кхур. На поверхности планеты чернели руины погибших городов, уничтоженных в незапамятные времена и не восстановленных с тех пор. Новые города возводились в других местах, и в них зарождалось новое, более простое и спокойное общество. Судя по древним руинам, в Колхиде когда-то царила технократия, хотя покинутые развалины почти ничего не могли рассказать о причинах ее падения. Наследие утраченного царства можно было увидеть и на орбите, где парили мертвые обломки космических доков, прикованные к планете и не распадающиеся окончательно уже на протяжении нескольких тысячелетий.

В окрестностях Колхиды редко появлялись межзвездные флотилии, и причина тому крылась не в недостатке горючего для дозаправки. Ходили упорные слухи о неблагоприятных условиях ближайших маршрутов, и их подогревал тот факт, что неподалеку полностью исчезла Две тысячи сто восемьдесят восьмая экспедиция. Взгляд Колхиды был обращен внутрь, а возможно, и в прошлое, и правители планеты отказывались убрать с орбиты свидетельства Темной Эры Технологии и игнорировали все имперские эдикты о строительстве новых орбитальных баз. Единственной уступкой стало разрешение Механикум Марса посещать эти безмолвные кладбища и забирать оттуда все, что им понадобится.

Что те и сделали — с большим энтузиазмом и с неменьшей для себя выгодой.

Этот мир не был заколдован. Да ни один имперский служащий и не позволил бы себе употребить это смехотворное суеверное утверждение из прошлых времен.

Но связи Колхиды с другими мирами Империума все же оставались весьма скудными, а ее нежелание снабжать Великий Крестовый Поход — неизменным.

Многие говорили, что подобное небрежение могло происходить только от самого Лоргара, семнадцатого сына Императора, поскольку ни один служащий Империума, независимо от его ранга, не мог бы позволить миру оставаться настолько странным и провинциальным. В столичном городе планеты Варадеше на огромных воротах, что вели к Башенному храму Завета, висела золотая табличка. На ней были выгравированы приписываемые Лоргару слова, произнесенные во время разговора с отцом. Сам примарх никогда не признавал их авторства, но и не опровергал его.

«Забери меня из моего дома, и я стану странствовать между звездами твоей империи. Но оставь Колхиду такой, какой я ее создал: планетой спокойствия и процветания».

Кроме того, те немногие, кто был очевидцем подобных событий, утверждали,

будто примарх, каждый раз проходя мимо этой таблички, улыбался и проводил пальцами по гравировке.

Но Колхида не была лишена технологических благ. Несмотря на нежелание ее правителя снабжать армии Императора, планета пользовалась всеми достижениями Империума. Аускпики в наблюдательных башнях Варадеша быстро засекли бурную активность на орбите, и пульты сканеров замигали от обилия полученных сигналов.

Прошло немало лет, прежде чем Уризен вернулся домой.

И на этот раз его кое-кто поджидал.

Корабль носил гордое имя в честь легендарного города из мрачных глубин сложной мифологии Просперо. В небесах Колхиды «Сенхетра» был единственным живым кораблем и оставался на орбите, но не активировал ни орудий, ни оборонительных щитов. Неприхотливый боевой крейсер, казалось, не возражал против молчаливого ожидания на геоцентрической орбите и спокойно

купался в яростных лучах местного солнца.

Реальность открылась рваной раной, и из бездны вырвалась флотилия Несущих Слово. Мощные двигатели, разгоняя тьму, понесли корабли к домашнему миру.

Повелитель Несущих Слово, пребывая в стратегиуме «Фиделитас Лекс», увидел на экране приближающийся красный корабль. Лоргар улыбнулся и закрыл глаза, сдерживая нахлынувшие чувства.

— Приветственное послание, — доложил вахтенный офицер.

— Предоставить канал, — приказал Лоргар.

Не переставая улыбаться, он открыл глаза и увидел на мониторе зернистое изображение с капитанского мостика другого корабля.

Экран явил его взору гиганта в ничем не примечательном черном кольчужном доспехе и окружавших его членов экипажа. Его кожа потемнела до цвета меди, словно после многих дней, проведенных под чужими солнцами, а шлем венчал плюмаж из пучка красных волос. Один глаз

отсутствовал, и на его месте виднелся сморщенный шрам. Второй глаз сверкал цветом, не поддающимся определению из-за плохого качества связи.

— Это смахивает на мелодраму, брат, — приятным баритоном произнес гигант. — У тебя так много кораблей, а я привел всего один.

— Ты пришел, — откликнулся Лоргар, не переставая улыбаться.

— Конечно пришел. Но ты заставил меня пересечь половину Империума, и я хотел бы узнать причину такой спешки.

— Я все тебе объясню, обещаю. Встреча с тобой радует мое сердце.

— И я тоже рад тебя видеть. Прошло немало времени. Но... брат, — гигант нерешительно помедлил, — до меня дошли слухи о Монархии. Это правда?

Улыбка исчезла.

— Не сейчас, — сказал Лоргар. — И не здесь.

— Хорошо, — согласился Магнус Красный. — Встретимся в городе Серых Цветов.

Жизнь в пустыне — это всегда борьба за существование.

На Колхиде, как и во множестве других засушливых миров Империума, местным обитателям тоже приходилось всеми силами бороться с климатом. Для людей это означало возведение прибрежных городов, колоссальных водоочистительных станций, ирригационное земледелие и необходимость приспосабливаться к сезонным разливам быстрых рек, пронизывающих пустыни кровеносными артериями.

Варадеш, Святой город, являлся средоточием всех этих усилий. Обширные орошаемые поля тянулись от его стен, знаменуя победу человеческой изобретательности над природой. Колхида страдала от жажды, но величие человеческого разума проявлялось здесь в полном блеске.

Для других форм жизни, неспособных влиять на окружающие их условия, приспосабливание и эволюция шли рука об руку. В изнуренных засухой равнинах

многие растения обзавелись опушенными тонкими волосками листьями, что помогало удерживать больше влаги во время редких дождей и противостоять иссушающим ветрам. Колхида выдвигала строгие требования к своей флоре и фауне.

Все эти формы жизни за прошедшие годы были занесены имперскими учеными в каталоги и мгновенно забыты. Все, кроме одного дикого цвета, произраставшего в сыпучих пустынях, — цветка, имевшего для жителей Колхиды слишком большое значение, чтобы его проигнорировать.

Лунная лилия обладала серебристыми листьями, способными отражать большую часть лучей жестокого солнца, и это позволяло пожертвовать фотосинтезом во имя выживания. Хрупкая и прекрасная лилия служила подарком влюбленным, украшала все свадьбы и празднества. А тех, кто овладел искусством разведения и ухода за этими цветами, уважали наравне с учителями и жрецами.

На всех городских балконах, особенно на башнях Завета, огромные грозди белых цветов и серебристых листьев выделялись

на фоне стен из желтоватого камня. Название Варадеш было принято в документах Империума, во время религиозных церемоний правящей касты столицу называли не иначе как Святым городом.

А для большинства жителей Колхиды Варадеш всегда оставался городом Серых Цветов.

В честь возвращения легиона в домашний мир все улицы заполнили толпы народа, и когда первая «Грозовая птица» — золотой гриф — с ревом приземлилась неподалеку от Башенного храма, люди уже с нетерпением ждали возможности увидеть возвратившегося мессию и прибывших с ним пилигримов.

Аргел Тал подходил к проблеме аккуратно и издалека. Он не мог предугадать реакцию Кирены.

— На поверхности планеты тебе придется соблюдать осторожность, — сказал он.

Путь от руин Сорок семь — шестнадцать занял четыре месяца.

Четыре месяца полета по спокойным просторам варпа, четыре месяца молитв и тренировок, четыре месяца рассуждений Ксафена о Старой Вере и о скрытых истинах, возможно содержащихся в легенде о паломничестве. Аргел Тал сам не мог определить, во что он верит, и чужие сомнения его не волновали. Он проводил много времени с Киреной, поддерживал боевой дух Седьмой роты, а также проводил учебные бои с Аквилоном. Кустодий оказался сущим кошмаром для любого противника, и оба воина получали немалое удовольствие от каждого сражения. Их никак нельзя было назвать друзьями, но невольное восхищение стало достаточным поводом для частых встреч в тренировочных отсеках.

С учетом этих четырех месяцев перелета на Колхиду Аргел Тал и братство Зубчатого Солнца уже больше полугода отсутствовали в своей экспедиционной флотилии. Немногие дошедшие до них сообщения свидетельствовали о том, что Тысяча триста первая экспедиция продолжает

слать братству Зубчатого Солнца призывы вернуться, поскольку упорное сопротивление Согласию очередного мира требовало помощи Астартес. Флотилия была не слишком большой и без контингента легиона полностью увязла в конфликте.

Одно из таких посланий было адресовано лично ему как командиру роты. Оно пришло от командующего флотилией Балока Торва, ветерана космических войн, но, как он сам признавал, не обладающего даром предвидения в операциях на поверхности.

«Мы направляем основные силы на штурм одной из горных крепостей, но они пользуются любым преимуществом ландшафта, а продвижению наших отрядов бронетехники препятствуют бесконечные засады в предгорьях. Жаль, что здесь нет тебя, командир роты Клинки Седьмой могли бы быстро и эффективно выполнить всю работу».

Аргел Тал сохранил послание в памяти информационного планшета в качестве епитимии. Время от времени он

открывал страницу и перечитывал его, получая горькое удовлетворение от чувства бессилия.

Ждать осталось недолго. Посетив Колхиду, они вернутся к Великому Крестовому Походу. У примарха здесь имеется какое-то дело, и, говоря откровенно, побывать в домашнем мире было очень приятно. Аргел Тал не ступал на его землю уже три десятилетия.

— Как я сказал, тебе придется соблюдать осторожность на поверхности, — повторил он.

Кирена сильно изменилась. Изможденная тень, с рыданиями покидавшая развалины идеального города, бесследно исчезла.

— Я не понимаю, — сказала она.

Ее невидящие глаза были закрыты — эту манеру она неосознанно приобрела за последние несколько месяцев. Беседуя, Кирена укладывала волосы в прическу, казавшуюся Аргел Талу излишне сложной. Ее руки двигались медленно и то, что не видели глаза, познавали прикосновениями. Он смотрел на нее с удовольствием, и эта

привычка стала чем-то вроде запретного наслаждения. Хотя между ними не было никакого влечения, он часто ловил себя на том, что любуется ее движениями, такими мягкими и осторожными, словно женщина постоянно опасается повлиять на окружающий мир. Казалось, что она старается не оставлять отпечатков пальцев ни на одном предмете. Но ни страха, ни сомнений в ее поведении не было. Только внимание и осторожность.

Капитан пришел в полном боевом облачении, но без шлема, с непокрытой головой, чтобы Кирена слышала его собственный голос, а не динамики. Она понемногу училась отличать его голос от голоса Ксафена в основном благодаря разнице в акцентах. Гортанный говор Аргел Тала звучал отрывисто, почти грубо, тогда как Ксафен, выходец с Урала на Терре, нередко превращал «с» в «з». Капеллан говорил как иностранный дипломат, а капитан — словно бандит или уличный мальчишка.

— Чего ты не понимаешь? — спросил он.

Она поиграла прядью волос, упавшей на щеку.

— Я не понимаю, почему мне надо быть осторожной.

Это был непростой вопрос. Население домашнего мира проявляло огромный интерес к Астартес и испытывало гордость по поводу новых завоеваний своих высоких покровителей, и потому из легиона на Колхиду постоянно поступали известия. Отцы и матери внимательно прислушивались к новостям в надежде получить хоть крохи информации о своих сыновьях, забранных из семьи еще в детстве для преобразования в Астартес. Духовенство Завета черпало в словах примарха вдохновение для своих проповедей.

Связь поддерживалась через астропатов, посылавших короткие психоимпульсы своим напарникам в домашнем мире. С башен Святого города несколько раз в неделю транслировались новости о продвижениях легиона, и эти передачи неизменно привлекали толпы слушателей. Каждый раз, когда легион

приводил к Согласию очередной мир, Завет устраивал в городе празднества для всех его обитателей.

Все, абсолютно все слышали донесения из Монархии. Знали об унижении легиона. Несущие Слово на коленях. Императ безвозвратно разрушил Имперское Кредо.

Возвращение флотилии в домашний мир на этот раз было отмечено мрачной серьезностью, поскольку все понимали, что речь идет не только о посещении родной планеты.

И кроме того, были еще и выжившие жители Монархии. Легион обнаружил несколько живых людей в развалинах города, и Кирена стала одной из семи спасенных. Известия об этих святых беженцах распространились по всей Колхиде. Они стали живыми мучениками, извлеченными из праха и унижения легиона. Завет слал во флотилию легиона страстные прошения, умоляя примарха позволить беженцам ступить на землю Колхиды и, возможно, даже стать членами святого ордена.

Семь имен уже звучали в ежедневных молитвах наравне с именами святых. Все это трудно поддавалось объяснению, и даже Аргел Тал узнал о популярности беженцев только час назад. Братство Трона из Костей высадилось на планету вскоре после примарха, и четверых прибывших с ним беженцев встречали восторженные толпы жителей. Каждое их слово тщательно записывалось, имена скандировали на улицах, и люди стремились к ним прикоснуться в надежде получить частицу их божественного везения.

На корабли флотилии немедленно были отправлены послания, предупреждавшие все ордена, в которых появились беженцы, что в городе Серых Цветов их ждут не меньше, чем самого примарха.

— Тебе надо быть осторожной из-за того, что на поверхности планеты могут встретиться люди, желающие получить твое благословение и приблизиться без предупреждения. Это может сбить тебя с толку.

Ее одежда слуги была очень простого покроя, но Кирена аккуратно разгладила ее.

— Все равно я не понимаю. Почему они так хотят нас увидеть?

— Ты икона, — сказал он. — Живая икона. Мученик, но не мертвый, а выживший. Ты заплатила за невежество Колхиды и тем самым заслужила наше общее огромное уважение. Мне передавали, что вас семерых связывают с судьбой всего легиона. Отражение неудачи, надежда на будущее. Твоя жизнь — это урок, который все мы должны усвоить.

Она повернула лицо в его сторону, хотя и не видела собеседника.

— Это весьма поэтично для тебя, капитан.

— Лучше объяснить я не в силах.

— Так я икона для них?

Он надел шлем. Все вокруг окрасилось синевой, и на дисплее появилась информация о цели. Голос превратился в рычание вокса:

— Не только для них.

Спуск на Колхиду длился не больше двадцати минут.

В рубке «Громового ястреба» Аргел Тал стоял за спиной Малнора, занявшего место пилота. Они спустились к иссохшей земле и уже приближались к глинобитным стенам города, оставив позади пустыню. От вставшей на горизонте панорамы города захватывало дух. Повсюду, насколько доставал глаз, поднимались желтоватые здания и кирпичные башни. На юге текла великая река Франес — широкая сапфировая дорога, сверкавшая в солнечных лучах. В просторной акватории неторопливо двигались речные баржи и громоздкие грузовые суда.

— Десантный катер легиона «Восходящее солнце», говорит контрольный пункт западного сектора. Ответьте, пожалуйста.

Аргел Тал нахмурился под шлемом. Это не предвещало ничего хорошего.

— Бдительные стражи, — заметил Малнор, протянув руку к кнопке активации вокс-передатчика.

— «Восходящее солнце» на связи.

— «Восходящее солнце», подтвердите, пожалуйста, присутствие на борту Блаженной Леди.

— Кого? — Малнор отключил канал связи и через плечо оглянулся на Аргел Тала. — Капитан?

Аргел Тал пробормотал колхидское ругательство.

— Я думаю, они имели в виду...

— Это, наверное, шутка, — проворчал Малнор.

— У меня мурашки по коже, — сказал Аргел Тал. — Это не шутка.

— Говорит «Восходящее солнце», — произнес в микрофон Малнор. — Повторите, пожалуйста.

— «Восходящее солнце», говорит контрольный пункт западного сектора. Подтвердите, пожалуйста, присутствие на борту Блаженной Леди.

— Не знаю, — проворчал Малнор. — Это зависит от того, что вы имеете в виду.

Голос на другом конце вокс-канала выдал пояснения и координаты приземления.

— Ситуация выходит из-под контроля, — заметил Малнор.

Капитан кивнул:

— Будь наготове. Ты сам вызвался в отряд сопровождения.

— Как прикажешь.

«Громовой ястреб» лишь слегка вздрогнул, коснувшись посадочной платформы.

— Я что-то слышу, — сказала Кирена.

Она стояла в грузовом отсеке между Ксафеном и Торгалом.

— Двигатели снижают обороты, — пояснил Торгал, отлично зная, что это не так.

Он уже выглядывал из окна рубки перед самой посадкой и, как всякий другой Астартес, обладал усиленным слухом, позволявшим легко отличить уменьшавшийся рев двигателей от звуков за бортом катера.

— Нет, — возразила Кирена. — Это голоса. Я слышу голоса.

Аргел Тал вышел вперед и приготовился открыть люк и опустить

трап. Малнор выскочил из рубки и торопливо спустился в грузовой отсек. Отсалютовав Аргел Талу, он занял позицию за спиной уроженки Монархии.

— Кирена, ты можешь растеряться. — Прошедший через вокс-канал голос Аргел Тала зазвучал почти угрожающе. — Но не бойся. Мы все четверо постоянно будем окружать тебя: Малнор сзади, Торгал слева, Ксафен справа. А я пойду впереди. Нам предстоит небольшой переход до монастырской башни, где ты и останешься.

— А что происходит? — спросила она. Все четверо воинов отчетливо слышали, как участилось ее сердцебиение, гулко отдававшееся в грудной клетке. — Что случилось?

— Тебе не о чем беспокоиться, — заверил ее Ксафен. Это было все, что он произнес, пока не надел шлем. — Мы будем рядом.

— Но...

— Все будет хорошо, — пообещал Аргел Тал и открыл люк.

В грузовой отсек хлынули потоки

солнечного света. И приветственные возгласы многотысячной толпы.

— День будет долгим, — вздохнул Торгал.

Предсказание Торгала полностью сбылось.

События этого дня, несомненно, потрясли Кирену, но все Астартес утверждали, что она держалась прекрасно. На Колхиде всегда царили мир и порядок, и жители города Серых Цветов превыше всего почитали своих духовных лидеров. В менее цивилизованных мирах восторженная встреча беженцев из Монархии могла перерасти в бурные празднества, граничащие с беспорядками. Но здесь люди приветствовали Астартес криками, стоя по обе стороны дороги, и бросали под ноги лепестки лунных лилий.

Сразу после выхода из катера Кирена невольно поднесла руку к губам, потрясенная обрушившейся на нее стеной звуков. Латная перчатка Ксафена ободряюще коснулась ее плеча. В нескольких шагах впереди Аргел Тал

выругался на непонятном ей языке.

А затем они пошли.

В оглушительном шквале приветствий Кирена лишилась своего второго чувства. Она уже привыкла воспринимать окружающий мир на слух, но волна громких приветствий смыла все остальные звуки, и это испугало ее. Несколько раз она протягивала руку, чтобы кончиками пальцев прикоснуться к холодному металлу силовой установки на спине Аргел Тала.

— Они близко? — спросила она.

Кирене казалось, что толпа подступила вплотную.

— Они до тебя не дотронутся. — Вроде бы эти слова произнес Торгал, но из-за фильтров шлема Кирена не могла определить точно. — Мы стоим между ними и тобой, маленькая госпожа.

Точно, это Торгал. Только он один так ее называет.

— А они будут прикасаться к вашей броне? — спросила она. — На счастье?

— Нет. Это противоречит нашим традициям.

На этот раз она решила, что ответил Ксафен, но больше он ничего не сказал.

Крики не утихали. Толпы людей скандировали то ее имя, то присвоенный ей титул.

— Сколько их здесь? — ослабевшим вдруг голосом спросила Кирена.

— Тысячи, — ответил один из Несущих Слово.

В вихре криков было трудно определить, с какой стороны раздавался голос.

— Мы уже почти пришли. — Это определенно Аргел Тал.

Несмотря на шлем, она сумела распознать акцент.

Капитан никак не мог справиться со своей тревогой. Он ощущал во рту ее едкий медный привкус. Аргел Тал постоянно сканировал толпу, и рамки прицела перескакивали с одного крестьянина на другого. Встречающие выстроились вдоль обочин улиц ряд за рядом. Их слишком много для обычного возвращения домой.

— Сэр? — окликнул его по воксу

Малнор. — А свитки с обетами?

— Действуй.

— Благодарю, сэр.

Малнор покинул строй и направился в толпу. Горожане тут же стали падать на колени и опускать взгляды. Без особой торжественности, но весьма аккуратно сержант отстегнул пергамент с правого наплечника. Он скатал его в рулончик и протянул одному из стоявших на коленях обывателей. Старик принял его дрожащими руками. Тряслись ли они от волнения или просто от старости, было неясно, но сверкнувшие влагой глаза свидетельствовали о его восторге.

— Благодарю, высокий господин, — сказал старик и в знак уважения прижал свиток ко лбу.

На голени Малнора имелся еще один свиток. Он снял и его и предложил молчаливо плакавшей женщине.

— Да снизойдет на тебя благословение, — прошептала она и прижала пергамент ко лбу, как до этого сделал старик.

— Из пламени праведности, —

нараспев произнес Малнор, — через кровь очищения. Мы несем Слово Лоргара.

— Истинно, — хором отозвались стоявшие поблизости горожане.

Малнор в знак признательности склонил закрытую шлемом голову и вернулся к своим братьям.

— Что случилось? — спросила Кирена. — Почему мы остановились?

— Получить свиток с доспехов Астартес считается благословением, — пояснил Аргел Тал.

Спустя несколько минут Аргел Тал опять остановил процессию и протянул свиток с обетом молодой матери, державшей на руках ребенка. Она приложила пергамент ко лбу сына, потом к своему лицу.

— Как твое имя, воин? — спросила она, задрав голову, чтобы на него посмотреть.

— Аргел Тал.

— Аргел Тал, — повторила она. — С этого дня мой сын будет носить это имя.

Если фигура, облаченная в боевой доспех, могла выражать смущение, капитан выглядел именно так.

— Я польщен, — сказал он. — Всего хорошего, — добавил он и вернулся к небольшой группе.

Торгал сверху вниз посмотрел на хрупкую фигурку Кирены.

— А ты примешь мой свиток с обетом, маленькая госпожа? — предложил он.

— Я теперь не слишком много читаю. — Она улыбнулась открыто и искренне. — Но спасибо тебе, Торгал.

После недолгой прогулки по улицам, которых она не могла видеть, остаток дня Кирена провела в одном из храмов Завета. Аргел Тал и его офицеры находились с ней все время, пока чрезмерно ревностные жрецы задавали ей бесконечные вопросы. Вместо стула ей, словно царственной особе, предложили прилечь на кушетку со множеством подушек. Но великолепное ложе оказалось неудобным, и Кирена долго ворочалась, пытаясь найти подходящее положение. В конце концов она села и выпрямилась, как на обычном стуле.

— Что ты увидела в последний момент, перед тем как лишиться

зрения? — спросил один жрец.

— Опиши огненный дождь, — настойчиво требовал другой.

— Расскажи, как падали городские башни.

Вопросы продолжались без конца, и Кирене стало любопытно, сколько человек ее расспрашивают. В комнате было холодно, а наличие слабого эха говорило о том, что они находятся в огромном зале. Кроме голосов, вокруг постоянно слышался гул, от которого ей хотелось стиснуть зубы, — одно дело узнать гудение работающих доспехов Астартес, но совсем другое — к нему привыкнуть.

— Ты ненавидишь Императора? — спросил жрец.

— Что произошло после крушения города? — задал вопрос второй.

— Ты убила кого-то из своих обидчиков?

— Как тебе удалось ускользнуть?

— Будешь ли ты служить Завету в качестве верховной жрицы?

— Почему ты не приняла предложение легиона заменить глаза?

Ответ на этот вопрос очень заинтересовал жрецов.

Кирена притронулась пальцами к своим глазам и стала объяснять:

— В моем мире существует поверье, что глаза — это окна души.

В ответ послышалось негромкое перешептывание, не предназначавшееся для ее слуха.

— Как странно, — заметил один из них. — Неужели ты опасалась, что душа покинет твое тело через пустые глазницы? И из-за этого отказалась?

— Нет, — ответила Кирена. — Дело не в этом.

— Тогда просвети нас, пожалуйста, Блаженная Леди.

Она все еще смущенно ежилась и вспыхивала всякий раз, как только слышала этот титул.

— У нас говорили, что те, кто носит чужие глаза в этой жизни, никогда не попадут в рай. Наши жрецы заверяли нас, что в искусственных глазах сервиторов видят души проклятых и осужденных.

На некоторое время воцарилась

тишина.

— И ты веришь, — заговорил потом один из жрецов, — что твой дух останется запертым в твоем мертвом теле, если ты откажешься от своих, пусть и слепых глаз?

От такого предположения она невольно вздрогнула.

— Я не знаю, во что верить. Но я еще подожду, может, зрение вернется. Такая вероятность еще сохраняется.

— Довольно, — прогудел голос из вокс-динамика. — Вы смущаете ее, кроме того, я дал слово Уризену, что к полуночи доставлю ее в Башенный храм.

— Но времени еще достаточно, чтобы...

— При всем моем уважении, жрец, тебе лучше помолчать. — Аргел Тал подошел ближе, и у Кирены свело зубы от гула его доспехов. — Идем, Кирена. Примарх ждет.

— Сможет ли Блаженная Леди посетить нас завтра? — раздался им вслед тонкий голосок одного из жрецов.

Ни один из Астартес даже не

потрудился ответить.

Снаружи ее снова поджидала толпа. Кирена улыбнулась, повернувшись на крики, и слегка помахала рукой, хотя щеки запылали от смущения и неуверенности. Первым и главным для нее стало желание скрыть свою неловкость. Она никогда к этому не привыкнет. И будет ненавидеть это, пока все не закончится само собой или пока они не покинут Колхиду.

— Мы могли и не уходить, — сказала она. — Я бы смогла ответить еще на какие-то вопросы. Я все правильно сделала?

Ответ Аргел Тала донесся сквозь шум толпы.

— Приношу свои извинения за то, что воспользовался твоим именем как предлогом, — сказал он. — Но тянуть допрос дальше не имело смысла. Некоторые вопросы были абсолютно бесцельными, на другие мы давно ответили в рапортах из легиона. Они просто скучные и самодовольные бюрократы.

— Разве это не кощунство?

Противиться воле Завета?

— Нет, — сказал капитан. — Это было тактическое отступление перед лицом превосходящей скуки.

Кирена улыбнулась этим словам, и Астартес повели ее дальше.

Меньше чем через три минуты, когда Кирена уже набрала в грудь воздуха, чтобы отметить теплоту ночного ветерка, дувшего из пустыни, сверху вдруг раздался грохот, как будто сразу разбились сотни окон.

Она не могла этого видеть, но четверо ее провожатых немедленно замерли и уставились на Башенный храм — спиральную башню из желтоватого камня, самую высокую в городе и расположенную в его центре.

Приветственные крики толпы сменились шепотками и всхлипами. Двое Астартес, кто именно, она не смогла определить, стали монотонными вокс-голосами читать молитвы, прославляющие примарха.

— Что случилось? — спросила она.

— Идем, — приказал Ксафен.

Кто-то схватил ее за локоть и потянул вперед, так что Кирене пришлось бежать. Доспехи, приспосабливаясь к другому темпу, отозвались недовольным рычанием.

— Что происходит? — снова попыталась она выяснить. — Что это был за грохот? Взрыв?

— Это обсерватория примарха наверху центральной башни, — ответил Аргел Тал. — Что-то неладное.

Глава 10
ПРАВО ВОЗГЛАВИТЬ ЛЕГИОН ЭМПИРЕИ СТРАДАНИЕ

Часом ранее Лоргар, прислонившись к перилам балкона, смотрел на город. Из Башенного храма Ковенанта открывался ни с чем не сравнимый вид на Варадеш, и до примарха, наблюдавшего за опускающимся к горизонту солнцем, доносились запахи пряностей, цветов и горячего песка.

Магнус стоял рядом, все в той же черненой кольчуге, и на его медной коже тестами поблескивали капельки пота. Из двух братьев Магнус был более высоким и даже до потери глаза мало напоминал их царственного отца. Лоргар же являл собой образ Императора в его неведомой юности — вечно тридцатилетний.

— Ты здесь славно поработал, —

сказал Магнус, обозревая Варадеш.

Спиральные башни, украшенные покатыми спусками, словно изогнутые рога... море красновато-желтых зданий... Огромные плантации лунных лилий, растущих в неплодородной почве, готовых разбросать свои цветы по улицам и балконам города...

— Я видел Тизку. — Лоргар искренне улыбнулся. — И я польщен, что ты, покинув свой Город Света, еще хвалишь работу моих людей в этом мире.

Магнус рассмеялся так раскатисто, словно сошла далекая лавина.

— Подумать только, такая красота создана из речного песка и прессованной грязи. Город Серых Цветов кажется мне раем, Лоргар. Ты с непревзойденным искусством соединил технологии и древность. Это наводит меня на мысль о тех первых городах, возведенных человечеством в пустынях, которые они были вынуждены называть своим домом.

Лоргар тоже засмеялся и покачал головой:

— Брат, я не видел ничего подобного в

свитках.

— И я тоже, — улыбнулся одноглазый король. — Только в видениях. Во время медитаций. Во время странствий по волнам и глубинам Великого Океана.

Улыбка Лоргара стала шире. Считая остальных своих братьев ограниченными, он сильнее всего был привязан к Магнусу. И не только потому, что он был первым встреченным братом, а потому, что Магнус был одним из немногих, на кого повелитель Несущих Слово мог положиться. Остальные братья в той или иной степени были жестокими дикарями, хладнокровными орудиями войны или тщеславными полководцами.

Кроме Хоруса, конечно. Ненавидеть Хоруса было невозможно.

Он любил Магнуса, потому что с ним было приятно поговорить, но никогда не считал себя равным ему. Психические способности Магнуса были исключительны — братья часто обсуждали то, что Магнус видел во время духовных путешествий по бесконечности. Прошлое. Будущее. Сердца и мысли людей.

— Кайрус, — произнес Магнус более мягким тоном. — Аликсандрон. И в первую очередь Бабалун, поскольку там имелся огромный висячий сад вроде тех, что венчают твой город наподобие серебряной короны.

Эти слова согрели душу Лоргара. Красоты прошлого, возрожденные благодаря человеческому вдохновению.

— Как я уже говорил, — сказал он, — это не мой город. Я приложил руку к его устройству, но нельзя приписывать все здешние чудеса мне одному.

— Опять твоя вечная скромность. — В голосе Магнуса прозвучал тончайший оттенок раздражения, возможно предвещавший очередную нотацию. — Лоргар, ты тратишь свою жизнь на других. Но есть черта, за которой самоотверженность становится пагубной. Если ты занят только тем, что поднимаешь из невежества народы, где ты найдешь время, чтобы самому узнать больше? Если ты стремишься только к великой цели, какая радость от твоей жизни? Смотри в будущее, но цени

настоящее.

Лоргар кивнул в ответ на слова брата и продолжал наблюдать заход солнца. Над самым горизонтом светило немного потускнело, но оставалось еще достаточно ярким, чтобы причинять боль глазам смертных. Лоргара же подобные мелочи ничуть не беспокоили.

— Еще одна процессия, — сказал он, увидев, что дальняя улица запружена толпой гуляющих.

— Ты говоришь об этом с грустью, — заметил Магнус. — Люди радуются твоему возвращению домой, брат. Разве тебя это не воодушевляет?

— Говоря откровенно, воодушевляет. Но эта процессия не в мою честь. Шествие посвящено беженцам из Монархии. Я приказал привести их сюда после заката. Судя по размеру толпы, могу предположить, что эта процессия чествует Блаженную Леди.

Магнус оперся огромными руками на ограждение балкона, словно так мог лучше рассмотреть далекую улицу.

— А почему одного из беженцев

почитают больше, чем остальных?

— Так получилось. — Лоргар кивнул в сторону процессии. — Она — единственная женщина и, как мне говорили, необычайно красива. Кроме того, она стала единственной очевидицей крушения Монархии. Орбитальная бомбардировка лишила ее зрения. Такие жертвы привлекают внимание масс.

Патрицианское лицо Магнуса посуровело.

— Брат, в твоих словах я слышу отголоски размышлений Кор Фаэрона. Я уже предупреждал, чтобы ты не слишком внимательно и не слишком часто прислушивался к его речам. Горечь сжигает его изнутри.

Лоргар покачал головой:

— Его беспокоит собственная неполноценность, только и всего. Но ты ошибаешься, эти беженцы не имеют к Кор Фаэрону никакого отношения, хотя, я подозреваю, что Завет сильно надеется извлечь выгоду из их популярности. Я приказал привести их сегодня сюда только потому, что хотел с ними встретиться.

Ни больше ни меньше.

Это объяснение удовлетворило Магнуса. В комнате установилась тишина. Как часто бывает между братьями, это было спокойное молчание, не менее важное, чем слова, которыми они обменивались.

Осталось решить лишь одну неприятную проблему.

— Как такое могло произойти? — после долгой паузы спросил Магнус. — Мне известно о религиозных войнах Колхиды. Помню тот день, когда прибыл сюда вместе с отцом и ты предложил ему мир, преисполненный благоговения. Но падение было таким стремительным и глубоким... Как могло дойти до этого?

Лоргар не встретил на взгляд брата. Он продолжал смотреть на раскинувшийся внизу город.

— Весь этот мир горел в пламени крестового похода, начатого мной два столетия назад. Я грезил пришествием бога. Меня терзали галлюцинации, видения, кошмары и обмороки. Ночь за ночью, без всякого перерыва. Порой я

просыпался на рассвете и видел, что из ушей и глаз течет кровь, а в мозгу пылал облик отца. Конечно, я был слишком молод и наивен, чтобы понять, кто я. Откуда мне было знать, что за сила бурлит во мне и рвется наружу? Я не такой, как ты, и не мог с рождения контролировать свое шестое чувство. И я не Русс, чтобы на мой вой отвечали все окрестные волки. Мои силы проявлялись внезапными приступами, то во время празднеств, то в периоды уныния. Лишь в возрасте восьми лет я узнал, что люди могут видеть не только бесконечные кошмары, но и приятные сны. Это открытие потрясло меня до глубины души.

Магнус молчал. Несмотря на их близость и частые беседы, он никогда не слышал от брата подобных откровений.

Лоргар, продолжая, прикрыл глаза.

— Во имя своего отца я вел священную войну, а он спустился с небес, увидел океаны крови и слез, пролитых в его честь, но едва ли обратил на это внимание. Всю свою молодость я корпел над писаниями и религиозными уставами,

готовясь к приходу мессии. Я верил, что он придаст смысл человеческой жизни — смысл, который пытаются отыскать тысячи цивилизаций. Но я ошибся.

— Император принес смысл, — сказал Магнус. — Но не тот, на который ты надеялся.

— Он принес столько же вопросов, сколько и ответов. Отец полон тайн. И я ненавижу в нем эту особенность. Это существо, которому невозможно доверять.

Снова повисло молчание.

Спустя некоторое время Лорган уныло усмехнулся:

— Возможно, он и в самом деле открыл смысл. Но человечество нуждалось не в этом, вот что важно.

— Продолжай, — сказал Магнус. — Закончи свою мысль.

— С тех пор я колесил по его Империуму, воздвигал в его честь монументы и распространял веру, но возразил он только сейчас. Прошло больше столетия, и лишь сейчас мне говорят, что я поступал неправильно?

Магнус по-прежнему хранил

молчание, и лишь в его прищуренном глазу сверкало сомнение.

— Магнус. — Переживание, отразившееся на лице брата, вызвало у Лоргара улыбку. — Только истинный бог отрицает свою божественность. Так утверждают бесчисленные религиозные учения. Но он не отрицал своей причастности к сонму богов, когда впервые появился на Колхиде, чтобы забрать меня к звездам. Ты ведь был там. Он смотрел, как в его честь неделя за неделей проводятся празднества, и ни разу не упрекнул меня за то, что его прославляют как бога. Он наблюдал, как я участвую в Крестовом Походе, и ни словом не выразил своего неодобрения. И только в Монархии обрушил на меня свою ярость, когда решил разрушить мою веру, хотя прошло уже больше века.

— Вера — неприятное слово, — сказал Магнус, рассеянно поглаживая пальцами переплет огромной книги, всегда пристегнутой цепью к его поясу.

— Почему мы были рождены, чтобы стать воинами?! — неожиданно воскликнул

Лоргар.

— Наконец-то, — рассмеялся Магнус. — Наконец-то мы добрались до причины, по которой ты вызвал меня на Колхиду. Почему мы стали воинами? Хороший вопрос, и ответ очевиден. Мы стали воинами, потому что Императору, возлюбленному всеми, для покорения Галактики потребовались именно воины.

— Безусловно. Но это величайшая эпоха в истории человечества, а вместо философов и провидцев... впереди идут воины. Магнус, в этом есть нечто отвратительное. Нечто... скверное. Это неправильно.

Магнус пожал плечами, отчего его кольчуга негромко зашуршала.

— Наш отец и есть провидец. И ему нужны генералы.

Лоргар скрипнул зубами.

— Ради Трона, меня тошнит от этих слов. Я не воин. И не имею ни малейшего желания им быть. Я не разрушитель, Магнус. Не такой, как другие. Почему, как ты думаешь, я так много времени тратил на то, чтобы

привести к Согласию другие планеты и создать идеальные миры? Мое призвание в созидании. Что же касается разрушения, то я...

— Не солдат?

— Не солдат, — устало кивнул Лоргар. — Есть более достойные занятия, чем колоссальные кровопролития.

— Если ты не солдат, ты не имеешь права стоять во главе легиона, — заявил Магнус. — Астартес — это оружие, брат. Не ремесленники и не строители. Это пламя, пожирающее города, а не руки, которые их возводят.

— Э-э, так мы перешли к лицемерию? — Лоргар вымученно улыбнулся. — Твои Тысяча Сынов создали прекрасную Тизку, не говоря уж о просвещении Просперо.

— Верно. — Магнус тоже улыбнулся в ответ, хотя и более искренне. — Но еще они безукоризненно привели к Согласию множество миров. А вот о Несущих Слово этого не скажешь.

Лоргар промолчал.

— Это все из-за Монархии? — спросил

Магнус.

— Все из-за Монархии, — подтвердил Лоргар. — Брат, в одно мгновение все изменилось. И мое представление о завоеванных нами мирах тоже. И надежды на будущее. Все.

— Могу себе представить.

— Не смей говорить таким покровительственным тоном, — огрызнулся Лоргар. — При всем уважении, ты не можешь себе этого представить, Магнус. Это не на тебя обрушился гнев повелителя всего человечества, не твои величайшие достижения обратились в пепел и пыль, и не тебя, одного из всех, назвали неудачником. Он ведь не бросил твоих драгоценных Тысячу Сынов на колени, чтобы объявить, что все, носящие эти доспехи, зря прожили свои жизни.

— Лоргар...

— Что? Что? Десятки лет на Колхиде я мечтал о том дне, когда явится бог и поведет человечество в Эмпиреи. В его честь я основал религию. И больше столетия распространял эту веру, воображая себе, что он соответствует

моим мечтам, пророчествам и мифам о восхождении человеческой расы. Теперь мне говорят, что вся моя жизнь была обманом; что мои братья, насмехавшиеся над моими стремлениями к высшей цели, были вправе смеяться над единственным глупцом в нашем роду.

— Брат, успокойся.

— Нет! — Лоргар инстинктивно потянулся за отсутствующим крозиусом, и пальцы его скрючились от сдерживаемой ярости. — Нет... Не называй меня братом с таким снисходительным видом. Ты мудрейший из всех нас, но и ты не понимаешь истины.

— Тогда объясни мне. И умерь свой пыл, я не желаю выслушивать твое нытье. Или ты ударишь меня, как ударил Жиллимана?

Несколько мгновений Лоргар еще колебался. Затем золотая ладонь стряхнула с ограждения балкона белый лепесток. Пока лепесток, покачиваясь в воздухе, падал вниз, гнев утих, хотя и не испарился полностью. Лоргар встретил взгляд Магнуса.

— Прости меня. Я поддался гневу и ослабил контроль. Ты прав.

— Я всегда прав, — усмехнулся Магнус. — Такая у меня привычка.

Лоргар снова обратил свой взгляд на город.

— А что касается Жиллимана... Я и понятия не имел, что этот удар доставит мне такое огромное удовольствие. Он держался невероятно высокомерно.

— У нас имеется множество братьев, которым изредка не помешала бы такая встряска. — Магнус улыбнулся. — Но об этом поговорим в другой раз. Вернемся к нашей теме. Ты напуган.

— Да, — признался Лоргар. — Я боюсь, что Император уничтожит Несущих Слово — и уничтожит меня. И мы присоединимся к тем братьям, чьи имена больше не произносим.

Последовавшее молчание уже не было таким умиротворенным.

— Ну? — спросил Лоргар.

— Он мог, — ответил одноглазый гигант. — Об этом был разговор, еще до

событий в Монархии.

— Он приходил к тебе, чтобы узнать твое мнение?

— Приходил, — подтвердил Магнус.

— И к остальным братьям тоже?

— Думаю, да. Но не спрашивай, кто чью сторону занял, потому что я и сам не знаю большинства мнений. Но Русс поддержал тебя, и Хорус тоже. По правде говоря, это был первый случай, когда Король Волков и я приняли одинаковое решение по важному вопросу.

— Леман Русс меня поддержал? — Лоргар рассмеялся. — Вот чудеса.

Магнус не разделял его веселья. Его единственный глаз льдисто-голубого цвета в упор смотрел в лицо Лоргара.

— Он это сделал. Космические Волки — религиозный легион, хотя их религия довольно примитивна. Но Фенрис — суровая колыбель, отсюда и их вера. Русс это понимает, хотя ему не хватает сообразительности, чтобы озвучить свои мысли. Вместо этого он заявил, что уже лишился двух братьев и не имеет ни малейшего желания потерять третьего.

— Двоих уже нет. — Лорган продолжал смотреть на город. — Я до сих пор помню, как они...

— Хватит, — оборвал его Магнус. — Сдержи слово, данное в тот день.

— Вы все так легко забываете о прошлом. Никто не желает говорить о том, что утрачено. А ты сможешь сделать то же самое еще раз? — Лорган посмотрел в лицо Магнуса. — Сможешь вместе с Хорусом и Фулгримом забыть мое имя только из-за данного обещания?

Магнус не поддался на его уловку.

— Несущие Слово не пойдут дорогами забытых и искорененных. Я верю в тебя, Лорган. Я уже слышал, что Согласие на Сорок семь — шестнадцать было достигнуто с похвальной быстротой. Флотилия переселенцев уже в пути, не так ли?

Лорган проигнорировал риторический вопрос.

— Магнус, мне необходимо твое руководство. Я должен увидеть вещи, которые видишь ты.

Златокожий примарх проследил за

шествием горожан по извилистым улицам, приближавшимся с каждой минутой.

— Тебе известна мифология Колхиды, и ты знаешь о паломничестве к тому месту, где смертные встречаются с богами. И ты знаешь, что это соответствует верованиям множества других миров. Эмпиреи. Изначальная Истина. Царствие Небесное. Десять тысяч названий в десяти тысячах миров. Если шаманы и колдуны множества цивилизаций разделяют одно и то же верование, это не может быть простым суеверием. Возможно, отец ошибается. Возможно, звезды скрывают больше тайн. Возможно, за ними действительно прячутся боги.

— Лоргар...

Магнус предостерегающим жестом поднял руку. Он развернулся и вышел с балкона в просторную комнату на вершине Башенного храма. За стеклянным прозрачным куполом открывалось захватывающее зрелище ночного неба. На сапфировом небосклоне мерцающими

огоньками уже появились звезды.

— Не ищи себе объект для поклонения, — сказал Магнус, — лишь потому, что твоя вера оказалась ложной.

Лоргар последовал за братом, рассеянно перебирая тонкими пальцами край рукава своего серого одеяния. Примарх Несущих Слово провел немало времени в этой обсерватории на вершине башни, наблюдая за звездами. Именно здесь десятки лет назад он ждал и мечтал о пришествии Императора, напрасно веря, что встретит достойного преклонения бога.

— Так вот что ты обо мне думаешь? — спросил он Магнуса еще более ласковым тоном. В его взгляде вместе с затаенным гневом проявилась боль. — Вот как ты судишь о моих поступках? Ты думаешь, что в силу своего невежества я смотрю по сторонам в поисках любого, кто мог бы прислушаться к моим молитвам?

Магнус тоже наблюдал за появляющимися звездами. Он уже узнал несколько созвездий — их очертания и названия стали символами орденов

легиона Несущих Слово. Там — неясный силуэт крозиуса, увенчанного черепом; здесь — высокое кресло, олицетворяющее Трон из Костей, а вот пылающее кольцо Зубчатого Солнца.

— Именно так рассудит о тебе история, — сказал Магнус, — если ты не сойдешь с этого пути. Никто не вспомнит о твоем стремлении возвысить человечество или направить людей на путь просвещения. Они отметят лишь твои унижение и слабость и отчаянное желание во что-то верить.

— Человечество без веры — ничто, — прошептал Лоргар.

— Но для объяснения Вселенной нам все же не нужна никакая религия. Светоч Императора делает видимым все.

— Вот этого ты никогда не хотел понять. — Лоргар перешел к столику, на котором стояли хрустальные бокалы. — Ты считаешь, что вера сродни страху. Что это способ объяснить положение вещей невежественным умам. Вера — это величайший сплачивающий элемент в истории человечества. Только вера

тысячелетиями поддерживает пламя надежды в тех мирах, которые мы завоевываем заново в своем Крестовом Походе.

— Это твои слова, брат, — пожал плечами Магнус. — Подобные высказывания не принесут тебе никакой пользы.

Лоргар налил себе бокал темного вина с сильным запахом специй, добавленных во время брожения. Климат Колхиды не позволял разводить виноград, и большая часть вина здесь производилась из фиников. Горьковатый напиток после первого же глотка окрасил его губы.

— Мы ведь бессмертны, — сказал Лоргар. — Зачем же беспокоиться о будущем, если ты в любой момент можешь вмешаться и изменить его?

Магнус ничего не ответил.

— Ты что-то видел, — настаивал Лоргар. — Видел в Великом Океане. В варпе, куда ты так часто заглядываешь. Что-то... Какой-то намек на то, что может произойти. Вероятное будущее?

— Нет, брат, так не пойдет.

— Ты лжешь.

Магнус оторвался от созерцания потемневшего небосклона.

— Иногда ты видишь и слышишь только то, что тебя устраивает. Ты ошибаешься, Лоргар. Отец не бог. Богов не существует.

Лоргар улыбнулся с таким видом, словно только и ждал этих слов.

— Или он волшебный небесный дух, пребывающий в мифическом раю? Нет. Я не дурак. Это не тот бог, каким его представляли когда-то примитивные цивилизации. Но Император есть бог во всем, кроме имени, Магнус. Он есть психическая мощь, заключенная в физическую оболочку. Когда он говорит, его губы не шевелятся и звуки не вылетают из горла. Его лицо одновременно может быть тысячью разных ликов. Он только внешне похож на человека, и то, полагаю, лишь когда ему это нужно.

— Весьма мелодраматичное восприятие.

— Это правда. Нас с тобой различает лишь то, что ты называешь его отцом, а я

— богом.

Магнус вздохнул, и в его груди зарокотало сдерживаемое рычание.

— Я понимаю, к чему ты клонишь. Теперь я вижу, для чего ты меня позвал. И, Лоргар... я ухожу.

Лоргар протянул к брату золоченую руку:

— Магнус, прошу тебя. Если Император таков, как он есть, значит, должны быть и другие существа, обладающие подобными силами. Иначе как объяснить множество легенд о божественности и силах по ту сторону границы, существующих в самых различных цивилизациях? Во Вселенной должны быть боги. Врожденные инстинкты нашей расы не могут так лгать.

— Это уже похоже на отчаяние. — Магнус вздохнул. — А ты не думал, что отец предупреждал тебя не зря?

— В поисках истины нет ничего постыдного, Магнус. И тебе это должно быть известно, как никому другому. Не видел ли ты чего-нибудь подобного во

время странствий по Великому Океану? Не встречал никаких существ, которых люди могли бы назвать богами или демонами?

Магнус ничего не ответил, только обжег брата испепеляющим взглядом.

— Мой разум кипит от вопросов, — признался повелитель Несущих Слово. — Где в Галактике могут встречаться боги и смертные?

Губы гиганта скривились.

— Лоргар, в глубинах Великого Океана скрывается много тайн. Мы с тобой оба бывали в таких мирах, где варп просачивается в реальный мир, и тогда еретики-заклинатели пытаются им манипулировать и называют это магией. Неужели и ты опустишься до их уровня?

— Подожди, — взмолился Лоргар. — Помоги мне!

Магнус покачал головой.

— Помочь тебе заглянуть в бездну? Ты хочешь, чтобы я повел тебя по тропе примитивных варваров?

Прежде чем ответить, Лоргар судорожно вздохнул.

— Помоги мне отыскать истину, скрытую среди звезд. А вдруг мы ведем ложный Крестовый Поход? И это богопротивная война... Может, мы душим истину — истину, в которую в той или иной форме верят бесчисленные цивилизации... Мы... Мы... Я днем и ночью слышу, как что-то взывает ко мне. Что-то из бездны. Это судьба? Так постигается будущее? Через шепот неизбежности?

Магнус подошел к Лоргару и обнял его за плечи, и повелитель Несущих Слово умолк. Позолоченные губы примарха дрожали, пальцы словно свело судорогой.

— Брат, ты бредишь, — сказал Магнус. — Посмотри на меня. Успокойся, Лоргар. Успокойся. Смотри на меня.

Лоргар послушался. Магнус Красный, Алый Король, уставился на брата своим единственным глазом.

— Цвет твоего глаза изменился, — пробормотал Лоргар. — Магнус, я слышу, как они меня зовут. Судьба. Рок. Я слышу тысячи голосов судьбы...

— Сосредоточься на мне, — медленно и протяжно произнес Магнус. —

Внимательно слушай мои слова. В тебе говорит страх. Страх новой неудачи. Страх перед тем, что отец может приказать искоренить третий легион и третьего сына.

— Страх развеялся. Я больше не боюсь. Осталось лишь вдохновение.

— Брат, ты не сумеешь скрыть от меня свои чувства за простыми словами. И ты не напрасно боишься того, что может произойти. Ты стоишь на пороге разрушения, но все еще не сошел с пути, который ведет к падению. Я понимаю твои страдания. Все твои достижения на Колхиде оказались посвященными ложной вере. Каждый мир, приведенный к Согласию твоим легионом, придется посетить снова и перестроить. Но ты не можешь жить в страхе перед очередной ошибкой.

Несколько мгновений Лоргар стоял молча, потом его плечи поникли.

— Ты мог бы мне помочь, Магнус. — Примарх Несущих Слово освободился от рук брата и вернулся к столику с вином. — Мы могли бы вместе предпринять паломничество и разыскать место, где

божественное сияние затмевает свет звезд. Ты лучше, чем кто-либо другой, видишь в Великом Океане. Ты мог бы стать моим проводником.

Единственный глаз Магнуса прищурился. От этого движения наморщился и шрам в пустой глазнице.

— Что ты намерен делать, Лоргар? Ты же не имеешь представления о том, что ищешь.

— Я продолжу Великий Крестовый Поход. — Лоргар улыбнулся и снова отпил глоток темного вина. — Я поведу свой флот по Галактике и приведу к Согласию каждый мир, который встретится по пути. Но во время странствий среди звезд ты станешь пилигримами, ищущими святую землю. Если в легендах бесчисленных миров есть зерно истины, я его найду. А после этого буду просвещать человечество.

Магнус ничего не ответил. Не в силах поверить словам брата, он лишился дара речи.

Лоргар осушил бокал, и его золотые губы снова потемнели.

— Я брошу на Великий Крестовый Поход все силы своего легиона и больше никогда не воздвигну монумент в честь Императора. Все это я буду делать под бдительным присмотром его боевых псов Кустодес. Но ведь нет никакого греха в том, чтобы записывать древние легенды тех миров, которые нам встречаются, не так ли? Ты сам убеждал меня, что все они — сплошная ложь. И отец говорил то же самое.

— Я ухожу, — заявил Магнус и прошел в центр комнаты.

Положив закрытую перчаткой руку на переплет висевшей на бедре книги, он оглянулся на брата. Им не суждено встретиться раньше, чем через сорок лет, когда Галактика станет совсем другой.

Они оба чувствовали это. Предчувствие пронеслось между ними в последнем продолжительном взгляде — наполовину осуждающем, наполовину утоляющем.

— Что такое таит Великий Океан, что ты всегда от нас скрываешь? — сквозь стиснутые зубы спросил Лоргар. — Какие

секреты таит варп? Почему ты проводишь большую часть жизни, исследуя его глубины, если там ничего нет? А что, если бы я спросил отца о твоих тайных странствиях в эфире?

— Прощай, Лоргар.

Повелитель Несущих Слово откинул капюшон, и его прекрасное лицо вспыхнуло в лучах свечей настоящим золотом.

— Существует ли место, где реальный мир сходится с нереальным? Эмпирей или Царствие Небесное, которое никогда не могли отыскать люди? Царство, где смертные встречаются с богами? Магнус, ответь мне.

Магнус покачал головой, разгоняя начавшие сгущаться вокруг него искорки света. Луч телепортации с его корабля. Неведомо откуда налетел ветер.

— Что это за голоса?! — закричал Лоргар, перекрывая усиливающийся ветер. — Кто взывает ко мне?!

Лоргар замер, ожидая ответа, но Магнус, прежде чем исчезнуть в яркой вспышке света и поднявшемся шуме, произнес одно только слово:

--- Страдание.

Глава 11
СЛУЖЕНИЕ БОГУ ИСПОВЕДЬ ПАЛОМНИЧЕСТВО

Верхушка Башенного храма взорвалась в ослепительной вспышке, и на много километров вокруг участники шествия в ужасе замерли, глядя вверх. С башни обсерватории посыпалась мелкая пыль — стеклянный купол испарился и оседал дождем крошечных мерцающих кристаллов.

Гулкий грохот телепортации быстро затих, и потревоженный воздух успокоился.

Непострадавший Лоргар остался стоять после громоподобного ухода Магнуса. Вечерний ветер развевал его одеяние, свитки и листы пергамента с его записями разлетались по всему городу, но он почти ничего не замечал. Хрустальные бокалы, как и огромный прочный купол, были уничтожены, и по столу растекалась лужа горького вина.

Не сознавая течения времени, он продолжал смотреть на Варадеш, пока не услышал настойчивый стук по железной двери в единственной оставшейся стене. В задумчивой рассеянности он едва обратил на него внимание.

— Входите, — произнес Лоргар.

Подъем на храмовую башню стал настоящим испытанием, поскольку жрецы Завета были до крайности взволнованы как присутствием Блаженной Леди, так и произошедшим десять минут назад взрывом обсерватории повелителя. Несущим Слово несколько раз пришлось прибегать к угрозам, чтобы заставить перепуганных жрецов освободить дорогу.

— Он не откроет двери! — завывал один из священнослужителей с отчаянием самобичевания.

— Мы поговорим с примархом, — заверил Ксафен столпившихся жрецов. — Он посылал за Блаженной Леди и откроет нам двери.

— А вдруг он ранен? — захныкал другой, тучный детина с трясущимися

щеками, в пышном бело-сером одеянии дьякона. — Мы должны помочь Уризену!

— Держи себя в руках и уйди с дороги! — зарычал на него Аргел Тал. — Или я тебя убью!

— Ты же не можешь это говорить всерьез, господин!

Быстрее молнии, так что человеческий глаз не мог за ними уследить, мечи из красного железа с шипящими вздохом покинули ножны. Кончики обоих клинков уперлись в толстые щеки дьякона, не дав ему времени даже моргнуть. Похоже, что господин говорил всерьез.

— Да, — пролепетал жрец. — Да, я...

— Шевелись, — прервал его Аргел Тал.

Дьякон, сдерживая слезы, выполнил приказ. Но как только он сдвинулся с места, в воздухе распространился едкий животный запах, заглушивший запах пота и кислое дыхание перепуганных жрецов.

— Сэр, — Торгал не стал говорить вслух, а переключился на вокс-связь, — жрец обмочил свои одеяния.

Аргел Тал сердито заворчал и, приподняв Кирену, перенес ее через теплую лужицу на деревянной ступени.

Оставшиеся жрецы разбежались, и воины со своей подопечной поднялись по широкой винтовой лестнице.

— Входите, — раздался голос.

Аргел Тал не убрал мечи в ножны. Он первым вошел в обсерваторию примарха, которая теперь превратилась в каменную платформу, открытую ночному бризу. На полу в беспорядке валялись пергаментные свитки и книги, ветерок мягко покачивал их и переворачивал страницы.

Примарх стоял на краю платформы и смотрел на город. На обнаженной татуированной голове не было видно никаких ран, и на серо-белом одеянии иерарха Завета не выступило ни капельки крови.

— Сэр? — окликнул его Аргел Тал. — Что здесь произошло?

Лоргар медленно повернулся. На его лице мелькнуло мгновенное замешательство, как будто примарх

ожидал увидеть кого-то другого.

— Аргел Тал, — громко произнес он, — капитан Седьмой штурмовой роты, младший командир братства Зубчатого Солнца.

— Да, мой лорд. Это я.

— Приветствую, сын мой.

Капитан, говоря, постарался скрыть свое волнение:

— Сэр, вокс-сеть перегружена. Могу я проинформировать легион, что все в порядке?

— А почему должно быть иначе? — спросил примарх, все еще сохраняя на лице следы растерянности.

— Взрыв, сэр, — ответил Аргел Тал. — Девять минут назад. — Он обвел рукой остатки обсерватории. — Купол, — с запинкой добавил капитан.

— А-а. — Лоргар улыбнулся. Улыбка получилась великодушной и подкупающей, словно он приглашал посмеяться и остальных. — Мне придется поговорить с братом относительно методов телепортации в хрупких сооружениях. Капитан, ты намерен меня убить?

Аргел Тал опустил мечи, только сейчас осознав, что держал их словно перед боем.

— Прости, мой лорд.

Лоргар рассмеялся, окончательно избавившись от рассеянности.

— Пожалуйста, извести легион о том, что все в порядке, и передай мои извинения за то, что я не сделал это сам. Я слишком глубоко задумался.

Из темноты ночи с воем двигателей вынырнули два истребителя и пронеслись рядом с башней. Порыв ветра сбросил вниз оставшиеся свитки, а лучи прожекторов уперлись в платформу, осветив примарха и Аргел Тала с его спутниками.

Капитан моргнул в сторону горящей руны на ретинальном дисплее.

— Говорит Седьмой капитан. Отбой, отбой. Ложная тревога.

Лучи прожекторов погасли, и башня погрузилась во тьму.

— Как прикажешь, — ответил Аргел Талу один из пилотов. — Операция отменяется.

Лоргар проводил взглядом корабли,

возвращавшиеся на свои посадочные площадки на окраине города. Весь воздушный флот и даже военные патрули легиона базировались в пустыне, за пределами города. Варадеш больше не будет осквернен войной. Никогда. Хватит и гражданской войны, сокрушившей Старую Веру и обеспечившей власть Лоргара над всей планетой много лет назад.

— Мой лорд, — отважился подать голос Аргел Тал. — Мой лорд, ты хотел увидеть Кирену, уроженку Монархии.

Лоргар как будто впервые заметил присутствие спутников капитана. Его лицо осветилось приветливой улыбкой, и примарх шагнул им навстречу.

— Я как раз размышлял, капитан, не забыл ли я вас поблагодарить.

Аргел Тал убрал мечи в ножны и снял шлем. Теплый ветерок приятно овевал лицо и вспотевшую шею.

— Поблагодарить меня, мой лорд?

— Да. — Примарх кивнул. — Разве не ты и не твой капеллан подняли меня из праха идеального города и поставили на ноги?

— Да, мой лорд. Это были мы. Но при всем уважении я не думал, что ты об этом вспомнишь.

— Кор Фаэрон притворился, что не запомнил ваши имена. У старика странное представление о юморе. Но я очень хорошо запомнил этот момент и благодарен вам. Вскоре я отдам распоряжение, чтобы моя признательность была выражена в более существенной форме.

— Нет, мой лорд... — запротестовал Ксафен.

— В этом нет необходимости, повелитель... — подхватил Аргел Тал.

Лоргар поднял руку, отметая их возражения:

— Ах, не надо напрасно скромничать. Ну а это, должно быть, и есть Блаженная Леди. Подойди, дитя мое.

Торгал и Малнор, вставшие на колени в присутствии своего повелителя, поднялись и подвели Кирену.

Перед лицом примарха большинство смертных ощущали глубочайшую растерянность. Перед ними представало физическое воплощение величия.

Биологические манипуляции, изменение свойств плоти и генетические преобразования, применяемые при появлении на свет каждого из сынов Императора, были уникальными и неповторимыми процессами, основы которых хранились в невероятной секретности. Даже если какое-то разумное существо и смогло бы проникнуть в лаборатории-инкубаторы, ему не удалось бы понять, что в них происходит. Каждая частица в телах примархов была создана с особой тщательностью — выверена на квантовом уровне, чтобы соответствовать общему замыслу. Процесс опирался на научные исследования, принципы алхимии и психическое колдовство, но вместе с тем намного превосходил пределы каждой из этих отраслей знаний.

В присутствии примархов людей настигали апоплексические удары и сердечные приступы. Почти все, за редким исключением, падали на колени, многие беспричинно плакали, сами того не сознавая.

Кирена же стояла на том месте, где ее остановили, и улыбалась Лоргару. Улыбалась прямо ему в лицо.

— Приветствую тебя, Блаженная Леди, — с усмешкой сказал сын бога.

Голова Кирены находилась примерно на уровне его пояса.

— Я... Я вижу тебя. — Она почти смеялась от радости. — Я вижу твою улыбку.

Лоргар заметил, что его воины подошли ближе, намереваясь удостовериться, что ее зрение вернулось. Он остановил их взмахом руки и покачал головой.

Аргел Тал. Голос примарха послышался в мозгу капитана свистящим шепотом.

Несмотря на генетическую связь между ними, подобное общение было неприятно — словно в мозг проникала холодная игла. Капитан ощутил, как напряглись его мускулы, а оба сердца забились быстрее.

Несущий Слово кивнул, надеясь, что повелитель не заметил его неловкости,

хотя знал наверняка, что примарх все понял.

Мне говорили, что на Кхуре ей пришлось нелегко. Голос примарха снова зазвучал у него в голове.

Несущий Слово еще раз кивнул.

Что за существо человек? В негромком шепоте Лоргара прошелестел вздох. Большую часть своей жизни он тратит на то, чтобы добиться превосходства над окружающими.

Аргел Тал, ободренный дружеским тоном, каким сегодня говорил примарх, приложил кончики пальцев к нижним векам, сначала с одной стороны, потом с другой.

Нет. Неслышимый голос Лоргара окрасился искренним чувством. Она не может меня видеть. Она чувствует мою ауру, а ее мозг ошибочно принимает это за изображение. Ее глаза все еще мертвы. И навсегда останутся такими. Испепеляющая ярость Жиллимана навсегда лишила ее зрения.

Весь этот разговор занял время,

требуемое для трех ударов двух сердец Аргел Тала. При этом Лоргар даже не взглянул в его сторону.

— Да, — произнес примарх, обращаясь к Кирене, и опустился на одно колено.

Теперь их лица оказались почти на одном уровне. Ее невидящий взгляд последовал за его движением, и Лоргар улыбнулся, заметив, как действует на женщину его присутствие.

— Да, — повторил он. — Ты можешь меня видеть.

— Я вижу тебя ясно, как само солнце, — прошептала Кирена, неожиданно заплакав. — Я вижу золото, золото и золото.

Рука, размером с ее голову, с призрачной легкостью коснулась лица девушки, огромные пальцы скользнули по щекам, стахивая слезы. Из груди Кирены вырвался невольный вздох — нечто среднее между рыданием и смехом.

— Кирена. — Голос Лоргара звучал в ее ушах гулкими раскатами. — Мне говорили, что для моих воинов ты стала своего рода талисманом. Счастливым

амулетом, если угодно.

— Я не знаю об этом, мой повелитель.

— Я не повелитель тебе. — Лоргар легонько провел рукой по ее лицу, касаясь кончиками пальцев ее носа, скул, подбородка. Как будто он сам был слепым и должен был ощупать лицо, чтобы составить себе представление о нем. — Твоя жизнь принадлежит тебе, а не мне и не кому-то другому.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова из-за слез, заливающих сияющее лицо.

— Кирена, тебе известно, почему я хотел тебя видеть?

— Нет, — задыхаясь, вымолвила она.

— Я хочу тебя кое о чем попросить. Об одолжении, которое только ты можешь мне оказать.

— Все, что угодно, — выдохнула она. — Все.

— Ты даруешь мне прощение? — спросил примарх. Он взял ее руку в свои ладони, и золотые пальцы полностью скрыли ее миниатюрную кисть. — Простишь ли ты меня за то, что я сделал

с твоим миром, с идеальным городом и с твоими драгоценными глазами?

Она кивнула, отвернувшись от золотого света, воспринимаемого только ее мозгом.

Лоргар поцеловал ее пальцы, едва коснувшись кожи губами.

— Благодарю тебя, Блаженная Леди. После твоих слов моей душе стало намного легче.

Он выпустил ее руку и поднялся, чтобы отойти.

— Погоди, — попросила она. — Разреши служить тебе. Разреши служить твоему легиону. Прошу тебя.

Аргел Тал подавил дрожь. Слова Кирены были до боли похожи на те, что он сам произнес при первой встрече с примархом. Как удивительно, что прошлое с невероятной отчетливостью проявляется в настоящем.

— Тебе известно, кто такой исповедник? — спросил Лоргар. — На Кхуре было нечто подобное?

— Да, мой лорд, — запинаясь, ответила Кирена. Она еще не полностью

овладела своим голосом. — Они называли себя Слушателями, выслушивали наши прегрешения и прощали их.

— Точно, — со смехом сказал Лоргар. — Кирена Валантион из Монархии, твоя жизнь принадлежит только тебе. Но если ты хочешь остаться с моими воинами и странствовать среди звезд, эта роль подходит тебе идеально. Ты выслушала о моих грехах и простила их. Готова ли ты сделать то же самое для моих сынов?

В ответ она опустилась на колени и в порыве благодарности склонила голову. Вместо слов она начала бормотать почтительные молитвы, точно как в писании, которое она твердила в детстве.

Примарх еще раз окинул Кирену благосклонным взглядом, а затем повернулся к Аргел Талу.

— Капитан, — обратился он к своему воину.

— Мой лорд.

Аргел Тал отсалютовал, ударив кулаком по нагруднику брони.

— За тот месяц, что я провел в уединении, Эреб не раз говорил о тебе. И

как только я стал вспоминать, кто поднял меня с коленей перед братом Жиллиманом, он снова завел о тебе речь.

— Это... удивляет меня, мой лорд.

Смущение в голосе Аргел Тала не укрылось от Лоргара.

— Я полагал, что ваши трения с Эребом остались в прошлом. Или я ошибаюсь?

Аргел Тал тряхнул головой:

— Нет, мой лорд. Прости мою минутную растерянность. Все наши противоречия давно разрешены.

— Рад это слышать. — Лоргар усмехнулся. — Учиться у самого Эреба и все же предпочесть клинок, а не крозиус... Твой выбор другого пути нанес удар по его гордости. Но он тебя простил. Я хотел бы знать, относится ли это и к тебе? Ты простил его?

«Выбор другого пути». Аргел Тал мог сказать, что эта фраза чересчур деликатна.

— Здесь нечего прощать, — сказал он. — Его ярость по поводу моего решения вполне понятна.

Лоргар пристально наблюдал за ним, и, несмотря на всю доброжелательность, взгляд его серых глаз оставался оценивающим.

— Ты всегда отличался великодушием, Аргел Тал.

— Твое мнение льстит мне, мой лорд.

— Ну а теперь мы подошли к тому вопросу, который послужил причиной вашего вызова. Прежде чем мы вернемся к Великому Крестовому Походу, в братстве Зубчатого Солнца произойдут некоторые изменения. Наблюдателей-кустодиев я распределил по четырем братствам — в каждом будет присутствовать по пять воинов из двадцати. С сожалением должен сообщить, что братство Зубчатого Солнца в их числе. Как я слышал, ты встречался с Аквилоном в стеклянном городе? Я удовлетворил его просьбу позволить одной из групп Кустодес странствовать с Зубчатым Солнцем. Не вредно будет бросить эту кость сторожевым псам Императора.

— Как прикажешь, мой лорд, — ответил Аргел Тал.

— Боюсь, это еще не все. — Лоргар снова улыбнулся, совсем как тот обворожительный золотой иерарх, что встал во главе революции на этой планете. — Мое доверие к тебе далеко превосходит рамки служебного долга. Ты поднял меня с колен, поднял из праха, и я благодарен тебе за это. И потому обращаюсь к тебе, Седьмой капитан Аргел Тал, со смиренной просьбой оказать услугу.

Слова и тон, которым они были сказаны, заставили Аргел Тала благоговейно опуститься на одно колено. Кто еще из примархов — из богоподобных существ — мог бы обратиться к одному из своих сыновей с просьбой об одолжении? Сознание принадлежности к его роду наполнило душу Аргел Тала смиренной гордостью.

Ночной ветерок разнес мелодичный смех Лоргара. Стоявшая в десяти метрах Кирена услышала этот звук и вновь ощутила подступившие слезы.

— Поднимись, — с улыбкой приказал Лоргар. — Разве ты не достаточно стоял на коленях, Аргел Тал?

Он встал, но не смел поднять взгляд выше ступней примарха.

— Проси о чем угодно, мой лорд. Я все исполню.

— Я не одно десятилетие странствовал с тысячами тысяч своих воинов, изображая генерала и адмирала. И я устал от этих игр. Легион продолжит странствия среди звезд, но я сейчас не имею никакого желания встречаться со своими братьями. Их праведное негодование разрушит остатки моей нервной системы. Ты мог бы сказать, что я хочу спрятаться, но это было бы ложью. Я просто не хочу, чтобы меня нашли. Между этими двумя понятиями имеется не слишком заметная, но существенная разница.

— Я понимаю, мой лорд.

— Скажи, к какой экспедиционной флотилии ты приписан?

— К Тысяча триста первой, господин. Ею командует мастер флота Балок Торв, и сейчас она находится в субсекторе Атлас.

«И ждет подкрепления», — мысленно

добавил он.

— Да-да. — Лоргар кивнул. — Тысяча триста первая. С самого начала Великого Крестового Похода я путешествовал с восемнадцатью орденами. А сейчас, когда наше будущее не ясно, я прошу твоего позволения отправиться в путь с тремя сотнями воинов Зубчатого Солнца.

Аргел Тал через плечо взглянул на Кирену, потом на Ксафена и снова повернулся к Лоргару. Капеллан кивнул ему, исповедница прижала руки к губам, по ее лицу снова струились слезы.

— Прости, мой лорд, — произнес Аргел Тал. — Я не уверен, что правильно понял тебя.

— Сын мой, я прошу тебя об этом одолжении. Кор Фаэрон в мое отсутствие возглавит Сорок седьмую экспедиционную флотилию. Я не в силах скрыться от «Оккули Император» — они последуют за мной, куда бы я ни направился, — но я могу искать Эмпиреи вдали от глаз моих братьев. И пока этого достаточно.

— Ты... ты будешь странствовать с нами?

— Я был бы рад, — ответил примарх. — Я знаю, я мог бы попросить об этом любую из моих флотилий. Но именно ты поднял меня на ноги, когда мое невежество погубило целый мир. И потому я обращаюсь с этой просьбой к тебе.

— Я... Повелитель, я...

Лоргар снова рассмеялся, и его золотые руки удержали Аргел Тала от очередного коленопреклонения.

— Это означает согласие?

— Как прикажешь, Аврелиан.

— Благодарю. Аргел Тал, ты вступаем в новую эру. Эру прозрения и открытий. Каждая флотилия Несущих Слово будет следовать за своим ветром судьбы. А ты удалишься от Терры дальше, чем любой из легионов, и с каждым новым миром будем раздвигать границы Империума.

Аргел Тал понимал, к чему это приведет. Только к одному. Он почувствовал, что сзади к нему подошел Ксафен, но капеллан не произнес ни слова.

— Мы искатели. — Лоргар улыбался, смакуя это слово. — Мы ищем место, где

встречаются боги и смертные, — ищет божественность в Галактике, которую той отец считает лишенной богов.

Лоргар свел перед собой ладони и склонил голову, готовясь к молитве.

— Легион совершит паломничество.

III. Безликие Таро

Безликие карты лишены изображений — это сделано намеренно, и это придает им особую ценность, поскольку они отзываются на воздействие незримого чувства, не ограниченного воображением художника, и реагируют лишь на сознание толкователя.

В хрустальных пластинках содержится психореактивная жидкость, и, когда толкователь Таро берет карту в руки, в смоле цвета морской волны проступают образы.

В свое время он надеялся, что эти карты заинтересуют каждую психически одаренную личность в Империуме отца.

Вместо этого к его творению отнеслись с пренебрежением — даже Магнус (который в подобных фокусах не нуждался) и Леман Русс (который высмеивал карты, хотя сам, пытаясь увидеть будущее, раскидывал рунные камни и кости).

Скоро наступит время покинуть Колхиду.

Он переворачивает первую карту. На молочно-мутной поверхности он видит факел, зажатый в сильной руке, — Истина.

Меня что-то зовет. Это Истина, которую я начинаю постигать только сейчас. Что-то зовет меня издалека.

Я не обладаю силой Магнуса, чтобы заглядывать в бездну и без труда ощущать пульсацию мироздания. Мои таланты нельзя сравнивать с одаренностью любимого брата и царственного отца. Но я всегда слышал чей-то зов. В юности он проникал в мой разум видениями, ночными кошмарами и галлюцинациями. А теперь...

Эреб и Кор Фаэрон — своими терпеливыми наставлениями — помогли мне отчетливее услышать этот зов.

Они были моими учителями в Завете, а теперь стали духовными родственниками. Мы вместе медитировали, сосредоточенно изучали тексты Заветов, и мы определили судьбу легиона.

Что-то неведомое зовет меня и возбуждает мое шестое чувство, словно эхо среди звезд.

Он переворачивает вторую карту и видит самого себя — в одеянии с поднятым капюшоном, смотрящего в сторону, словно избегающего собственного взгляда. Это известная карта — Вера.

Человечество без веры — ничто.

Вера возвышает нас над бездушными и проклятыми. Это топливо для души, движущая сила, за которой стоят тысячелетия выживания человечества. Без веры мы пусты. Существование в безбожной Галактике исполнено холода и непостоянства — вера формирует нас и поднимает над другими формами жизни, совершенствует наше сознание.

В те эпохи, когда веру душили, общество было подвержено слабости и разложению, пожиравшему его изнутри. Император, возлюбленный всеми, всегда это знал, но отказывался признавать.

Но он знает и потому соответствующим образом строит свою империю. Самое важное — это превосходство, и мой отец добивается превосходства над всеми смертными в Галактике: бог во власти, бог в ярости, бог в предвидении.

Бог во всем, кроме имени.

Старая Вера Колхиды своими корнями связана с тысячами цивилизаций тысяч миров. Даже одно это свидетельствует о том, что в непостижимом сплетении мифов и истории содержится ядро абсолютной истины.

И самая прекрасная легенда гласит об Эмпиреях, об Изначальной Истине.

Безусловно, она известна и под тысячами других названий. Эмпирей — это название, принятое на Колхиде. В других мирах существует понятие

Небесного Царствия — вечной обители душ после кончины смертной оболочки. Царство неограниченных возможностей: рай вероятностей, где вьются вокруг друг друга души всех когда-либо живущих на земле.

Даже мне известно, что все это мифы, истории, не слишком точно передаваемые из уст в уста через бесчисленные поколения.

Но... представьте себе. Представьте реальность, скрытую в этих мифах. Вообразите такое место в Галактике, где встречаются боги и смертные. Жизнь заканчивается со смертью, но бытие бесконечно.

Если в Старой Вере сокрыта истина, я ее отыщу.

Он переворачивает третью карту. Над изломанной линией башен и соборов дрожат волны раскаленного воздуха. Колхида. Город Серых Цветов. Дом.

Люди Колхиды всегда искали ответы среди звезд. И легион, родившийся в этом

мире, Несущие Слово, не стал исключением. Многие братства легиона названы именами созвездий, сияющих в ночном небе. Даже присвоенное мне имя, имя, которое упоминается только внутри легиона, происходит из древности. «Аврелиан!» — восклицают они, отправляясь в бой. «Золотой».

Однако лингвистические корни ведут глубже, к другому значению, принятому нашими предками, которые издревле искали вдохновения в небе.

Аврелиан. Солнце.

Для нас естественно искать ответы среди звезд. Оттуда пришла жизнь. Оттуда снизошел Император. И легион поднимается к звездам.

Там ждет нас судьба.

Легенды Колхиды рассказывают о примитивных космических кораблях, которые покидали мир в поисках богов, почти так же, как отправлялись на поиски божества африканские и грецианские народы Древней Земли. Я прочел фрагменты записей, оставшиеся от

тех цивилизаций, и я прошел дорогами прошлого со своим братом Магнусом. Путешествия Осайриса и Одиссеона из терранских мифов — это странствия Кхаана, Тезена, Сланата и Нарага — пророков, рожденных на Колхиде, великих искателей, затерявшихся в пелене прошлого.

Их скитания в поисках обители богов известны нам как паломничество.

Он переворачивает четвертую карту. Психореактивная жидкость под его пальцами создает архитектурные чудеса — изогнутый мост, вьющаяся через огромный сад, мощенная камнем тропинка... Странствие... Паломничество.

Легенду о паломничестве считают в Завете самой древней и самой распространенной среди человеческих цивилизаций, разбросанных по всей Галактике. Потребность в вере — естественная черта большинства людей. Изначальная Истина: небеса, рай... Все это в какой-то форме где-то существует —

обитель богов, преисподняя демонов. Уровень вне границ естественной реальности. И в тех пределах возможно все.

И паломничество — это не что иное, как путешествие с целью увидеть все своими глазами. Чтобы оценить, где заканчивается мифология и начинается вера.

Небеса. Преисподняя. Боги. Демоны.

Я получу ответы, которые ищу.

Он переворачивает пятую, последнюю карту. Император во всем своем великолепии. С поразительной ясностью проявляются все детали его облика. Все, кроме самой важной детали — его лица. Золотой владыка.

Я был воспитан на старых свитках — тех самых, которые мы впоследствии отвергли ради поклонения Императору. Теперь я не могу не оглядываться на уроки моей юности, не могу не размышлять о легендах и зернах истины, в них содержащихся.

В древних трудах грубыми штрихами указано на пятно среди звезд — шрам на поверхности реальности, где во Вселенную из плоти и крови, костей и дыхания проникла Изначальная Истина. И в каждом из этих трудов имеется предсказание о пришествии золотого владыки, существа, обладающего божественной силой, который и поведет человечество к совершенству. Этим существом должен был стать мой отец, Император. И я верил в это до последнего момента, когда осознал свою ошибку.

Он не был золотым владыкой. Император может повести нас к звездам, но не за их пределы. И если золотой владыка не восстанет, все мои мечты окажутся ложью.

Сейчас я смотрю на звезды, а в мозгу пылают огнем руны из старинных свитков. И я смотрю на свои руки, когда пишу эти строки.

Эреб и Кор Фаэрон были правы.

Мои руки.

Они тоже золотые.

Часть вторая
ПАЛОМНИЧЕСТВО
Спустя три года после отбытия легиона с Колхиды

IV. Детские мечты

Могу только представить себе, как страдало сердце примарха, когда паломничество завершилось. Три года странствий Семнадцатого легиона среди звезд. Три года Несущие Слово все дальше и дальше отрываются от своих братьев-воинов, достигая границ космоса и раздвигая пределы Империума.

Столь огромная доля власти человечества во Вселенной завоевана сынами Лоргара — горькая реальность после многих лет неторопливого и тщательного продвижения вперед,

которые не принесли им ничего, кроме насмешек.

Но мне известен характер этого легиона. На каждое мирное приведение к Согласию — на каждую цивилизацию, принявшую власть Империума и спокойно обращенную в веру нового Слова, — приходится по крайней мере один мир, который летит в космосе пустой оболочкой после того, как пал жертвой ярости Несущих Слово.

В паломничестве проявилось множество истин: погрешности в исключительном геноходе легиона; загадочная зрелость самого Лоргара Аврелиана; существование нерожденных, которых миллионы невежественных поколений называют демонами, духами и ангелами. Но самой важной из открытых истин стала та, принять которую было труднее всего, та, которая разбила сердце примарха.

И конечно, изменила его сыновей. Несущие Слово так и не смогли вернуться к тому времени, что предшествовало открытию истины.

Аргел Тал и Ксафен были моими ближайшими проводниками в мире, которого я больше не могла видеть, и произошедшие в них в ходе паломничества изменения далеко превосходили пределы простого физического совершенствования. На них обрушилось тяжкое бремя: легион Несущих Слово должен вернуться в Империум с этой ужасной истиной.

Уму непостижимо, как они справились с ролью провозвестников этого знания. Они стали избранными; им предстояло оповестить человечество о грядущих страданиях с настоящего момента и до конца света. О том, что не будет никакого Золотого Века, не будет эпохи мира и процветания, а будет только война.

Возможно, все мы играем роль, начертанную для нас богами. Тем, кому предназначено стать великими, даже в детстве снятся сны о величии. Судьба готовит их к будущему, показывая в юности манящие образы.

Благословенный Лоргар, провозвестник Изначальной Истины, тоже

видел подобные сны. Его юность была отмечена мучительными видениями пришествия отца — золотого божества, спускавшегося с небес, — а также кошмарами о ком-то невидимом, кто неслышно повторял его имя.

Вероятно, в этом и заключается величайшая трагедия Несущих Слово. Их отец знал, что ему суждено стать одним из просветителей человечества, но никогда не мог представить, как именно это произойдет.

Примарх рассказывая о том, что его братья тоже видели подобные сны. Курцу, рожденному в мире вечной ночи, снилась его смерть. Магнус, любимый брат Лоргара, во снах находил разгадки тайн Вселенной. Для одного предвидение стало проклятием, для другого — благословением. Обоим в годы зрелости предстояли величайшие свершения. Их действия, так же как и деяния Лоргара Аврелиана, определили облик Галактики.

Что касается меня, то я помню из детства лишь один кошмар.

В том сне я сидела в темной

комнате и ничего не видела, как не вижу сейчас. Я сидела молча и прислушивалась к дыханию чудовища.

Где пролегает грань между предвидением и вымыслом? Между пророчеством и детским воображением?

Ответ прост: пророчество сбывается. Мы должны только ждать.

Отрывок из «Паломничества» Кирены Валантион

Глава 12
СМЕРТЬ
ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ «ПЕСНИ ОРФЕЯ»
ДВЕ ДУШИ

Ксафен мертвым лежал у ног существа.

Его спина сломалась, броня раскололась; в этой смерти не было ничего, что хоть как-то свидетельствовало бы о мирном покое. В метре от вытянутых пальцев капеллана лежал его черный стальной крозиус, безмолвный в своем бездействии. Голову по-прежнему закрывал шлем, и последнего выражения лица было не видно, но предсмертный крик капеллана до сих пор эхом звучал в вокс-сети.

В его хриплом вопле слышалось бульканье крови, покидающей разорванные легкие.

Существо с хищной грацией повернуло

голову, зловонная слюна, стекая из-под множества зубов, образовала клейкие сталактиты. Обзорную палубу освещали лишь звезды, и мерцание далеких солнц рождало в разных по цвету глазах чудовища серебряные блики. Один глаз — опухший и не прикрытый веком — светился янтарем, второй был черным, как обсидиановый камешек, упавший в глубокую щель.

Теперь ты, сказало существо, не пошевелив челюстями. Эта пасть была не способна воспроизвести человеческую речь. Ты следующий.

С первой попытки у Аргел Тала вместо слов с губ стекла струйка невероятно горячей крови и обожгла ему подбородок. Запах насыщенной химикатами крови Лоргара, которая текла в жилах каждого из его сыновей, оказался сильнее, чем вонь, излучаемая серой мускулистой плотью чудовища. В то короткое мгновение он ощущал не гнилостный смрад существа, а запах собственной смерти.

Это была странная отсрочка.

Капитан поднял свой болтер; его руки дрожали, но не от страха. Это был протест, отказ повиноваться, который он не мог выразить иначе.

Да. Существо качнулось ему навстречу. Нижняя часть его тела представляла собой отвратительное смешение туловища змеи и червя. Подрагивающую массу обвивали толстые вены, а за ней тянулся липкий, словно от слизня, след, от которого воняло разрытой могилой. Да.

— Нет. — Аргел Тал наконец смог выдавить слова сквозь стиснутые зубы. — Не так.

Так. Как и твои братья. Так должно быть.

Болтер громыхнул хриплой очередью, снаряды, врезаясь в стену, взорвались, нарушив тишину в зале. Каждый толчок отдачи оружия в трясущихся руках уводил выстрелы все дальше от цели.

Обжигающая боль в мускулах заставила его разжать пальцы, и болтер с глухим стуком ударился о палубу. Существо не смеялось, не издевалось над

его промахом. Вместо этого оно протянуло к нему четыре руки и осторожно подняло. Черные когти, удерживая Астартес в воздухе, заскрежетали по серому керамиту доспеха.

Приготовься. Это будет небезболезненно.

Аргел Тал безвольно повис в когтях существа. В какой-то миг он потянулся за мечами из красного железа, но тотчас вспомнил, что они сломаны и осколки клинков остались внизу на мостике.

— Я слышу. — Сжатые челюсти едва пропускали звуки. — Слышу другой голос.

Да. Это один из моих родичей. Он идет за тобой.

— Это... не то, чего... хотел мой примарх...

Это?

Существо подтянуло беспомощного воина ближе и мысленным ударом пронзило его второе сердце. Капитан, ощутив под ребрами бесформенную массу, забился в конвульсиях, но существо с отвратительной заботой удерживало его на весу.

Это именно то, чего хотел Лоргар. Это истина.

Аргел Тал тщетно пытался вдохнуть воздух и напрягал умирающие мускулы, стараясь дотянуться до отсутствующего оружия.

Последним, что он почувствовал перед смертью, было влажное и холодное вторжение в его разум, словно позади глаз растеклось густое масло.

Последним, что он услышал, был судорожный вдох одного из погибших братьев, раздавшийся на канале вокса.

И последним, что он увидел, стало движение Ксафена, тяжело поднимавшегося с палубы.

Он открыл глаза и обнаружил, что очнулся последним.

Ксафен держался увереннее остальных, и крозиус уже был у него в руках. Сквозь пелену возвращающегося сознания Аргел Тал услышал, как капеллан отдает приказы, подбадривает братьев и призывает их держаться вместе.

Даготал все еще стоял на коленях и

через решетку шлема сплевывал рвоту. Но, что бы ни содержал его желудок, извергаемая масса была слишком черной. Малнор прислонился к стене и прижался лбом к холодному металлу. Остальные тоже понемногу приходили в себя, поднимались на ноги, выплевывали сгустки зловонного ихора и шептали литании из Слова.

Демона Аргел Тал не увидел. Он посмотрел влево и вправо, но в перекрестье прицела ничего не попало.

— Где Ингетель? — попытался он спросить, но вместо слов из горла вырвался только болезненный и бессмысленный стон.

Ксафен подошел ближе и протянул руку, помогая подняться. Капеллан снял свой шлем, и в окружающем полумраке лицо воина-жреца показалось неестественно бледным, но больше никаких изменений заметно не было.

— Где Ингетель? — повторил Аргел Тал.

На этот раз он сумел произнести слова. И голос звучал почти так же, как прежде.

— Ушел, — ответил Ксафен. — Вокс-связь наладилась, подача энергии на корабле возобновилась. Отделения выходят на связь со всех палуб. Но демон исчез.

Демон. Как странно слышать это слово, произнесенное вслух. Понятие из мифологии употребляется как очевидный факт.

Аргел Тал поднял взгляд к стеклянному куполу, заменявшему потолок, и посмотрел в открывающуюся за ним пустоту. Но пустоты не было. По крайней мере, настоящей пустоты. Над куполом бушевали безумные вихри необузданной энергии и сталкивающиеся потоки. Тысячи оттенков фиолетового и тысячи оттенков красного. Цвета, для которых у человечества не существовало названий и которые раньше не видело ни одно живое существо. Сквозь эту бурю, словно налитые кровью глаза, мигали звезды, окрашенные завихрениями энергии.

Затем он увидел в стекле свое отражение. По лицу блестящими жемчужинами стекали капли пота. И даже его пот имел запах демона —

звериный, грубый и грязный — запах органов, пораженных злокачественной опухолью.

— Нам надо отсюда выбираться, — сказал Аргел Тал.

В его желудке шевельнулся какой-то холодный клубок, и он сглотнул едкую слюну, чтобы удержать рвоту.

— Как это случилось? — простонал Малнор.

Таким растерянным этого воина не видел еще ни один из присутствующих.

К ним подошел Торгал. Он потирал покрасневшие глаза, окруженные желтоватыми тенями, а на нагруднике доспеха зияла безобразная прореха — рваная полоска обожженного керамита, оставленная черной рвотной массой.

— Надо вернуться к флотилии, — сказал он. — Вернуться к примарху.

На глаза Аргел Талу попались рассыпанные по палубе зазубренные обломки его мечей. Он постарался подавить чувство потери и потянулся к разряженному болтеру. Как только пальцы в рукавице сомкнулись вокруг приклада, на

счетчике боезапаса ретинального дисплея вспыхнул «0».

— Сначала необходимо добраться до мостика.

Все люди на борту корабля погибли.

Именно этого и опасался Аргел Тал, когда, пошатываясь, проходил по коридорам корабля. Его опасения обретали реальную форму, по мере того как отделения Седьмой роты докладывали об одном и том же.

Они остались здесь одни. Все сервиторы, все слуги, все рабы, проповедники и ремесленники были мертвы.

В поисках признаков жизни Несущие Слово прочесывали палубу за палубой, помещение за помещением.

Эсминец «Песнь Орфея», уступая размерами «De Профундис», был создан для атаки, а потому, в отличие от большинства штурмовых крейсеров Астартес, имел узкий обтекаемый корпус. Его экипаж в полном составе насчитывал около тысячи человек и аугментированных

сервиторов плюс сотня Астартес — целая рота.

В живых осталось девяносто семь Астартес. И ни одного человека.

Трое Астартес просто не очнулись, в отличие от всех остальных. Аргел Тал приказал сжечь их тела, а останки выбросить через шлюз, как только корабль выйдет из зоны варп-штормов.

Когда и если это вообще произойдет.

Свидетельства гибели людей остались повсюду. Аргел Тал, лишенный возможности ощущать страх, не был неуязвим для отвращения и жалости. Каждый труп, мимо которого он проходил, смотрел на него безжизненным взглядом. Рты мертвецов были разинуты в безмолвном крике. Сморщенные, пожелтевшие глаза обвиняли его на каждом шагу.

— Мы должны были защитить их от этого, — сам того не желая, пробормотал он вслух.

— Нет. — Тон Ксафена исключал любые возражения. — Они были всего лишь вспомогательным ресурсом легиона. Мы

выполняет задание легиона, и они стали той ценой, которую мы заплатили.

«Но не единственной ценой», — подумал Аргел Тал.

— И это разложение, — добавил он. — Я не понимаю.

Несущий Слово с каждым пройденным шагом двигался все быстрее, и на подходе к капитанскому мостику он уже почти бежал. Сила переполняла его тело, такое слабое еще несколько минут назад.

Они шли по центральному проходу, тянувшемуся вдоль всего корабля, словно позвоночный столб. Еще недавно в любое время дня и ночи по нему сновали члены экипажа, спешившие по своим делам.

Но не сейчас. Тишину переходов нарушали только шаги Аргел Тала и его ближайших братьев. На полу повсюду лежали высохшие и сморщенные тела, овеваемые сухим затхлым воздухом из кислородных фильтров корабля.

— Они мертвы уже несколько недель, — заметил Ксафен.

— Это невозможно, — возразил Малнор. — Мы пробыли без сознания всего

несколько минут.

Ксафен, присевший на корточки около высохшего тела сервитора, поднял голову. Неповрежденные бионические элементы выпали из сморщенных конечностей трупа и лежали рядом на полу.

— Без сознания? — Капеллан покачал головой. — Мы не теряли сознания. Я почувствовал, как оба мои сердца разорвались под когтями этой твари. Я умер, Малнор. Мы все умерли, как и посулил демон.

— Но сейчас мои сердца бьются, — заявил сержант. — И твои тоже.

Аргел Тал и сам это видел. Ретинальные дисплеи не могли лгать.

— Сейчас не время, — сказал он. — Нам надо попасть на мостик.

Воины двинулись дальше, перешагивая через сморщенные трупы, которые по мере приближения к мостику попадались все чаще.

На капитанском мостике их ожидало восемьдесят одно мертвое тело.

Одни распростерлись на полу, другие

ссутулились, но остались сидеть, кое-кто, умирая, упал, свернувшись в клубок, тогда как большинство так и остались на своих местах.

— Они знали, что происходит, — сказал Ксафен. — Смерть не была мгновенной. Они что-то чувствовали перед гибелью.

Аргел Тал нерешительно остановился у скрюченного тела капитана Янус Силатор, свернувшейся на командном троне, словно в последние мгновения жизни она пыталась спрятаться от надвигающейся угрозы. Аргел Тал взглянул на ее иссохшее, почти мумифицированное лицо и все понял.

— Боль, — сказал он. — Они чувствовали боль.

Даготал уже подошел к пульту управления и вытащил из-за него тело дежурного офицера. Труп шлепнулся на палубу, но его и там не оставили в покое: подошедший Ксафен начал исследовать тело, кромсая его своим боевым ножом. Даготал пробормотал непристойное колхидское ругательство.

— Я могу управлять гравициклом, сэр, но не имперским боевым кораблем, даже если бы на нем имелись рабы для поддержания работы двигателей.

Аргел Тал отвернулся от останков капитана.

— Для начала дай мне общий обзор.

Он опять отметил, что его голос звучит как-то не так. Как будто рядом с ним кто-то в насмешку произносил те же самые слова.

— Мы намертво зависли в космосе. — Даготал повернул несколько переключателей, но не добился ни малейшего эффекта. — Энергия подается не во все системы. Далеко не во все. Поле Геллера активно, но нам не хватает пустотных щитов, плазменных двигателей, энергетического оружия, ракетных установок и систем жизнеобеспечения на половине палуб.

— А маневровые ускорители?

— Сэр. — Даготал неуверенно помялся. — После полной остановки нас довольно далеко отнесло штормом. С учетом этого, не имея варп-двигателей...

если лететь на одних маневровых ускорителях, нам потребуется не меньше трех месяцев, чтобы выбраться из этой... туманности.

— Это не туманность, — пробормотал Ксафен. — Вы же видели, что творится снаружи. Это не туманность.

— Ну, из этой преисподней, — огрызнулся Даготал.

— Преисподняя подходит больше, — согласился Ксафен, все еще продолжая свое занятие.

Аргел Тал поднял тело капитана Силамор с не по росту большого командирского трона, предназначавшегося для Астартес, и отнес к остальным телам, сложенным на краю командирской рубки. Вернувшись, он занял ее место, и броня лязгнула о металлическое сиденье.

— Включай ускорители, — приказал он. — Чем скорее мы двинемся с места, тем скорее вернемся к флотилии.

— Обескровлены, — объявил Ксафен.

Он выпрямился с ножом в руке, оставив на полу останки обследованного

тела. Вскрытие трупа вокс-офицера Атала Врея никогда не попадет в официальные сводки, но оно, бесспорно, было весьма тщательным.

— Тела, — пояснил Ксафен. — Они обескровлены. Что-то высосало кровь из их вен и тем самым убило.

— Ингетель?

— Нет, Ингетель был с нами. Это сделал кто-то из его родичей.

Его родичи. Слова демона с болезненной ясностью всплыли в мозгу Аргел Тала. «Да. Один из моих родичей. Он идет за тобой».

Он ощутил внутри что-то скользкое. В его теле что-то шевельнулось, обвиваясь вокруг костей рук и ног, сворачиваясь тугой спиралью вокруг позвоночника.

— Вызвать всех воинов на мостик, — приказал он, слыша в мозгу эхо собственного голоса, беззвучно повторявшее его слова.

— И, Даготал, — продолжил Аргел Тал, — выводи нас отсюда.

Корабль, ковыляющий от края варп-

шторма, разительно отличался от благородного имперского судна, ворвавшегося в бурю. Сквозь истонченную мембрану поля Геллера просачивался туман психической энергии, корабль медленно вращался, что свидетельствовало о неисправности систем управления и поврежденных стабилизаторах.

С его искореженных мачт связи постоянно передавался один и тот же сигнал, и слова на колхидском наречии чередовались с треском расстроенного вокса.

«Говорит "Песнь Орфея". Получены критические повреждения. Требуется эвакуация. Говорит "Песнь Орфея"...»

— Контакт с «Песнью Орфея» восстановлен! — крикнул офицер с мостика.

На командной палубе «Де Профундис» кипела работа: целый рой офицеров, сервиторов, аналитиков и других членов экипажа сновали вокруг центральной платформы, приподнятой над остальным

залом. На платформе в одеянии из серого шелка сидел и наблюдал за обзорным экраном золотой гигант. Его лицо, так похожее на лицо отца, смягчалось чувствами, абсолютно не присущими Императору: Лоргар был одновременно заинтересован и озабочен.

— Уже? — спросил он, обратившись к офицерам за пультом вокс-связи.

— Мой лорд, — откликнулся аускультастер со своего места перед мерцающими мониторами, — корабль... жестоко поврежден.

Все больше и больше членов экипажа вглядывались в обзорный экран, наблюдая за бессильным дрейфом «Песни Орфея», и рабочий шум на мостике стал постепенно стихать.

— Как это может быть? — Лоргар наклонился вперед, вцепившись золотыми пальцами в стальной поручень, ограждавший платформу. — Это невозможно.

— Мы принимаем сигнал бедствия, — добавил один из вокс-офицеров. — Мой примарх... «Песнь Орфея» получил тяжелые

повреждения. До нас доходит автоматический сигнал.

Лоргар поднес руку к приоткрывшимся губам, не в силах скрыть тревогу, хотя любой другой примарх в этом случае остался бы невозмутимым. Беспокойство проявилось и в его лице, еще недавно выражавшем замешательство.

— Воспроизведи послание, пожалуйста, — негромко попросил он.

Из динамиков вместе с треском помех раздался голос:

— ...«Песнь Орфея». Получены критические повреждения. Требуется эвакуация. Говорит «Песнь Орфея»...

— Как это может быть? — снова спросил он. — Мастер вокса, обеспечь мне связь с этим кораблем.

Как прикажешь, мой лорд.

— Аргел Тал, — выдохнул Лоргар имя своего сына. — Я узнал этот голос. Это был Аргел Тал.

Стоящий рядом командующий флотилией Балок Торв кивнул, но его суровое лицо не затронули чувства, отраженные на лице примарха.

— Да, мой лорд. Это он.

Для установления вокс-контакта потребовалось три с половиной минуты, и остальные корабли Тысяча триста первой флотилии за это время активировали защиту и подготовили к бою все орудия. Из доков флагмана вышли буксиры, готовые подтянуть поврежденный корабль.

Наконец на обзорном экране возникло изображение рубки другого корабля. Через несколько секунд, после взрыва статических помех, появился и голосовой контакт.

— Кровь Императора! — прошептал Лоргар, не отрывая взгляда от монитора.

Аргел Тал предстал перед ним без шлема. Его изможденное лицо принадлежало жалкому призраку некогда мощного воина, под глазами после бесчисленных ночей бдения залегли трачные тени. На левой стороне лица виднелись застаревшие пятна высохшей крови, а его броня — вернее, то, что от нее осталось, — покрылась вмятинами и трещинами и лишилась священных свитков.

Капитан, пошатываясь, встал и отсалютовал примарху. Кулак коснулся нагрудника с едва слышным стуком.

— Вы... все еще здесь, — прохрипел он.

Голос Аргел Тала тоже утратил былую силу.

Лоргар первым нарушил возникшее молчание:

— Сын мой, что с вами случилось? Что это за безумие?

Позади Аргел Тала проявились другие фигуры. Только Несущие Слово. И все выглядели такими же изможденными и ослабевшими, как и их командир. Один на глазах Лоргара упал на колени и забормотал бессмысленную молитву. Лоргар не сразу узнал в нем Ксафена, которого выдавал только черный цвет разбитого доспеха.

Аргел Тал с тяжелым вздохом прикрыл глаза:

— Сэр, мы вернулись, как и было приказано.

Лоргар обернулся на Торва, затем снова взглянул на Аргел Тала:

— Капитан, вы отсутствовали не

больше шестидесяти секунд. Мы только что видели, как «Песнь Орфея» вошла в зону шторма. Вы возвращаетесь меньше чем через минуту после ухода.

Аргел Тал поскреб свои впавшие щеки и тряхнул головой.

— Нет. Нет, этого не может быть.

— Может. — Лоргар посмотрел на него в упор. — Так оно и есть. Сын мой, что с вами случилось?

— Семь месяцев. — Капитан покачнулся и, чтобы устоять на ногах, оперся на подлокотник своего трона. — Семь. Месяцев. Нас осталось меньше четырех десятков. Без пищи. Мы поедали экипаж... отвратительные куски кожистой плоти и высохших костей. У нас не осталось воды. Шторм повредил все резервуары. Мы пили прометий... оружейное масло... охлаждающую жидкость из двигателей... Сэр, мы убивали друг друга. Чтобы остаться в живых, мы пили кровь своих братьев.

Лоргар отвел взгляд ровно настолько, чтобы отдать приказ вокс-офицеру.

— Доставьте их сюда, — сказал он,

понизив голос. — Заберите моих сынов с этого корабля.

— Сэр? Сэр?

— Я здесь, Аргел Тал.

— «Песнь Орфея» совершила свой последний полет. Мы шли на одних маневровых ускорителях.

— «Громовые ястребы» уже вылетают, — заверил его примарх. — Мы вместе вернемся в безопасное пространство.

— Благодарю, сэр.

— Аргел Тал, — Лоргар нерешительно помолчал, — вы истребили команду «Песни Орфея»?

— Нет. Нет, сэр, ни в коем случае. Мы питались их трупами. Как стервятники. Как пустынные шакалы Колхиды. Мы делали все, чтобы выжить. Мы должны были доставить ответы, которые ты ищешь. Мой лорд, пожалуйста... Ты должен об этом знать. Мы отыскали все ответы, но один важнее всего.

— Говори, — прошептал золотой гигант. Он не стеснялся слез, вызванных

ужасным состоянием своих сыновей. — Говори, Аргел Тал.

— Это место. Это царство. Будущие поколения назовут его Великим Глазом, Оком Ужаса, Оккуларис Террибус. Приглушенными голосами они будут шептать тысячи дурацких названий тому, чего они не в состоянии понять. Но ты был прав, мой повелитель. Здесь, — Аргел Тал ослабевшей рукой показал в сторону варпа, бурлящего за окном рубки, — встречаются боги и смертные.

Вскоре он оказался в изоляции. Отдельно от своих братьев.

Нельзя сказать, чтобы это стало для него неожиданностью, но они забрали и его оружие — «для неотложного ремонта, брат», — а этого он предвидеть не мог. Кроме того, они вели себя с ним крайне осторожно. Сопровождающие, доставлявшие его в зал для медитаций, держались настороже, неохотно вступали в разговор и медлили с ответами даже на самые простые вопросы.

Ему еще никогда не приходилось

испытывать подобное недоверие со стороны братьев. Конечно, он знал, в чем причина. Истину скрыть невозможно, да он и не имел желания ее скрывать. Да, оставшиеся в живых питались трупами людей. Да, они убивали своих братьев. Но не ради забавы. Не ради славы. Ради выживания.

Чтобы утолить убийственную жажду вином с привкусом меди, что текло в рассеченных венах.

А что ему оставалось? Умереть? Погибнуть вдали от флотилии и похоронить ответы на все вопросы, так необходимые примарху?

Но ты умер. Эта предательская мысль поднялась из дальнего уголка его сознания. Ты действительно умер.

Да. Он умер. Он умер еще до того, как начал жевать заскорузлую кожу обескровленных трупов. До того, как использовал свой кинжал, чтобы перерезать горло собрату и выпить его жизнь для поддержания собственного существования.

Значит, кто-то из них умер дважды.

И в последней смерти они послужили топливом для тех, кому суждено было выжить.

Тридцать восемь Несущих Слово покинули палубу «Песни Орфея». Тридцать восемь из полной сотни. Намного меньше половины. Седьмая рота прекратила свое существование.

Аргел Тал судорожно вздохнул. Стоило ему закрыть глаза, как он вновь и вновь видел шторм. И в волнах варпа десять миллионов лиц безмолвно выкрикивали его имя. Он видел, как движутся их губы, как обнажаются зубы на лицах, сотканных из столкновений психических течений, просачивающихся сквозь барьер поля Геллера. Плоть и кровь несформировавшихся демонов. Неукротимая материя душ.

Он выдохнул и открыл глаза.

Стены его личной комнаты, много лет с начала Великого Крестового Похода служившей пристанищем на борту «De Профундис», теперь казались ему чужими. Странно, как сильно могут изменить душу семь месяцев. Семь месяцев и полная

голова необузданных откровений.

Хронометр над дверью, словно в насмешку, показывал дату более чем полугодичной давности. Слова примарха, к несчастью, оказались истиной: на краю аномалии варпа прошли считаные секунды. Внутри шторма миновали месяцы.

Лишенный брони капитан взглянул на свое изможденное тело, отражавшееся на поверхности кинжала, единственного оставленного ему оружия. Оттуда на него смотрел выходец с того света — тощее существо с ввалившимися глазами, побывавшее по ту сторону могилы.

Он опустил кинжал и стал ждать сигнала, который, как ему было известно, вскоре должен был прозвучать.

Лоргар никогда не выглядел более величественным, чем в своем смирении.

Он пришел к Аргел Талу в пышном одеянии жреца Ковенанта, капюшон скрывал его лицо. В руках он нес небольшой деревянный ларец; под откинутой крышкой виднелся пучок перьев грифа и чернильница. А под мышкой примарх

держал свитки папируса, на которых собирался записывать слова своего сына. Пока Лоргар входил, Аргел Тал успел заметить за его спиной два массивных силуэта Несущих Слово — собратьев по Зубчатому Солнцу, но не из Седьмой роты. Оба воина остались за дверью.

На страже.

— Отец, я заключенный? — спросил он.

Лоргар откинул капюшон, открыв вечно юное лицо, и неуверенно улыбнулся. В его серых глазах плескалось искреннее чувство, не обещавшее ничего хорошего. Он скорбел по своим сыновьям. И со скорбью смотрел на того, кого видел перед собой.

— Нет, Аргел Тал. Ни о каком заключении не может быть и речи.

Их взгляды на мгновение пересеклись, и улыбка Лоргара застыла на идеальной формы губах.

— А стражники у моей двери, похоже, считают иначе, — заметил Аргел Тал.

Лоргар ничего не ответил. Красивый резной ларец выпал из его рук и с грохотом ударился о металлический пол. Шум привлек внимание воинов, и дверь

моментально распахнулась. Двое Астартес из Тридцать седьмой роты ворвались в комнату, моментально нацелив болтеры на Аргел Тала.

— Повелитель? — хором спросили они.

Примарх и им ничего не сказал. Он ошеломленно молчал и протягивал руку, почти касаясь изможденного лица капитана. В последний момент, прежде чем его пальцы дотронулись до пересохшей кожи Аргел Тала, он отдернул руку.

Они все еще смотрели друг другу в глаза: примарх и капитан, отец и сын.

— У тебя две души, — прошептал Лоргар.

Аргел Тал прикрыл глаза, разрывая контакт. Нечто — сотня неизвестных нечто — скользнуло в его крови, поползло по венам, продвигаясь с каждым биением сердца.

Он наконец поднялся на ноги.

— Я знаю, отец.

— Поведай мне все, — попросил примарх. — Расскажи мне о демоне и о мире откровений. Расскажи, почему мой сын стоит передо мной с рассеченной

надвое душой.

Глава 13
ИНКАРНАДИН
ЗАТЕРЯННЫЕ В ШТОРМЕ
ГОЛОСА БЕЗДНЫ

Тысяча триста один — двенадцать.

Как только Аргел Тал произнес кодовое обозначение, под его языком собралась едкая слюна.

Тысяча триста один — двенадцать, двенадцатый мир, который Тысяча триста первой флотилии предстояло привести к Согласию.

— Из семи миров, завоеванных нами за последние три года, этот принес нам больше всего страданий.

Лоргар не стал возражать.

— Но все же, — заметил примарх, — там не было кровопролития. Ни одного выстрела, сделанного в ярости, ни одного клинка, обнаженного в гневе. Боль причинили откровения.

— Три года, мой лорд, — сказал Аргел Тал, отводя взгляд от глаз своего отца. —

Три года и семь миров. История будет ссылаться на эти миры, на оставленные нами пустые оболочки, и будет рассказывать, как Семнадцатый легион, потерпев неудачу, дал волю своей ярости. О нас скажут, что мы сжигали один мир за другим и уничтожали все население планет, лишь бы утолить свой гнев.

Улыбка Лоргара стала фальшивой, словно похожий на золото колчедан.

— Так вот как ты смотришь на наше паломничество?

— Нет. Ни в коем случае. Но семь миров погибли в пламени, а после нашего ухода с восьмого мы сами чуть не погибли.

Взгляд серых глаз Лоргара ни на мгновение не дрогнул. Своим шестым чувством он заглядывал в сердце сына и чувствовал, как там созревает вторая душа.

— Ну, хватит этих сентиментальных воспоминаний. — Голос Лоргара выдавал его нетерпение. — Расскажи о мире, который мы обнаружили.

— Ты помнишь, — спросил его Аргел

Тал, — как мы впервые вышли на его орбиту?

Пол задрожал особым образом.

Кси-Ню-73 это отметил. Палуба под его металлическими подошвами вздрагивала определенным образом — это не было беспорядочной тряской полета в варпе и несхожей с биением сердца пульсацией маневровых двигателей. Нет, через его искусственные кости, словно шорох, распространялась слабая, но благословенно размеренная дрожь.

Орбита.

Наконец-то орбита.

Последний перелет длился очень долго. Кси-Ню-73 был не из тех, кто предается умозрительным размышлениям, выходящим за рамки настоящего, но его расчеты были трачными. Если после этого мира Тысяча триста первая флотилия углубится еще дальше, будущие в варпе шторма не ограничатся тремя кораблями, которые они уже потеряли.

Кси-Ню-73 как-то услышал, как один

рабочий сказал другому, что «шторм снаружи набрасывается на щиты корабля». Он сурово выбранил говорившего за то, что тот наделял человеческими свойствами неподобающий объект. Подобный антропоморфизм сильно снизит шансы слуги на продвижение в иерархии Механикум.

Да, это, без сомнения, жестокий шторм. Но в течениях варпа нет ни страсти, ни гнева, ни определенных намерений.

Астартес и человеческий экипаж готовились к высадке на поверхность, и на всех палубах «Де Профундис» кипела бурная деятельность.

Кси-Ню-73 очистил свой мозг от биохимических процессов, позволявших ощущать волнение, и перестроил свой разум, избавившись от подобных эмоций. Вместо этого он полностью сосредоточился на работе, что стимулировало мозговые центры удовольствия — минутное возбуждение после каждого пункта программы, выполненного с абсолютной точностью и

эффективностью.

Его пальцы — а их на трех механических руках было пятнадцать — трудились над бронированным сосудом черепа Ализарина. Это был процесс реструктуризации биопластических сфер, каждая из которых в голове робота сочилась питательной жидкостью. Каждый канал сферического реле следовало настроить и закрепить, а потом подсоединить к зависимым системам, которые оно контролировало, а также к аварийным переключателям на случай повреждения в сражении. Так работал разум робота: выращенная в генетической лаборатории имитация живого мозга для использования в машинном корпусе.

Отвратительная резкая вонь, исходившая из чаши с искусственной спинномозговой жидкостью, напоминала запах гнилого лука, но Кси-Ню-73, безусловно, был выше того, чтобы реагировать на подобные мелочи. Он знал о запахе лишь потому, что его обонятельные сенсоры анализировали

воздух, а на сетчатке в сухом бинарном коде отражались столбцы полученной информации.

Несмотря на сложность работы, Кси-Ню-73 оставил около пяти процентов своего внимания для наблюдения за окружающей обстановкой. Внутренние сенсорные устройства, воспринимающие мир посредством эхолокации, сначала просигнализировали о том, что открылась дверь его мастерской, затем о том, что кто-то движется во внутреннем пространстве. Появившаяся фигура однозначно обладала признаками силового доспеха «Марк-III», Астартес.

К первому сигналу добавились и остальные. В итоге пять Астартес.

На обзорном дисплее Кси-Ню-73 все эти детали отразились четкими рунами. Он почти не придал им значения; перепачканными в органической слизи пальцами он продолжал подключать к сегментированным сферам из биопластика миниатюрные устройства. Каждая сфера отвечала за свою часть мыслительной программы. Каждое

оптическое волоконце имитировало синапсы мозга.

У Астартес хватило здравого смысла не прерывать его работу. Три целых и тридцать две сотых минуты они ждали, пока Кси-Ню-73 не закончит очередную фазу манипуляций. Наконец во внутренней системе Кси-Ню возник импульс удовлетворения. Активировались рецепторы удовольствия. Работа завершена.

Адепт Механикум повернулся за своим рабочим столом. Со всех пятнадцати металлических пальцев продолжала капать слизь.

— Младший командир, — произнес он, не обращая внимания на старших сержантов, сопровождавших Аргел Тала, и не отвешивая почтительный поклон, как большинство смертных членов экипажа. — Ты пришел начать процесс подготовки Инкарнадина.

Аргел Тал в ожидании высадки на поверхность уже облачился в боевые доспехи, как и пришедшие с ним офицеры: Ксафен в черной броне, Даготал, Малнор и

Торгал в гранитно-серой.

— Пора, — сказал Аргел Тал.

Трем линзам Кси-Ню-73 потребовалось несколько секунд, чтобы сменить фокусировку.

— Идите за мной, — предложил техножрец.

Вслед за ним воины прошли в соседнее помещение, залитое красноватым светом.

Нельзя сказать, чтобы Кси-Ню-73 чувствовал какое-либо смущение от того, что Инкарнадин был зачислен в легион Несущих Слово. Такая честь была равносильна высшей похвале в Легио Кибернетика и являлась свидетельством мастерства управляющего адепта, а машина явно обладала сильным и энергичным духом, а потому заслуживала признания.

Вот только после зачисления в братство Зубчатого Солнца, после того как значок роты был выгравирован на лбу робота, Прима-«Завоеватель» Девятой манипулы стал несколько... нестабильным. Дух машины в силу какой-то ошибки

получил возможность действовать непредсказуемо, а это было недопустимо.

Даже для такого опытного адепта, как Кси-Ню-73, все это не имело смысла, если не считать возникших трагических подозрений. Как предписывал его долг, Кси-Ню провел сотню диагностических испытаний, но погрешности в коре мозга Инкарнадина каждый раз проявлялись вновь.

Однажды Кси-Ню решился на шаг, который никогда не согласился бы повторить, и рискнул полностью очистить биопластический мозг Инкарнадина. После удаления из черепа робота всех следов материи он перестраивал кортикальный слой в течение четырех месяцев, используя при этом запасные элементы из ремонтного комплекта, очищенные ритуалами.

Во имя Шестерни, робот получил новый мозг. И все же, все же он был...

Да. И существовала еще одна проблема. В марсианском наречии-коде не было понятий, которыми можно было бы ее описать, и Кси-Ню-73 употребил для

описания ситуации ближайший по значению человеческий термин: Прима-«Завоеватель» сбоил. Адепт связывал появление этого симптома с новым назначением робота, и не в Тысяча триста первую флотилию, а именно в легион Несущих Слово.

В отличие от Легио Титаникус, базирующихся на собственных судах Механикум, военные машины и обслуживающие их эксперты и техники Карфагенской когорты были распределены по многим флотилиям Несущих Слово. Такой порядок был принят по настоянию самого Лоргара. Десятилетия назад, когда представители Легио Кибернетика впервые приблизились к повелителю Несущих Слово, Лоргар великодушно предложил модифицировать свои корабли, чтобы они удовлетворяли особым потребностям его новых союзников Механикум.

— Все мы братья перед лицом одного бога, — сказал он генерал-фабрикатору во время первого посещения поверхности Марса.

Вскоре после этого, очевидно, было достигнуто соглашение. Карфагенская когорта, одно из самых прославленных подразделений Легио Кибернетика, должна была отправиться вместе с Семнадцатым легионом и размещаться на его кораблях.

Кси-Ню-73 не присутствовал при принесении этой древней клятвы — он тогда еще просто не родился, — и это обстоятельство лишь укрепляло его сомнения в истинности легенды. Причина, по которой он не мог принять ее за истину, была проста: несмотря на приносимую Карфагенской когортой пользу, Астартес не нравилось присутствие в их среде представителей Механикум. Отношения между ними можно было назвать скорее прохладными, чем сердечными, и это несмотря на то, что Механикум не могли считаться людьми в полном смысле этого слова.

Ходили слухи, что другие легионы достигли более гармоничных отношений с марсианским культом, особенно благословенные Железные Руки и несгибаемые Железные Воины — оба этих

легиона с первого же момента совместных действий в ходе Великого Крестового Похода терранского Императора пользовались огромным уважением со стороны Механикум.

Но с течением времени Кси-Ню-73, получивший скромную должность смотрителя манипулы из четырех роботов, пришел к выводу, что Несущие Слово отличаются от своих братьев Астартес. Это мнение разделяли и другие его собратья, равные по званию, хотя связь между ними осуществлялась все реже и реже.

По мере того как флотилии после большого сбора на Колхиде три года назад расходились все дальше и дальше, контакты между манипулами Карфагенской когорты становились все более редкими. Вокс-связь на таких расстояниях не работала. Поговаривали, что даже астропатия становится ненадежной, впрочем, Кси-Ню-73 никогда не обладал подобными талантами.

Основной проблемой в отношениях с Несущими Слово для Кси-Ню-73 стала их

принципиально органическая природа. Короче говоря, они были слишком похожи на людей. Для них важнее всего были несовершенные аспекты веры, касавшиеся души и плоти, а не стремление к совершенству посредством единения с Богом-Машиной. Вместо логики они поддавались эмоциям, и в ходе Великого Крестового Похода именно чувства влияли на их тактику и даже цели.

Более того, многие воины Зубчатого Солнца рядом с Механикум, казалось, чувствовали себя неловко, словно сдерживая готовые вырваться обвинения или жалобы.

Слишком человечные. Вот в чем проблема. Слишком эмоциональные, слишком полагающиеся на инстинктивную веру и красноречивые проповеди. Чрезмерная человечность и стала причиной раскола между фракциями.

Исключение из этого положения стало для Кси-Ню-73 источником беспокойства, поскольку касалось его собственного Прима-«Завоевателя».

Инкарнадин, будь благословен его

отважный дух, пользовался искренним уважением со стороны Несущих Слово.

В самом деле, они даже называли его «брат».

Он провел Астартес в зал подготовки, где его подопечные подвергались последним ритуалам перед пробуждением. Три бронированные машины стояли в безучастном молчании, а вокруг сновали слуги Механикум, все подчинявшиеся Кси-Ню-73. Двое помощников в балахонах поднимали лазерное орудие на спину Вермиллиона и проверяли гладкость скольжения для установки в боевую позицию на плече робота.

Сангвин, долговязый близнец Ализарина, был почти готов. Треск автозагрузчика, заполнивший зал, возвестил о том, что его орудие получило свежий запас снарядов. Сервиторы, которых допускали к боевым машинам только после завершения жизненно важных операций, смазывали маслом подвижные части машин.

Инкарнадин ждал их.

Этот факт вызвал в мыслительном процессе Кси-Ню-73 раздражающе человеческое ощущение дискомфорта. Боевую программу Инкарнадина еще предстояло установить, и только тогда робот будет готов к высадке на поверхность. Но вот в информации о мыслительном процессе появился аномальный выброс. Пик внимания на фоне ровной линии восприятия. Подобная вспышка ощущения, как и едва заметная фокусировка визуальных рецепторов, наблюдалась только в присутствии Несущих Слово.

Словно животное, инстинктивно чующее своих сородичей, Инкарнадин всегда узнавал о приближении воинов Семнадцатого легиона.

Это явление неприятно задевало гордость Кси-Ню-73. До установки боевой программы мозг робота не должен был обладать таким уровнем узнавания. Он не должен был отличать цель от нецели, Астартес от людей, ксеносов и прочих существ.

Фактически он вообще не должен был воспринимать чье-то присутствие, а только наличие пола, стен и других предметов, и то с одной только целью — чтобы ни на что не наткнуться. И все-таки робот ждал этого момента. Кси-Ню отмечал подобный сбой в сенсорной системе Инкарнадина всякий раз, когда Прима-«Завоеватель» фиксировал приближение Несущих Слово.

— Инкарнадин, — заговорил Аргел Тал, и его голос нарушил поток кодированных размышлений адепта.

Младший командир не надел шлема, и Кси-Ню-73 видел, что взгляд Астартес обращен вверх, к голове огромной машины. Капитан без особого благоговения развернул принесенный свиток пергамента и начал читать.

— Являясь воином Семнадцатого легиона Астартес Несущих Слово, членом братства рожденных на Колхиде и рожденных на Терре, клянешься ли ты сражаться во имя Лоргара — сердцем и душой, плотью и кровью, — пока мир под нами, обозначенный Один-три-ноль-один-

девять, не будет приведен к законному Согласию с Империумом Человечества?

Инкарнадин молчал. Аргел Тал улыбнулся, но не отвел взгляда.

— Инкарнадин, — заговорил стоявший немного поодаль Кси-Ню-73, — принимает клятву такой, как она записана.

Астартес продолжал, словно и не замечая присутствия адепта.

— Инкарнадин, свидетелями твоей Клятвы Момента стали твои братья...

— Даготал.

— Торгал.

— Малнор.

— Ксафен.

— ...и подтверждаю ее я сам, Аргел Тал, младший командир Зубчатого Солнца.

Капитан закрепил свиток на крючке, прикрепленном к броне робота специально для этой цели. Такие же свитки висели на наплечниках доспехов каждого из пятерых Астартес.

Гордость Кси-Ню-73 боролась с неутихающим беспокойством. Гордость за то, что, слава Омниссии, его

Прима-«Завоеватель» принят в ряды Астартес. Но будь проклято воздействие на мозг робота, которое последовало за этим возвышением.

Закончив ритуал, Астартес отсалютовали, ударив кулаками по нагрудникам брони, и покинули зал подготовки машин. Было время, когда воины в качестве салюта воспроизводили знак аквилы, но вот уже три года после унижения легиона Кси-Ню не видел имперского приветствия.

Взгляд трех линз адепта остановился на величественной фигуре его любимого подопечного, освещенного красноватыми лучами.

— Хотелось бы знать, кому принадлежит твоя верность?

Инкарнадин не ответил. Он стоял неподвижно, как простоял до этого несколько часов, — молча, в ожидании очередного сражения.

Корабль снова тряхнуло — даже на орбите пространство вокруг этого нового мира было насыщено энергией варпа, и поверхности судна время от времени

достигали случайные выбросы силы. Кси-Ню-73 давно освободил свой мозг от фантазий человеческого воображения, и все же завывания шторма вокруг корпуса корабля напомнили ему скрежет... когтей.

Он сохранил звук в архиве своих лобных долей и продолжал заниматься насущными делами, лишь изредка отвлекаясь на лязг когтей, скребущих по металлической обшивке.

Блаженной Леди действительно надо было набросить на себя хоть какую-то одежду.

Она вслепую протянула руку за край кровати и похлопывала по полу, пока не отыскала свое одеяние. Кирена уже просовывала голову в ворот, когда ощутила обнявшие ее сзади руки Аррика.

— Еще слишком рано, — произнес он, щекоча дыханием ее шею.

— На самом деле мне кажется, что уже слишком поздно. Это был не сигнал побудки, а полуденный сигнал.

— Не шути, — возразил он, привлекая ее к себе.

— Я не шучу. — Кирена провела по волосам руками, игнорируя прикосновения его рук. — Аррик, — сказала она, — я действительно не шучу.

Он скатился с кровати, вскрикнув: «Вот проклятие!» — а затем повторил то же самое ругательство на нескольких других наречиях.

Роман с офицером оказался довольно поучительным, тем более что он умел ругаться на восемнадцати диалектах имперского готика.

— Проклятие! — закончил он тираду тем же самым, с чего начал. — Мне пора идти. Куда, к черту, запропастилась моя сабля?

Она обратила к нему невидящий взгляд:

— Я думаю, она закатилась под кровать. Я слышала, как она звякнула по полу вчера вечером.

— Что бы я без тебя делал? — Аррик вытащил клинок из-под кровати и пристегнул к кожаному ремню поверх мятого и незастегнутого мундира. — Я скоро вернусь, — добавил он.

— Я знаю.

— Сегодня состоится высадка, — сказал он, словно это могло быть новостью для Кирены.

Корабль сильно вздрогнул, и она оперлась рукой о стену, чтобы не упасть.

— Я знаю, — повторила она.

— Хотя при таком шторме...

— Я знаю, — снова сказала Кирена.

— Как я выгляжу? — с усмешкой спросил он, наслаждаясь давно установившимся между ними ритуалом.

Обычно Кирена улыбалась в ответ. Но не сегодня.

— Как человек, который опаздывает на встречу с командованием. А теперь иди.

Аргел Тал кивнул майору Джесметину, когда смертный офицер в последний момент проскочил в закрывающиеся двери.

— Я здесь! — воскликнул он. — Я успел.

Его мундир цвета охры, свидетельствующий о звании старшего командира Пятьдесят четвертого

Эухарского пехотного полка, без основательной чистки и глажки не допустили бы ни на один смотр. Волосы офицера были в таком же беспорядке, как и его одежда, и, кроме того, этим утром он явно не брился.

Он окинул взглядом остальных, собравшихся в комнате для совещаний вокруг большого стола в центре. Сорок участников собрания — мужчин, женщин и Астартес, которых он любил называть постлюдьми, в свою очередь, посмотрели в его сторону.

Корабль опять тряхнуло, и осветительные сферы под потолком мигнули.

— Простите, — сказал майор. — Я прибыл.

Кое-кто в ответ покачал головой, другие что-то раздраженно проворчали. Офицер занял одно из немногих свободных мест, оставшихся за столом, и оказался рядом с капитаном Несущих Слово. Вблизи напряженное гудение сочленений доспехов воина оказалось раздражающе громким, и расслышать голоса других

было довольно трудно.

— Рад, что ты к нам присоединился, Аррик, — сказал командующий флотилией Балок Торв, хмуро глядя на запыхавшегося майора с противоположного конца стола. — Как я уже говорил...

— Я прошу меня извинить, — снова прервал его майор, — но на палубе «D» сервиторы никак не могут справиться с... гиро-шестернями лифта. Настоящий кошмар, честное слово. Пришлось бежать большую часть пути.

Сидящий напротив магистр ордена Деймос, закованный в броню, ударил кулаком по столу.

— Замолчи, глупец, — проворчал он.

— Прошу прощения, сэр.

Аррик отсалютовал — ударом кулака по груди, а не знаком аквилы.

Кси-Ню-73, треща шестернями, повернул закрытую капюшоном голову.

— В оборудовании корабля нет компонентов, подходящих под определение «гиро-шестерня», — заметил он.

Аррик, прищурившись, окинул техноадепта сердитым взглядом:

— Благодарю.

— Как я понимаю, — заворчал командир Несущих Слово, — майор Джесметин пытался солгать в свое оправдание, но весьма неумело. Торв, переходи к деталям. Нам предстоит привести к Согласию этот мир.

Торв начал свой доклад, перечисляя континентальные массивы, примерное распределение населения и расстановку сил. Цивилизация на Тысяча триста один — двенадцать была примитивной, но все силы экспедиционной флотилии готовились к войне: армейский контингент, роты Астартес и подразделения Механикум.

Все будет зависеть от первого контакта.

Аррик рассеянно слушал то, что уже изучал по официальным рапортам. Затем он перехватил косой взгляд сидевшего рядом капитана Несущих Слово.

— Ты всегда причесываешь волосы пятерней? — спросил Аргел Тал.

Прежде чем Аррик подобрал слова для резкого ответа, дверь в комнату

открылась. В зал военного совета вошел примарх, облаченный в церемониальную кольчужную броню с нагрудником из резной слоновой кости.

— Друзья, примите, пожалуйста, мои извинения за несвоевременный приход. — Лоргар одарил всех присутствующих сияющей улыбкой, а затем занял свое место во главе стола. — Я надеюсь, к высадке все готово?

Собравшиеся командиры заверили его в готовности всех сил. Лоргар, великолепный в парадной броне военачальника Ковенанта, поочередно выслушал их рапорты.

— Сэр, — обратился к нему в конце один из офицеров.

— Говори, Аргел Тал.

— Меня до сих пор тревожит одно обстоятельство. Прошло уже три недели, — продолжал капитан, игнорируя возникший шепот. — Где же «Бесконечное благоговение»?

Лоргар наклонился вперед и положил на стол золотые руки. Все присутствующие могли по его глазам

видеть, чего стоили примарху последующие слова:

— Корабль затерялся в шторме. Мы скорбим по экипажу и нашим братьям, находившимся на борту. Но продолжать надеяться было бы неразумно.

— Сэр... — Аргел Тала явно не удовлетворил его ответ. — И мы даже не попытаемся их отыскать? Одно судно, потерянное в шторме, уже трагедия... но три... Аврелиан, пожалуйста, экспедиция под угрозой. Мы должны их отыскать.

— Но как? В варпе?

Очередной удар потряс корабль, и на этот раз колебания не утихали несколько секунд. Лоргар, опустив взгляд, едва заметно улыбнулся, несомненно радуясь своевременности тряски.

— Жестоки даже отголоски этого шторма. Неужели ты хочешь вернуться в варп, чтобы искать три атома в бесконечных вихрях?

— Я призываю астропатов сделать еще одну попытку, — сказал Аргел Тал. — Если им удастся отыскать своих собратьев на «Благоговении»...

— Сын мой, — Лоргар покачал головой, — твое сострадание делает тебе честь, но мы не можем прервать паломничество из-за потери одного боевого корабля. Варп жесток. Сколько судов потерял Империум в его штормах за время Великого Крестового Похода? Сотни? Возможно, тысячу, а то и больше.

Майор Аррик нажал на своем информационном планшете несколько кнопок.

— Мы находимся на передовой, и всем это известно. И как бы мы ни призывали на помощь, подкрепление к нам не придет. Насколько регулярна теперь связь между нашими флотилиями?

— Промежутки между контактами растут по экспоненте, — ответил Фи-44. — Последняя астропатическая передача от главной флотилии Кор Фаэрона состоялась четыре месяца назад.

Тогда заговорил Ксафен:

— Последнее сообщение Первого капитана содержало обновленные карты звездного неба, показывающие продвижение легиона к краю Галактики, и список

приведенных к Согласию миров. А также в нем выражалась искренняя благодарность за восемь тысяч слов и три пикта, которые следовало внести в имеющиеся во флотилии копии «Книги Лоргара».

Примарх усмехнулся, но ничего не сказал.

Ксафен продолжал:

— Ближайшая к нам флотилия — Три тысячи восемьсот пятьдесят пятая, и до нее год перелета через варп.

— Какие ордена возглавляют эту флотилию? — спросил Деймос.

— Кровавого Видения, — подсказал фи-44, — и Полумесяца. И еще: капеллан Ксафен допустил неточность. Перелет до Три тысячи восемьсот пятьдесят пятой флотилии займет от тринадцати до пятнадцати месяцев, в зависимости от капризов варпа.

Воцарилось молчание.

— Год, — подал голос Лоргар. — Далеко же завело нас служение человечеству глазами во тьме. Никакие имперские подразделения не распространялись так широко и не удалялись от Терры на такие

огромные расстояния.

Год. Аргел Тал был поражен такому определению дистанции. Мы на расстоянии годового перелета от своих ближайших братьев и еще дальше от истинных границ Империума.

— Итак, мы действительно остались одни, — озвучил Аррик мысли капитана, и очередное жестокое содрогание корабля подтвердило его слова.

— Сэр, — снова заговорил Аргел Тал.

— Успокойся, сын мой, — прервал его примарх, приподнимая руку. — Мастер Делвир? Не мог бы ты предоставить капитану Аргел Талу утешение, которого он ищет?

Мастер Делвир с виду был настоящим скелетом с водянистыми глазами, одетым в тускло-серое облачение, свисавшее с его плеч бархатными волнами. Обнаружив, что в его сторону поворачивается все больше лиц, он обвел комнату взглядом побитой собаки.

— Наши авгуры... То есть... Наши чувства... Я слышу мир, к которому мы приближаемся. Это трудно выразить

словами.

Лоргар кашлянул, привлекая внимание астропата.

— Мастер Делвир?

— Мой лорд? — почти шепотом откликнулся он.

— Ты здесь среди равных. Среди друзей. Мы все сочувствуем, что шторм оказывает на вас столь сильное давление. Не нервничай и не стыдящайся, расскажи обо всем подробно.

Шоса Делвир, мастер астропатов, поклонился без особого изящества, но искренне. Лоргар тоже ответил ему поклоном, хотя и не таким низким, зато с улыбкой.

— Иногда, — неторопливо заговорил астропат, — достаточно малейшего шанса, чтобы привести имперскую флотилию к одному из затерянных миров человечества. Эти случайности — великое благо. Чаще мы полагаемся на немногочисленные древние карты, сохранившиеся после хаоса Долгой Ночи и Объединительных войн, терзавших Терру. Но когда вы полагаетесь на нас, когда

взываете к астропатическому хору... Я постараюсь объяснить, насколько смогу.

— Вот тогда, — Аргел Тал взглянул на своего отца, записывающего его слова, — моя кровь впервые похолодела. Мы стояли на якоре над новым миром, когда астропат рассказал, как он и его собратья видят сквозь шторм.

Лоргар кивнул:

— В тот момент я впервые понял, что наше паломничество подходит к концу.

— И это правда, — вздохнув, сказал капитан.

Потом Аргел Тал продолжил рассказ, но их взгляды больше не встречались. Голос капитана сопровождало лишь легкое поскрипывание пера по пергаменту.

Мастер астропатов немного помолчал.

— Мы слышим голоса в пустоте, — сказал он. — Мир представляется целым ульем, издающим жужжание, словно стаи мух или саранчи, только далеко, очень

далеко. В бесконечных просторах космоса нелегко выделить какой-то один мир. Империум — это целый океан безмолвия, и только предельная концентрация внимания позволяет нам уловить гул человеческого сознания. Представьте, что вы оказались под водой в огромном море. Все звуки стихли, и тишина давит на уши. А теперь попытайтесь услышать голоса небытия, когда все, что вы слышите, — это стук собственного сердца.

— Сэр, — прервал его Деймос, — неужели так необходимо выслушивать эти скучные рассуждения?

В ответ Лоргар, улыбаясь, приложил золотой палец к губам.

— Пусть мастер Делвир говорит. Я нахожу его слова весьма поучительными.

Астропат, избегая чьих-либо взглядов, торопливо продолжил:

— Если вы все свое внимание сосредоточите на посторонних голосах, вы можете забыть о том, что нужно плыть, и утонете. Если же всю свою энергию вы направите на то, чтобы подняться на поверхность и снова набрать в грудь

воздуха... вы не услышите никаких звуков океана.

— Вы стремитесь к соблюдению равновесия, — сказал Аргел Тал. — Похоже, что это нелегкая задача.

— Это так, но никто из собравшихся в этой комнате не может похвастаться легким существованием.

Астропат почтительно поклонился воинам, и многие ответили на знак его уважения воинским салютом. В том числе и Аргел Тал. Этот тощий человек ему понравился.

— Что же изменилось? — спросил капитан, ощутив на себе взгляд примарха.

— Этот район космоса не похож ни на один из тех, что мы видели прежде. Варп здесь особенно жесток, и наши корабли оказались в плену бушующих течений и энергии эфира.

— Нам и раньше приходилось видеть варп-шторма, — заметил Лоргар.

Взгляд его серых глаз говорил о многом: все это было ему известно и он подводил астропата к тому, чтобы чувствительный медиум объяснил

положение командирам флотилии.

— Здесь другое дело, сэр. Этот шторм обладает голосом. Миллионом голосов.

Эти слова привлекли внимание всех участников совета. Аргел Тал непроизвольно сглотнул и ощутил на языке вкус яда. Повинуясь внезапному побуждению, он ввел код активации в пульт управления гололитическим проектором, вмонтированным в стол.

В воздухе над столом вспыхнуло мерцающее изображение участка космоса, охватывающее сотни солнц и их систем. Нельзя было не заметить, что здесь что-то не так.

— Вот эта область. — Астропат показал на изображение. — Если хор закрывает глаза и направляет туда свои тайные чувства, мы все... слышим только крики.

Указанный район был огромным. Больше, чем огромным. Он включал в себя сотни и сотни звездных систем, и даже на проекции было заметно сильное искажение. Аномалия варпа проявлялась в виде

газообразной пелены, закрывающей звезды и сворачивающейся в центре в бурлящий узел энергии.

— Посмотрите-ка, — заговорил Аррик Джесметин. — Кто-нибудь еще видит там глаз? Глаз в космосе?

Многие с ним согласились. Только не Лоргар.

— Нет, — возразил примарх. — Я вижу рождение. Так выглядят зарождающиеся галактики. Брат Магнус показывал мне подобные вещи в зале Ленга на прекрасной Терре. Разница в том, что... рождение это... не физическое. Это призрак галактики. Все вы видите глаз или спираль. То и другое и верно, и неверно. Это психический отпечаток какого-то невероятного события в звездном пространстве. Оно было достаточно мощным, чтобы разорвать пространство, позволив варпу просачиваться в материальную галактику.

Астропат кивнул и взглядом выразил благодарность примарху за слова, которых сам он подобрать не смог.

— Сэр, именно так мы и считаем.

Это не просто варп-шторм. Это особенный варп-шторм, и он бушует так долго, что уже проник в физическую реальность. Вся эта область стала одновременно пространством и антипространством. Варп и реальность, слитые воедино.

— Нечто... — Рассеянный взгляд Лоргара скользнул по взбудораженным небесам. — Это неудачный выброс. Что-то почти родилось здесь.

Аргел Тал откашлялся.

— Сэр?

— Ничего, сын мой. Просто мимолетная мысль. Мастер Делвир, продолжай, пожалуйста.

Но астропат мало что смог добавить.

— Бури, мешавшие нам в странствиях последние несколько недель, исходили из этого района. Космос вокруг Тысяча триста один — двенадцать относительно стабилен. Но вспомните, какой шторм нам пришлось пережить, чтобы достичь этого островка стабильности. Шторм охватывает тысячи звездных систем вокруг нас. Если

ты выйдем за пределы этого небольшого пространства, энергетические потоки могут...

Он умолк. Лоргар посмотрел на астропата в упор.

— Говори, — приказал примарх.

— Это древний терранский термин, сэр. Я бы сказал, что шторм может оказаться апокалиптическим.

— Что это означает? — спросил Аргел Тал.

Ему ответил Ксафен:

— Проклятие. Конец всему. Это старая, очень старая легенда.

Казалось, что эта мысль доставляет ему удовольствие.

— Если шторм кричит миллионами голосов, — Аргел Тал повернулся к Делвиру, — как вам удалось обнаружить этот мир? Почему вы смогли расслышать голос его жизни?

Астропат судорожно втянул воздух:

— Потому что нечто в мире под нами кричит еще громче.

— Нечто, — повторил капитан. — Может, «некто»?

Человек в сером балахоне кивнул:

— Не проси меня объяснить, поскольку это не в моих силах. По акценту в речи другого воина ты можешь сделать вывод, что он родился в другой области твоего домашнего мира, так и хор астропатов распознает в человеческих криках нечто нечеловеческое.

Лоргар взмахом руки прервал их рассуждения:

— Эта область не имеет названия и не нанесена на карты. Какие корабли пропали в шторме за время нашего странствия?

Командующего флотилией опередил фи-44:

— «Бесконечное благоговение», «Грегорианец» и «Щит Скаруса».

Собравшиеся Несущие Слово склонили головы, выражая почтительную скорбь. «Щит» был ударным крейсером капитана Скаруса и его Пятьдесят второй роты. Их потеря стала особенно жестоким ударом для братства Зубчатого Солнца, поскольку непостоянные вихри варпа сократили его численность почти на

треть.

— Хорошо, — произнес Лоргар. — Распорядитесь, чтобы все звездные карты были обновлены, и отправьте на Терру сообщение. Отныне этот район будет называться сектором Скаруса.

— Высадка на поверхность состоится, сэр? — прозвучал вопрос Деймоса.

Примарх с особой осторожностью достал из деревянного футляра на поясе свиток пергамента. Неторопливо развернув его, он повернул лист лицевой стороной к сидящим за столом. На папирусе углем было изображено спиралевидное пятно. Все они уже видели его — пятно среди звезд.

Пока командиры рассматривали рисунок, корабль снова содрогнулся от яростного удара. В помещении на несколько секунд вспыхнули красные аварийные огни, и гололитическое изображение пропало. Как только освещение вернулось к нормальному состоянию, Аргел Тал снова ввел код активации проектора.

Мерцающее и подрагивающее

изображение восстановилось.

— Проклятый шторм, — пробормотал майор Джесметин.

В ответ раздались негромкие одобрительные возгласы.

— Этот рисунок сделан по памяти, — сказал Лоргар, обводя взглядом присутствующих. — Но мои Несущие Слово его узнают.

— Эмпиреи! — хором воскликнули офицеры легиона.

— Небесные Врата, — уточнил Ксафен, — из древних свитков.

— Нас призвали сюда, — произнес Лоргар низким, исключающим сомнения голосом. — Нечто сквозь шторм взывало к нашему астропатическому хору. Нечто пожелало, чтобы мы оказались здесь, и нечто ждет нас на планете внизу.

Астропат, возможно впервые за всю свою безмолвную и уединенную жизнь, нарушил этикет.

— Как... как ты об этом узнал? — пробормотал он трясущимися губами.

Лоргар бросил свиток на стол. В его глазах вспыхнуло выражение, весьма

близкое к ярости.

— Я тоже слышу эти крики. И они не бессмысленны. Нечто из мира под нами выкрикивает в психический шторм мое имя.

Глава 14
ФИОЛЕТОВЫЕ ГЛАЗА ДВА ГОЛОСА ОТВЕТЫ

Аргел Тал смотрел на свое отражение в чаше с водой. Худые пальцы прошлись по выступающим костям. Можно подумать, он притронулся к собственному черепу.

Лоргар не поднимал взгляда от своих записей.

— Высадка, — сказал капитан.

Фиолетовые глаза.

Это была единственная черта, которая отличала их от представителей чистокровной человеческой расы. Люди смотрели на посланников звезд фиолетовыми глазами. Лоргара и его сыновей встретили одетые в лохмотья варвары, державшие в руках копья с кремневыми наконечниками.

Но эти первобытные люди не

проявили ни малейшего страха. Они приблизились к месту высадки беспорядочной ордой, разделенной на племена, каждое из которых несло собственное знамя из содранной кожи и тотемы из костей животных, указывающих на поклонение духам и демонам из верований этого мира.

Для первого контакта с населением Тысяча триста один — двенадцать Лоргар взял с собой лишь небольшой отряд. Остальная флотилия ожидала наготове на орбите, а первую встречу Лоргар предпочел провести в скромной обстановке.

Рядом с примархом стоял Деймос, магистр Зубчатого Солнца, вместе с капитанами Аргел Талом и Цар Кворелом из Седьмой и Тридцать девятой рот. Обоих капитанов сопровождали их капелланы, вооруженные крозиусами. Позади них маячила одинокая скелетоподобная фигура в одеянии с поднятым капюшоном. Из-под края капюшона выглядывали три глаза-линзы Кси-Ню-73, наблюдавшего за ходом событий. Рядом с ним неподвижно замер

Инкарнадин, излучавший угрозу, хотя в нем не шевелилась ни одна шестерня.

Еще одна фигура держалась отдельно от общей группы. Закованный в золото, с великолепной алебардой в руках, кустодий Вендата. Аквилон настоял на своем: в случае первого контакта примарха должен сопровождать хотя бы один из его воинов.

Алый плюмаж кустодианского шлема, как и свитки на броне Несущих Слово, трепетал на ветру. Ближе всех к золотому воину стоял Аргел Тал. За все время, что Вендата провел во флотилии, ни один другой Астартес не проявил по отношению к нему — или другим кустодиям — не то что дружеского расположения, но даже и тени уважения.

За спинами воинов стоял «Громовой ястреб» легиона традиционного гранитно-серого цвета, поскольку золотая «Грозовая птица» Лоргара осталась в Сорок седьмой флотилии. Примарх, хотя и не видел ее уже три года, не скучал по машине. Показная красота десантного корабля всегда казалась ему скорее безвкусной, чем величественной. Пусть самодовольный

фулгрим украшает свои машины, превращая их в произведения искусства. Вкус Лоргара отличался большей строгостью.

— Посмотрите на их глаза! — воскликнул Ксафен. — У всех их фиолетовая радужка.

— Взгляни наверх, — негромко посоветовал ему Лоргар.

Ксафен повиновался. Все последовали его примеру. Варп-шторм, терзающий этот регион, закрывал большую половину ночного неба. Огромная спираль из красных и фиолетовых потоков смотрела на них немигающим оком.

— Шторм? — спросил Вендата. — Их глаза стали фиолетовыми из-за шторма?

Лоргар кивнул:

— Он изменил их.

Ксафен, продолжая смотреть в небо, положил свой крозиус на плечо.

— Мне известно, что варп может заразить психически восприимчивых людей перерождением плоти, если их разум недостаточно силен. Но нормальных людей?

— Они нечисты, — перебил его Вендата. — Эти варвары — мутанты... — Он показал алебардой на приближающихся дикарей. — ...И подлежат истреблению.

Аргел Тал перевел взгляд налево, на стоявшего с опущенной алебардой кустодия.

— Вен, неужели это тебя не восхищает? Мы пришли в мир, который находится на краю величайшего из всех виденных варп-штормов, а его обитатели смотрят на нас глазами того же цвета, что и истерзанное пространство над ними. Как ты можешь обрекать их на гибель, даже не выяснив причин явления?

— Их нечистота сама по себе служит ответом, — заявил золотой воин. Он не желал вступать в спор. — Примарх Лоргар, ты должны зачистить этот мир.

Лоргар даже не взглянул на кустодия. Он только вздохнул, прежде чем заговорить.

— Я встречусь с этими людьми и сам решу их судьбу. Чистые и нечистые, правые и неправые. Все, что мне необходимо, — это ответы.

— Они нечистые.

— Я не собираюсь истреблять население целого мира по той лишь причине, что бойцовому псу моего отца не понравился цвет их глаз.

— «Оккули Император» непременно услышит об этом, — пообещал Вендата. — Как и Император, возлюбленный всеми.

Примарх в последний раз посмотрел на пылающее небо.

— Ни Император, ни Империум никогда не забудут того, что мы здесь узнаем. Это я могу тебе обещать, кустодий Вендата.

К ним приблизилась первая представительница варваров.

Ее плечи закрывал выгоревший плащ песчано-бурого цвета, тяжелый, словно из плохо выделанной кожи, сшитой грубыми стежками черного шнура. Вокруг глаз красивого, но вселяющего тревогу фиолетового оттенка виднелись круги белой краски, складывающиеся в некие руны. Эти символы ничего не значили для Вендаты. Зато плащ говорил о многом.

— Выродки... — прошипел кустодий по

закрытому вокс-каналу. — Это же человеческая кожа. Высушенная, выделанная, сшитая в полотно.

— Я знаю, — ответил Аргел Тал. — Опусти оружие, Вен.

— Как может Лоргар общаться с этими существами? Живодеры. Варвары. Мутанты. Они покрывают кожу бессмысленными символами.

— Они не бессмысленные, — возразил капитан.

— Ты можешь прочесть эти руны?

— Конечно, — рассеянно ответил Аргел Тал. — Это колхидский язык.

— Что? И что же они означают?

Несущий Слово промолчал.

Лоргар наклонил голову в почтительном приветствии.

Предводительница варваров, подошедшая в сопровождении сотни людей, одетых в одинаковые лохмотья и доспехи из внушавшей тревогу кожи, не выказывала никаких признаков смятения. Со всех концов равнины подходили все новые племена, но они держались поодаль,

возможно, из уважения к молодой женщине с иссиня-черными волосами.

При каждом ее движении раздавался перестук подвешенных к поясу черепов. Несмотря на то что она едва доставала головой до пояса примарха, дикарка держалась совершенно свободно, и взгляд ее необычных глаз смело встретил взгляд гиганта.

Ее речь не могли исказить ни сильный акцент, ни отрывисто произносимые слоги. Наречие, на котором она говорила, далеко ушло от своих протоготических корней, но имперцы — кто свободно, кто с трудом — понимали ее.

— Приветствую, — сказала дикарка. — Мы ждали тебя, Лоргар Аврелиан.

Примарх сумел сдержать свое удивление.

— Ты знаешь мое имя и говоришь по-колхидски.

Девушка задумчиво кивнула, но казалось, что она размышляет не над словами Лоргара, а над его произношением.

— Мы ждали тебя много лет, и наконец ты ступил на нашу землю. Эта

ночь была предсказана. Взгляни на север и юг, на запад и восток. Отовсюду идут племена. Этого потребовали говорящие с богами, и вожди повиновались. Вожди всегда прислушиваются к словам шаманов. Их голосами говорят боги.

Примарх окинул взглядом толпу, отыскивая этих уважаемых старейшин.

— Почему ты говоришь на языке моего родного мира? — спросил он предводительницу.

— Я говорю на языке своего родного мира, так же как и ты, — ответила женщина.

Несмотря на пылающие небеса, несмотря на преподносимые сюрпризы, Лоргар улыбнулся:

— Мое имя Лоргар, как ты и предвидела, но Аврелианом меня зовут только мои сыновья.

— Лоргар. Благословенное имя. Возлюбленный сын Истинного Пантеона.

Лоргар с трудом сумел сохранить непринужденный тон. Никакая мелочь не должна испортить первый контакт. Важнее всего сейчас сохранить контроль.

— У меня нет четырех отцов, друг мой, и я рожден не женщиной. Я сын Императора Человечества, и более ничей.

Она рассмеялась, и мелодичный звук ее голоса разнес неутихающий ветер.

— Сыновей можно не только родить, но и принять. Сыновей можно воспитать, а не просто вскормить. Ты любимый сын Четырех. Первый отец пренебрег тобой, но четверо отцов тобой гордятся. Очень гордятся. Говорящие-с-богами сказали нам об этом, а они никогда не лгут.

Лоргар едва не утратил свой непринужденный вид. Даже если люди и не заметили этого, Несущие Слово все поняли.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Ингетель Избранная. — Она улыбнулась, излучая доброту и невинность. — А скоро стану Ингетель Вознесенная. Я твой проводник, помазанный богами.

Женщина обвела жестом равнину, как будто в ней заключался целый мир. Более того, она показала рукой и на исковерканное варпом пространство над

ними.

— А этот мир, — продолжала она, сопровождая свои слова широким жестом разрисованных рук, — Кадия.

Этот первый контакт оказался уникальным. Никогда раньше имперцев не ждали с таким нетерпением. Никогда раньше люди примитивной цивилизации не только не приветствовали их с радостью, но и не выказывали ни малейшего страха перед оказавшимися рядом с ними закованными в броню воинами. «Громовой ястреб» возбудил их любопытство, но примарх объяснил Ингетель, что орудия приведены в боевую готовность, а машиной управляют сервиторы легиона и они могут открыть огонь, если кадианцы подойдут слишком близко.

Ингетель жестом заставила любопытных мужчин и женщин отойти от десантного катера Несущих Слово. Со своими соплеменниками она разговаривала более цветисто, используя в каждой фразе множество ненужных слов. Но, обращаясь к

Лоргару и его спутникам, она выражалась кратко, оставляя самую суть, и получалось, что она говорит по-колхидски, а не по-кадиански.

Лоргар остановил рассказ сына озабоченным взглядом.

— Ты рычишь, когда разговариваешь, — заметил примарх.

— Это ненамеренно, мой лорд.

— Я знаю. Твой голос так же расколот, как и твоя душа. Это доступно моему психическому ощущению — я вижу два лица, четыре глаза и две улыбки. Этого больше никто не заметит, разве что мой брат Магнус. Но для того, чтобы узнать истину, достаточно просто прислушаться. Ангел Тал, о твоем несчастье проведают даже уши смертных. Ты должен научиться скрывать этот изъян.

Капитан нерешительно помолчал.

— Я был убежден, что, после того как расскажу тебе об этом, меня уничтожат.

— Это один из возможных вариантов, сын мой. Но твоя смерть не доставит мне

никакого удовольствия.

— А Зубчатое Солнце будет стерто из архивов легиона?

Прежде чем ответить, Лоргар посыпал пергамент мельчайшим песком, чтобы быстрее высохли чернила.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что прежде он состоял из трехсот верных тебе воинов, а теперь осталась едва ли сотня. Из трех рот наберется только одна. Деймос погиб, убит на Кадии. Сотня наших братьев затерялась в шторме и вместе со «Щитом Скаруса» стала добычей варпа. А теперь и моя рота вернулась сломленной и... изменившейся.

— Зубчатое Солнце навсегда останется уроком для легиона, — сказал Лоргар. — Независимо от того, чем закончится паломничество. О некоторых вещах нельзя забывать.

Аргел Тал вздохнул. Вместе с выдохом раздался странный шепот. Нечто смеялось.

— Мой лорд, я не хочу говорить о Кадии. Тебе и так известно все, что я

знаю о произошедшем на поверхности. Ночи дискуссий с Ингетель и старейшинами племени. Сравнение наших звездных карт с их грубыми рисунками неба. Их пиктограммы Ока Ужаса, совпадение кадианских изображений шторма с нашими свитками времен Старой Веры. — Аргел Тал рассмеялся, но в его голосе не было веселья. — Как будто нам было мало доказательств.

Лоргар окинул его пристальным взглядом.

— Что такое, мой лорд?

— Шторм, который терзает субсектор. Ты назвал его Оком Ужаса.

Аргел Тал замер.

— Это... Да. Именно так его будут называть. Когда оно шире распахнется в пространстве, когда дрожащий Империум увидит в нем преисподнюю своей Галактики. Это трагическое название, данное звездными странниками величайшей тайне глубин. Оно будет нанесено на карты и обозначено точными координатами в базах данных. Человечество даст ему это имя, как

ребенок, дающий имена собственным страхам.

— Аргел Тал.

— Мой лорд?

— Кто говорит сейчас со мной? Это не твой голос.

Капитан открыл глаза. Но не мог вспомнить, чтобы их закрывал.

— Оно не имеет имени.

Лоргар помолчал.

— Я уверен, что имя есть. Это личность, такая же сильная, как твоя. Но она дремлет. Я чувствую, как она распространяется внутри тебя. Ты поглощаешь ее каждой клеточкой своего тела, словно...

Лоргар опять замолчал. Аргел Тал частенько задумывайся, каково это — видеть всю жизнь на любом из множества уровней, даже на генетическом, видеть жизнь и смерть миллиардов едва различимых клеток. Все ли примархи обладают этой способностью? Или только его отец? Это оставалось для него загадкой.

— Прости, мой лорд, — обратился он к

Лоргару. — Я буду держать глаза открытыми.

Дыхание Лоргара участилось. Ни один человек без аугментических устройств не заметил бы изменений в сердечном ритме примарха, но чувства Аргел Тала были сильнее человеческих во много раз. Больше того, теперь они превосходили даже чувства Астартес. Он мог слышать, как поскрипывает напряженный металл стен его каюты. Как дышат охранники за закрытой дверью. Как легко шуршат лапками насекомые в вентиляционном канале.

Эту чуткость он замечал и раньше — на борту «Песни Орфея», во время семимесячного странствия-дрейфа, когда они старались уйти от Ока. Ощущение появлялось несколько раз, но сильнее всего в тех случаях, когда он утолял смертельную жажду кровью своих братьев.

— Я вижу внутри тебя две души и борьбу между ними, а в твоих глазах — жестокость. И все же я не могу понять, — признался примарх, — проклятие это или благословение?

Аргел Тал усмехнулся, показав слишком много зубов. Это была не его улыбка.

— Разница между богами и демонами в большой степени зависит от того, на какой стороне ты находишься.

Лоргар записал и эти слова.

— Расскажи мне о последней ночи на Кадии, — сказал он. — После религиозных дебатов и племенных сборов. Мне не интересно слушать о научных исследованиях и ритуалах, проводимых в честь нашего прибытия. Архив флотилии разбух от свидетельств о том, что этот мир, как и многие другие, имеет веру, сходную со Старой Верой.

Аргел Тал провел языком по зубам. Улыбка на его лице все еще была чужой.

— Но ни один не был так близок.

— Верно. Ни один не был так близок, как Кадия.

— Что ты хочешь узнать, Лоргар?

Примарх помолчал, услышав, как с губ его сына сорвалось столь непочтительное обращение.

— Кто ты? — спросил он, не

испытывая ни страха, ни тревоги, а лишь беспокойство.

— Мы. Я. Мы Аргел Тал. Я. Я Аргел Тал.

— Ты говоришь двумя голосами.

— Я Аргел Тал, — стиснув зубы, сказал капитан. — Спрашивай о чем угодно, мой лорд. Мне нечего скрывать.

— Последняя ночь на Кадии, — сказал Лоргар. — Ночь, когда Ингетель прошла освящение.

— Это языческое колдовство, — сказал Вендата.

— Я не верю в колдовство, — отозвался Аргел Тал. — И тебе не следовало бы верить.

Их голоса гулко раздавались в храмовом зале, который оказался не чем иным, как грубо вырубленным помещением в бесконечном лабиринте подземных пещер. На поверхности Кадии не было никаких строений, и Храм Ока выглядел куда менее величественным, чем можно было предположить по его названию. Под северной равниной, где легион произвел

высадку, пещеры и подземные реки образовывали настоящую природную базилику.

— Этот мир — настоящий рай, — заметил Вендата. — Странно, что так много племен обитает на этих безжизненных пустошах.

Аргел Тал уже слышал это недовольное замечание.

Вендата в своей прямолинейной и непоколебимой мудрости просматривал орбитальные снимки не реже, чем сам капитан. На поверхности Кадии преобладали умеренные леса, обширные луга, океаны, обильно населенные живностью, и пахотные земли. И несмотря на это, в унылом уголке на безводных равнинах северного полушария влачили существование многочисленные кочевые племена.

Вместе с Аргел Талом и кустодием по каменным коридорам шагал и Ксафен. Устройство храма было таким, какого следовало ожидать от варварской цивилизации: на наклонных стенах виднелись следы от кирок и тому подобных

инструментов, но тем не менее помещение было не лишено украшений. Все стены покрывали пиктограммы и иероглифы, чередующиеся с символами, сделанными углем рисунками и высеченными значками, ничего не значившими, с точки зрения Вендаты.

По правде говоря, ему было неприятно видеть перед собой бесконечное множество рисунков. Повсюду мелькали неровные зубчатые звезды и длинные мантры на непонятном языке, хотя структура написания явно указывала на стихи. Изображения Великого Ока, как кадианцы называли шторм над их миром, тоже попадались довольно часто.

На стенах, закрепленные через неравные промежутки, горели факелы из пучков веток, отчего каменные переходы местами заволакивало дымом. В общем, Вендате приходилось бывать и в более приятных местах. Будь проклят Аквилон, приказавший ему спуститься на поверхность.

— Если понимаешь их веру, нетрудно догадаться, почему они собираются здесь, —

– сказал капеллан.

– Вера – это выдумка, – фыркнул Вендата.

Аргел Тал ни разу в своей жизни не делал ставок: игра противоречила монашескому укладу жизни воинов легиона, поскольку свидетельствовала о жажде земных богатств, бессмысленных для любого солдата с чистым сердцем. Но он мог с уверенностью заключить пари, что самыми часто повторяемыми словами Вендаты были именно эти: «Вера – это выдумка».

– Для различных существ вера означает разные вещи, – сказал Аргел Тал.

Это была слабая попытка предотвратить спор, намечающийся между двумя его спутниками, но, как он и предполагал, она оказалась безуспешной.

– Вера – это выдумка, – повторил Вендата, но Ксафен, распаленный присутствием невольных слушателей, продолжал спорить:

– Люди пришли сюда именно из-за веры. И из-за веры храм стоит в этом

месте. Здесь наблюдается благоприятное расположение звезд, и люди верят, что это помогает в проведении их ритуалов. Созвездия отмечают на небе обитель богов.

— Языческая магия, — бросил Вендата, начиная злиться.

— Тебе же известно, что Колхида до вступления в Империум была такой же, — не уступал Ксафен. — Эти ритуалы мало чем отличаются от тех, что проводили многие поколения до прихода Лоргара. Жители Колхиды всегда придавали большое значение звездам.

Вендата упрямо тряхнул головой:

— Капеллан, не стоит добавлять бессмысленные суеверия к списку уже имеющихся против тебя обвинений.

— Вен, только не сейчас. — Аргел Талу совсем не хотелось выслушивать очередной спор о природе человеческой психики и разлагающем воздействии религии. — Пожалуйста, не сейчас.

Если Аргел Тал за прошедшие три года немного сблизился с Кустодес, упражняясь с ними в тренировочных

камерах, то Ксафен получал извращенное удовольствие, поддевая их при каждом удобном случае. Философские дискуссии почти всегда заканчивались тем, что Вендата или Аквилон покидали комнату, чтобы не ударить капеллана. Ксафен, в свою очередь, считал подобные моменты своими личными победами и каждый раз по-стариковски посмеивался им вслед.

— Если уж они так ценят звезды, — затрещал в вокс-динамиках голос Вендаты, — почему же они прячутся под землей?

— Попробуй сам спросить у них об этом сегодня вечером, — с усмешкой посоветовал Ксафен.

На несколько блаженных мгновений между ними установилось молчание, и все трое продолжили путь.

— Я слышу песнопения, — вздохнул кустодий. — Клянусь Императором, это настоящее безумие.

Аргел Тал тоже слышал пение. Пещеры под ними уходили вглубь несколькими уровнями, но массивные камни с невероятной легкостью проводили

все звуки. Тот, кто входил в храмовые пещеры, в любое время дня и ночи мог слышать смех, шаги, молитвы и рыдания.

На одном из нижних уровней проводился ритуал.

— Я уже несколько недель наблюдаю, как вы перебираете пергаменты и лопочете с кадианцами на их языке.

— Это язык Колхиды, — рассеянно заметил Аргел Тал, проводя пальцами в перчатке по угольному рисунку, изображавшему существо, похожее на примарха.

Рисунок был довольно примитивным, но на нем просматривалась фигура в балахоне, стоящая рядом с другой — в кольчужной броне и без одного глаза. Оба существа стояли на вершине башни посреди цветущего луга. И это был далеко не первый рисунок, увиденный Аргел Талом, однако они продолжали привлекать его внимание.

С флотилии на поверхность доставили множество слуг, которым был отдан приказ исследовать пещеры Кадии и сделать пикты с каждого рисунка.

— Вот, значит, как ваш легион искупает свою вину перед Императором? — спросил Вендата. — После достижения множества Согласий я уже надеялся увидеть вас в новом свете. Падение Монархии осталось в прошлом. Даже Аквилон в это поверил. А теперь мы приходим сюда, и все начинается снова, когда вы бубните с этими тварями на чуждом наречии.

— Это колхидский, — сказал Аргел Тал, стараясь подавить раздражение.

— Может, я и не силен в вашем монотонном языке, — настаивал Вендата, — но я знаю достаточно. То, что слетает с губ кадианцев, не колхидский язык. Как и эти надписи. Они ни на что не похожи. Нет даже протоготических корней.

— Это колхидский, — снова повторил Аргел Тал. — Древний, но колхидский.

Вендата отказался от продолжения спора. Аквилон уже обо всем узнал и даже спускался на поверхность, чтобы все посмотреть лично. Командир Кустодес неплохо говорил по-колхидски, но и он, как

Вендата, не понял ни слова. Когнитивные сервиторы, доставленные с орбиты, столкнулись с той же проблемой — ни один лингвистический декодер не смог справиться с руническими письменами.

— Возможно, — предположил Ксафен, — мы избранный легион. Только те, в ком течет кровь Лоргара, говорят и читают на этом святейшем языке.

— А тебе бы этого очень хотелось, не так ли? — сердито бросил Вендата.

Ксафен в ответ только усмехнулся.

Невозможность разобраться в каракулях, покрывающих стены пещеры, окончательно испортила настроение кустодия.

— О чем здесь говорится?

Он показал на случайно выбранный стих, начертанный на неровной поверхности камня.

Аргел Тал взглянул на надпись и неожиданно для себя обнаружил поэзию — довольно бесхитростную, мало напоминающую ритуальные песнопения. Он уже достаточно хорошо узнал говорящих с богами и решил, что перед ним

произведение шамана, одурманенного галлюциногенами и выплеснувшего поток сознания на священную стену.

...Мы воспеваем тех, кто творит,
Пусть обратят на нас свой взор
И одарят благословением боли,
Чтобы Галактика окрасилась кровью
И боги утолили свой голод.

— Это всего лишь плохие стихи, — сказал он Вендате.

— Я не могу прочесть ни единого слова.

— Стих довольно безыскусный. — Ксафен улыбнулся. — Ты ничего не потеряешь, если его не прочтешь.

— А тебя не волнует то, что я не в состоянии этого прочитать? — настаивал Вендата.

— У меня нет для тебя ответа, — огрызнулся Аргел Тал. — Это бред давно умершего шамана. Стихотворение связано

с верой кадианцев в каких-то богов, но его суть недоступна мне так же, как и тебе. Больше я ничего не знаю.

— Разве тебе мало нескольких недель, проведенных в их шатрах, Аргел Тал? Кому нужно посещение этого нечестивого обряда невежественных дикарей?

— Вен, от твоих слов у меня начинает болеть голова, — сказал Аргел Тал, почти не слушая кустодия.

Счетчик на его ретинальном дисплее отображал время, проведенное без сна. Уже больше четырех суток. Встречи с кадианцами, на которых Несущие Слово тщательно изучали священные писания людей и обсуждали их связь со Старой Верой, занимали массу времени. Лорган и капелланы несли основное бремя обязанностей посланников и исследователей, но Аргел Тал обнаружил, что его время занято встречами с многочисленными племенными вождями, добивающимися его внимания.

— Должен признаться, — снова заговорил Вендата, — я надеялся, что легион постарается избежать

сегодняшней... глупости.

— Примарх приказал нам присутствовать, — напомнил Ксафен. — И мы туда пойдем.

Трое воинов по каменным ступеням спустились еще глубже под землю, и далекий бой барабанов стал более отчетливым.

— Вы согласились стать свидетелями представления этих выродков, даже не зная, что они намерены делать.

— Я знаю, что они намерены делать. — Ксафен показал на стены. — Об этом написано повсюду, и достаточно ясно для тех, кто умеет смотреть. — Прежде чем Вендата успел ответить, капеллан добавил кое-что еще, что стало новостью и для Аргел Тала: — Сегодня ночью кадианцы пообещали нам ответ.

— На что? — одновременно спросили кустодий и капитан.

— На вопрос о том, что выкрикивает имя примарха в шторме.

Аргел Тал сжал кулак, но в его жесте

не было гнева. Казалось, ему доставляет удовольствие просто смотреть, как его мышцы и кости работают в естественном биологическом союзе.

— Деймос, — произнес он. — Нелегко было видеть его мертвым.

Перо примарха прекратило поскрипывать по пергаменту.

— Ты оплакиваешь его?

— Некоторое время я действительно оплакивал его, мой лорд. Но для меня после его смерти прошло более полугода. То, что случилось за это время, сделало прошлые переживания незначительными и пустыми.

— Ты опять рычишь.

Аргел Тал что-то утвердительно проворчал, но не проявил желания говорить на эту тему.

— Освящение, — сказал он.

Капитан был удивлен, когда вошел в главную пещеру. Удивлен, но не поражен.

Безусловно, пещера была очень большой, и, учитывая, что кадианские технологии находились приблизительно

на уровне давно забытого каменного века Терры, на сооружение подземного помещения такого размера и украшение его стен и пола резными рисунками, символами и стихами явно ушли долгие годы.

Под десятками выгнутых каменных мостиков стремительно неслась подземная река. Закругленные стены освещались дымящими факелами, и мириады теней плясали повсюду, подчиняясь барабанному бою.

Все мостики сходились на центральном островке посреди реки. Здесь, залитая светом, стояла обнаженная Ингетель, на ее бледной коже змеились начертанные краской руны. На долю секунды символы приковали внимание Аргел Тала, и он мгновенно узнал их: каждый значок в стилизованном виде изображал созвездия ночного неба Колхиды. Зубчатое солнце, нанесенное синей тушью, окружало пупок девушки.

Ингетель плотным кольцом окружали барабанщики, колотившие по натянутым шкурам звериными костями.

Их было ровно тридцать, и равномерный бой звучал словно пульс целого мира. Вдоль стен и в переходах стояли сотни и сотни кадианцев, наблюдавших за проходящим обрядом. Многие славили своих богов протяжным пением.

Опьяняющие запахи чистой воды, пота шаманов и древних камней почти заглушали все остальные, но Аргел Тал ощутил запах крови раньше, чем увидел его источник. Визор, откликаясь на его нетерпение, навел фокус на противоположный конец сцены. В тени, на краю центрального кольца, из земли торчало десять копий.

Основания девяти копий были испачканы кровью и испражнениями, образовавшими на камнях отвратительные лужицы. На самих копьях висели человеческие жертвы: на каждом по одному дикарю — все проколоты насквозь, и все мертвы. Наконечники копий торчали из раскрытых ртов мертвецов.

— Нельзя позволить, чтобы это продолжалось, — произнес Вендата.

Он был настолько ошеломлен, что его

голос утратил жесткость.

И на этот раз Аргел Тал был с ним согласен.

Ингетель продолжала танцевать, и ее стройная фигурка на фоне ярких огней казалась совсем черной. В самом центре, неподалеку от извивавшейся девушки, над всеми смертными возвышался Лоргар. Он молча смотрел на танец, скрестив на груди руки и прикрыв лицо опущенным капюшоном.

Рядом с примархом в боевой броне обливался потом Деймос. Капитан Цар Кворел и его капеллан Рикус стояли чуть сзади. Оба не снимали шлемов. И оба смотрели не на танцующую девушку, а на ряд копий.

— Брат, — обратился по воксу Аргел Тал к своему другу капитану, — в каком бесчинстве мы принимаем участие?

В голосе Цар Кворела сквозило нескрываемое замешательство:

— Когда мы пришли, женщина уже была в таком виде, а примарх стоял и наблюдал. И зверства с копьями уже были завершены. Мы видели столько же, сколько

и ты.

Аргел Тал повел Ксафена и Вендату по каменной тропе к примарху. Кадианцы шарахались от них, словно мелкие хищники от своры охотничьих псов, кланялись, шаркали ногами, а потом протягивали дрожащие руки, стараясь прикоснуться к выгравированным на броне колхидским рунам.

— Мой лорд? — окликнул примарха Аргел Тал. — Что происходит?

Лоргар не отводил взгляда от Ингетель. Неискушенному взору Аргел Тала танец девушки казался чувственным, словно она в процессе ритуала совокуплялась с каким-то невидимым существом.

— Мой лорд? — снова произнес Аргел Тал.

Примарх наконец посмотрел в его сторону. В глазах Лоргара отражалась тень Ингетель, танцующая в пламени факелов.

— Кадианцы уверены, что этот ритуал позволит их богам появиться среди нас.

Его голос звучал так же гулко, как бой барабанов.

— И ты позволяешь им это делать?

Аргел Тал шагнул вперед и впервые в жизни проявил неуважение к своему генетическому предку, поскольку его руки легли на рукоятки мечей.

Примарх не счел смелость сына оскорблением. Вернее сказать, он едва ли ее заметил.

— Кровавые жертвы были принесены до того, как меня пригласили в священный зал.

— И все же ты принимаешь участие. Ты терпишь это. Твое молчание поощряет это варварство.

Примарх снова отвернулся и продолжил наблюдать за все более исступленным танцем Ингетель. Возможно, по его безупречному лицу скользнула тень сомнений. А может, это была просто тень девушки.

— Этот обряд ничем не отличается от ритуалов, практикуемых на Колхиде всего за каких-нибудь десять лет до твоего рождения, капитан. Это Старая Вера во

всем ее театрализованном великолепии.

— Это отвратительно.

Аргел Тал подошел еще на шаг ближе.

— Все, чего я хочу, — Лоргар с терпеливой тщательностью выговаривал каждое слово, — это ответ.

Ингетель замедлила перед ними свое кружение.

Ее блестящая от пота татуированная кожа была живым посвящением братствам Несущих Слово и ночным небесам Колхиды, давшим им названия.

— Время пришло, — хрипло сказала она Лоргару, задыхаясь от быстрого танца. — Пришло время десятой жертвы.

Примарх наклонил голову к девушке, еще не до конца с ней соглашаясь.

— А кто станет десятой жертвой?

— Десятую жертву должен принести искатель. Он сам выбирает, кого убить. Это финальный акт посвящения.

Лоргар набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, но его лишили такой возможности.

Послышалось зловещее, угрожающее

потрескивание, а затем гул, в котором все узнали жужжание активированного силового оружия. Вендата опустил свою алебарду, нацелив клинок и болтер в сердце Лоргара.

— Именем Императора, — произнес кустодий, — прекратите это немедленно.

Глава 15
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ КРЕЩЕНИЕ КРОВЬЮ НЕДОСТОЙНЯ ИСТИНА

— Властью, данной мне Императором, я обвиняю тебя в предательстве Империума.

Лоргар посмотрел на Вендату все с тем же кротким выражением лица.

— Вот как?

— Не делай этого! — воскликнул Аргел Тал. — Вен, прошу тебя, не делай этого.

Вендата, застыв, не сводил глаз с Лоргара, в красных линзах плясали отражения огней. Барабанный бой замедлил темп и начал затихать.

— Если кто-то из вас потянется за оружием, это будет не арест, а казнь.

Несущие Слово замерли. Некоторыми вещами рисковать не стоило.

— Лоргар, — прошептала Ингетель, — ритуал нельзя прерывать. Ярость богов будет...

— Замолчи, ведьма! — крикнул Вендата. — Ты сказала уже достаточно. Лоргар, семнадцатый сын Императора, подчиняешься ли ты законной власти? Даешь ли клятву уничтожить это логово языческой веры? Клянешься ли немедленно вернуться на Терру и предстать перед судом Императора?

— Нет, — спокойно ответил примарх. — Я не дам таких клятв.

— Тогда ты не оставляешь мне выбора.

— Выбор есть всегда, — вмешался Аргел Тал.

Вендата не обратил внимания на слова капитана. Он поднес руку к гравированному орнаменту, украшавшему его наручи, и нажал на одну из жемчужин, составлявших часть узора.

Ничего не произошло.

Он нажал кнопку еще раз.

И снова ничего не произошло.

Кустодий отступил на шаг назад, а Несущие Слово медленно, очень медленно взяли оружие на изготовку. Капелланы подняли свои крозиусы. Царь Кворел и

Деймос приготовили болтеры, а Аргел Тал обнажил мечи из красного железа.

— Я думал, ты заметишь, — с улыбкой сказал примарх, — что твой телепортационный сигнал был заблокирован, как только ты вошел в этот зал. Надеюсь, ты понимаешь, что это всего лишь мера предосторожности? Аквилон и твои братья не придут к тебе на помощь. Они даже не узнают, что ты их звал.

— Признаюсь, что не ожидал этого, — сказал Вендата. — Отличный ход, Лоргар.

— Вен, еще не поздно. — Аргел Тал поднял мечи, готовый к бою. — Опусти оружие, и мы покончим с этим, пока не переступили черту.

— Великий, — простонала Ингетель, — ритуал...

— Я сказал, замолчи, ведьма! — резко бросил Вендата.

Лоргар вздохнул, словно на его плечи опустился тяжкий груз разочарования.

— Решай скорее, кустодий Вендата, как лучше послужить Империуму моего отца. Или ты отступишь, покинешь этот

зал и принесешь своим братьям на орбиту истину, которой тебе не дано понять. Или застрелишь меня и тем самым лишишь Галактику единственного шанса на просвещение.

— Ты предлагаешь выбор, в котором нет никакого выбора, — заявил Вендата.

Аргел Тал начал двигаться первым и рванулся вперед, а пещера огласилась грохотом болтерной стрельбы.

Вендата не был глупцом. Он понимал, что шансы выжить в следующие несколько мгновений ничтожно малы, и знал, что рефлексы примарха являются высочайшим достижением биологических возможностей и превосходят его собственную скорость реакции, граничащую со сверхъестественной.

Но Лоргар стоял в непринужденной позе, расслабив мускулы. Он явно полагал, что его предложение о перемирии возымеет силу, и эта ошибка в суждении дала Вендате шанс. Он дернул спусковой крючок на рукоятке, и встроенный в алебарду болтер выпустил очередь

снарядов.

Аргел Тал это предвидел. Мечи из красного железа отбили в сторону первые три болта, и их силового поля хватило, чтобы вызвать детонацию, не дав снарядам долететь до сердца примарха. Взрывы швырнули капитана на землю, и его серая броня застонала от удара керамита о камни.

Вендата уже пришел в движение. Золотой воин рванулся к примарху, вращая в руках алебарду и выкрикивая имя Императора. На его пути встали четверо Несущих Слово, и всем четверым было суждено погибнуть.

Первым умер Рикус. Клинок кустодия пробил мягкие сочленения брони на шее капеллана и выскочил с противоположной стороны. Следующим был убит Царь Кворел: гудящий силовой клинок обезглавил его, не дав даже нажать на курок болтера.

Деймос успел выпустить болтерную очередь, но ни один из снарядов не попал в цель. Вендата отскочил влево, ударил рукоятью алебарды по болтеру магистра

ордена, отшвырнув оружие в сторону, а следующим ударом отсек руки Несущего Слово по самые предплечья. Ошеломленный Деймос успел втянуть воздух, прежде чем клинок опустился еще раз, рассек ключицу и хребет и отделил голову от туловища.

Вендата крутанул оружие в руках и остановил его, когда наконечник алебарды и дуло болтера снова нацелились в сердце примарха. За спиной кустодия поочередно оседали на землю мертвые тела. Прошло всего три секунды.

Аргел Тал с трудом поднимался с пола. Между примархом и кустодием остался только Ксафен, но капеллан воспользовался этими драгоценными секундами, чтобы схватить свой болтер и прицелиться точно в голову Вендаты.

— Стой! — крикнул он.

— Лоргар, семнадцатый сын Императора, немедленно сдавайся, ты арестован.

— Ты убил моих сыновей. — Лоргар прикрыл рот рукой. — Они не делали тебе ничего плохого. Никогда. И это позволено тебе мандатом моего отца? Истреблять

моих сыновей, если я отказываюсь плясать под дудку его невежества?

— Сдавайся, — повторил кустодий.

Вендата не раз сражался бок о бок с Императором. Лицо Повелителя Человечества всегда оставалось неизменно бесстрастным, все эмоции скрывала маска непоколебимого превосходства.

Лоргар не обладал способностью отца прятать свои чувства. Его лицо побелело от ярости, белоснежные зубы оскалились в хищной усмешке.

— Ты смеешь мне угрожать? Ты, убивший моих сыновей, бездушный, никчемный отбросок генетических излишков?

Вендата снова нажал на курок, но поздно. Ксафен выстрелил первым.

Снаряды загрохотали по золотой броне кустодия, сняв лицевой щиток и нагрудник, а взрывы болтов вырвали целые куски доспехов. Каждый комплект брони изготавливался индивидуально для определенного воина, удостоенного чести ее носить, и, несмотря на внешнюю пышность, доспехи Кустодес многократно

превосходили броню Астартес, производимую в массовом порядке.

Но даже при этом болтерной очереди в голову и грудь было почти достаточно, чтобы сразить воина наповал.

Вендата отшатнулся назад, алебарда, выпавшая из ослабевших пальцев, загрохотала по камням. Его лицо превратилось в обожженное и окровавленное месиво, искореженные обломки шлема впились в пробитый череп, но кустодий еще смотрел единственным уцелевшим глазом.

Ксафен перезарядил болтер. Примарх не шелохнулся. Обнаженная девушка дергала Лоргара за рукав, умоляя продолжить языческий обряд и предупреждая о гневе богов, если он этого не сделает.

Вендата потянулся за упавшей алебардой.

Стойте. А где Аргел Т...

Меч из красного железа пролетел словно копье и, ударив по закрытому рту Вендаты, превратил его оставшиеся зубы в россыпь фарфоровой крошки. Два метра

подрагивающего клинка вышли из затылка кустодия, а гарда и рукоять закрыли собой изуродованное лицо воина.

Как Рикус, Цар Кворел и Дейтос всего несколько мгновений назад, Вендата рухнул на землю, сраженный имперским оружием.

— Отличная работа, брат, — выдохнул Ксафен.

Капеллан не смог отреагировать на предупреждение, поскольку Аргел Тал ударил, не предупредив. Кулак капитана врезался в челюсть Ксафена и сбил его с ног.

— Брат?

Капеллан, лежа на каменном полу, уставился на разъяренного Аргел Тала.

— Мы убили одного из личных телохранителей Императора, и ты говоришь «отличная работа, брат»? Ты с ума сошел? Мы стоим на грани бунта против Империума. Мой лорд, мы должны покинуть это место. Необходимо поговорить с Аквилоном и...

— Вытащи свой клинок, — приказал примарх.

Лоргар смотрел в центр зала, почти не обращая внимания на то, что произошло прямо рядом с ним. Его голос звучал не громче шепота.

Аргел Тал медленно приблизился и резким движением выдернул свой второй меч изо рта трупа. Но глаз Вендаты повернулся вслед за ним, и его пальцы дернулись.

— Кровь... Мой лорд, он еще жив! — воскликнул Аргел Тал.

— В жестокости нет добродетели, — пробормотал Лоргар. — Я сам это когда-то написал. В моей книге. Я помню, как это сделал. Я помню, как поскрипывало перо по пергаменту и как эти слова выглядели на странице...

— Сэр?

Лоргар встряхнулся и сосредоточился.

— Прекрати его страдания, Аргел Тал.

Бессловесный протестующий вопль Ингетель привлек всеобщее внимание.

— Это предопределено богами. — Татуированной рукой девушка показала на искореженное тело Вендаты. — Искатель

— Лоргар, любимый сын Великих Сил, — принес десятую жертву. Теперь освящение может начаться.

Сразу же подбежали несколько кадианцев, их грязные руки стали срывать золотую броню, обнажая умирающее тело. Аргел Тал пинком отшвырнул одного из шакалов от павшего кустодия, а на остальных замахнулся мечами. Они разбежались; пиршество падальщиков в последний момент было нарушено.

— Это не жертва вашего кровавого обряда, — проговорил капитан. — Он поднял оружие на сына Императора и за это должен умереть. Вот и все. — Аргел Тал оглянулся через плечо. — Мой лорд, мы должны уйти. Ни один ответ этого не стоит.

Лоргар опустил голову, не глядя ни на Аргел Тала, ни на Ингетель. Его взгляд остановился на дальней стене, и губы изогнулись в мрачной усмешке.

— Что это за звук? — спросил примарх.

— Я ничего не слышу, кроме барабанов, мой лорд. Прошу тебя, давай

немедленно уйдем отсюда.

— Вы не слышите? — Лоргар обернулся к двоим оставшимся сыновьям. — Ни один из вас? — Их молчание говорило само за себя, и Лоргар поднял руку ко лбу. — Это... смех?

Ингетель, стоя на коленях, тянула за край его одеяния и рыдала.

— Ритуал... Боги идут... Он не закончен...

Лоргар наконец обратил на нее внимание, хотя в его взгляде все еще сохранялась отчужденность.

— Я слышу их. Слышу их всех. Словно забытый смех. Забытые лица далеких родичей, когда пытаешься их вспомнить.

Аргел Тал резким движением свел вместе мечи из красного железа. Лязг металла о металл прозвучал достаточно громко, чтобы привлечь внимание примарха.

— Мой лорд, — прорычал он. — Надо уходить.

Лоргар, оставаясь бесконечно спокойным и бесконечно терпеливым, покачал головой:

— У меня уже нет выбора. События пришли в движение. Держись от кустодия подальше, сын мой.

— Но, сэр...

— Ингетель права. Это предопределено богами. И шторм, который нас остановил. И вопли, нас призывающие. И страх, заставивший Вендату выступить против нас. Все это части... плана. Мне все стало ясно. Сновидения. Шепот. Десятилетия и десятилетия...

— Мой лорд, пожалуйста...

Величавое лицо Лоргара внезапно исказилось от ярости.

— Отойди от этого неверного пса, или ты присоединишься к нему на одиннадцатом копье. Ты меня понял? Это решающий момент, от которого зависит все остальное. Выполняй приказ, или я убью тебя на месте.

Перед взглядом Аргел Тала внезапно пронеслась тень — нечто ужасное, крылатое и зловещее, недоступное воображению смертных.

Но прошло мгновение, и тьма рассеялась. Аргел Тал подчинился приказу

Лоргара, отошел от тела и убрал в ножны меч из красного железа.

— Никакие ответы этого не стоят, — повторил капитан.

Ни Ксафен, ни Лоргар даже не повернули головы. Оба пристально наблюдали за продолжавшимся ритуалом.

На этот Лоргар перестал записывать. Его улыбка окрасилась грустью.

— Ты считаешь, что в тот момент я согрешил?

Аргел Тал мрачно рассмеялся:

— Грех — это тот случай, когда мораль смертных сталкивается с понятиями этики. Согрешил ли ты против веры? Нет. Запятнал ли свою душу? Возможно.

— Но ты ненавидишь меня, сын мой. Я слышу это в твоем голосе.

— Я думаю, что тебя ослепило отчаяние, отец. Может, ты и не получаешь удовольствия от садизма, но жажда истины тебя развратила.

— И за это ты меня ненавидишь.

Лоргар больше не улыбался. Его голос зазвучал глухо и язвительно, а в его глазах тепла было не больше, чем в глазах трупа на поле сражения.

— Я ненавижу то, что ты заставил меня увидеть. Мне ненавистна истина, которую мы обязаны донести до Империума Человечества. Но больше всего я ненавижу то, чем я стал, служа твоим замыслам. — Аргел Тал усмехнулся, но усмешка принадлежала не ему. — Но мы никогда не могли ненавидеть тебя, Лоргар.

Вендата был еще жив, когда его насаживали на копье рядом с девятью другими жертвами.

Но, к счастью, недолго.

Он не увидел освящения, купленного его кровью. Он не увидел того, что прорвалось сквозь барьер между царством духа и миром плоти.

Неистовый танец Ингетель подходил к концу. Девушка обливалась потом, ее волосы слиплись в сальные пряди, и тело

блестело в свете факелов, словно унизанное жемчугом. В руках она продолжала сжимать деревянный посох, увенчанный резным полумесяцем.

Возле каждого копья с жертвой стоял татуированный говорящий-с-богами, стиснув в побелевших от напряжения пальцах грубую глиняную чашу, куда стекала кровь убитых людей. Ингетель по очереди подходила к каждому из них, и шаманы размазывали на ней кровь, покрывая ее тело спиралевидными символами.

Ошибиться в значении рисунка было невозможно. Они рисовали на ее коже Око.

— Непостижимо, — произнес Лоргар.

Он выглядел больным, на висках вздулись и пульсировали вены.

— Я знаю этот ритуал, — сказал Ксафен. — Он известен из древних книг.

— Да, — со страдальческой улыбкой согласился примарх. — Это отголосок колхидской церемонии. Так были помазаны на правление короли-жрецы. Танец девственницы, кровавые жертвоприношения, созвездия,

татуированные на коже... Все так же. Кор фаэрон тоже узнал бы ритуал, как и Эреб. Они оба видели все это собственными глазами раньше, до моего появления на Колхиде, когда обряд совершали жрецы Завета.

Аргел Тал был уверен, что их культура давно переросла этот этап. Лоргар, вероятно, уловил отвращение, сквозившее в мыслях капитана, потому что повернулся в его сторону и окинул пристальным взглядом.

— Я не нахожу в этом ничего привлекательного, Аргел Тал. Всего лишь необходимость. Ты считаешь, что мы ушли от подобных суеверий? Но хочу тебе напомнить: не все перемены происходят к лучшему. Здания разрушаются. Плоть слабеет. Воспоминания тускнеют. И все это следствия течения времени, а мы, если бы нашли способ, могли бы обратить его вспять.

— Мы пришли сюда в поисках свидетельств существования богов, мой лорд. Но ни один бог, достойный поклонения, не потребовал бы такого от

своих приверженцев.

Лоргар снова повернулся лицом к церемонии и потер пальцами виски.

— А это, сын мой, самые мудрые слова, которые кто-либо произнес с той минуты, как мы открыли этот мир. Ответы, которые я ищу, вселяют в меня страх. Пытки? Человеческие жертвоприношения? — Лоргар слегка поморщился. — Прости, я говорю несвязно. Мысли вызывают у меня боль. Я хочу, чтобы они прекратили смеяться.

Пещера содрогалась от барабанного боя, и воздух дрожал от монотонного песнопения сотен человеческих глоток.

— Никто не смеется, мой лорд, — сказал Аргел Тал.

Лоргар улыбнулся сыну, не скрывая своего сожаления:

— Нет, они смеются. Ты увидишь. Осталось уже недолго.

Ингетель подошла к последнему из говорящих-с-богами. Шаман помазал ее кровью Вендаты, выделив на обнаженном животе контур Зубчатого Солнца. Закончив последнюю стадию подготовки,

девушка вернулась к центру платформы. Там она остановилась, раскинула руки в стороны и запрокинула назад голову, словно на распятии.

Барабанный бой усиливался, биение сердца дракона становилось все громче и быстрее, ритм нарушился. Песнопения сменились громкими стенаниями, руки и лица собравшихся людей обратились вверх, к потолку пещеры.

Босые ноги Ингетель медленно оторвались от пола. Кровь яркими струйками стекала с ее кожи и капала с пальцев на камни. Кадианцы закричали. Все до единого. Шлем капитана приглушил звук в аудиорецепторах, но это мало помогло.

Лоргар, не отводя пальцы от висков, прикрыл глаза.

— Начинается.

Первым признаком его появления стал резкий запах крови. Невероятно сильный, острый и кислый, словно запах испорченного вина, он так сильно подействовал на чувства Аргел Тала, что

вызвал удушливый кашель. Ксафен отвернулся, Лоргар все еще не открывал глаз, и Аргел Тал был единственным, кто увидел, что произошло дальше.

Ингетель, поднятая в воздух на невидимом распятии, за несколько мгновений умерла дюжиной смертей. Невидимые силы содрали с нее кожу рваными лоскутами, с отвратительным шлепком швырнув их на камни. Кровь хлынула изо рта, ушей, глаз, из всех имевшихся на теле отверстий. Несколько секунд она еще жила, а затем то, что еще оставалось от тела, попросту взорвалось. Окровавленные останки плоти разлетелись во все стороны, забрызгав и примарха, и его сыновей.

Скелет, продолжающий двигаться, еще мгновение висел в воздухе перед ними, а затем раскололся на мелкие части, потрескивая, словно бьющаяся глиняная посуда. Осколки костей, словно градины, застучали по доспеху Аргел Тала.

Последним по камням загрохотал деревянный посох.

Лоргар, произнесло существо,

постепенно обретающее форму над останками мертвой девушки.

Лоргар положил перо на пергамент и прикрыл глаза — задумался о тех событиях, что произошли в пещере несколько месяцев назад для Аргел Тала и всего лишь несколько ночей назад для самого примарха.

— Я проклинаю открытую нами истину, — признался он. — Я проклинаю тот факт, что мы достигли края реальности только ради того, чтобы обнаружить в бездне лишь ненависть и проклятие.

— Правда всегда неприглядна. Поэтому люди верят в обманы. Ложь обещает им нечто прекрасное.

Существо, которое было и не было Аргел Талом, продолжило свой рассказ.

Примарх открыл глаза и взглянул в лицо будущего.

Оно громоздилось перед ним, превосходя ростом самого Лоргара и разглядывая его разными глазами над

открытой пастью. Молящиеся кадианцы затерли и умолкли, так что Несущие Слово уже не были уверены, что в пещере остался кто-то еще, кроме них самих.

Прицельные сенсоры Аргел Тала отчаянно исследовали пространство в безуспешной попытке определить существо, и перед линзами пронесся поток тактических данных. Любая попытка заканчивалась сообщением о неудаче. Если обычно на ретинальном дисплее отображались данные о вражеской броне и анатомии, сейчас перед глазами мелькала одна и та же колхидская руна: «Неизвестен».

Ксафен доложил о той же самой проблеме:

— Я не могу в него прицелиться. Оно... не здесь.

О, я здесь.

— Ты это слышал? — спросил капеллан.

Аргел Тал кивнул, хотя слуховые рецепторы не зарегистрировали никакого сигнала.

Он отстегнул магнитный замок,

удерживающий болтер на бедре, и прицелился в существо. Но сейчас же вздрогнул, поскольку золотая рука опустилась на ствол оружия и наклонила его к полу.

— Нет, — прошептал Лоргар.

Глаза примарха сияли. Но была ли тому причиной возникшая угроза или слезы, Аргел Тал определить не смог.

Лоргар, снова произнесло существо. Примарх встретил взгляд чудовища.

Из тонкого туловища развернулись четыре конечности, каждая из которых заканчивалась лапой с когтями. Нижняя часть корпуса была чем-то средним между змеей и червем, на серой плоти выделялись толстые вены. Почти вся морда была занята открытой пастью с неровными рядами акульих зубов.

Биологическая невероятность. Эволюционный бред.

Оно ни на мгновение не переставало двигаться. Вены под бесцветной кожей пульсировали, указывая на биение сердца, а когти постоянно сжимались и разжимались. Лишь одна лапа из четырех

оставалась сжатой — та, что держала ритуальный посох Ингетель.

Один глаз, темный, почти терялся в грязной шерсти на морде. Второй раздулся, так что грозил лопнуть, и переливался отвратительным оранжевым цветом умирающего солнца.

От девушки ничего не осталось. То, что перед их глазами поднялось над извивающимся корпусом, было лишено всяких признаков пола.

Я Ингетель Вознесшийся, безмолвно произнесло существо, и его голос прозвучал одновременно сотней бормочущих голосов. Аргел Тал обнаружил, что не может отвести взгляда от закругленных гребней из почерневшей кости, что поднимались над спиной существа.

Да. Крылья. Человечество всегда лгало себе относительно ангелов. Истина уродлива. Ложь красива. Поэтому люди выдумали себе красивых посланников богов. Не страшных. Восхитительный обман. Белые крылья.

— Ты не ангел, — вслух произнес Аргел Тал.

А вы не первые уроженцы Колхиды, ступившие на эту землю. Кхаан. Тизин. Сланат. Нараг. Все они, ведомые видениями ангелов, побывали здесь тысячелетия назад.

— Ты не ангел, — повторил Аргел Тал, крепче сжимая оружие.

Ангелы не существуют. И никогда не существовали. Но я принес слова богов, как и подобает ангелам. Поищи ядро истины в сердце человеческой лжи, и ты увидишь меня. Мой род. Ангелов.

Существо моргнуло. Раздутый глаз не смог закрыться, но черная линза на мгновение скрылась под влажной морщинистой плотью.

Ангелы. Демоны. Все это слова. Только слова.

Наконец вперед выступил Лоргар. По мнению Аргел Тала, без своего крозиуса он выглядел неприлично голым.

— Откуда ты меня знаешь?

Ты Избранник. Ты Возлюбленный

Сын Сил. Твое имя с незапамятных времен эхом разносится по всему царству, гонимое ветрами воплей нерожденных.

— Но я не понимаю твоих слов.

Ты поймешь. Необходимо усвоить некоторые уроки. Увидеть некоторые вещи. Я поведу тебя. И сейчас последует первый урок.

Двумя когтями существо показало одновременно на Аргел Тала и Ксафена.

Твои сыновья, Лоргар. Отдай мне их жизни.

— Ты очень многого от меня требуешь, — сказал Лоргар. — Ты добиваешься моего доверия и просишь отдать тебе души моих сыновей, но ведь я тебе ничем не обязан. Ты дух, демон; суеверие, рожденное ночными кошмарами и обретшее плоть.

Говоря эти слова, Лоргар обошел вокруг чудовища. Он не выказывал никаких признаков страха или тревоги. Но Аргел Тал заметил знакомое подрагивание напряженных пальцев примарха. Уризену до боли не хватало отсутствующего

крозиуса.

Тебе известно об Изначальной Истине. Тебе известно, что тайна скрыта среди звезд. Тебе известно, что боги обитают в Галактике. Те самые боги, которых ты ищешь, и есть Силы, направившие меня сюда.

Ангельское выражение лица Лоргара сменилось терпеливой улыбкой.

— Стоит мне произнести одно слово, и оружие моих сыновей положит конец этим колдовским трюкам.

Челюсти Ингетеля сомкнулись, и торчащие в разные стороны зубы лязгнули друг о друга. Аргел Талу уже приходилось видеть подобное — в широко раскрытых глазах загнанного в ловушку зверя.

Твои кровные сыновья не смогут меня уничтожить.

— Они уничтожали все, что бросала против них Галактика.

Примарх даже не старался скрыть свою гордость. Аргел Тал и Ксафен с безукоризненной синхронностью подняли болтеры и поверх оружейных стволов взглянули в глаза существа.

Я принес ответы на вопросы, которые ты искал всю свою жизнь. Если ты желаешь пробудить человечество для просвещения, если желаешь стать архитектором спасительной для людей веры, я...

— Довольно хвастовства. Скажи, зачем тебе понадобились мои сыновья.

Силуэт существа на мгновение стал нечетким, его змеиный хвост оставил на камнях блестящий слой слизи. Только что оно стояло в центре платформы и вот уже оказалось перед Лоргаром, глядя на него сверху вниз.

Лоргар не дрогнул. Он просто поднял голову и продолжал смотреть на чудовище.

Великое Око. Я поведу их в шторм, в царство Сил. Это первый шаг, начертанный на руке самой судьбы. Они вернутся с ответами. Они вернутся как оружие, которое тебе необходимо. Настанет твое время, Лоргар. Но Силы призывают твоих сыновей, и я поведу их туда, где они должны побывать.

— Я не пожертвую ими ради ответов.

Челюсти Ингетеля задрожали и защелкали. Его смех напоминал цвирканье насекомых.

Ты сам-то в это веришь? Для тебя нет ничего важнее истины. Силам известно, что творится в сердце их сына. Они заранее знают, что ты сделаешь. Если ты стремишься к просвещению, ты сделаешь этот первый шаг.

— Если я на это соглашусь... ты причинишь им страдания?

Ингетель повернул свою отвратительную голову и нечеловеческими глазами посмотрел на двух воинов.

Да.

Предстоящее решение было нелегким.

Примарх, по своему обыкновению, предпочел уединение, оставшись в подземной кадианской пещере, вдали от забот по управлению флотилией и солдатской рутины.

Аргел Тал и Ксафен вернулись к

«Громовому ястребу», поджидавшему их на убогой посадочной площадке, и поняли, что им нужно о многом поговорить, но желания начинать беседу не было. Пока капеллан передавал по воксу кораблям, остающимся на орбите, скудный и неопределенный отчет, Аргел Тал взял на себя труд обрисовать Аквилону по закрытому вокс-каналу сложившуюся ситуацию.

Почти час спустя капитан спустился по грузовому трапу и снова оказался на унылой равнине, глядя в небо, переливающееся всеми оттенками фиолетового цвета.

Инкарнадин, как всегда безмолвный, стоял на страже. Аргел Тал приветствовал его салютом, но робот никак не отреагировал. Работавший неподалеку Кси-Ню-73 выпустил сердитую тираду в бинарном коде. Вероятно, его что-то не устроило в полученных данных. Но сейчас Несущего Слово абсолютно не интересовали проблемы Механикум.

Когда наконец к нему присоединился Ксафен, Аргел Тал не без труда заставил себя взглянуть в глаза брату. Он накрыл

керамитовой подошвой одного из распухших двенадцатиногих жуков, в изобилии сновавших по равнине, и со звонким хрустом раздавил его.

— Что ты наплел «Очам Императора»? — спросил капеллан.

— Длинную и подробную историю, которую было противно рассказывать. О том, что озлобленные кадианские сектанты неожиданно нас атаковали и Вен погиб вместе с Деймосом, Царь Кворелом и Рикусом.

— Они геройски пали в бою?

— Да, конечно. Об их славной кончине во веки веков будут слагаться песни и легенды.

Он сплюнул едкую кислоту на землю.

Ксафен невесело усмехнулся, и они оба некоторое время молчали. Астартес смотрели на расцвеченное вихрями небо, и никому не хотелось первым переходить к следующей теме. В конце концов Аргел Тал решился:

— Мы раскололи легион и достигли края Галактики, только чтобы найти... это. Старые Пути Колхиды были

правильными. Демоны. Кровавые жертвы. Духи, обретающие плоть. Все это существует в реальности. Теперь Аврелиан сидит в темноте, спорит с этим созданием и решает, стоит ли отправлять нас за еще более уродливыми истинами. Брат, если это называется просвещением, возможно, невежество — это счастье.

Ксафен оторвался от созерцания пылающего неба.

— Ради этих истин мы нарушили волю Императора — отвергли дух его эдиктов, хотя и не нарушили букву закона. Теперь кустодий мертв, и имперские клинки пролили кровь имперцев. Назад пути нет. Тебе известно, какое решение примет примарх.

Аргел Тал вспомнил слова Вендаты: «Ты предлагаешь выбор, в котором нет никакого выбора».

— Это разобьет ему сердце, — сказал капитан, — но он пошлет нас в Око.

Глава 16
«Песнь Орфея»
Шторм за стеклом
Хаос

Был выбран корабль «Песнь Орфея». Обтекаемый и грозный легкий крейсер, умело управляемый известным своей настойчивостью капитаном Янус Силамор. Как только приказ Лоргара поступил в Тысяча триста первую флотилию, Силамор предложила «Песнь», даже не дожидаясь, пока затихнут искаженные воксом традиционные благословления Лоргара.

Старший офицер ее экипажа, однако, не разделял энтузиазма своего капитана, указав на то, что им предстоит пережить самый мощный и разрушительный из всех варп-штормов, когда-либо описанных в истории человечества. Перед ними предстала аномалия, обладающая всей силой легендарных бурь, разделивших

человеческие миры за много столетий до начала Великого Крестового Похода.

Силатор прищелкнула языком — привычка, выдававшая ее нетерпение, — и приказала ему заткнуться. Последовавшая вслед за этим улыбка могла показаться приветливой только тем, кто плохо знал капитана.

Время отлета было приурочено к рассвету над равниной, так что экипаж успевал провести только самые необходимые приготовления. Серые десантные катера опускались на небольшую посадочную палубу «Песни», доставляя все новые и новые отделения закованных в темную броню Астартес. Для размещения Несущих Слово, их запасов снарядов, обслуживающих сервиторов и сопровождающего Седьмую роту контингента Легио Кибернетика, которым командовал раздражительный техноадепт Кси-Ню-73, пришлось очистить все помещения трюмов.

Процедура знакомства заняла не слишком много времени. Пятеро Астартес вошли на капитанский мостик, и Силатор

поднялась со своего трона, приветствуя воинов. Каждый назвал имя и звание — один капитан, один капеллан и трое сержантов, — и каждый отсалютовал. Она, в свою очередь, представила им экипаж корабля.

Все держались вежливо, но холодно, и знакомство заняло всего несколько минут.

И только когда Астартес остались на мостике, Силамор ощутила, что этикет нарушен. Она невозмутимо продолжала заканчивать последние проверки, поочередно указывая серебряным набалдашником своего жезла на каждый из пультов контрольной консоли.

— Машинное отделение.

— Двигатели, — ответил старший офицер, — готовы.

— Аспик.

— Есть, мэм.

— Пустотные щиты.

— Щиты готовы.

— Орудия.

— Орудия готовы.

— Поле Геллера.

— Есть поле Геллера.

— Рулевой.

— Рулевой готов, мэм.

— Все посты докладывают о полной готовности, — сообщила она капитану Несущих Слово.

Это было не совсем так, и Силамор надеялась, что голос не выдаст ее. Да, все посты действительно отрапортовали о полной готовности, но за час до этого поступили рапорты о мятеже на нижних палубах, подавленном с применением огня на поражение, и об одном самоубийстве. Корабельный астропат подал прошение о переводе на другой корабль. («Просьба отклонена. — Капитан нахмурилась. — Во имя Императора, кем он себя возомнил, чтобы подавать подобные рапорты?») А навигатор погрузился в так называемое «состояние интенсивной ментальной защиты для сохранения своей фундаментальной квинтэссенции». Силамор даже не хотела пытаться понять, что это означает.

И вместо того чтобы пересказывать все это высоченному воину, стоявшему рядом с капитанским троном, она просто

коротко кивнула и доложила о полной готовности корабля.

Астартес повернул в ее сторону раскосые голубые линзы шлема и тоже кивнул:

— Скоро прибудет еще один, последний катер. Как только он подойдет, вся команда посадочной палубы должна покинуть отсек.

Поднятая бровь недвусмысленно выразила мнение капитана об этом неординарном распоряжении. На тот случай, если Астартес не понял, она озвучила свое недоумение:

— Хорошо. А теперь объясните мне причину.

— Нет, — ответил один из Астартес, назвавший себя сержантом Малнором. — Просто исполняй приказ.

Капитан Аргел Тал жестом приказал своему брату замолчать.

— Последний десантный катер доставит на борт некое существо. И чем меньше членов экипажа твоего корабля его увидит, тем будет лучше для нас всех.

Первый помощник многозначительно

кашлянул. Силамор дважды моргнула.

— Я не потреплю присутствия ксеносов на борту «Песни», — заявила она.

— Я не сказал, что он чужак, — поправил ее Аргел Тал. — Я сказал, что это существо. Мои воины сами проводят его на мостик. И когда это произойдет, не смотри на него. Это относится и ко всем остальным: сосредоточьтесь на своих обязанностях. Мои люди дежурят на посадочной палубе правого борта, и они предупредят нас о приближении корабля.

— Поступил вызов с «Де Профундис», — доложил дежурный вокс-офицер.

Несущие Слово опустились на колени и склонили головы.

— Принять вызов, — распорядилась Силамор.

При этом она непроизвольно подняла руку к волосам, проверить, в порядке ли прическа, а другой рукой одернула китель. Остальные офицеры последовали ее примеру — стахивали невидимые пушинки с эполет и вытягивались в струнку.

На главном экране рубки появилось изображение командной палубы флагмана,

где на почетном месте стояли примарх и командующий флотилией Торв.

— Говорит флагман, — раздался голос Торва. — Доброй охоты, «Песнь».

— Благодарю, сэр, — ответила Силамор.

Напряженное молчание, установившееся между двумя кораблями, нарушил Аргел Тал:

— Сэр?

— Да, сын мой?

Помехи в воксе слегка искажали мягкий голос Лоргара, но с экрана сияла его искренняя улыбка.

— Мы вернемся и принесем все ответы, в которых нуждается легион. Даю слово. — Он показал на прикрепленный к наплечнику доспеха пергамент. — И приношу Клятву Момента.

Примарх продолжал улыбаться.

— Я знаю, Аргел Тал. Прошу тебя, поднимись. В этот момент я не могу допустить, чтобы ты стоял на коленях.

Несущие Слово поднялись согласно приказу, и Аргел Тал кивнул Силамор:

— Последнее судно прибыло на

посадочную палубу. Мои люди сопровождают существо к капитанскому мостику. Поднимай корабль, капитан.

Ожившие двигатели заставили корабль вздрогнуть, а затем «Песнь Орфея» словно летящее копье рванулась от планеты, направляясь к далекой границе шторма.

— До внешнего края шторма три часа ходу, — доложил один из офицеров рулевой рубки.

Аргел Тал, ожидая, когда откроются двери капитанского мостика, поднял болтер.

— При появлении этого существа старайтесь не смотреть на него. — Ни на кого не глядя, он обращался к каждому из членов экипажа. — Это не вопрос вежливости или этикета. На него нельзя смотреть. Нельзя встречаться с его взглядом. И постарайтесь не вдыхать его запах.

— Это существо ядовито? — спросила Силамор.

— Оно опасно, — ответил Несущий Слово. — И поймите, я даю вам эти

инструкции ради вашей же безопасности. Не смотрите на него. Не смотрите даже на его изображение на мониторе или экране. Если оно заговорит, сконцентрируйте свое внимание на чем угодно, только не на его словах. А если у вас в его присутствии возникнет тошнота или боль, немедленно покиньте свой пост.

Смех Силамор прозвучал не слишком искренне.

— Капитан, ты нервируешь мою команду.

— Просто делайте, как я сказал, прошу вас.

Она нахмурилась, поскольку не привыкла получать распоряжения на своем корабле.

— Конечно, сэр.

— И не считай это оскорблением, Силамор. — Несущий Слово постарался придать своему голосу некоторую сердечность, но вокс немедленно скрыл ее, не оставив и следа теплоты. — Просто доверься мне.

Наконец двери открылись, и первое, что ощутили члены экипажа, было

отвратительное зловоние, от которого многие закашлялись.

Надо отметить, только один человек обернулся, чтобы посмотреть, что же за существо прибыло на капитанский мостик в сопровождении целого отделения Астартес, и этим человеком была капитан Янус Силамор.

Непроизвольно нарушив данное лишь несколько минут назад обещание, она повернулась к открывающимся дверям и увидела существо, обрамленное светом ламп из коридора. Первый приступ неудержимой рвоты так стремительно ударился в ее зубы и губы, что Силамор не успела открыть рот. Вторая волна выплеснулась на пол, когда капитан уже упала на четвереньки. Утренний кофеин, остатки сухого пайка и желчь тотчас растеклись по палубе.

— Я тебя предупреждал, — напомнил Аргел Тал, не отрывая взгляда от существа.

В ответ у нее вырвалась еще струя рвоты, и на губах повисли потеки слюны.

Ингетель прополз на капитанский

мостик, оставляя за собой слой прозрачной слизи. Шуршанию его скользкого тела о металлический пол вторило равномерное постукивание посоха.

Офицеры, прикрывая руками носы и рты, не скрывая отвращения, покинули свои места вокруг капитанского трона. При приближении Ингетеля некоторых вырвало прямо в ладони, но странное существо этого, казалось, не замечало. Его разные глаза не отрываясь смотрели на шторм, отражавшийся на обзорном экране.

Силатор, воспользовавшись протянутой рукой Аргел Тала, поднялась на ноги.

— Кого вы притащили на мостик моего корабля, капитан?

— Это наш проводник. А теперь, при всем моем уважении, Силатор, вытри губы и приступай к выполнению своих обязанностей. Возможно, в следующий раз ты более внимательно прислушаешься к моим советам.

Она достаточно хорошо знала капитана по встречам с командованием флотилии, чтобы понимать, насколько

несвойственна ему эта холодная немногословность. Из всех командиров Несущих Слово Аргел Тал всегда был самым общительным и всегда с готовностью прислушивался к суждениям смертных офицеров.

Она ничего не сказала в ответ. Только кивнула, стараясь дышать ртом, чтобы уберечься от омерзительного запаха, от которого усиливалась тошнота. Но самым отвратительным был для нее не сам запах, а то, что он оказался ей знакомым.

Еще маленькой девочкой на Колхиде ей довелось пережить вспышку эпидемии лихорадки в деревне, и она стала одной из немногих, кто дождался прибытия отряда погребальных жрецов из города Серых Цветов. В течение одного дня они соорудили огромный погребальный костер, чтобы очистить мертвых, перед тем как развеять их прах по пустыне. Запах этого костра остался с ней на всю жизнь, и сейчас, когда он появился снова, она с трудом могла переводить дыхание.

Ее внимание привлекло загадочное

постукивание, и капитан перевела взгляд на палубу неподалеку от неподвижного тела существа. Из-под складок мускулов нижней, змеиной половины тела вытекала вязкая непрозрачная жидкость. Там, где она соприкасалась с палубой, металл обесцвечивался.

— Полный вперед, — скомандовала Силамор и сглотнула, предотвращая очередной приступ тошноты.

«Песнь Орфея», по-прежнему оставаясь нетерпеливым охотником и страстным исследователем, вздрогнула и прибавила скорость. По мере приближения на обзорном экране разбухал и наливался красками гигантский шторм.

— Авгуры флагмана сумели оценить размер области космоса, пораженной штормом? — спросила она.

В Великом Оке находятся тысячи и тысячи звездных систем.

Она сильно побледнела и замерла.

— Я... я слышала голос.

— Не обращай на него внимания, — приказал Аргел Тал.

Вы со своей смертной командой

можете странствовать напротяжении жизни сотни поколений и увидите всего лишь тень его полного великолепия.

— Я все еще слышу его...

Аргел Тал что-то глухо проворчал, и его голова резко повернулась в сторону существа.

— Не играй их жизнями, — сказал он. — Тебя предупреждали.

Ни один из них не переживет этого путешествия. А ты глупец, если думаешь иначе.

— Он... он сказал...

— Ничего он не сказал, — прервал Аргел Тал ее лепет. — Не слушай этот голос. Сосредоточься, Янус. Занимайся своими делами, а все остальное оставь нам. Я не позволю этому созданию причинить вред кому-либо из твоего экипажа.

Она тебе не верит.

— Умолкни, ложный ангел.

Она знает, что ты лжешь. Ты же слышишь стук ее сердца, как слышу его я. Она испугана и понимает, что

ты ее обманываешь.

На другом конце рубки вырвало двух слуг, сидящих за своими пультами. Еще один потерял сознание, и из ушей стала медленно сочиться кровь.

— Это долго будет продолжаться? — спросила Силатор Аргел Тала.

Она старалась не смотреть через его плечо на существо и надеялась, что голос не дрожит. Несущий Слово немного помедлил с ответом.

— Думаю, долго, — спокойно произнес он.

Один из рулевых дернулся, сидя на своем месте, так что сильно ударился затылком о подголовник. Он еще успел застонать сквозь стиснутые зубы, а потом забился в жестоком припадке, удерживаемый только ремнями безопасности.

— Команда медиков, немедленно на рулевой пост, — приказала капитан.

Терпение Силатор почти истощилось, когда один из ее помощников-сервиторов вдруг сорвался со своего места и начал ползать по палубе. Ноги этого

сервитора по самые бедра были удалены хирургическим путем, чтобы он всегда оставался на своем посту. Увидев, как он спрыгнул с бронзовой подставки и стал цепляться ногтями за пол, Силатор настолько поразилась его небывалому поступку, что на несколько мгновений оцепенела. Аугментированный прислужник тянул за собой провода и кабели, прикрепленные к спине и обрубкам ног, из носа капала густая смазка.

— Кровь Императора! — едва слышно выругалась Силатор. — Всем отойти назад.

Она лично уничтожила несчастное создание единственным выстрелом из пистолета в голову, а затем приказала палубным матросам убрать тело.

Вокс-офицер Арвас обратился к капитану, когда она возвращалась к своему трону.

— Ты это слышишь? — спросил он.

— Контакт? Другой корабль?

— Нет. — Он прижал к голове наушник и сосредоточенно нахмурился. — Я слышу его, капитан.

Возрастающее раздражение перевесило ее беспокойство.

— Кого ты слышишь?

Янус знала Арваса больше десяти лет, а однажды ночью, четыре года назад, она познакомилась с ним — и с четырьмя бутылками серебристого индонезского вина — непозволительно близко. Несмотря на этот единственный неблагоразумный поступок, он оставался одним из самых опытных и преданных офицеров.

— Скажи, кого ты слышишь, лейтенант.

Он попытался перенастроить пульт, покрутив несколько дисков.

— Я слышу, как умирает Ваник. Он кричит, но недолго. Потом начинается белый шум. Послушай. — Он протянул ей свои наушники. — Ты услышишь, как умирает Ваник. Услышишь, как он кричит, но недолго.

Она нерешительно протянула руку за наушниками. Стоящий рядом с Арвасом вокс-офицер Ваник попытался улыбнуться, но его полное лицо выдавало крайнее беспокойство.

Арвас тем временем вытащил из кобуры свой пистолет и послал в живот соседа четыре пули. Обжигающе горячая кровь брызнула в лицо Силатор, а Ваник с криком повалился на палубу.

— Теперь ты это слышишь, — сказал Арвас.

Капитан не успела отреагировать, как ее оттолкнула размытая серая тень. В следующее мгновение Арвас уже болтался в воздухе, удерживаемый рукой Аргел Тала, сдавившей его шею. Корабль, словно разделяя тревогу экипажа, сильно задрожал.

Арвас, даже зажатый в руке Астартес, царапал пальцами лицевой щиток доспеха с оттаянной яростью загнанного в угол зверя, который пытается выдавить глаза своему врагу. Голубые линзы покрылись мутными потными разводами.

Медицинская команда подоспела к Ванику как раз в тот момент, когда офицер умер у ног врачей. Арвас оказался прав: кричал он недолго.

Несущий Слово, не обращая внимания

на скребущие по шлему пальцы, повернулся к одному из своих воинов:

— Даготал, забери этого беднягу в камеру.

Он передал Арваса другим Несущим Слово, толкнув его так, что тот растянулся на полу.

Один из Астартес шагнул вперед, подхватил сопротивляющегося офицера за воротник и поднял с пола. Теперь вместо умолкнувшего Ваника начал вопить Арвас.

— И заставь его замолчать, — добавил Аргел Тал.

— Как прикажешь, брат.

Даготал обхватил шею офицера, легонько сжав его горло. Голос умолк, и Несущий Слово вытащил обезумевшего офицера с капитанского мостика.

Капитан Силамор сердито взглянула на возвышающуюся фигуру Аргел Тала:

— Это существо не может оставаться на мостике. Оно... как-то на нас влияет, верно?

— Я не знаю.

— Тогда спроси его.

— Мы переведем его на обзорную

палубу, капитан. Распорядись, чтобы твои люди освободили помещение, а также прилегающие коридоры. На полной скорости держи курс на край шторма. При необходимости я свяжусь с тобой с обзорной палубы.

— Благодарю, — ответила Силамор.

Аргел Тал в ответ коротко кивнул, а затем отошел к своим братьям.

— Убийцу надо было уничтожить, — заметил Ксафен.

— Он будет дожидаться суда за свой поступок. Его действия могут признать неосознанными.

Аргел Тал отвернулся и увидел, что Ингетель уже скользит к выходу. Астартес последовали за ним.

— Мы направляемся в неведомое, и перед моими глазами нет ничего, кроме темноты, — сказал Аргел Тал своему капеллану.

— И тебя это тревожит.

— Конечно тревожит. Если мы на пороге просвещения, почему я еще никогда не чувствовал себя настолько слепым?

— Тьма гуще всего перед рассветом, —

пробормотал Ксафен.

— Эта аксиома, брат мой, звучит невероятно убедительно, пока не поймешь, что она обманчива.

На большинстве имперских кораблей наблюдательные палубы отличались отличным обзором. И хотя «Песнь Орфея» по сравнению с «Де Профундис» была достаточно скромным кораблем, не говоря уж о великолепном «Фиделитас Лекс», у Аргел Тала все же захватывало дух.

Посредине усеянной бойницами верхней части судна поднимался прозрачный бронированный купол, обеспечивающий великолепный обзор окружающей бездны. В обычном районе космоса вид миллионов звезд на фоне бесконечности ночи всегда поражал воображение Аргел Тала, и в те моменты, когда он поддавался гордыне, это зрелище подогревало его самолюбие. Эти звезды принадлежали человечеству. Ни одна другая раса не имела на них права, поскольку их цивилизации поднимались и рушились. Будущее не вызывало сомнений,

и оно принадлежало людям.

Но здесь сейчас звезды окрасились фиолетовым цветом. Аргел Тал застотрелся на далекие солнца, затянутые вздувающимися красновато-фиолетовыми облаками.

Ты видишь?

Ингетель выпрямился во весь свой неестественный рост и раскинул все четыре конечности, словно благословляя пылающие небеса. Из незакрывающихся челюстей вырвалось шипение гремучей змеи.

Ты. Видишь.

Аргел Тал отвел взгляд от ночного неба. Эта обзорная палуба оказалась особенной, она была обставлена мебелью, которой Несущие Слово никогда не пользовались. Все они остались стоять, сжимая в руках болтеры.

— Я вижу шторм, — сказал капитан. — И ничего больше.

— И я тоже. — Это откликнулся Даготал. Сержант моторизованного отделения появился на палубе на несколько минут позже остальных, поскольку пришел

прямо из блока камер, где оставил лейтенанта Арваса на попечение не слишком заботливых офицеров-надзирателей. — Но я что-то чувствую. Корабль трясет так, словно он готов разорваться на части.

— Я всегда считал, что погибну в битве, — проворчал Малнор.

Аргел Тал покачал головой:

— Ингетель, ты затащил нас в этот энергетический узел. Пора сказать, зачем мы здесь. Что мы должны увидеть.

Истину. Истину, скрытую по ту сторону звезд. Тайный пласт Вселенной.

— Я вижу шторм, окрашенный в тысячи цветов, который грозит нас убить.

Нет. Ты видишь возможность захвата цели и потоки биологической информации. Ты видишь окружающий мир сквозь линзы фильтров. Ты стоишь на границе небес, Несущий Слово. Сними свой шлем. Взгляни на обитель богов своими собственными глазами.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы принять решение и рискнуть вдохнуть запах существа без предварительной очистки фильтрами шлема. Наконец Аргел Тал вдохнул напоследок душный рециркулированный воздух и отстегнул зажимы ворота.

Вонь оказалась еще хуже, чем он себе представлял, и оставалось только восхищаться выдержкой членов экипажа корабля, сумевших сдержать тошноту. В помещении стоял запах бойни — запекшейся гниющей крови и разлагающихся на воздухе потрохов.

— Все равно я не вижу ничего, кроме шторма, — проворчал Аргел Тал.

Ты не можешь обмануть меня, как обманываешь смертных. Всмотрись в бурлящие вокруг нас волны. Видишь ответные взгляды?

Капитан подошел ближе к краю купола и уставился в бурлящую бездну, где сталкивались и смешивались неутихающие волны. Корабль, сотрясаемый энергетическими потоками, снова задрожал. И в тот момент, когда

произошел толчок...

Ты видел. У тебя участился пульс. Зрачки сузились. Ты видел.

Аргел Тал провел рукой по толстому стеклу стены, вглядываясь в бурное волнение снаружи. Как можно отыскать смысл в этом безумии? Корабль снова содрогнулся от эфирного шквала, и беспорядочно бушующие потоки на мгновение обрели форму.

В пылающей массе за стеклом возникло человеческое лицо, обезображенное испуганными глазами и кричащим ртом. Оно взорвалось, ударившись в купол, и снова растворилось в бушующих волнах, откуда и появилось.

Тебе известно, что представляет собой этот шторм?

Аргел Тал был не в силах оторвать взгляд от вихрей.

— Это энергия варпа. Эфирные течения, проникающие в материальную Вселенную. В имперских архивах имеются записи о присутствии в варпе чужаков, но они классифицируются как ксеноугрозы малой степени.

В его разуме прошипел смех Ингетеля. Как же отвратительно он звучит.

Ты хоть знаешь, что означают эти слова? Или просто принимаешь на веру вбитые во время формирования сведения? Что ты видишь, когда вглядываешься в шторм?

Несущий Слово повернулся к Ингетелю. Лицо, которое могло бы быть привлекательным, не испытай он воздействия базовой хирургии Астартес, было обращено прямо к существу.

— Это кровь Галактики. Реальность истекает кровью.

Близко. Демоническое создание выразило свое удовольствие крысиным писком. Человечество восхитительно в своем невежестве, но это не должно продолжаться до бесконечности, если люди хотят выжить. Варп не просто область, в которую корабли смертных могут вторгаться безнаказанно, чтобы передвигаться быстрее, чем свет.

Перед тобой тень бытия, где

каждое чувство, каждое стремление смертных обретает бессмертную форму. Вы странствуете по морям психической энергии и растворенного горя. Аргел Тал, тебя забросило в ад и рай миллиона мифологий.

В этом месте в неукротимую энергию превращается каждое мгновение ненависти, отвращения, ярости, радости, горя, ревности, косности и упадка.

Это сюда попадают души мертвых, чтобы гореть в вечном огне.

Чудовищный толчок потряс «Песнь Орфея», откуда-то снизу донесся скрежет рвущегося металла. Торгал и Ксафен упали на колени — первый с непристойной руганью, второй с негодующим ворчанием.

В вихрях шторма появилось еще несколько видений. Прижатые к стеклу руки оставляли призрачные следы. Лица, искаженные криком, казались мучительно знакомыми. Какая-то тень — огромная, темная и холодная — пронеслась мимо корабля, словно кит в бескрайнем океане.

Дыхание Аргел Тала на мгновение

превратилось в морозный пар, кожа покрылась инеем. Тень пронеслась мимо и продолжала мчаться вперед, и от громадной, наполовину сформировавшейся туши расходились новые завихрения энергии.

Пустотный левиафан. Страх привлечет его, и челюсти раздробят корпус этого корабля на мелкие части. Но он проходит мимо и охотится на другую добычу. Во многих вариантах будущего я видел, как он набрасывается на нас и ваши жизни на этом обрываются. В трех из этих вариантов ты, умирая, смеялся, Аргел Тал, а потом растворялся в потоке энергии за бортом корабля.

Сейчас он не смеялся.

— Это преисподняя. — Аргел Тал уже не пытался рассмотреть за стеклом вопящие лица и скребущие по окну руки. Он не видел ничего, кроме них. — Это ад, созданный человеческим воображением.

Не повторяй слепые догмы. Это Изначальная Истина. Тень мироздания. Пласт, скрытый за

звездами.

Несущий Слово, глядя на море кричащих душ, выдохнул одно единственное слово:

— Хаос.

Челюсти демона разошлись в ухмылке.

Теперь ты начинаешь понимать.

Аргел Тал отпил воды. Она оказалась отвратительно теплой и оставила на языке привкус затхлости. Это была уже пятая чашка, но каждый раз повторялось одно и то же. У него создалось тревожное впечатление, что вода портится от соприкосновения с его собственным телом.

— Вскоре мы добрались до первого мира, — сказал он. — Мелисант. У планеты нет человеческого названия, но в древние времена ксеносы из расы эльдар... они называли ее Мелисант.

Лоргар своим плавным почерком записывал каждое его слово.

— Эльдар? А они-то здесь при чем?

— Сейчас? Ни при чем. Это воспоминания Галактики, тающие ночь

от ночи. Но когда-то давно этот район космоса составлял самую ценную часть их владений — сердце империи. Их упадок и привлек нас туда — из нашего мира в их мир. Мы наблюдали, как их планеты пылают призрачным пламенем, и мы рвали их души на части когтями из плоти и духа.

— Аргел Тал.

— Каждое ощущение было для нас новым. В материальном мире мы оказались новорожденными. Нас питали кровь и боль. Ты не можешь себе представить, как можно становиться сильнее, когда кто-то рядом испытывает страдания. Наливаться силой, когда родители видят своих детей в огне. Увеличиваться в размерах и наращивать интеллект с каждым грехом, навязанным смертной плоти. Узнавать все больше тайн Вселенной с каждой поглощенной душой.

— Сын мой, пожалуйста...

— Но я был там, Лоргар. Я все это видел. И все это совершал.

— Ты — Аргел Тал. Ты родился на

Колхиде, в деревне Сингх-Рух, в семье плотника и белошвейки. Твое имя на диалекте племени из южных степей означает «последний ангел». Ты самый молодой воин во всем легионе, удостоенный мантии капитана роты. Когда-то ты носил мечи из красного железа — мечи своего предшественника — и лишился их на службе своему примарху. Ты Аргел Тал, Несущий Слово, и ты мой сын.

Несущий Слово посмотрел на свои исхудавшие руки.

— Мой лорд, — негромко произнес он, — прости меня.

Он заставил себя взглянуть в глаза своему примарху и был безмерно благодарен за то, что не увидел осуждения в их серой глубине.

— Здесь нечего прощать.

— Ты знаешь мою жизнь лучше, чем я мог себе представить.

Лоргар улыбнулся:

— Все мои сыновья мне одинаково дороги.

Аргел Тал потер гноящиеся глаза.

— Ингетель сказал, что изменения

начнутся в нас в определенный момент, когда Галактику охватит пламя. Но я уже сейчас теряю себя. Уже настал тот самый момент? Галактика горит? Отец, все эти воспоминания не принадлежат мне. На моем языке привкус меди, словно напоминающий о крови. Возможно, это страх. Возможно, этот привкус и есть тот самый страх, о котором так много писали историки и поэты.

Капитан рассмеялся — неискренне и грустно.

— А теперь я выскажу прощальные пожелания.

— В прощальных пожеланиях нет необходимости, Аргел Тал. Ничего не решено, пока история не закончена.

Глава 17
Мертвая империя
Откровения
Зарождение

Ингетель кривым когтем показал на планету.

Они называли ее Мелисант. Этот мир был одним из последних, что ощутил на себе распространяющееся воздействие Ока.

— Аспик не обнаружил признаков жизни, даже на бактериальном уровне, — раздался в воксе голос капитана Силамор.

— Неужели ей потребовалось сканирование, чтобы это понять? — спросил Торгал.

Под ними проплывал призрак мира — шар, состоящий из черных океанов и серых материков, слегка прикрытых тонким туманом облачности. Варп-шторм сотрясал корабль даже на орбите Мелисанта, а об усиленное стекло наблюдательного купола разбивались

потоки человеческих лиц и тел. Все они растекались по защитному барьеру, словно масло по воде, а затем возвращались обратно в поток.

Спустя некоторое время Аргел Тал заметил, что некоторые лица появляются снова и снова. Казалось, они заново формируются в буре и раз за разом бросаются на корабль.

— Это души? — спросил он вслух.

Это изначальная материя. В царстве плоти и крови она проявляется как психическая энергия. Твои мысли придают ей форму. Ты видишь человеческие души, но это далеко не все. Души эльдар. Плоть нерожденных, которых люди когда-то назвали демонами. Исходные психические течения. Воплощенная вероятность, когда мысль формирует реальность.

— Я хочу спуститься на поверхность этого мира.

Ты погибнешь.

Аргел Тал повернулся к существу, и его нетронутое шрамами лицо исказилось

от гнева.

— Зачем ты притащил нас сюда? Какова цель нашего путешествия, если мы даже не можем выйти из корабля? Смотреть на мертвые миры из-за барьера поля Геллера? Слушать вопли потерянных душ?

Ингетель скользнул к группе Несущих Слово. Посох из черного дерева, когда-то принадлежавший девушке, которая пожертвовала собой ради появления демона, постукивал по полу, словно трость старика.

Я могу вам кое-что показать.

Он вытянул по направлению к планете два изогнутых когтя.

В нынешнем виде Мелисант ничего не может вам рассказать. Вы должны увидеть, каким он был.

Закройте глаза. Прислушайтесь к шторму за бортом. Слушайте, как волны бьются в корпус вашего судна.

Мелисант лишь один из многих миров в Океане Душ. Один из миллионов. И я вам его покажу.

И через какое-то мгновение добавил:

Открой глаза, Аргел Тал.

Он всегда любовался восходами.

Этот восход охристо-желтого шара, заливающего светом город шпилей и минаретов, был достоин того, чтобы остаться в памяти. Несмотря на заложенную в генах устойчивость к боли и чересчур яркому свету, лучи поднимающегося солнца отчаянно резали глаза. И все же это было прекрасно, поскольку ничего подобного он раньше не встречал.

Ингетеля нигде не было видно. Астартес стояли на краю утеса, над городом чужаков, позолоченным рассветными лучами. Аргел Тал обернулся к своим братьям: Ксафен рассматривал поселение ксеносов, так же как и Малнор и Торгал, а Даготал поднял взгляд к голубому небу.

Таким был Мелисант, раздался в мозгу булькающий голос существа. Посмотрите на город, построенный из костей и драгоценных камней. Посмотрите на его башни, слишком

тонкие, чтобы их могла удержать человеческая физика. Они держатся только благодаря колдовству эльдар.

А теперь посмотрите на его крушение.

Облака в небе закружились в циклическом танце — день и ночь мелькали, сливаясь в мерцающее серое пятно. С небес протянулись фиолетовые щупальца, они сплетались между собой, утолщались, насыщали воздух красноватым туманом. От жестокой жары лицо и шея Аргел Тала покрылись каплями пота. Нагрелась даже слезная жидкость.

И на его глазах город начал разрушаться. Башни и мосты, падая на землю, разлетались осколками и убивали толпы стройных чужаков, разбивая и мелкие здания внизу.

Их колдовство теряет силу. Это прошел край Великого Ока. Уничтожение мелких колоний заняло несколько дней. В центре империи жизнь была уничтожена за несколько мгновений.

Аргел Тал услышал, как умирает

город, — ветер донес до них грохот ударов, горестные стенания и крики.

— Чужаки. — Ксафен улыбнулся, глядя на падающие башни. — Пусть они все сгорят, лишенные душ забытые создания.

Ему никто не возразил.

— Почему это происходит? — спросил Аргел Тал.

Эльдары были близки к тому, чтобы познать истину Вселенной. Их цивилизация распространялась по Галактике, развивалась под руководством почитаемых богов. А потом, на последнем шаге... они оступились.

— Каким образом?

Посмотри на небо.

Штормовые тучи собрались в угрожающую спираль, и вся земля до самого горизонта погрузилась во тьму. С самых первых капель — обжигающих кожу и с сильным металлическим запахом — стало ясно, что ожидает простирающийся внизу город. После единственного удара грома, такой силы, что содрогнулся воздух, почерневшие тучи опустились к самой

земле и небеса разверзлись.

Алые потоки хлынули с неба, заливая разрушенный город кровью настолько густой, что она окрашивала даже немногие уцелевшие костяные сооружения. Ксафен, прикрыв глаза, поднял лицо навстречу ливню.

— Это не человеческая кровь. Она слишком сладкая.

Аргел Тал стер с лица липкую влагу. В городе из теней упавших монументов, из кровавых озер, образовавшихся на улицах, поднимались новые существа. Они еще не до конца оформились, все выглядели по-разному, неестественно шатались или двигались рывками. Некоторые ползали, опираясь на многочисленные конечности, лишенные костей. Другие с завыванием носились на тонких ногах, размахивая кривыми когтями.

Мои родичи принимают физическую форму. Они охотятся за душами и плотью, за кровью и костями.

— Почему это происходит?

Бесформенные существа сбивались в

стаи и бросались на оставшихся в живых стройных чужаков. От такого зрелища ему стало холодно. Геноцид должен служить очищению, а в этом безумстве неизвестных сил не было никакой чистоты.

— Ответь мне, — негромко сказал Аргел Тал.

Ответа не последовало, только кровь продолжала струиться по его щекам и губам. Он уже ничего не чувствовал, кроме запаха и вкуса этого кроваво-красного ливня.

Из развалин города стали подниматься новые башни — тонкие шпили с пульсирующими стенами из еще живой плоти, украшенные безмолвными лицами и ободранными руками, торчавшими из сооружения. Вырастающие башни хватали перепуганных эльдар, используя их жизни в качестве сырья, а плоть чужаков — в качестве живого раствора.

Смотри, как они умирают. Вы умрете так же.

— Я приказал тебе ответить, — сказал Несущий Слово.

Смотри и учись, Несущий Слово.

— У нас имеются записи об эльдарах и их истории. — Аргел Тал сплюнул отвратительную кровь, стекающую в рот. — В них говорится о Крахе, произошедшем, когда упадок и прегрешения пронизали все их общество. Гнев богов уничтожил их столетия назад. Это и есть упомянутое уничтожение? Это... гнев богов?

Это их кара. Когда бесчисленные миры залила кровь и охватило пламя, они в своем невежестве увидели только крах империи. В тот момент вознесения эльдары предпочли страх силе, тем самым обрекая свое царство на гибель, поскольку устрашились Изначальной Истины.

Они обеспечили рождение бога. Бога удовольствия и обещания. Но они не испытывают радости.

— Хватит!

Аргел Тал запрокинул голову и вдохнул воздух всеми тремя легкими. Шторм усилился, и истерзанные небеса продолжали заливать кровью

раскинувшуюся внизу землю.

— Ответь мне! — крикнул он в небо.

Это и есть Крах, о котором говорят только шепотом. Эльдары были слепы. Они могли жить в гармоничном союзе с Силами, чему вскоре должны будут научиться люди. Но вместо этого они умирают. Они не в состоянии принять Изначальную Истину, и потому она уничтожает их.

Ты спрашиваешь почему? Разве ты сам этого не видишь? Это не смерть империи, Несущий Слово. Это рождение божества. Вера эльдар дала Галактике новую богиню. Жаждущая. Слаа Нет. У нее тысяча имен.

Это первые моменты ее жизни, и она пробуждается, чтобы увидеть, что ее приверженцы отрекаются от нее из-за своего страха и невежества.

Этот бескрайний шторм, Око Ужаса, и есть эхо ее первого крика.

— Я видел достаточно. — Аргел Тал посмотрел на город — притихший, растерзанный, лишенный жизни. — Кровь

богов я видел достаточно.

Тогда открой глаза.

Ингетель наблюдал за ними, и в его немигающих разных глазах отражалось бледное сияние, освещавшее купол. Аргел Тал продолжал ощущать запах крови, несмотря на то что его кожа и доспехи остались совершенно чистыми.

— Неприятное зрелище, — заметил Торгал.

— Сэр, — Даготал коснулся наплечника доспехов Аргел Тала, — мне кажется, нам надо покинуть это место.

Конец дискуссии положил не демон, а Ксафен:

— Ты превышаешь свои полномочия, сержант. Мы не можем бежать от истин, в поисках которых забрались в такую даль.

Аргел Тал не обращал внимания на их перепалку. Его вокс-канал взорвался от множества сообщений, и ретинальные руны не переставали мигать, когда на связь выходил очередной сержант отделения.

— Сэр, мы только что наблюдали...

— Капитан, мы услышали голос, а потом возникло видение...

— Это отделение Вадокса. Докладываю...

Несущий Слово повернулся к демону:

— Все, что мы видели, наблюдали и все остальные воины.

Они слышат мой голос, так же как и ты. Для того они и оказались здесь: чтобы стать свидетелями. Чтобы учиться. Эльдары потерпели неудачу, и ценой их прегрешений стало медленное угасание. Человечество не должно пойти по этому пути. Люди должны принять Изначальную Истину.

— Мы не можем принести в Империум подобную весть, — сказал Аргел Тал.

— Разумеется, можем. — Ксафен прищурился. — Можем и донесем, потому что это наш долг. В этом состоит просвещение человечества.

Вы пришли сюда, чтобы узнать, верны ли Старые Пути вашего домашнего мира. И теперь вы знаете,

что они верны.

— Эта истина слишком опасна, чтобы представлять ее Империуму. — Капитан взглянул на мертвый мир внизу. — Ты не понимаешь, о чем говоришь, существо. Но ты, брат, неужели ты думаешь, что мы отправимся прямиком на Терру, в гостеприимные объятия Императора? Ответы, которые мы принесем домой, превратят Имперскую Истину в ложь. Человеческие эмоции, обретающие форму в психической энергии? Мало того что утверждение Императора об отсутствии богов окажется ложным, оно будет опровергнуто нами ради союза с демонами и духами? — Аргел Тал покачал головой. — Ксафен, это грозит гражданской войной. Империум сам себя разорвет на части.

— Ради этого мы пришли сюда, — сердито заворчал капеллан. — Истина — вот что самое главное. А ты говоришь так, словно ожидал, что наш примарх ошибается, а теперь, увидев, что он прав, испугался.

— Но капитан прав, — вмешался

Даготал. — Если мы объявим, что ад существует в реальном мире, нас вряд ли наградят медалями.

Все обернулись, услышав в мыслях смех демона.

Вы еще ничего не видели, а уже рассуждаете, что будет лучше для вашей расы?

— Что еще мы должны здесь увидеть? — спросил Аргел Тал.

Ингетель сделал знак крючковатыми пальцами.

Закройте глаза.

— Нет. — Капитан втянул воздух, чтобы успокоиться. — С меня хватит слепого подчинения. Говори, что ты собираешься нам показать.

Я покажу вам рождение вашего примарха. Вы узнаете, почему кадианцы назвали его Любимым Сыном Четырех. Император не единственный его отец.

Аргел Тал оглянулся на своих собратьев и увидел, что их глаза уже закрыты. Одного лишь упоминания об отце оказалось достаточно, чтобы добиться их

послушания. Капитан вызвал по воксу другие отделения.

— Приготовиться. Все, что мы увидим, может быть обманом.

Ты очень недоверчив, Аргел Тал.

Несущий Слово закрыл глаза.

Прикосновение воздуха обожгло кожу холодом, и первое, что увидел Аргел Тал, когда его зрение восстановилось, было туманное облачко его собственного дыхания. Здесь не было ни густого зловония крови ксеносов, ни мускусного привкуса кислорода, прошедшего через рециркуляторные фильтры корабля. Ощущался совсем другой резкий запах — перегретого стекла и работающих машин.

Аргел Тал осмотрел лабораторию: со всех сторон его окружали гудящие генераторы, заваленные инструментами столы и занятые работой люди в герметичных костюмах, белых и ярко-желтых со значками радиационной опасности. На лицевых щитках нарастал иней и разлетался, словно пыль, когда люди стахивали его, не снимая перчаток.

Несущему Слово за десятилетия его существования не часто приходилось посещать лаборатории, так что сравнивать увиденное ему было не с чем. Тем не менее помещение таких размеров свидетельствовало о чрезвычайно важной работе. Стены почти полностью скрывались под связками кабелей и громко жужжащими генераторами, вокруг столов, платформ и стендов сновали сотни техников.

Защитный костюм одного из работников зашуршал, соприкоснувшись с боевым доспехом Аргел Тала. Лицевой щиток исключал любую возможность увидеть его лицо, но, кем бы он ни был, он совершенно не обращал внимания на Несущих Слово.

Аргел Тал поднял руку.

Не надо.

Он нерешительно замер и отвел руку. Миниатюрные сервоузлы сочленений доспеха негромко загудели.

Осторожнее, Аргел Тал. Эти души не заметят твоего присутствия до тех пор, пока ты не начнешь

втешиваться в их работу.

— А если втешаюсь? — негромко спросил он.

Тогда ты привлечешь внимание одной из самых могущественных психических сил в истории жизни и будешь убит на месте. Ты находишься в самом потаенном святилище Анафемы. Здесь он выращивает свое потомство.

— Анафема, — повторил Аргел Тал, оглядывая обширное помещение.

Остальные Несущие Слово подошли к нему ближе, но пока ни один из них не потянулся за оружием.

Анафема. Существо, известное вам под именем Бога-Императора.

Ксафен выдохнул облачко морозного пара:

— Это... Это Терра. Генетические лаборатории Императора.

Да. За много лет до Крестового Похода Анафемы, решившего вернуть себе власть над звездами. Здесь, где яснее всего проявилась его бесчувственная бесчеловечность, он

завершил создание двадцати своих сыновей.

Капеллан подошел к столу, где в центрифуге вращались сосуды с кровью с целью разделить жидкость на отдельные слои.

— Если это видение прошлого, как может Император нас уничтожить?

Пока вы защищены, Ксафен. Это все, что имеет значение. Все это происходит на Терре, в то время как империя эльдар пылает в сжигающем души огне. Анафема чувствует, что скоро настанет время Великого Крестового Похода.

Несущие Слово пошли вдоль рядов столов по направлению к центральной платформе, возвышавшейся над всей остальной лабораторией. Там стояла колонна, образованная черными и серебристыми приборами, опоясанная широкими мостками. Аргел Тал первым стал подниматься по ступенькам, и его подошвы загрохотали по металлу, но десятки работающих неподалеку техников ничего не услышали. Мимо него прошло

несколько человек, но и они обращали внимание только на колонки чисел на покрытых инеем информационных планшетах и синусоидальные кривые на табло переносных ауспиков.

Аргел Тал обошел платформу, разглядывая амниотические капсулы, соединенные с главной колонной, — их связывали бесчисленные пучки проводов, цепей, кабелей и технологических зажимов. Генераторы, встроенные в металлическую колонну, издавали то же самое злобное гудение, что и силовые ранцы Астартес, и эта незначительная деталь вызвала улыбку на лице капитана.

Утроба для примархов. Здесь, в этих холодных колыбелях, созревают сыновья Анафемы.

Аргел Тал подошел к ближайшей капсуле. Ее неокрашенная поверхность из серого металла в тех немногих местах, где не было соединительных гнезд и разъемов, оставалась совершенно гладкой. Только на передней стенке имелась серебряная пластинка с выгравированной готической цифрой XIII и надписью,

сделанной мелким аккуратным почерком.

Точное значение слов ускользнуло от Аргел Тала — ему показалось, что это была длинная и запутанная молитва к внешним силам о даровании благословения и силы, — но сам факт, что он вообще сумел что-то прочитать, вызвал недоумение.

— Это колхидский язык, — произнес он вслух.

И да, и нет.

— Но я смог прочитать надпись.

Язык, который ты называешь колхидским, является частью изначального наречия. Колхидский... Кадианский... эти языки были заброшены в ваши миры в ходе подготовки к грядущей эпохе. Золотые любимчики Императора не смогли прочесть эти надписи, поскольку в их венах нет крови Лоргара. Все это было частью плана, составленного тысячелетия тому назад.

— А кадианцы?

Их мир ощутил воздействие, так же как и Колхида. Семена, посеянные в

изобилии, в этот момент дали ростки.

Аргел Тал подошел ближе к капсуле, помеченной тринадцатым номером. Через стеклянное окошко, вставленное на уровне глаз, не было видно ничего, кроме молочного цвета жидкости.

И вдруг — движение.

Не подходи ближе.

Внутри искусственной утробы мелькнула мимолетная тень.

Остановись.

Голос демона стал тревожно-резким.

Аргел Тал сделал еще шаг вперед.

В капсуле-инкубаторе дремал эмбрион, беспомощный, свернувшийся в клубок зародыш с закрытыми глазами. Он медленно поворачивался в амниотическом молоке и бессознательно шевелил наполовину сформировавшимися конечностями.

Остановись, Несущий Слово. Я ощущаю твой растущий гнев. Не думай, что я один могу его чувствовать. Сильные эмоции привлекут внимание Анафемы.

Аргел Тал наклонился над капсулой. Кончики пальцев стахнули иней с ее поверхности.

— Жиллиман, — прошептал он.

Младенец продолжал спать.

Ксафен отделился от группы братьев и подошел к капсуле под номером XI. Но не стал вглядываться, а через плечо обернулся к Аргел Талу.

— Внутри этой капсулы спит одиннадцатый примарх — все еще чистый и невинный. Мне так хочется покончить с этим прямо сейчас, — признался он.

Малнор, стоявший за спиной капеллана, усмехнулся:

— Это сэкономит нам массу сил, не так ли?

— И избавит Аврелиана от жестокого потрясения. — Ксафен провел пальцами по порядковому номеру на капсуле. — Я помню, насколько сильно переживал он утрату второго и одиннадцатого братьев.

Аргел Тал по-прежнему оставался у капсулы Жиллимана.

— Мы не можем знать наверняка, изменят ли будущее наши действия.

— Но если нам представился шанс, почему бы им не воспользоваться? — спросил капеллан.

— В других случаях — да, но не в этом.

— Но Одиннадцатый легион...

— Был стерт из имперских записей по веской причине. Как и Второй. Не стану отрицать, брат, я тоже испытываю сильное искушение. Один хороший удар мечом по капсуле, и мы могли бы переписать позорное будущее.

Даготал кашлянул:

— И лишить Ультрамаринов значительного потока рекрутов.

Ксафен окинул его бесстрастным взглядом, прикидывая ценность этого заявления.

— А что? — обратился Даготал к остальным. — Вы ведь и сами об этом думали. Это ни для кого не секрет.

— Это всего лишь слухи, — проворчал Торгал. Но в голосе сержанта штурмового отделения не слышалось уверенности.

— Может, да, а может, и нет. Тринадцатый точно вырос в численности

и затмил все остальные легионы приблизительно в то время, когда Второй и Одиннадцатый были «забыты» имперской историей.

Хватит пустых домыслов, снова прервал их бестелесный голос.

Аргел Тал посмотрел с платформы вниз, где за своими столами трудились ученые. В основном они работали с кровью или проводили биопсию бледных фрагментов плоти. Он сразу узнал извлеченные органы.

— Почему эти мужчины и женщины ставят эксперименты на геносемени Астартес? — спросил он.

Остальные Несущие Слово проследили за его взглядом.

Они не ставят эксперименты. Они его изобретают.

Голос Ингетеля продолжал шипеть, а Аргел Тал наблюдал за работой. Он увидел, как несколько человек рассекают бледный орган серебряными скальпелями. У каждого из работников на спине защитного костюма виднелась цифра I.

Ваш Император покорил

собственный мир с помощью прото-Астартес, созданных в гораздо худших условиях. Теперь он выращивает примархов, а параллельно создает воинов, которые потребуются для Великого Крестового Похода.

Аргел Тал продолжал следить за учеными, но от зрелища собственного рождения по коже поползли мурашки.

Это пока только прототипы органов, которые станут геносеменем для первых настоящих Астартес. Вам они известны как...

— Темные Ангелы, — сказал Аргел Тал. — Первый легион.

Внизу биотехники резали скальпелями бесформенные органы, вытягивали вены, изучали их под микроскопом и забирали образцы для дальнейшего исследования. Прогеноидные железы, имплантированные в его собственную шею и грудь, отозвались симпатической болью. Он поднял руку и потер саднящее место сбоку от горла, где вживленный под кожу орган безмолвно творил свою работу — хранил его

генетику до момента смерти. Затем он будет извлечен и имплантирован другому ребенку. Мальчик со временем станет Несущим Слово. Не человеком. Не Homo Sapiens, а Homo Astartes.

Пройдет еще много терранских лет, прежде чем эти органы будут готовы для имплантации человеческим детям. Это самое начало процесса. В последующие десятилетия будет устранено большинство допущенных дефектов геносемени.

Тон существа не понравился капитану.

— Большинство?

Большинство. Но не все.

— Тысяча Сынов, — подсказал Ксафен. — Их генетический код разбалансирован, легион подвержен мутации и психически нестабилен.

Не они одни обладают изъянами. Течение времени выявит эти недостатки. Ухудшение геносемени приводит к отказу некоторых органов: неспособность выделять ядовитую

слюну; непереносимость некоторых видов излучения вызовет изменения в коже и костях воинов.

— Имперские Кулаки, — сказал Малнор. — И Саламандры.

— А мы? — спросил Даготал.

Возникла пауза, заполненная шипящим смехом Ингетеля в их головах.

А что с вами?

— Мы тоже пострадаем от этой... порчи?

— Ответь ему, — сказал Аргел Тал. — Мы все хотим услышать ответ на этот вопрос.

Генетический код ваших тел чище, чем большая часть других. Вас не постигнет вырождение или какие-то определенные изъяны.

— Но что-то все-таки есть, — заметил капитан. — Я слышу это в твоем голосе.

Ни один Астартес не предан так своему примарху, как Семнадцатый легион Лоргару. Ни один из имперских воинов не верит в правоту своего отца с таким непоколебимым убеждением и

преданностью.

Аргел Тал сглотнул. Слюна показалась ему холодной и кислой.

— Значит, верность у нас в крови?

Нет. Вы разумные существа со свободной волей. Это всего лишь тизерное отклонение в безупречном генетическом коде. Ваше геносемя усиливает химический процесс, происходящий в мозговой ткани. Тем самым обеспечивает вам дополнительную концентрацию. В этом коренится нерушимая верность вашему делу и Лоргару Аврелиану.

— Мне не нравится оборот, который принимает это откровение, — заметил Аргел Тал.

— И мне тоже, — добавил Торгал.

Ты напрасно удивляешься, Аргел Тал. Все это ты уже видел в глазах воинов братских легионов. Вспомни приведение к Согласию на Кассии, когда бледнокожие сыны Коракса смотрели на вас с отвращением, протестуя против суровой зачистки языческого населения. И Тысяча Сынов

на Антиолохе... Лунные Волки на Давине... Ультрамарины на Сионе...

Все ваши братья наблюдали за вами и ненавидели вас за бескомпромиссную, безоговорочную ярость.

Аргел Тал снова отошел к капсуле Жиллимана и стал изучать ее, перестав обращать внимание на работавших внизу техников.

— Я больше не желаю об этом говорить.

В вере нет ничего предосудительного, Несущий Слово. Нет ничего чище, чем вера.

Аргел Тал никак не отреагировал на слова демона. Его вниманием всецело завладело нечто другое.

— Кровь... Посмотрите. Посмотрите на это.

Капитан присел на корточки рядом с нижней частью капсулы-утробы Жиллимана. Громоздкий корпус генератора позади инкубационной капсулы был почти скрыт под бесчисленными приборами. Остужающая жидкость

пульсировала в системе охлаждения, и в образующиеся проемы можно было увидеть, что внутреннее отделение генератора заполняла красная пузырящаяся жидкость.

Даготал заглянул через плечо Аргел Тала:

— Это кровь?

Капитан ответил испепеляющим взглядом.

— А что же? — спросил сержант.

— Это гемолубрикант для духа машины. Подобные вспомогательные генераторы подсоединены к каждой капсуле. И посмотри, они стоят вдоль опорных колонн наверху башни.

Даготал и все остальные посмотрели по сторонам.

— Ну и что?

— А где еще вы видели силовые генераторы такого образца? Какому устройству для функционирования требуется такой сложный дух машины?

— Ох, — выдохнул сержант. — Ох.

Несущие Слово стали пристально разглядывать центральную колонну, гудящую и вибрирующую от множества

силовых установок.

Наконец-то... Да...

— Это не просто инкубационная башня! — воскликнул Ксафен.

Уже ближе...

Аргел Тал осмотрел по очереди все капсулы и невероятно сложные системы приборов, связывающие их с центральной башней.

Да... Да... Узрите истину...

— Этот генератор, — ослабевшим от изумления голосом сказал Аргел Тал, — вырабатывает поле Геллера.

Ксафен обошел вокруг колонны, но клацанье его ботинок не потревожило группу работавших внизу техников. Аргел Тал наблюдал, как его капеллан пристатривается к капсулам, а в глубинах его сознания медленно зарождалось ужасное подозрение. Оба воина были без шлемов, и их лица блестели от ледяной испарины.

— Это самое мощное поле Геллера. — Аргел Тал показал на колонну. — Генераторы на наших кораблях, соединенные с навигаторами, всего лишь

жалкая тень того, что мы здесь видим.

Ты не до конца понимаешь значение эффекта, который называешь полем Геллера. Это не просто кинетическая защита от энергии варпа. Варп — это Океан Душ. Ваши поля отражают грубую психическую силу. Они защищают от когтей нерожденных.

— Мы должны задать себе вопрос, — заговорил Ксафен, поглаживая поверхность капсулы, помеченной номером Семнадцатого. — Почему этим инкубаторам потребовалась защита от...

Скажи.

Ксафен усмехнулся:

— ...от демонов.

Торгал присоединился к капеллану и остановился у капсулы Лоргара. Некоторое время он молча смотрел на спящего внутри младенца.

— Кажется, я знаю. Эти зародыши уже почти созрели до момента рождения. Демон? Дух?

Я здесь.

Общение с бесплотным голосом явно

не нравилось Торгалу.

— В легионах рассказывают о том, что двадцать сыновей Императора были разбросаны по небу вследствие ужасной трагедии, какого-то сбоя в процессе их создания.

Вас воспитали на сказках о примархах, ведущих ваши легионы, но все эти столетия вас пичкали ложью. Через несколько мгновений вы познаете истину. Анафема общался с Силами варпа задолго до начала Великого Крестового Похода.

Анафема пожелал получить могущественных сыновей, и боги одарили его знанием, позволяющим соединить в них божественную генетику и психическую магию. Он пришел к моим повелителям в поисках ответов и просил богов даровать ему силу. Получив необходимые знания, он создал двадцать сыновей.

Но произошло предательство. Клятвы, подписанные кровью и оплаченные душой, были нарушены.

Теперь Анафема отказывается открыть людям Изначальную Истину, и боги варпа гневаются.

Анафема прячет двадцать своих сыновей и не желает платить Силам, одарившим его знаниями для их создания.

Ксафен схватился за поручень, чтобы не упасть на колени.

— Наш отец, все наши отцы рождены из древних кровавых ритуалов и запретной магии.

Аргел Тал не удержался от смеха.

— Император, отрицающий все формы божественности, создал своих детей с благословения забытых богов. На инкубационных капсулах выгравированы молитвы и заклинания. Это самое невероятное безумие.

Готовьтесь. Настает час расплаты. Силы проникнут в материальный мир и заберут детей, которых они помогали создавать.

Аргел Тал, все с той же усмешкой на лице, взглянул на капсулы:

— Поле Геллера. Оно перестанет

действовать, не так ли?

Оно перестанет действовать ровно через тридцать семь ударов твоего сердца, Аргел Тал.

— И примархи исчезнут, похищенные своими хозяевами из варпа. Это и станет той катастрофой, которая разбросает их по всей Галактике.

Боги варпа являются законными родителями примархов. Это не проявление враждебности по отношению к вашему Императору. Только божественное правосудие. А идеальные дети вырастут, странствуя среди звезд. И это первый шаг божественного плана по спасению человечества.

— И Аврелиан...

Он самый значительный из всех. Инкубационная капсула Лоргара попадет на Колхиду, где будут предприняты первые шаги к просвещению людей Изначальной Истиной и общению с богами. Без богов человечество обречено на вымирание. Мир за миром будут

погибать под натиском хищных чужаков, еще господствующих в значительной части Галактики. Те, кто останутся, погибнут, как погибли эльдары — в мучениях, неспособные постичь Изначальную Истину, которая была перед их глазами.

Такова Судьба. Она начертана на звездах. Лорган знает, что божественность необходима людям, — это знание сформировало его самого и весь легион. И потому он избранный и любимый сын.

Ксафен, прикрыв глаза, стал вполголоса читать литанию из Слова:

— Вера возвышает нас над бездушными и проклятыми. Это топливо для души, движущая сила, за которой стоят тысячелетия выживания человечества. Без веры мы пусты.

Аргел Тал обнажил оружие. Мечи из красного железа с двойным свистом покинули ножны.

Да. Да...

Капитан нажал кнопки активации, и оба клинка заискрились энергетической

жизнью. Ксафен посмотрел на него из-под края капюшона.

— Сделай это, — сказал капеллан. — Положи начало.

Аргел Тал неторопливо крутанул плечи, описывая плавные петли. Силовое поле стало более плотным, лезвия рассекали морозный воздух, оставляя за собой озоновый туман.

— Аврелиан, — прошептал Малнор. — За Лоргара.

— За истину, — подхватил Торгал. — Сделай это, и мы принесем Империуму ответы.

Аргел Тал посмотрел на Даготала: он был самым молодым сержантом, получившим звание незадолго до посвящения легиона. Взгляд командира торизованного отделения был обращен вдаль.

— Я устал от лжи Императора, брат. Мне надоело стыдиться, хотя наша вера оказалась истинной. — Даготал кивнул и наконец посмотрел в глаза капитану. — Сделай это.

Три.

Он шагнул вперед, остатривая связки похожих на вены кабелей, которые подрагивали, перекачивая искусственную кровь вокруг полуорганической башни-машины.

Два.

Аргел Тал взмахнул мечами, оставив в воздухе расплывчатые огненные следы.

Один.

Клинки устремились вниз, сокрушая сталь, железо, резину, бронзу и полученную в пробирках кровь.

Оба меча взорвались в его руках, лезвия, словно стекло, разлетелись на мелкие осколки и разрисовали незащищенное лицо кровавыми порезами.

А затем, в один ужасающе знакомый миг, Аргел Тал не видел ничего, кроме пылающего золота психики.

Глава 18
СОТНЯ ИСТИН
ВОСКРЕШЕНИЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Я слышал твоего брата, — признался Аргел Тал.

Примарх уже ничего не записывал. Вот уже несколько минут он со все возрастающим волнением слушал, как капитан описывает события, показанные Ингетелем в видениях. Когда отзвучала последняя фраза, он выпустил из груди давно удерживаемый воздух.

— Магнуса?

Аргел Тал не помнил, чтобы его повелитель когда-нибудь говорил так тихо.

— Нет. Воителя.

Гигант с позолоченной кожей провел руками по лицу, сокрушаясь собственной слабости.

— Мне не известен этот титул, — сказал он. — Воитель. Какое уродливое

слово.

Аргел Тал хихикнул одновременно двумя голосами.

— Конечно. Прости нас, Лоргар. Его назовут так только через некоторое время. А пока он просто Хорус. Когда видение закончилось вспышкой золотого света, мы не видели ничего, кроме ослепительного сияния. Но слышали твоего брата Хоруса. Приборы с грохотом и лязгом падали на пол. Поднялась стрельба. И подул невероятно сильный ветер. Но мы услышали голос Хоруса — громкий, дерзкий, разгневанный. Как будто он тоже был там и видел все, что видели мы.

— Перестань говорить «мы». Ты Аргел Тал.

— Да, мы Аргел Тал. Сорок три года спустя Хорус произнесет четыре слова, которые либо спасут человечество, либо приведут его к полному уничтожению. Мы знаем, что это за слова. А ты, Лоргар?

— Это слишком. Я не могу этого вынести. Мне... мне необходим Эреб. И мой о... Кор Фаэрон.

— Они далеко. И мы скажем кое-что

еще: ни Эреб, ни Кор Фаэрон не воспротивятся тем истинам, о которых ты говорим. Кор Фаэрон за притворными улыбками всегда хранил верность Старым Дорогам, а у Эреба в присутствии Силы текут слюнки. Ни один из этих извращенных чернокнижников не станет хвататься за голову и паниковать, когда Империум...

Голоса Аргел Тала смолкли: золотая рука сдавила его исхудавшую шею.

Лоргар плавным движением поднялся, без труда увлекая за собой Астартес, и ноги капитана повисли над палубой.

— Следи за своими словами, когда говоришь о моих наставниках, и не забывай об уважении, обращаясь к повелителю своего легиона. Это понятно, тварь?

Аргел Тал не отвечал. Его руки с тщетным отчаянием вцепились в предплечье примарха.

Лоргар швырнул истощенное тело в стену. Капитан ударился о металл и рухнул на пол.

— И прогони эту отвратительную ухмылку, — приказал Лоргар.

Когда Астартес поднял голову и взглянул на примарха, это снова был взгляд Аргел Тала.

— Держи себя в руках, капитан, — предупредил его Лоргар. — А теперь досказывай свою историю.

— Я все это видел. — Аргел Тал попытался приподняться на дрожащих ногах. — Когда золотое сияние рассеялось, это началось снова, мой лорд. Видения. Больше я никак не могу их объяснить.

Убедившись, что его сын овладел собой, Лоргар помог Аргел Талу подняться и сесть на стул.

— Говори, — приказал он.

Капсулы одна за другой спускались с небес.

Аргел Тал, оставшись в одиночестве, стоял на поверхности каждого мира и наблюдал, как они попадают домой. Но не все; и это тоже составляло часть тайны. Имело ли значение то, что ему предоставили увидеть определенные капсулы? Почему именно эти, а не другие?

Первым он увидел пылающий

метеорит, врезавшийся в почву мира с умеренным климатом. Капсула не зарылась глубоко в землю; она прорезала борозду и остановилась посреди вечнозеленого леса, настолько густого, что свет луны не пробивался сквозь кроны.

Вышедший из расколовшейся капсулы ребенок был бледнокожим и с жесткостью во взгляде. Волосы его были такими же черными, как и броня воинов, которых он поведет за собой, когда вырастет.

Внезапно сгустились сумерки...

...под порывами губительного ветра деревья рассыпались в прах и пепел. Вместо цветущего мира возникла унылая тундра, тянувшаяся от одного края горизонта до другого. Монотонность равнины нарушали только черные скалы да блеклые чахлые кустики.

Объятая пламенем капсула упала с серого неба, врезалась в зазубренные утесы и увлекла за собой лавину камней. Как только пыль наконец улеглась, Аргел Тал увидел, как из груды обломков металла и камня поднимается стройный мальчик и

приглаживает покрытыми пылью руками белоснежные волосы.

Мальчик стал оглядываться вокруг, и в это время...

...Аргел Тал в одиночестве стоял на вершине горы, и падающий снег налипал на его доспехи. Вдали на фоне чистого неба вырисовывался силуэт крепости, и прорвавшиеся сквозь тучи лучи солнца освещали ее изящные каменные бойницы и башни.

Несущий Слово посмотрел вверх, наблюдая за падением капсулы и ощущая, как легкий снежок остужает его разгоряченное лицо. Достигнув поверхности, капсула ударилась с такой силой, что зарылась в склон горы, а земля содрогнулась, как от мощного артиллерийского залпа.

Аргел Тал ждал, не сводя взгляда с разреза на горном склоне. Наконец ребенок появился и с удивительной ловкостью стал карабкаться по скалам. Его кожа в лучах солнца отливала бронзой. На мгновение показалось, что дитя видит его, но...

...ни один мир не мог быть настолько темным.

Глазам Аргел Тала понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к ночной черноте, но то, что он увидел, было ничуть не лучше, чем непроницаемая тьма. На неосвещенном небе господствовала луна, которая не отражала свет солнца, а только заслоняла звезды. Простирающийся до горизонта город был почти не освещен, как будто глаза его обитателей могли не вынести настоящей иллюминации.

О спуске капсулы возвестило яркое пламя. Она пронеслась к земле, освещая воздух над всей равниной. С силой брошенного копья капсула вонзилась в пахнущую металлом почву, и во все стороны потянулись трещины.

Несущий Слово восстановил равновесие и, вдыхая насыщенный железом воздух, стал ждать, кто же покажется из образовавшегося в бесплодной земле оврага.

Появившийся под ночным небом мальчик был бледным, как мертвец, и, в

отличие от увиденных Аргел Талом предшественников, крепко сжимал в кулаке обломок инкубационной камеры — нож, грубый и примитивный, изготовленный из осколка металла.

Над головой раскатился удар грома. Мальчик поднял голову к небу, и внезапная вспышка трезубца молнии осветила истощенное и нездоровое лицо ребенка.

Аргел Тал...

...стоял на вершине другого утеса, на этот раз нависавшего над долиной, прорезавшей мрачный горный массив.

Капсула рухнула вниз — мелькнуло размытое пятно серого металла — и ударилась о скалы, но не расколола камень. Аргел Тал смотрел, как капсула переворачивается и катится, постепенно разрушаясь. Осколки темного металла от бронированного корпуса разлетались, словно чешуя.

Перевернувшись в последний раз, она так и остановилась, и визор в шлеме Аргел Тала приблизил изображение, компенсируя удаленность объекта.

Капитан увидел, как капсула дрогнула, потом еще раз, а затем упала набок от усилий находившегося в ней ребенка. Мальчик, освободившись от плена, поднес дрожащие руки к залитому кровью лицу.

Крик боли, пронесшийся над долиной, не мог сорваться с губ ребенка.

Когда...

...все снова изменилось.

Сквозь туманную дымку Аргел Тал наблюдал за закатом солнца. Туман был не слишком густым, но имел зеленоватый оттенок нефрита, что свидетельствовало о холодном воздухе и его токсичности. Тот скудный свет, что пробивался сквозь туман, исходил от опускавшегося к плоскому горизонту миниатюрного солнца, обделенного и размерами, и яркостью.

Во все стороны тянулась бескрайняя равнина — такая же скудная и неинтересная, как те игнорируемые безжизненные миры, которые Аргел Тал видел в ходе экспедиций Великого Крестового Похода.

За падающей капсулой протянулся шлейф дыма и огня, вызвавшего зеленые искры в отравленном тумане. Наконец она ударилась о каменистую почву и раскололась, скользнув по глинистому сланцу.

Несущий Слово приблизился к упавшей капсуле, увидел, как щупальца тумана проникают сквозь трещины в металле, заволакивая пространство за прозрачным иллюминатором. Внутри шевельнулось что-то бледное, но...

...он стоял в белокаменном и сияющем хрустале сердце города в окружении шпилей, пирамид, обелисков и высоченных статуй.

Капсула метеором упала с летнего неба и пробила изящную башню, так что во всем городе можно было слышать звон бьющегося стекла. Спустя мгновение инкубатор врезался в мозаичную мостовую, завертелся раскаленным шаром на белых камнях и закончил свое огненное путешествие у подножия огромной пирамиды. Под ярким полуденным солнцем

собралась толпа красивых загорелых людей. На их глазах заклепки и болты металлического саркофага стали отворачиваться и отскакивать сами собой, словно их вынимали чьи-то невидимые руки. Пластина за пластиной броня капсулы поднималась вверх и парила в воздухе над местом крушения. Наконец разошлись последние элементы конструкции, и в центре внимания собравшейся толпы оказался рыжеволосый ребенок с закрытыми глазами и медно-красной кожей.

Ноги мальчика не коснулись земли. Он воспарил на метр над обгоревшей керамикой и наконец открыл глаза.

Аргел Тал...

...шагал по поверхности опустошенного мира. В воздухе ощущался привкус выхлопных газов, а безжизненный пейзаж был серой копией Луны, единственного спутника Терры.

Капсула упала со звездного ночного неба — каждое созвездие таило в себе обещание глубокого смысла. Земля

протестующе загудела от удара. Несущий Слово вскарабкался на небольшое возвышение на краю кратера и увидел, как инкубатор оставил за собой в серебристой почве глубокую борозду.

Капсула еще не успела остановиться, а люк, громко лязгнув в ночной тишине, распахнулся настежь. Поднявшийся из инкубатора сероглазый мальчик был бледен и поражал неестественной красотой. Задумчивым взглядом он окинул окружающий мир.

Не было...

...никакой возможности подойти ближе.

Он был дома. Не на стерильных палубах экспедиционной флотилии и даже не в спартанском убежище зала медитаций на борту «De Профундис». Нет, он был дома.

Бескрайняя синева неба простиралась над пыльной пустыней, а на берегу широкой реки раскинулся город серых цветов и красных обожженных кирпичей. Аргел Тал смотрел на город со своего

наблюдательного пункта ниже по течению; радость от неожиданного возвращения домой оказалась настолько сильной, что он до самого последнего момента не смотрел в небо.

Капсула — черная железная утроба, в которой находился его отец, — с громким всплеском упала в реку, выбросив в воздух фонтан сверкающих брызг. Аргел Тал уже пустился бежать, и сочленения доспеха негромко гудели, пока под ногами была сухая почва. Ему было все равно, видение это или все происходит на самом деле; он должен добраться до капсулы отца.

Боевые доспехи Астартес не были для этого предназначены. Из-за его немалого веса подошвы стали вязнуть в липком речном иле, и ртутные стабилизаторы в коленных и голеностопных суставах выразили свой протест отчаянным скрежетом.

Несущий Слово пробирался по берегу к упавшей капсуле по пояс в грязи. Едва он приблизился к инкубатору, ему бросилось в глаза одно обстоятельство: капсула Лоргара пострадала значительно сильнее,

чем все остальные.

Он протянул руку — керамит, защищающий его пальцы, скрипнул по поверхности капсулы, и вдруг перед глазами вспыхнуло видение, заслонившее реальность.

Капсула с грохотом кувыркалась в бездне, в одиноком противостоянии волнам варпа. По мере того как длилось странствие, на корпусе появлялись следы от ожогов и трещины и сквозь них внутрь просачивался туман безумного цвета. Ребенок не просыпался, но боль исказила его лицо, и сон стал беспокойным.

Смотри, как боги Галактики дорожат твоим примархом, предпочитая его всем остальным. Они десятилетиями удерживают его в Океане Душ, чтобы подготовить к той роли, которую он сыграет в приведении человечества к божественности.

Лоргар ощутил их благословенное прикосновение сильнее, чем кто-либо из братьев.

Аргел Тал...

...оступился и остановился, удерживая равновесие.

Капсула перед ним была точной копией инкубатора его отца, но вдруг стала расплываться перед глазами. Черная земля под ногами, беззвездное небо. На мгновение Аргел Тал не мог понять, стоит ли он на поверхности планеты или на палубе лишенного энергии корабля.

Его чувства стали угасать, но на одно мгновение он успел заглянуть через иллюминатор на передней поверхности капсулы. Что бы ни двигалось там внутри, у него было слишком много конечностей для единственного человеческого младенца.

Аргел Тал шагнул вперед, но его внимание тотчас привлекло багровое пятно в отражении на стекле. Это был его шлем и его нагрудник, но дополненные выступами из слоновой кости — готическое сооружение биоархитектуры из керамита и кости. Отражение смотрело на него клыкастой маской боевого шлема, разрисованного багровой и

черной красками и с золотой звездой вокруг правой глазной линзы.

Он...

...открыл глаза.

...Обзорная палуба на борту «Песни Орфея». По ту сторону прозрачного купола бушует хаос.

Демон остался точно на том же самом месте, где и был, его мускулистое тело никогда не пребывает в полном покое, а раскачивается из стороны в сторону, когти то сжимаются, то разжимаются. Ксафен, Торгал, Малнор и Даготал — все остались там, где и стояли.

Сержант моторизованного отделения сверился с ретинальным хронометром. Прошло три секунды. Четыре. Пять.

Их отсутствие не заняло ни мгновения.

— Было ли во всем этом что-то реальное? — спросил он.

Ингетель Вознесшийся двумя тонкими лапами с изогнутыми когтями показал на пол перед Несущими Слово. Там на палубе лежали сломанные мечи из

красного железа, их осколки потемнели от жара уничтожившего оружие взрыва.

— Мне это кажется вполне реальным, — с усмешкой заметил Ксафен.

Вы многое увидели и еще больше узнали. Остается только одно.

Демон заскользил вокруг Астартес, передвигаясь с медлительным удовольствием. В его уродливых глазах, обращенных на Аргел Тала, сверкнуло нечто похожее на веселье.

— Что же остается?

Шаг веры.

Ксафен встретился взглядом с Аргел Талом:

— Мы уже зашли так далеко. И мы заодно.

Капитан кивнул.

Пора сделать выбор. Вы видели истину богов. Вы видели неприкрытую ложь Императора и знаете, что, если человечество останется слепо к Изначальной Истине, его ждет медленное вымирание.

Выбирайте.

— Что мы должны выбрать?

Аргел Тал прищурился. Не желая больше терпеть вонь демона, он надел шлем и вздохнул свободнее, когда зажимы на шее с шипением замкнулись.

Убрать поле Геллера вокруг корабля.

Ингетель провел когтем по стенке купола. С другой стороны закаленного стекла к его лапе отчаянно метнулись вопящие лица и скребущие руки.

Отключите поле Геллера. Станьте архитекторами судьбы человечества и оружием Лоргара в борьбе против Империи Лжи.

Несущие Слово отреагировали по-разному. Ксафен с многозначительной улыбкой прикрыл глаза, словно услышал то, чего давно ждал. Торгал положил руки на кобуру пистолета и ножны меча, а Малнор пальцами в серых перчатках взялся за рукоятки пристегнутых на бедрах болт-пистолетов. Даготал отступил на шаг назад, и его поза выдавала крайнее беспокойство.

Аргел Тал не потянулся за оружием.

Он просто рассмеялся:

— Ты сошел с ума, демон.

Вот как ты проявляешь уважение к посланцу богов?

— А чего ты ожидал? Что Несущие Слово падут на колени и примут все твои слова за божественное откровение? Мы больше не стоим на коленях, Ингетель.

Челюсти демона дернулись, испуская крысиное шипение.

Отключите поле Геллера, и вы получите последнее обещанное доказательство.

— Мы должны внимательно прислушиваться к словам посланца, — сказал капеллан.

— Хватит, Ксафен.

— Этого требовал от нас Аврелиан! Нам приказано следовать за проводником независимо от того, куда он нас ведет. Как ты можешь упрямствовать в последний момент истины?

— Хватит. Мы не станем рисковать кораблем в этом шторме. Мы уже потеряли «Щит Скаруса». Сотня воинов пропала в этом секторе космоса, а ты

улыбаешься, когда речь заходит о возможной гибели еще сотни.

Они не были избранными, Аргел Тал. А вы избраны. Для них настал час встретить гибель. У них не хватило силы воли пережить то, что предложено вам.

Капитан резко повернулся к демону:

— Что произойдет, если мы отключим поле? Мы должны полагаться на милосердие шторма? Или нас разорвет на части, как любой другой имперский корабль, который во время полета в варпе лишился защиты поля Геллера?

Нет. Снимите анафемскую шкуру, и мои родичи к нам присоединятся. Чтобы разделить с воинами последнее откровение богов.

— Демоны... на корабле. — Аргел Тал взглянул на кричащие лица, бьющиеся в купол. — Мы не можем на это пойти. Боги Галактики не могут этого требовать.

Ксафен заговорил со всей доступной ему вкрадчивостью. Для слуха Аргел Тала его голос никогда еще не был так похож на голос Эреба, его бывшего наставника.

— Брат... Никто нам не обещал, что знакомство с истиной пройдет легко. Но нас избрали — и предпочли нашего отца — истинно божественные силы.

Аргел Тал, повернувшись, взглянул на Ксафена через перекрестье прицела.

— А ты, брат, похоже, полностью уверен в наших дальнейших действиях.

— Разве ты не гордишься тем, что стал избранником? Я хочу стать одним из первых, кто получит благословение богов. Это шаг веры, как и сказал Ингетель.

— Силатор не станет отключать поле Геллера, даже если мы ей прикажем. Это равносильно самоубийству.

Бесполезных смертей не будет. Несущие Слово, для вас настал момент истины. Пусть будет так, как предначертано судьбой. Подумайте о своем примархе, стоявшем в пыли на коленях перед Жиллиманом и Богом-Императором.

Этот момент станет началом его оправдания. Ложь Императора несет проклятие вашей расе. Изначальная Истина освободит

человечество.

— Мы можем донести это знание до Империума, но человечество никогда не подчинится этому... хаосу.

У человечества нет выбора. Оно погибнет в когтях чужаков, а те немногие, кому удастся выжить, будут поглощены возрастающим влиянием богов варпа. Они становятся все сильнее, Аргел Тал. Тому, кто отказывается им поклоняться, нет места в Галактике.

Аргел Тал не произнес вслух слов, вертевшихся у него на языке, но демон их все же ощутил.

Как ты поступишь, человек? Будешь бороться? Объявишь войну богам? Представь себе: мелкая империя смертных людей берет в осаду небеса и преисподнюю.

Подобно эльдарам... Вы познаете Изначальную Истину или будете ею уничтожены.

— Один последний вопрос, — сказал капитан.

Спрашивай.

--- Ты называешь Императора Анафемой. Почему?

Это дело будущего. Ваша раса будет проклята, поскольку Император лишает человечество неотъемлемого права стать избранными детьми богов. Он ведет войну против божественности, оставляя вас во тьме невежества. Это приведет к вашему полному истреблению. Император виноват не только в том, что он предал богов, он --- проклятие всех живущих людей.

Лоргару это известно. Вот поэтому он и отправил вас в Око. Ваше просвещение станет первым шагом в восхождении человеческой расы.

Аргел Тал долгое мгновение смотрел в глаза демона. В их несовпадающих глубинах он снова увидел распростертого в пыли Лоргара. Он ощутил, как предательский шквал психической энергии Императора сбивает его с ног и повергает в грязь перед Ультрамаринами.

Он ощутил безмятежное спокойствие,

владевшее им в городе Серых Цветов, когда он не сомневался в праведности своего дела и Великого Крестового Похода. Как давно он не испытывал подобной чистоты своей цели.

— Отделение Кван Шила, — произнес Аргел Тал, включив вокс. — Отправляйтесь к генераторной станции поля Геллера на третьей палубе. Отделение Велаша, вы поддержите Кван Шила.

В ответ мгновенно затрещали сигналы подтверждения.

— Какие будут приказания? — спросил сержант Кван Шил. — Я... мы слышали все то же, что и вы.

Капитан сглотнул.

— Уничтожить генератор поля Геллера. Это приказ. Всем Несущим Слово быть наготове.

Через девяносто одну секунду палуба у них под ногами слегка задрожала.

Через девяносто четыре секунды корабль качнуло вправо, яростный натиск шторма сорвал его с орбиты и бросил в

бушующие волны.

Через девяносто семь секунд на всех палубах погас свет, оставив команду и их защитников Астартес в красноватом сумраке аварийного освещения и вое сирен.

Через девяносто девять секунд все вокс-каналы взорвались воплями.

Ингетель развернулся и бросился вперед, выбрав первой жертвой Малнора.

Ксафен мертвым лежал у ног существа.

Его спина сломалась, броня раскололась; в этой смерти не было ничего, что хоть как-то свидетельствовало бы о мирном покое. В метре от вытянутых пальцев капеллана лежал черный стальной крозиус, безмолвный в своем бездействии. Голову по-прежнему закрывал шлем, и последнего выражения лица было не видно, но предсмертный крик капеллана до сих пор эхом звучал в вокс-сети.

В его хриплом вопле слышалось бульканье крови, покидающей разорванные легкие.

Существо с хищной грацией повернуло голову, зловонная слюна, стекая из-под множества зубов, образовала клейкие сталактиты. Обзорную палубу освещали лишь звезды, и мерцание далеких солнц рождало в разных по цвету глазах чудовища серебряные блики. Один глаз — опухший и не прикрытый веком — светился янтарем, второй был черным, как обсидиановый камешек, упавший в глубокую щель.

Теперь ты, сказало существо, не пошевелив челюстями. Эта пасть была не способна воспроизвести человеческую речь. Ты следующий.

С первой попытки у Аргел Тала вместо слов с губ стекла струйка невероятно горячей крови и обожгла ему подбородок. Запах насыщенной химикатами крови Лоргара, которая текла в жилах каждого из его сыновей, оказался сильнее, чем вонь, излучаемая серой мускулистой плотью чудовища. В то короткое мгновение он ощущал не гнилостный смрад существа, а запах собственной смерти.

Это была странная отсрочка.

Капитан поднял свой болтер; его руки дрожали, но не от страха. Это был протест, отказ повиноваться, который он не мог выразить иначе.

Да. Существо качнулось ему навстречу. Нижняя часть его тела представляла собой отвратительное смешение туловища змеи и червя. Подрагивающую массу обвивали толстые вены, а за ней тянулся липкий, словно у слизня, след, от которого воняло разрытой могилой. Да.

— Нет. — Аргел Тал наконец смог выдавить слова сквозь стиснутые зубы. — Не так.

Так. Как и твои братья. Так должно быть.

Болтер громыхнул хриплой очередью, снаряды, врезаясь в стену, взорвались, нарушив тишину в зале. Каждый толчок отдачи оружия в трясущихся руках уводил выстрелы все дальше от цели.

Обжигающая боль в мускулах заставила его разжать пальцы, и болтер с глухим стуком ударился о палубу.

Существо не смеялось, не издевалось над его промахом. Вместо этого оно протянуло к нему четыре руки и осторожно подняло. Черные когти, удерживая Астартес в воздухе, заскрежетали по серому керамиту доспеха.

Приготовься. Это будет небезболезненно.

Аргел Тал безвольно повис в когтях существа. В какой-то миг он потянулся за мечами из красного железа, но тотчас вспомнил, что они сломаны, и осколки клинков остались внизу на мостике.

— Я слышу. — Сжатые челюсти едва пропускали звуки. — Слышу другой голос.

Да. Это один из моих родичей. Он идет за тобой.

— Это... не то, чего... хотел мой примарх...

Это?

Существо подтянуло беспомощного воина ближе и мысленным ударом пронзило его второе сердце. Капитан, ощутив под ребрами бесформенную массу, забился в конвульсиях, но существо с отвратительной

заботой удерживало его на весу.

Это именно то, чего хотел Лоргар. Это истина.

Аргел Тал тщетно пытался вдохнуть воздух и напрягал умирающие мускулы, стараясь дотянуться до отсутствующего оружия.

Последним, что он почувствовал перед смертью, было влажное и холодное вторжение в его разум, словно позади глаз растеклось густое масло.

Последним, что он услышал, был судорожный вдох одного из погибших братьев, раздавшийся на канале вокса.

И последним, что он увидел, стало движение Ксафена, тяжело поднимавшегося с палубы.

Лоргар снова отложил перо. Его глаза зажглись неведомым чувством — что бы это ни было, Аргел Тал ничего похожего не видел.

— Итак, круг замкнулся, — сказал примарх. — Вы умерли и воскресли. Вы обнаружили, что экипаж уничтожен. Вы выбрались из Ока, и на это потребовалось

семь месяцев.

— Ты хотел получить ответы, мой лорд. Мы доставили их тебе.

— Я не мог бы гордиться тобой сильнее, Аргел Тал. Вы спасли человечество от невежества и вымирания. Вы доказали, что Император не прав.

Капитан пристально посмотрел на своего отца:

— Какая часть этой истории была тебе известна, мой лорд?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Ты провел три ночи в кадианских пещерах вместе с Ингетелем. Что рассказало тебе это существо, прежде чем ты отправил нас в Око?

Лоргар выдохнул, то ли усмехаясь, то ли вздыхая.

— Сын мой, я не знал, что с вами произойдет. Прошу тебя, поверь мне.

Аргел Тал кивнул. Это уже неплохо.

Он попытался заговорить, но слова застряли в горле. А может, это генетическая лояльность всех Астартес к своим примархам, только усиленная для воинов Семнадцатого легиона? Сможет ли

он когда-нибудь распознать обман в глазах своего отца, если Уризен солжет ему в лицо?

Целые миры уступали ораторскому искусству Лоргара и сдавались, не сделав ни единого выстрела. В глазах его сыновей он воплощал убедительное и проникновенное обаяние — столь блистательное у Императора, — что казался неизмеримо выше таких примитивных и грубых понятий, как ложь.

Но слова Ингетеля все-таки разбудили в его душе сомнения.

— Я верю тебе, отец, — произнес Аргел Тал, надеясь, но не зная наверняка, правдивы ли эти слова.

— Нам необходимо замести следы. — Лоргар медленно покачал головой. — Жизни кадианцев — это улика, которую не должен увидеть Император. От своих сторожевых псов, приставленных к нашему легиону, отец узнает, что мы наблюдали ритуалы кадианцев и забрались в Око. В глазах Императора мы должны остаться чистыми. Шторм не открыл нам никаких тайн. Кадианцы... Что ж, они были

уничтожены по причине зараженности варпом.

Аргел Тал проглотил едкую слюну.

— Ты истребишь все племена?

— Надо замести следы. — Лоргар вздохнул. — Геноцид никогда не доставлял мне удовольствия, сын мой. По флотилии будут распущены слухи о беспорядках, и мы применим тектоническое оружие на месте приземления, чтобы уничтожить племена, живущие на равнине.

Аргел Тал ничего не сказал. Ему нечего было сказать.

— Ты переродился. — Лоргар свел перед собой ладони. — Боги преобразили тебя, одарив величайшим благословением.

«Это можно рассматривать и таким образом», — подумал Аргел Тал.

— Я одержимый. — Слово не совсем точно передавало суть совершенного насилия, но любое другое объяснение было бы слишком грубым. — Мы все одержимы. И это свидетельство правдивости рассказа Ингетеля о богах.

— Мне больше не требуется никаких свидетельств. Все наконец встало на свои

места. Теперь, после двух столетий борьбы и поисков, я знаю, в чем состоит моя роль в Галактике. И мы будем считать ваш... союз... некоторым воплощением, знаком отличия в глазах богов. Но не жертвой. Ты был избран, Аргел Тал. Так же, как и я.

И все же его голос звучал не так убедительно. В заявлении Лоргара проскальзывали сомнения.

Аргел Тал, казалось, глубоко задумался, глядя, как двигаются кости в открывающейся и закрывающейся ладони.

— Ингетель всех нас предупредил: это только начало. Мы изменимся, когда одержимость укоренится, но не раньше назначенного времени. О нем здесь в шторме возвестят крики богов, и как только мы услышим их призыв, начнется наша... «эволюция».

— В какой форме проявятся изменения?

Лоргар опять стал записывать каждое слово своим быстрым красивым почерком. Он никогда не возвращался назад, чтобы исправить ошибки, поскольку

никогда не допускал их.

— Демон ничего об этом не сказал, — признался Аргел Тал. — Он сказал лишь о том, что эта эпоха закончится еще до завершения следующего столетия. И тогда Галактика займется пламенем и боги закричат. До тех пор мы будем носить в себе вторую душу, позволяя ей созревать.

Некоторое время Лоргар молчал. Наконец он отложил перо и улыбнулся своему сыну — ободряющей и доброжелательной улыбкой.

— Ты должен научиться скрывать это от Кустодес. И до призыва богов скрывать это от всех за пределами легиона.

Глава 19
ИСПОВЕДЬ ВОЗРОЖДЕНИЕ ГАЛ ВОРБАК

Еще до того, как открылась дверь, Блаженная Леди уже знала, кто пришел.

Она удобно уселась на краю кровати и сложила руки на коленях, прикрытых пышным серо-кремовым одеянием жрицы. Невидящие глаза обратились к вошедшему и следовали за шорохом босых ног по полу. Вместо гудения активного доспеха она услышала шелест одежды, и эта новая деталь вызвала на ее губах улыбку.

— Здравствуй, капитан, — сказала она.

— Исповедник, — ответил он.

Ей потребовалось немалое самообладание, чтобы скрыть свое потрясение. За месяцы лишений его голос изменился и звучал суше. И было что-то еще... несмотря на слабость, он стал более звучным.

Конечно, до нее дошли кое-какие разговоры. Если верить слухам, им пришлось убивать друг друга и пить кровь своих братьев.

— Я ожидала встретить тебя раньше.

— Извини за задержку. С самого возвращения я все время провел с примархом.

— У тебя усталый голос.

— Слабость пройдет.

Аргел Тал уселся на пол, заняв свое привычное место. Последний раз он сидел так три ночи назад, хотя для Несущего Слово прошел почти целый год.

— Я скучал по тебе, — признался он. — Но я рад, что тебя с нами не было.

Кирена не знала, с чего начать.

— Я кое-что... слышала, — заговорила она.

Аргел Тал улыбнулся:

— Скорее всего, это правда.

— Человеческий экипаж?

— Погиб, до последнего человека. Вот поэтому я и рад, что тебя не было с нами на борту.

— Насколько мне известно, вы тоже пострадали?

Несущий Слово усмехнулся:

— Это зависит от того, что именно тебе сказали.

Его стоицизм, как всегда, привел ее в восхищение. Уголки губ дрогнули, предвещая еще одну улыбку.

— Подойди ближе. И встань на колени, чтобы я смогла тебя осмотреть.

Он повиновался, подставил ей лицо и бережно держал ее запястья, направляя руки, пока она кончиками пальцев прикасалась к его коже, обводя исхудавшее лицо.

— Я всегда гадала, красив ли ты. Так трудно определить, полагаясь лишь на прикосновения.

Эта мысль еще ни разу не приходила ему в голову. Полученное воспитание не касалось подобных вещей. Он сообщил об этом Кирене и настешливо добавил:

— Красив я или нет, но прежде я выглядел немного лучше.

Кирена опустила руки.

— Ты очень похудел, — заметила она.

— И кожа слишком горячая.

— Питание было слишком скудным. Как я говорил, слухи правдивы.

Они оба замолчали, но тишина показалась Кирене неловкой и тревожной. Никогда раньше им не приходилось подбирать слова. Кирена стала теребить локон волос, заботливо причесанных ее служанкой всего полчаса назад.

— Я пришел для исповеди, — наконец нарушил он молчание.

Но эти слова не успокоили ее, а только заставили сердце забиться чаще. Она сомневалась, хочет ли слушать рассказ о бесчинствах на борту «Песни Орфея».

Но, кроме всего прочего, Кирена хранила верность своему легиону. Ее роль нравилась ей, и она с честью исполняла свой долг.

— Говори, воин. — В ее голосе появились дружески-формальные нотки. — Поведай о своих грехах.

Она ожидала рассказа об убийстве братьев и о том, как ради выживания он пил их кровь. Она приготовилась

услышать об ужасах варп-шторма — шторма, которого никогда не видела своими глазами и о котором имела лишь слабое представление по немногословным рассказам других членов экипажа.

Капитан заговорил медленно и отчетливо:

— Я потратил десятки лет своей жизни на войну во имя лжи. Я приводил миры к Согласию с построенным на обмане обществом. Мне необходимо прощение. Моему легиону необходимо прощение.

— Я не понимаю.

Он начал описывать Кирене последний год своей жизни, как описывал его отцу. Она прерывала его гораздо реже и, когда повествование закончилось, обратилась не к ужасным последствиям, а к тому эпизоду, где голос Аргел Тала дрожал сильнее всего.

— Ты убил Вендату, — спокойно сказала она, стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучало обвинения. — Ты убил своего друга.

Аргел Тал взглянул в ее слепые глаза. После возвращения из глубин шторма он

стал смотреть на живых существ со странным наслаждением. Он всегда мог улавливать плавный ритм ее сердца, но теперь этот звук сопровождался дразнящим ощущением ее крови, текущей по венам. Этот вкус, и это тепло, и сама ее жизнь едва прикрыты легко уязвимой кожей. Смотреть на нее и знать, как легко ее убить, стало для него неведомым ранее запретным наслаждением.

И так легко все это представить. Сердце замедлит свой ритм. Глаза потускнеют. Дыхание станет прерывистым, губы задрожат.

А потом...

Потом ее душа упадет в варп и будет кричать в бушующих волнах бездны, пока ее не поглотят нерожденные.

Аргел Тал отвернулся.

— Прости, исповедник, я немного отвлекся. Что ты сказала?

— Я сказала, что ты убил друга.

Кирена дотронулась до простенькой серебряной сережки. Аргел Тал догадывался, что это подарок ее любовника — майора Аррика Джесметина.

Несущий Слово ответил не сразу:

— Я пришел просить прощения не за это.

— Я не уверена, что ты мог бы его получить.

Капитан снова поднялся на ноги:

— Я совершил ошибку, поспешив прийти к тебе. Я боялся непонимания между нами.

— Боялся? — Кирена подняла голову и улыбнулась. — Аргел Тал, я никогда раньше не слышала от тебя этих слов. Я думала, страх неведом Астартес.

— Ладно. Это не страх. — В устах любого другого существа эти слова прозвучали бы с запальчивым раздражением, но ничего подобного в голосе Аргел Тала Кирена не заметила. — Я видел больше, чем любой житель Империума. Возможно, я теперь лучше представляю смертность — в конце концов, я видел, куда отправляются наши души после смерти.

— Ты все еще согласен пожертвовать жизнью ради Империума?

На этот раз он ответил без

колебаний:

— Я готов пожертвовать жизнью ради человечества. Но никогда не соглашусь отдать свою жизнь ради сохранения Империума. День за днем мы все больше удалялись от империи лжи моего деда. Грядет возмездие за всю ту ложь, которой он ослепил целую расу.

— Приятно слышать, как ты говоришь об этом, — заметила она.

— Почему? Тебе доставляет удовольствие выслушивать, как я поношу власть Императора?

— Нет. Ничего подобного. Но ты снова испытываешь твердую уверенность. Я рада, что ты выбрался из этого... места.

Кирена протянула ему руку, как это делали жрицы Завета, предлагая поцеловать свой перстень с печаткой. Для них обоих это был старый ритуал; поскольку кольца не было, горячие, потрескавшиеся губы Аргел Тала на мгновение прикоснулись к коже на костяшках ее пальцев.

— Все это приведет к войне, — сказала Кирена. — Верно?

— Примарх надеется, что этого удастся избежать. У человечества нет выбора, и он должен быть сделан теми, кто ищет ответы.

— Такими, как ты?

Он снова усмехнулся:

— Нет. Моим отцом и теми его братьями, кому он может доверять. Кого-то можно будет привлечь при помощи обмана, если у них не хватит ума перейти в новую веру. Но наш легион насчитывает множество воинов, наши завоевания обширны, а станут еще больше. Многие пограничные миры Империума скорее откликнутся на призыв воинов Аврелиана, а не Императора.

— Ты... Вы уже все спланировали?

— Войны может и не быть, — сказал он. — Примарх сам отправляется в Великое Око, чтобы лично получить откровения. Очевидно, жизни членов братства Зубчатого Солнца были растрачены и исковерканы ради прелюдии к истине.

Кирена заметила неловкость в его голосе, которую он и не пытался скрывать.

— Ты думаешь, что примарх послал вас первыми из... чувства страха?

Аргел Тал ничего на это не ответил.

— Капитан, прежде чем ты уйдешь, ответь мне еще на один вопрос.

— Спрашивай.

— Почему ты поверил во все это? Миры и преисподняя. Души. Медленное вымирание человечества и эти... чудовища... которые называют себя демонами. Что убедило тебя в том, что это не какой-то трюк ксеносов?

— Эти существа не отличаются от божеств бесчисленных религий, которые возникали и исчезали на протяжении тысячелетий. И в любой цивилизации лишь некоторые боги были великодушными творцами.

— А что, если нам опять солгали?

Было бы так легко ответить, что вера черпает поддержку в самой себе и что человечество всегда было склонно к религии, что почти во всех заново открытых человеческих цивилизациях существовала собственная вера в бесконечное и божественное и что здесь

было царство пророчеств — где существа, обладающие могуществом богов, доказали, что именно они призвали повелителя Семнадцатого легиона, выполняя предначертания судьбы.

Неважно, были ли они великодушными творцами или же просто воплощением страхов и надежд смертных. Здесь, в галактике потерянных душ, существовала божественная сила. На краю материальной Вселенной боги и смертные наконец-то встретились, и без своих повелителей человечество обречено на гибель.

Но ничего подобного Аргел Тал не сказал. Он устал от бесконечных объяснений.

— Я помню твои слова, произнесенные после уничтожения Монархии императорским огнем. Ты говорила, что в тот день, увидев вырвавшуюся мощь, ты по-настоящему поверила в реальность богов. Я почувствовал то же самое, когда наблюдал за силами, бушующими в шторме. Ты понимаешь меня, Кирена?

— Понимаю.

— Я так и думал, что ты поймешь.

С этими словами он покинул ее комнату.

Аквилон отыскал его в тренировочной камере.

Оба воина заметили друг друга задолго до того, как начали разговор. Аквилон хранил молчание, тактично ожидая, пока Аргел Тал не закончит комплекс упражнений, а Несущий Слово приветствовал кустодия небрежным кивком и, не говоря ни слова, продолжал работать с мечом. Сохранять равновесие при его ослабленном состоянии оказалось мучительно трудно. Неактивированные тренировочные клинки — бледное подобие утраченных мечей из красного железа — рассекали воздух незамысловатыми ударами, а он запыхался от усталости, и оба сердца отчаянно стучали, пытаясь обеспечить выполнение требований, предъявляемых им к истощенному телу.

Наконец Аргел Тал опустил оружие. Мускулы заболели всего лишь после двух часов тренировки. До его путешествия в Око столь непростительная слабость

стоила бы ему девяноста девяти ночей искупительных ритуалов.

— Аквилон, — окликнул он друга.

— Ты похож на мертвеца, который забыл лечь в могилу.

Несущий Слово фыркнул.

— И чувствую себя точно так же.

— Досадно. В прошлый раз, когда мы вместе зашли в эту камеру, ты продержался против меня почти четыре минуты.

— Как я вижу, ты не склонен к милосердию. — В лучшие времена Аргел Тал спокойно отнесся бы к этой шутке. — Ты пришел поговорить о Вене?

Аквилон открыл силовую камеру и взял такой же тренировочный меч, как тот, что до сих пор был в руках Аргел Тала. Полусферы тренировочной камеры вокруг них сомкнулись. Оба воина были в простой одежде: один в белом одеянии дворцовых слуг Терры, другой — в сером, принятом в Семнадцатом легионе.

— Я хотел услышать все от тебя лично.

Аквилон обеими руками поднял

клинок, как будто держал свое излюбленное оружие. Его воины пользовались традиционными алебардами, но Аквилон, в отличие от них, предпочитал древний двуручный биденхандер.[2] Он держал учебное оружие точно так же, как свой собственный меч, — уверенно и без усилий.

Аргел Тал поднял свои мечи и скрестил их в оборонительной позиции. Он поморщился, чувствуя, как молочная кислота жжет мускулы. Оба воина в прошлом старались использовать свои сильные стороны: Аквилон яростно атаковал; Аргел Тал превосходно оборонялся.

— Ну как? Ты расскажешь мне, что произошло?

Аквилон действительно был не склонен проявлять милосердие. Не давая Несущему Слово даже шанса ответить, он выбил оба меча из рук Аргел Тала, и капитан оказался на полу, дыша в клинок кустодия. Острие царапнуло грязную кожу на горле, и Аквилон покачал головой.

— Печально. — Он протянул руку, предлагая помощь капитану. — Попробуй еще раз.

Аргел Тал поднялся, не воспользовавшись его поддержкой, и поднял мечи.

— Мне не нравится жалость в твоем голосе.

— Тогда сделай что-нибудь, чтобы от нее избавиться. Или хотя бы ответь на мой вопрос.

Следующий раунд длился несколько секунд, но закончился с тем же результатом. Несущий Слово отвел меч кустодия от своей шеи.

— Разве ты не читал рапорты? — спросил он, снова отказываясь от дружеской руки и поднимаясь самостоятельно.

— Читал. Они очень расплывчато написаны, и это еще мягко сказано.

Аргел Тал тоже читал их. Поверхность Кадии... Путешествие в Око... Донесения о каждом произошедшем событии были неопределенными и уклончивыми выдумками и едва не

вызывали у него смех.

— Очень расплывчато, — признал он, снова поднимая свои мечи. — Но они верны. Я все тебе разъясню, если сумею.

На этот раз атаковал Аргел Тал. Аквилон обезоружил его двумя взмахами своего оружия и ударом ноги в солнечное сплетение в очередной раз отправил Несущего Слово на пол.

— Начни с Вендаты. Он говорил мне, что Лоргар собирается посетить языческий ритуал и что с ним будет несколько офицеров.

— Это верно.

— Между прочим, ты все еще блокируешь ложный выпад.

— Я знаю.

— Хорошо. А теперь говори.

Что-то зажглось в его крови. Что-то активное, не желающее подчиняться. Аргел Талу внезапно очень захотелось проклясть кустодия на наречии, которое было и не было колхидским.

— Это... не совсем тот ритуал, который мы ожидали. — Продолжая говорить, он поднялся на ноги. — Нудные

чтения древних текстов. Молитвы духам предков. Танцы, барабаны и растительные наркотики.

Аргел Тал подхватил мечи и снова бросился в атаку. Раздался непродолжительный лязг металла, и он снова оказался на полу, в опасной близости от гудящих прутьев силовой камеры.

— И на основании этого Лоргар послал вас в шторм? После... театрального представления древней лжи?

На этот раз Аквилон не предложил Аргел Талу руку помощи, нахмурившись от возникших сомнений.

— Не будь глупцом. — Несущий Слово повел плечами и поморщился, услышав хруст поврежденных позвонков. — Он не посылал нас в шторм. Я вызвался сам. Исследовательских кораблей Механикум у нас во флотилии нет, и потому мы воспользовались самым маленьким боевым кораблем.

Два воина кружили по клетке, и между клинками сохранялось расстояние около метра.

— Ты сам вызвался?

— Это была последняя попытка извлечь из путешествия хоть какую-то пользу. Последняя операция за пределами границ Империума. А потом мы развернемся и отправимся в новый сектор космоса. Аквилон... здесь нет ничего особенного. Неужели ты считаешь, что мы снова хотели бы признаться в постыдной неудаче? Многим флотилиям требуются месяцы, а то и годы, чтобы отыскать мир, достойный завоевания, — но это флот нашего примарха, пусть даже на время. Отчаяние толкнуло нас на последнюю попытку. Не стоит обвинять нас в ревностном выполнении принесенных клятв.

Кустодий атаковал, его меч выбил из руки Аргел Тала один клинок, а удар кулака отбросил в сторону второй.

Несущий Слово улыбнулся, несмотря на то что его лицо уже заливал пот, и пошел подбирать свое оружие.

— А Вендата? — спросил Аквилон.

Улыбка Аргел Тала померкла и исчезла с лица.

— Вен погиб вместе с моими

братьями. Первым пал Деймос, потом Рикус и Царь Кворел. Вен умер последним. — Несущий Слово посмотрел в глаза кустодия, демонстрируя свою искренность. — Он был моим другом, Аквилон. Я скорблю по нему, как и ты.

— А... что же это за мятеж на планете, который стал причиной гибели трех Астартес и одного кустодия?

— Когда примарх отверг варваров и отказал им в присоединении к Империуму, они пришли в ярость и начались беспорядки. Что нам оставалось делать? Их ритуалы слишком далеки от Имперского Кредо. Они никогда не примут власть Императора.

— Вторжение?

— Это малонаселенная планета, и большая часть ее территории — настоящий рай, несмотря на близость к адскому шторму. Циклонические торпеды уничтожат племена, и планета останется свободной для последующей колонизации, если того пожелает Император.

Аквилон выдохнул долго

сдерживаемый воздух. В наружности этого воина, несмотря на его неподвластное годам регенеративное бессмертие, осталось нечто юношеское.

— Я поддерживаю решение Лоргара отвергнуть дикарей этого мира. Три года я наблюдал за безукоризненными действиями по приведению к Согласию, и эта операция не вызывает у меня нареканий. Просто тяжело поверить, что Вен мертв. За сотню лет безупречной службы Императору он удостоился двадцати семи имен. Один и тот же мастер учил нас держать в руках меч. Атона очень опечалит известие о его судьбе.

— Он погиб на службе Императору, защищая примарха в мятеже языческого мира. Ты можешь не испытывать уважения к моему повелителю, но он все же сын Императора. Если бы мне представилась возможность выбрать смерть, я бы выбрал битву рядом с Лоргаром.

Аквилон отсалютовал мечом и заговорил с изысканной официальностью:

— Благодарю тебя за откровенность, Аргел Тал. Наше присутствие нежелательно твоему легиону, но Кустодес всегда ценили твою дружбу.

Несущий Слово ничего не ответил. Его следующая атака была отбита в одно мгновение.

Аквилон снова протянул ему руку, и на этот раз Аргел Тал принял помощь.

— Что теперь будет с Зубчатым Солнцем? — спросил кустодий.

— Нам здесь больше нечего делать. После завершения зачистки Кадии мы вернемся в более многообещающую часть космоса и продолжим поход в составе Тысяча триста первой флотилии. Я уверен, что примарх возвратится в основную флотилию, к Эребу и Кор Фаэрону. С этими провинциальными завоеваниями будет покончено. Мне кажется, Лоргар хотел бы поговорить с некоторыми из своих братьев.

Аквилон кивнул и вернул свой меч на оружейную стойку. На его белом одеянии по-прежнему не было ни единого пятнышка, тогда как одежда Аргел Тала протокла

от пота на спине и вокруг ворота.

Кустодий отдал честь, сотворив знамение аквилы, и Аргел Тал повторил жест, как всегда поступал в присутствии друга.

— И еще одно, — заговорил кустодий.

Несущий Слово приподнял бровь:

— Говори.

— Прими мои поздравления, магистр ордена.

Аргел Тал не смог удержать улыбку:

— Я и не знал, что эта новость уже всем известна. Ты будешь на церемонии?

— Несомненно. — В редкий момент дружеского расположения кустодий положил руку на плечо Астартес. — Желаю тебе поскорее вернуть здоровье. И я рад, что рядом с Веном в его последние мгновения был друг.

В голове Аргел Тала пронеслись воспоминания о последних мгновениях жизни Вендаты: обнаженного, захлебывающегося кровью кустодия тащат по земле, а потом насаживают на деревянное копье.

Не в силах сочинять еще одну ложь,

Несущий Слово только молча кивнул.

На церемонии присутствовали все старшие офицеры, а также уцелевшие воины братства Зубчатого Солнца, включая группу облаченных в рясы аколитов ауксилиарии, — многим из них после понесенных легионом потерь предстояло войти в состав трех пострадавших рот.

Для столь многочисленного собрания потребовалась основная ангарная палуба «Де Профундис», а это, в свою очередь, означало наличие ошеломляющего и тревожащего фона, едва скрытого мерцающим силовым полем. Сквозь тонкую пелену энергетического барьера шторм представлялся бесконечным водоворотом психических течений. Воины стройными рядами встали лицом к Лоргару, а корабль вокруг них поскрипывал и стонал от ударов волн.

Стоявшая рядом с примархом Блаженная Леди держала на простой белой подушке свернутый в свиток пергамент. Она невидящим взглядом

обводила ряды Несущих Слово и время от времени поворачивала голову к примарху, словно могла его видеть. Слева от Лоргара горделиво выпрямился командующий флотилией Балок Торв в парадной бело-серой форме и меховом плаще, бывшем когда-то шкурой одного из огромных арктических зверей, которых этот офицер и в глаза не видел, не то чтобы застрелить лично. Никто из присутствующих не мог вспомнить, когда Торв в последний раз ступал на поверхность планеты: этот человек очень дорожил своим местом среди звезд.

Не меньше трети воинов легиона составляли истощенные призраки в наполовину отремонтированной броне. Это были те, кто выжил во время путешествия в Око, и они стояли впереди остальной сотни своих братьев.

Контингент Механикум тоже присутствовал в полном составе, хотя из боевых роботов в наличии был только один. Неудивительно, что им стал Инкарнадин, принятый в ряды Несущих Слово. Боевая машина в алой броне,

украшенной почетными свитками, возвышалась над своими живыми собратьями. Несмотря на красный цвет Карфагена, Инкарнадина с радостью приветствовали серые ряды легиона.

Отдельно от остальных собравшихся с высокой платформы за церемонией наблюдали четыре золотых воина. Аквилон и его братья великолепно выглядели в своих доспехах, и золотая броня отбрасывала многочисленные блики, отражая бушующий снаружи шторм.

Примарх, облаченный в тонкую серебряную кольчужную рубашку, поднял руки, призывая к тишине. Все перешептывания мгновенно стихли.

— Я увел эту экспедиционную флотилию далеко от сердца империи моего отца. И точно так же поступила каждая флотилия, где присутствуют Несущие Слово: они удалились от возлюбленной Терры в холодную бездну, вдаль от колыбели нашей расы. Мы находимся далеко от своих братьев и в свое время услышим рассказы об их странствиях и завоеваниях. Но я с полной

уверенностью могу сказать, что никому из моего легиона не довелось пережить того, что выпало на вашу долю. Никому не приходилось смотреть в безумный шторм на краю Вселенной, как смотрели вы. И вы остались в живых. Вы вернулись.

Прежде чем продолжить, Лоргар склонил голову к своим воинам.

— Этот легион в большей степени, чем все остальные, с самого момента своего основания подвергался изменениям и преобразованиям. Но каждая ступень возвышает нас, делает нас лучше и приближает к достижению нашего предназначения. Император создал этот легион в генетических казармах далекой Терры, и долгие годы его ряды пополнялись только терранцами. В ту невинную эпоху легион носил другое имя, и сегодня мы начинаем избавляться от пережитков далекого прошлого. Имперские Герольды стали Несущими Слово, и Несущим Слово указали на ошибочность преклонения перед Императором. Одно изменение следовало за другим, и все они привели нас к этому моменту.

Примарх поднял закрытую перчаткой руку по направлению к двери в ближайшей стене и произнес одно-единственное слово:

— Войдите.

Дверь отошла в сторону, открыв две фигуры — обе облаченные в алый керамит. Два воина направились к примарху. Шлем одного из них был черным, с хрустально-синими линзами. Вокруг правой линзы сиял символ Зубчатого Солнца, силовая броня поблескивала серебряной отделкой. Второй воин нес знакомый всем крозиус из черного железа, а отделка его доспехов была выполнена из бронзы и кости. При каждом шаге на поясах и запястьях воинов звенели массивные декоративные цепи, на голенях и наплечниках колыхались молитвенные свитки, написанные плавным почерком самого примарха.

— Воины Зубчатого Солнца. — Примарх улыбнулся. — Преклоните колени перед вашими новыми лидерами.

Все Несущие Слово опустились на колени. Инкарнадину, чтобы при помощи заскрежетавшей гидравлики выполнить этот приказ, потребовалось несколько

секунд.

Первый воин в алой броне снял свой шлем. Аргел Тал окинул взглядом собравшийся легион и обратился к братьям:

— Те, кто выжил на «Песни Орфея», поднимитесь и сделайте шаг вперед.

Они выполнили приказ. Стоявший позади Аргел Тала Ксафен снял свой шлем в виде черепа, но остался рядом с примархом.

Новый магистр ордена все еще оставался худым и изможденным, как и те воины, на кого он устремил спокойный взгляд.

— Наш повелитель приказал восстановить Зубчатое Солнце и увеличить его мощь. Мы повинуемся его приказу, как повиновались всегда. Но он предложил не только это. Вы, кому удалось остаться в живых на «Песни Орфея», за ваши жертвы удостоены награды.

Аргел Тал кивнул Ксафену, и тот, взяв у Кирены свиток, протянул его магистру ордена.

— На этом пергаменте записаны всего два имени. Мое собственное и капеллана Ксафена. Если вы принимаете почетное предложение присоединиться к избранной элите примарха, преклоните колени перед Блаженной Леди в этом самом ангаре и назовите ей свое имя. Оно будет записано на пергаменте, и свиток сохранится в архиве «Де Профундис».

Аргел Тал поочередно заглянул в глаза каждому из выживших.

— Мы будем называться Гал Ворбак, носить красно-черную броню и станем элитой Зубчатого Солнца и избранными воинами Лоргара Аврелиана.

Лоргар удовлетворенно и весело усмехнулся, шагнул вперед и положил руку на наплечник Аргел Тала.

Наверху, на платформе, Калхин позволил себе подмигнуть Аквилону. Несмотря на то что он был в шлеме и никто не смог бы подслушать их разговор по внутреннему вокс-каналу, кустодий понизил голос.

— Гал Ворбак. Я не так хорошо

знаком с их культурой, как ты. Это колхидский?

Аквилон кивнул:

— В переводе с колхидского это означает «Благословенные сыны».

— Я рад за Аргел Тала. Он быстро поправляется, и после этого безумия неплохо будет вернуться на более благоприятные территории. А Деймос всегда вредничал, и я не собираюсь проливать слезы по поводу окончания его командования.

Его заявление вызвало одобрительное ворчание остальных.

— А мы будем сопровождать Лоргара, когда он вернется в Сорок седьмую флотилию?

Аквилон и сам над этим задумался.

— Нам приказано вести наблюдение за легионом. Четыре группы Кустодес направлены в четыре флотилии. Як уже работает в Сорок седьмой, и я доверяю ему, как любому из вас. Пусть он на некоторое время станет сторожевым псом при этом слабовольном примархе. Наш долг продолжать службу в Тысяча триста

первой и следить за будущими приведениями к Согласию.

Калхин протяжно вздохнул:

— Дорого бы я заплатил, чтобы еще раз увидеть небеса Терры.

— Еще увидишь, — заверил его Аквилон.

— Через сорок семь лет, — с усмешкой добавил другой кустодий. — Вспомни условия нашей клятвы. Пять десятилетий среди звезд. Пять десятков долгих и скучных лет вдали от Терры.

— Это ничем не хуже, чем бесконечные кровавые игры, — пожал плечами Ниралл.

— Ты так говоришь, — заметил Калхин, — потому что не силен в них.

Аквилон заметил напряженность в голосах братьев.

— Несущие Слово не навечно останутся под подозрением. Видели ли вы за три прошедших года, чтобы они преклонялись перед Императором? И сейчас только взгляните: их обряды все больше напоминают ритуалы других легионов. Это похоже на то, как

Сигизмунд посвящает в рыцари своих храмовников на собрании Имперских Кулаков.

Калхин пожал плечами:

— Возможно, они далеко ушли от тех фанатиков, к которым мы присоединились, но их боевые кличи по-прежнему попахивают безумием. Я все еще не доверяю им.

«Оккули Император» не сводил глаз с фигуры воина в красном, говорившего с новыми воинами, преклонившими колени перед слепой девушкой из мертвого мира.

— Да, — сказал он. — Я тоже им не доверяю.

— Даже Аргел Талу?

— Один воин на целый легион. — Аквилон, отвернувшись от поручней, встал лицом к своим Кустодес. — Он единственный, кому я верю. В этом-то и проблема.

V. Пыль в глаза

Разумеется, это была ложь.

Благословенный Лоргар не сразу вернулся на территорию Империума. Для того чтобы доставить примарха обратно к главной флотилии, был выбран один из кораблей-разведчиков, и на каждой палубе «De Профундис» в честь отбывающего Уризена прошли торжественные мероприятия.

И все это было ложью.

Я присутствовала при прощании примарха с его сыновьями, Аргел Талом и Ксафеном, и вместе с новыми лидерами Гал Ворбак отправилась в более безопасные просторы.

Тем временем Лоргар странствовал той дорогой, что Ингетель избрал для своих детей.

Лоргар постарался ввести в заблуждение Кустодес, а сам направился в Око.

Его последние слова, обращенные к Аргел Талу, никогда не изгладятся из моей памяти — не только из-за событий, которые они за собой повлекли, но из-за того, что они сделали с моим другом, из-

за того, как они его изменили.

— Донеси истину до Кор Фаэрона и Эреба. Они будут править легионом в мое отсутствие, и им предстоит распространять истинную веру во тьме империи моего отца. Я скоро вернусь к ним.

Ксафен поклялся, что не подведет своего примарха.

Аргел Тал этого не сделал. Он заговорил таким мягким голосом, что от него разрывалось сердце:

— Мы еретики, отец.

Лоргар мелодично рассмеялся:

— Нет, мы спасители. Все ли готово?

— Да.

— Странствуйте без меня повсюду, только держите Кустодес подальше от имперских ушей. Стоит вам вернуться в стабильный космос, как они восстановят астропатические контакты с Террой. Если мой отец узнает, что мы так близко подобрались к краю Галактики, он может заподозрить нас в том, что мы отыскали правду, и одного лишь подозрения будет достаточно, чтобы погубить легион. Я не

могу оставаться здесь и блокировать голос их излюбленного астропата. Найди выход, Ксафен. Загляни в обнаруженные на Кадии тексты. Описанные в них ритуалы должны содержать ответ.

— Как прикажешь, мой лорд.

— Аргел Тал, сторожевые псы должны остаться в живых. Они могут стать шансом выиграть эту войну без кровопролития. Но заставь их молчать.

Отдав этот первый из тысячи предательских приказов, примарх перешел на свой корабль и покинул нас.

Его видения в Оке стали предметом нескончаемых рассуждений. Многие недели после его отбытия ко мне приходили Несущие Слово, изнуренные сновидениями, которые не желали рассеиваться даже после пробуждения страдальцев. Кровная связь между Аврелианом и его сыновьями, несомненно, была очень сильной, и то, что представало перед взором Лоргара, пугающими отголосками являлось в снах его детям.

Ксафен пересказывал мне почти все свои сны, тогда как Аргел Тал хранил

молчание. Капеллан говорил с лихорадочной поспешностью, словно обычный шепот мог проникнуть сквозь стены моей скромной комнаты и достичь ушей примарха на другом конце Галактики.

Он рассказывал, что видел Лоргара идущим по поверхности миров, где океаны бурлят кипящей кровью, а над изумительными городами из лязгающей черной стали нависло темное небо. Говорил и о целом легионе, закованном в алую броню Гал Ворбак и ведущем сражение перед вратами золотого дворца.

Но наиболее красноречиво он описывал, как мир за миром гибнет от оскверняющего прикосновения когтей чужаков. Он клялся, что это падение Империума — безбожной империи, которую захлестывают волны нечеловеческих захватчиков. Только вера спасет человечество от пророчеств судьбы. Только поклонение Великим Силам, обитающим в варпе.

Возможно, это были уроки, преподаваемые Лоргару, пока его сыны

возвращались, чтобы распространить вести по остальным флотилиям.

Кадию объяло пламя, как мы все и предполагали. Племена были истреблены по личному приказу Аргел Тала, и мир погрузился в молчание, готовый к приему будущих колонистов. Новый магистр никогда не просил у меня за это прощения, как не просил утешения после убийства Вендаты.

Я люблю его больше всех остальных, но не только за спасение своей жизни. Еще и за то, что, оскверняя душу такой чернотой, он тщательно скрывает свой стыд и чувство вины. Тайны и грехи, которые могли спасти или погубить нашу расу, не смогли его сломить.

Мне кажется, что единственной ошибкой, которую он совершил, было сближение с командиром Кустодес, Аквилоном.

Но и это покаяние было в духе Аргел Тала. Он стал братом тому человеку, которого, как он знал наверняка, ему рано или поздно придется предать.

Отрывки из «Паломничества» Кирены Валантион

Часть третья
АЛЫЙ
Сорок лет спустя

Глава 20
ТРИ ТАЛАНТА
НОВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
АЛЫЙ ПОВЕЛИТЕЛЬ

Исхак Кадин невероятно гордился собой, поскольку три вещи в жизни умел делать так, как никто другой. Эти три таланта принесли ему достаточно денег, чтобы сводить концы с концами, но, кроме того, они помогли ему выбраться из бездны нищеты, поглотившей его родителей, а выйти из трущоб для большинства уличных мальчишек и попрошаек было весьма нелегким делом.

Три таланта. Это все, что ему понадобилось.

И все они не требовали особых усилий. Если бы ему пришлось их совершенствовать, это, возможно, была бы совсем другая история. Исхак Кадин был одним из тех счастливых от природы

людей, кто всю жизнь живет лишь настоящим моментом. Он никогда не задумывался о старости, никогда не прилагал усилий, чтобы скопить денег, и никогда особенно не переживал, что скажет по поводу его занятий патруль силовиков на ближайшем перекрестке.

Три таланта вели его по жизни, втягивали в неприятности и помогали из них выбраться.

Первым был талант к бегу, который он оттачивал, применяя в известных своей криминогенностью нижних уровнях основного города-улья Судасии.

Вторым была его улыбка, в которой превосходно сочетались порочное обаяние, вкрадчивость и интимность. Эта способность улыбаться нередко помогала ему получать работу, спасла от вполне заслуженной смертной казни, а однажды даже обеспечила шанс добраться до черного кружевного белья младшей кузины графини — в ночь праздника по поводу ее совершеннолетия.

Третьим талантом, который, в первую очередь, привел к нынешнему

положению, было умение сделать блестящий пикт, когда он этого хотел.

Дня не проходило, чтобы Исхак не вспоминал тот разговор, в результате которого он оказался здесь, на окраине космоса. Он сидел в скромном офисе и рассеянно вычищал грязь из-под ногтей, а одетый в рясу иерарх ордена летописцев нудно жужжал о «благородных целях» и «безотлагательной необходимости» создать записи о настоящем, чтобы будущие поколения могли их досконально изучать.

— Это величайшая честь, — настойчиво подчеркивал суровый господин.

— Да, я понимаю. — Ногти стали чистыми, и Исхак принялся их грызть. — Величайшая.

Старика, очевидно, не совсем удовлетворил его ответ. Исхак решил, что он похож на стервятника, сердитого на потенциальную пищу за то, что она еще жива.

— Уже отправлены тысячи архивистов, скульпторов, художников, пиктографов, поэтов и драматургов.

Десятки тысяч забракованы из-за недостатка педантичности и таланта, необходимого летописцам Великого Крестового Похода.

Исхак уклончиво хмыкнул, поощряя иерарха продолжать речь, а сам втайне пытался подсчитать, сколько существует артистических профессий, начинающихся на букву «П». Пейзажисты, пиктографы, поэты...

— Так что сам понимаешь, быть избранным... Ты должен радоваться, что тебе так повезло.

— А как насчет пародистов? — спросил Исхак.

— Я... Что?

— Нет, ничего. Забудь.

— Ну так вот. Я уверен, ты сознаешь тяжесть сложившейся ситуации. — Иерарх снова хищно улыбнулся.

Исхак тоже улыбнулся в ответ: глаза вспыхнули, слабое движение бровей намекало на очаровательно иронический оттенок и на мгновение блеснуло нужное для желаемого эффекта количество зубов. Но иерарх не был женщиной и не имел

склонности к мужчинам, и его безразличие лишило Исхака его лучшего оружия.

— Мистер Кадин, — снова обратился к нему иерарх, — ты можешь отнестись к этому серьезно? Неужели ты предпочитаешь быть отправленным на Марс и закончить свои дни в качестве сервитора?

Этого он точно не хотел. Если уж дошло до выбора между традиционной формой наказания за совершенные преступления и полетом через половину Галактики на транспортном корабле в качестве летописца... Что ж, вариантов не много. Он не собирался провести остаток жизни лоботомированным службой исполнения наказаний.

Поэтому он постарался заверить иерарха, что воспринимает услышанное со всей серьезностью. В течение следующих двух часов он развивал мысль о страстном желании отправиться в межзвездное путешествие и о том, как тесно его любознательному характеру уживаться в ограниченном пространстве родных трущоб. Теперь наконец он сможет

полететь к звездам, увидеть новые солнца, вести хронику продвижения человечества...

Лгать сквозь зубы.

Прожив тридцать пять лет, Исхак не получил никакого образования и справедливо полагал, что время от времени изобретает новые слова и неправильно произносит те, которые ему довелось прочесть. Но его уловка сработала. Через три дня его случайные заработки на портретах относительно состоятельных семейств улья и пиктах с мест преступления остались далеко позади, как и сама Терра, и куча дерьма, которой он считал свой родной улей.

Было ли это на самом деле честью? Это зависело от того, куда вас направили.

На инструктажах Исхак без всяких оснований надеялся на мало-мальски достойное назначение. Крупные экспедиционные флотилии были до отказа укомплектованы летописцами-дартоедами, но в подразделениях поменьше еще имелись свободные места.

Возможно, он никогда не увидит Воителя и его пикты не отразят

великолепие примарха вроде Фулгрима, но он не терял отчаянной, боязливой надежды получить назначение в один из так называемых «славных легионов» Императора. Ультрамарины, основатели идеальной империи... Темные Ангелы, сражающиеся под командованием непревзойденного генерала... Несущие Слово, знаменитые тем, что обрушивают на вражеские миры ярость самого Императора...

Наконец он получил назначение. Ему предшествовал настоящий спринт по баракам ордена, когда летописцы, отпихивая друг друга, неслись в вестибюль, где были вывешены списки распределения. В спешке было забыто всякое достоинство: художники, поэты, драматурги дрались между собой, лишь бы скорее увидеть, в какую часть Галактики им предстоит лететь. Во время всеобщей свалки, говорят, кого-то даже закололи — вероятно, из зависти, поскольку тот имажист получил распределение во флотилию Детей Императора, и пусть флот был скромным, подобное назначение

было на вес золота.

Вот оно:

КАДИН ИСХАК, ИМАЖИСТ
ТЫСЯЧА ТРИСТА ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Что же это означает? Есть ли в этой флотилии подразделения легиона? Он оттолкнул плечом какую-то девушку, чтобы пробиться к информационному терминалу, и дрожащими пальцами набрал свой кодовый номер.

Да. Да. Каждая появляющаяся строчка заставляла его сердце биться быстрее.

Тысяча триста первая экспедиционная флотилия.

Командующий магистр флота Балок Торв.

3 роты Семнадцатого легиона Астартес: Несущие Слово.

Примечание: удостоена присутствием Кустодес гвардии Императора под командованием Аквилона Алтае Неро Хай Маритам...

Имя все тянулось и тянулось, но это уже не имело значения.

Он был приписан к одному из самых агрессивных, известных и крупных легионов, за которым в последние полстолетия числилось больше приведений к Согласию, чем за любым другим. И флотилия — неважно, большая или маленькая, — удостоена присутствия личных золотых воинов Императора. Какие могут получиться кадры... слава... признание...

Да. Да. ДА.

— А тебя куда назначили? — спросил он у стоявшей рядом девушки.

— В Двести двадцать седьмую.

— К Кровавым Ангелам?

— В Гвардию Ворона.

Он сочувственно улыбнулся и направился в свою комнату, стараясь по

пути сообщить о своем назначении каждому встречному. Только раз произошла осечка, когда самодовольный бездарь-скульптор с усмешкой переспросил:

— Несущие Слово? Да, конечно, они немало завоевали в последние годы, чтобы искупить прошлые промахи... Но это ведь не Сыны Хоруса, а?

Полет в расположение Тысяча триста первой флотилии длился девятнадцать долгих, очень долгих месяцев, в течение которых он переспал с двадцатью восемью различными членами экипажа транспортного корабля, получил пощечины от троих, сделал почти одиннадцать тысяч пиктов скучных событий корабельной жизни и отключался после изготавливаемого на судне самогона больше раз, чем мог потом вспомнить.

А еще он лишился зуба в кулачной драке с разъяренным мужем, хотя и заявлял впоследствии, что моральная победа осталась за ним. Учитывая все это, а также предшествующий путешествию образ жизни, было бы справедливо — хотя и не совсем точно — признать, что Исхак

Кадин не слишком ревностно относился к своей работе.

Он не считал себя лентяем. Просто было трудно найти вдохновляющие его объекты, только и всего.

Первый пикт, который действительно что-то значил для него, обошел всю Тысяча триста первую флотилию и, по его собственному бесценному мнению, был абсолютно прекрасен. Этот пикт был признан шедевром и сохранен в архивах флотилии, а Исхак Кадин получил благодарность от Алого Повелителя, доставленную курьером.

Когда они приблизились к конечной цели и после полутора лет путешествия вынырнули из утомительных водоворотов варпа, чтобы подойти к боевой флотилии, Исхак не мог воспротивиться желанию запечатлеть этот момент.

Держа в руке стержень пиктера, своим весом и размером напоминавший дубинку, он навел глазные линзы на вид за иллюминатором и стал наблюдать за кораблями, время от времени делая

снимки проходивших боевых кораблей.

И вот оно. Серая громада крепости-флагмана лорда Аргел Тала, молчаливая и безмятежная, несмотря на ряды орудий, сокрушавших целые миры.

«De Профундис». Новый дом Исхака.

Восторженно открыв рот, он делал пикт за пиктом. Один из них — чуть ли не самый первый из серии — изображал флагман на траверзе в великолепной перспективе: бастион имперского могущества из камня и стали. Свет звезд рассыпал редкие блики по мощной броне, а из верхней части поднималась статуя примарха: Лоргар, окруженный ореолом далекого солнца звездной системы, воздел руки к бездне.

Раздался щелчок пиктера, и Исхак Кадин влюбился в свою работу.

Это было три недели назад. Три недели в ожидании следующего приступа вдохновения. Три недели в ожидании сегодняшнего дня.

Ангарная палуба правого борта представляла собой сложнейший лабиринт из десантных кораблей, снующих

погрузчиков и грузовых контейнеров, по которому передвигались занятые своими делами бесчисленные сервиторы, техноадепты и члены экипажа. «Громовые ястребы» загружались боеприпасами, и их длинные крылья поникали под тяжестью ракетных кассет, а в орудийные башни подавали ящики с лентами болтерных снарядов. Со всех сторон раздавался лязг, звон и грохот тяжелой техники, не доставлявший никакого удовольствия страдающему с похмелья Исхаку.

В центре этого организованного хаоса находился «глаз бури» — область спокойствия, расчищенная для ожидаемого прибытия. Исхак в числе остальных свидетелей утренних событий стоял на краю этой площадки. Слева от него расположилась группа других летописцев: здесь был Марсин, художник, что-то царапавший в своем блокноте. Луианна, худенькая и бледная малышка, составлявшая целые концерты из разных аранжировок на флейте. И Хеллик, наверняка задолжавший Исхаку некоторую сумму денег после вчерашней игры в

карты.

Чем занимался Хеллик? Тоже был композитором? Этого Исхак сказать не мог, но, в какой бы манере этот парень себя ни выражал, в карты он играл отвратительно.

Здесь, безусловно, присутствовала и Блаженная Леди — она стояла среди своих служанок и компаньонок в платье кроваво-красного цвета, которое было бы более уместно на терранском балу, чем на скользкой и потемневшей от масла палубе боевого корабля. На вид ей было не больше тридцати, хотя, если учесть время, проведенное ею в легионе, здесь наверняка имела место не одна омолаживающая операция.

Несколько минут Исхак потратил на то, чтобы ее рассмотреть. Смуглая кожа, хотя и не такая темная, как у самого Исхака, выдавала уроженку пустыни, и было совершенно ясно, почему ее называют блаженной. Он никогда не видел, чтобы кто-то двигался с таким плавным и непринужденным изяществом и с такой приветливой ослепительной улыбкой.

Каждый раз, когда она обменивалась словом с кем-либо из своей свиты, казалось, что она улыбается какой-то только им двоим известной шутке.

Исхак тотчас решил, что хочет ее.

В какой-то момент он был уверен, что она обернулась и посмотрела в его сторону. Но ведь говорили, что она слепая? Или это всего лишь ширма? Слухи, придающие дополнительную таинственность?

Почетный караул Имперской Армии тоже соизволил проявить усердие. Офицеры Пятьдесят четвертого Эухарского полка в белых мундирах выстроились ровными рядами; их парадная форма производила сильное впечатление своими пышными украшениями. Каждый офицер рукой в перчатке придерживал эфес висевшей на боку сабли, а свободная рука покоилась на пояснице. В центре переднего ряда Исхак заметил седого и напичканного бионикой генерала Аррика Джестетина.

Генерал пользовался на корабле устрашающей репутацией: все летописцы

называли Старого Аррика не иначе как тираном или надзирателем. До сих пор они встречались всего один раз, в коридоре одной из верхних палуб, где новый летописец бродил в поисках источника вдохновения.

Джесметин провел во флотилии шестьдесят лет, и каждый месяц этого срока оставил отчетливый след в его облике. Он ходил с серебряной тростью, а большая часть правой стороны его тела гудела и жужжала бионическими устройствами, скрытыми генеральской формой. Его коротко подстриженная бородка на худом лице казалась полоской пушистого меха вокруг оскала рта, похожего на прореху в старой шкуре.

— Эй, ты! — окликнул его генерал. — Заблудился?

Ну, он совсем не заблудился, но и подниматься на стратегическую палубу ему тоже было незачем.

— Да. Да, заблудился.

— Ты совсем не умеешь врать, сынок.

Такое заявление оскорбило Исхака, но он не подал виду.

— Вероятно.

— И все время усмехаешься. Если бы у меня были дочери, я бы тебя пристрелил только за то, что ты к ним слишком близко подошел.

— При всем уважении, сэр, я не в настроении выслушивать незаслуженные обвинения и угрозы. И я действительно немного заблудился.

— Вот. Опять усмехаешься, только меня не проведешь. Ты кто такой?

— Исхак Кадин, официальный летописец.

Ему нравилось, как звучит его новое звание, и он повторял его при каждом удобном случае.

— А-а. — Старик прокашлялся, произведя звук, напоминающий скрежет гравия. — Ты случайно не поэт?

— Нет, сэр. Я имажист.

— Жаль. Блаженная Леди любит слушать стихи. Хотя, гм, я уверен, что это и к лучшему, и ты никогда не переступишь ее порога.

Тогда он еще не знал, кто такая Блаженная Леди, но этого ворчания

хватило, чтобы Исхак поклялся себе, что, кем бы она ни была, он переступит ее порог, и чем быстрее, тем лучше.

— Так ты охотишься за пиктами?

— Виновен. — Исхак сдержал усмешку, не дав ей появиться на губах. — По всем пунктам.

Старик поскреб аккуратно подстриженную бородку, и пальцы зашуршали по жестким волоскам, чуть длиннее щетины.

— Это, знаешь ли, боевой корабль. И ты можешь заработать массу проблем, если будешь шляться где попало. Возвращайся на нижние палубы и вместе с остальными жди прибытия капеллана. Тогда и сделаешь все свои пикты.

Исхак счел этот совет дельным, но, уже повернувшись, чтобы уйти, решил еще раз испытать свое счастье:

— Сэр?

— Что еще?

Старик уже шагал прочь, постукивая по палубе серебряной тростью.

— А ты не кажешься таким неумолимо ужасным чудовищем, каким

тебя представляют летописцы.

Генерал Аррик улыбнулся, отчего прореха на его лице стала еще менее привлекательной.

— Это лишь потому, что ты не из числа моих людей, летописец Кадин. А теперь убирайся со стратегической палубы и беги обратно в кабачок, который вы, мелкие паразиты, уже наверняка устроили в каком-нибудь темном углу этого благословенного корабля.

— Он называется «Погребок».

— Очень подходяще, — фыркнул старик и ушел.

Итак, он ждал еще одиннадцать дней и в соответствии с пожеланиями генерала провел их в баре.

А теперь притащил свое изнуренное похмельем тело в главный ангар правого борта и вместе со всякими подонками и армейской элитой ждал прибытия капеллана.

— Я думал, что Алый Повелитель тоже будет здесь, — прошептал он, обращаясь к Марсину.

Летописец молча пожал плечами и

продолжал делать заметки и наброски неопределенных фигур.

По крайней мере, здесь хотя бы присутствовали Астартес, хотя Исхак в их обществе получал куда меньше радости, чем ожидал. Их было двадцать: серые статуи выстроились в два ряда по десять воинов и стояли абсолютно неподвижно. К груди Несущие Слово прижимали огромные болт-пистолеты, а неактивированные цепные мечи висели на боку. Свитки и символы позволили определить в них воинов Тридцать седьмой штурмовой роты.

Исхак был в курсе разговоров об операции на поверхности: большая часть Тридцать седьмой роты сейчас находилась внизу и вела сражения по приведению к Согласию вместе с отрядами Эухарского полка генерала Аррика.

Он сделал несколько пиктов огромных безмолвных Астартес, но его позиция была далеко не идеальной, и снимок подпортили мельтешившие на заднем плане сервиторы. Он ожидал восторга и вдохновения от этих воинов, но обнаружил,

что не может сглотнуть, если слишком долго на них смотрит. Они совсем не вдохновляли его. Просто... внушительные. Далекие. Холодные.

— Смирно! — рявкнул генерал.

Исхак отреагировал на приказ, слегка выпрямившись. Эухарские офицеры вытянулись в струнку. Астартес не шелохнулись.

Десантный катер медленно и плавно вплыл в ангар, удерживаемый в воздухе струями сжатых газов рулевых двигателей. Красные пластины брони покрывали корпус «Громового ястреба» блеклой чешуей, слева и справа застыли болтерные турели, управляемые сервиторами, всегда готовыми устранить любую опасность.

Наконец посадочные захваты вцепились в палубу, и с пронзительным воем гидравлики опустился пассажирский трап. Исхак успел несколько раз щелкнуть разверстую пасть катера.

С другого конца ангара подошли еще Астартес — пять воинов, одетых в более обтекаемые доспехи нового образца,

раскрашенные багрянцем и серебром, и в черные шлемы. Все летописцы мгновенно развернулись и начали перешептываться, делать пикты и наброски, запечатлевая увиденное.

— Гал Ворбак, — слышался шепот со всех сторон.

Впереди всех шел воин в наброшенном на плечи черном плаще, и многочисленные пожелтевшие свитки пергамента, отмечавшие его заслуги, почти полностью скрывали эмблему легиона. Он проследовал мимо собравшихся летописцев, сопровождаемый мягким гудением сочленений доспеха модели «Марк IV». Черепа убитых военачальников-ксеносов, свисавшие на железных цепях, негромко постукивали о темный керамит.

— Вот он, — снова послышались перешептывания. — Алый Повелитель.

Воин подошел к Блаженной Леди, слегка наклонил голову и приветственно прорычал ее имя:

— Кирена.

— Здравствуй, Аргел Тал.

Она улыбнулась, не глядя в его

сторону. Сопровождавшие ее служанки и советники с неторопливым достоинством попятились, уступая место Гал Ворбак, подошедшим вслед за своим лордом.

Исхак сделал еще один пикт: огромный воин в оскаленном черном шлеме и миниатюрная женщина в окружении Астартес в красной броне.

Астартес, спускавшийся на ангарную палубу из «Громового ястреба», носил почти такую же броню, как и его братья по Гал Ворбак, с той лишь разницей, что отделка его доспеха была выполнена из кости и бронзы, а на шлеме листовым золотом были начертаны колхидские руны.

Капеллан Ксафен сошел по трапу и внизу на мгновение обнял Аргел Тала.

— Кирена, — произнес после этого капеллан.

— Здравствуй, Ксафен.

— Ты выглядишь моложе, чем прежде.

Она покраснела, но ничего не ответила.

Аргел Тал махнул рукой в сторону «Громового ястреба»:

— Как поживают наши братья из

Четвертого легиона?

Раскатистый голос Ксафена, как и голос Аргел Тала, искажали помехи вокса.

— Железные Воины в полном порядке, но я рад, что вернулся.

— Полагаю, нам есть что обсудить?

— Конечно, — ответил капеллан.

— Тогда пойдем. Мы успеем поговорить, пока продолжается подготовка к высадке.

Воины ушли, и собравшиеся стали чинно расходиться, возвращаясь к своим обязанностям. Все закончилось.

— Ты идешь? — спросил Исхака Марсин.

Исхак внимательно смотрел на свой пиктер, увеличивая изображение на маленьком экране. Оно показывало двух командиров Гал Ворбак рядом с Блаженной Леди. Женщина повернула голову, словно глядя на них невидящими глазами, и на ее прекрасном лице сияло выражение восторженного милосердия. Один из Астартес держал на плече богато украшенный черный крозиус. Второй, одетый в темный плащ Алый Повелитель,

щеголял неактивированными силовыми клинками из красного железа — каждый его огромный кулак заканчивался четырьмя когтями длиной с лезвие косы.

Оба доспеха, отражая свет верхних ламп, мерцали желтоватыми нефритовыми бликами, глазные прорези обоих шлемов, закрытые сапфировыми линзами, смотрели как будто точно в видоискатель Исхака.

«Это, — подумал он, — будет еще одним шедевром».

— Ты идешь? — повторил Марсин.

— Что? А, да, конечно.

Глава 21
ИНТРИГИ
СТРАННЫЙ ОБМАН
ПРИВИЛЕГИЯ

— Повсюду эти летописцы, — с явной досадой произнес Ксафен.

— Они появились у нас в этом месяце. Противиться их прибытию на флотилию дальше было невозможно.

— Эти крысы шастают по флагману Хоруса вот уже два года. Можешь себе это представить?

Аргел Тал равнодушно пожал плечами:

— Три поэта читали свои стихи Блаженной Леди, за что Кирена была им очень благодарна. А я получил прекрасный пикт «Де Профундис», сделанный одним из летописцев в первый же день. У меня сердце чуть не остановилось, когда я увидел, как величественно выглядит со стороны наш корабль.

— Твой характер становится мягче,

брат, — успехнулся Ксафен.

Воины вдвоем удалились в молитвенную комнату Ксафена, по мнению Аргел Тала имевшую довольно нескромный вид. Магистр ордена предпочитал спартанскую обстановку и минимум отвлекающих деталей, а личное помещение, предназначенное для размышлений капеллана, было украшено множеством знамен и старинных молитвенных свитков, разбросанных на столе и по полу. Основная часть знамен посвящалась победам, одержанным совместно с другими легионами, и, пока они разговаривали, Ксафен добавил к этой выставке еще один стяг. На нем изображался металлический череп Железных Воинов, окруженный рунами.

Некоторые руны своими очертаниями напоминали созвездия Колхиды. Аргел Тал внимательно оглядел каждую из них.

— А это что?

— Символы кругов Железных Воинов. В отличие от сынов Хоруса, они не называют их ложами.

Аргел Тал щелкнул зажимом и с

легким свистом сжатого воздуха снял шлем. В разукрашенной комнате Ксафена, как обычно, пахло сухими травами и старым ладаном.

— Ты отсутствовал дольше, чем предполагалось, — сказал он. — Возникли проблемы?

— Стоящее дело требует усилий.

Аргел Тал размял пальцы, сжимая и разжимая кулаки. Они болели. Болели уже не первый день.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Проблем не было, — сказал Ксафен. — Я задержался, поскольку счел это целесообразным. Их круги многочисленны, охватывают подавляющее большинство воинов легиона, но момент был критическим.

Аргел Тал приподнял бровь, сам того не сознавая, он по привычке копировал вопросительную мимику Кирены.

— Вот как?

— Малок Карто в то время занимался другими воинскими кругами, и я посетил несколько церемоний. Когда он говорил, в воздухе явно пахло серой. Еще

там был Вар Валас. Оба они присоединились к Железным Воинам после долгого пребывания в легионе Пожирателей Миров.

Ксафен вздохнул с удовлетворением, о котором свидетельствовал и яркий блеск его глаз.

— Паутина раскинута широко, брат. Заговор Лоргара опутывает даже звезды. По последним подсчетам в разных флотилиях сейчас работают около двух сотен наших капелланов. Эреб остается рядом с Воителем. Можешь себе это представить? Сам Хорус прислушивается к словам Эреба. — Ксафен рассмеялся и добавил: — Начинается, брат.

Аргел Тал не разделял воодушевления капеллана. Его лицо, на котором за прошедшие полстолетия появилось немало шрамов, мрачно нахмурилось.

— Мне не нравится это слово, — медленно и отчетливо произнес он.

— Какое слово?

— То самое, что ты употребил. Заговор. Оно умаляет достоинство примарха. И унижает всех нас.

Ксафен разгладил на стене черное знамя, а затем отступил на шаг и полюбовался своим новым трофеем.

— Ты слишком щепетилен, — пробормотал он.

— Нет. Это неподходящее слово, подразумевающее интриги и недостойную скрытность.

— Называй как хочешь, — сказал капеллан. — Мы архитекторы возвышения человечества и широко раскинули сеть необходимых хитростей.

— Я предпочитаю более благородные термины. А теперь говори, что еще ты хотел сказать. Я должен вести Гал Ворбак, и надо закончить последние приготовления.

Капеллан ощутил упрямство Аргел Тала. Не заметить его было трудно.

— Ты сердишься на меня?

— Конечно сержусь. Пять сотен моих воинов уже больше года не видели капеллана своего легиона. Ты отсутствуешь несколько месяцев, сражаясь вместе с Железными Воинами. Орос, Дамейн и Малаки тоже до сих пор

остаются в малых флотилиях Пертурабо, разбивая заговор. — Он язвительно фыркнул, произнося последнее слово.

— А Сар Фарет?

— Мертв.

— Что?

— Убит десять месяцев назад, вскоре после твоего отъезда. Мало того, убит человеком. Неудачный бросок деревянного копья. — Аргел Тал кончиками двух пальцев постучал по своей шее. — Ему вырвало все горло до самой кости. Никогда не видел ничего подобного. Кровь богов, я бы мог рассмеяться, не будь это так печально. Он истек кровью, прежде чем до него добрались апотекарии. И все это время еще пытался кричать.

— А что случилось с убийцей?

Аргел Тал видел все своими глазами. Сар Фарет схватил человека за плечо и за ногу и потянул. В результате на землю упали три окровавленных куска, и только потом капеллан умер.

— Правосудие свершилось.

Ксафен тяжело вздохнул. Сар Фарет был близок ему: он сам учил его держать

крозиус во имя Лоргара.

Аргел Тал скрестил руки на закрытой броней груди:

— Железные Воины к нам присоединятся?

На лицо капеллана вернулась улыбка.

— Присоединятся ли они? Легион Пертурабо уже оставил Великий Крестовый Поход. Я вместе с ними побывал на Олимпии.

Это невероятно.

— Олимпия? Так быстро? — с трудом выговорил Аргел Тал.

— Все планы примарха осуществляются. По правде говоря, именно поэтому я и вернулся. Олимпия открыто восстала против Империума, и Железные Воины, отчаявшись усмирить домашний мир, объявили войну своему народу. Брат, ты себе представить не можешь, что это было за зрелище. Небеса потемнели от десантных кораблей и бомбардировщиков Пертурабо, а земля от рассвета до заката содрогалась от ярости полумиллиона боевых орудий.

Аргел Тал медленно вдохнул воздух,

против воли представляя себе описанную Ксафеном картину.

— Примарх утратил контроль над своим домашним миром.

— Ты говоришь так, словно не верил, что этот день настанет.

Аргел Тал ничего не ответил и жестом предложил капеллану продолжить рассказ.

— Все было спланировано с величайшей точностью. Гнев Железных Воинов стоило видеть. Они спровоцировали геноцид против собственного народа. И теперь какой у них выбор? Скоро раздастся зов: Хорус уже собирает силы, освобождаясь от ненужных элементов. С ним идут Дети Императора, Гвардия Смерти и Пожиратели Миров. Полчища всех легионов собираются в системе Исствааи, а Пертурабо, уступив жажде мести, предал Империум. И когда Лоргар сбросит ярмо лже-Императора, он примкнет к нам.

Аргел Талу уже доводилось слышать лихорадочный пыл в его голосе, но за время почти годового отсутствия капеллана

горячая страстность его речей слегка потускнела в памяти предводителя Гал Ворбак. Он понял, что больше всего беспокоится именно из-за неукротимого энтузиазма своего брата.

— Когда ты отправишься к примарху?

— Скоро. — Капеллан посмотрел в глаза Аргел Талу. — Я же говорил, что вернулся, потому что пришло время. Скоро поступит вызов с Терры.

Ксафен активировал настенный экран и стал просматривать изображения звездных карт. Он добавлял на них все новые и новые значки, означающие флотилии. На глазах Аргел Тала общая картина постепенно обретала очертания, демонстрируя великолепную в своей сложности схему.

— Скажи, что ты видишь, — с улыбкой обратился к нему Ксафен.

Аргел Тал перевел взгляд на капеллана:

— Я вижу конец моего терпения. Я вижу, как растет мой гнев, поскольку ты держишь ответы при себе, пользуясь своей принадлежностью к братству капелланов.

И я вижу, как выхожу из этой комнаты, не получив немедленного откровенного ответа.

— Какой напор, — усмехнулся капеллан. — Ладно. Это система Иссстваан. Здесь, далеко за западной веткой спирали, расположена Терра. Обрати внимание на приведения к Согласию в субсекторах поблизости от Иссстваана. А теперь сделай мне одолжение. Что ты видишь?

Аргел Тал узнал символы четырех легионов — и никаких других. Они образовали странную схему, где не было ни Имперской Армии, ни боевых флотилий Механикум, ни каких-либо подразделений именитых легионов.

— Я вижу работу Воителя, — сказал Аргел Тал. — Он сконцентрировал вокруг Иссстваана силы определенных легионов. Эти флотилии могут собраться вместе за считаные дни. Те, что остаются на внешней дуге, немного задержатся, но... Это невиданное скопление сил. — Нехотя оторвав взгляд от мерцающего звездного танца, Аргел Тал снова повернулся к

Ксафену. — А теперь скажи, зачем все это?

— Прости меня, брат. Я не учел овладевшего тобой разочарования из-за того, что во флотилии присутствуют Кустодес. Тебе пришлось лицемерить, и ты превосходно с этим справился. Но ты нуждаешься в просвещении.

Ксафен отключил изображение и продолжил:

— Хорус и Лорган уже выступили против Императора. Воитель дал обет Скрытым Богам и теперь идет по указанному ими пути. В варпе сейчас зреют бури, которые оставят слепой большую часть Империума. Многие проложенные через варп маршруты уже разорваны эфирными штормами. Волнение будет только усиливаться, и это даст нам время выполнить волю примарха, не опасаясь возмездия Империума. Таково могущество истинных богов. Самый варп служит им полотном, которое они расписывают ради нашего блага.

Ответом магистра Зубчатого Солнца стало хмурое выражение лица.

Заявления Ксафена о том, что они больше не имперцы, поскольку замышляют убийство Императора, оскорбляли его.

Мы свергаем косное и невежественное правление. Мы несем просвещение людям, а не разрушаем империю.

— Продолжай, — сказал он.

— Скоро поступит вызов — испуганная мольба, которую одновременно услышат все астропаты флотилии. Вызов с Терры. Император вот-вот узнает о восстании Хоруса, и что тогда ему останется делать? Он должен будет отдать приказ ближайшим легионам разбить изменнические силы Воителя.

Аргел Тал вспомнил расположенные вокруг Исстваана символы.

— Хорус будет разбит.

Капеллан засмеялся, наслаждаясь этим моментом.

— Он закрепится на неприступной планете, располагая силами четырех легионов. Кто сможет его разбить?

— Семь легионов, которым будет отдан такой приказ. Даже при поддержке Железных Воинов, если они выступят на

нашей стороне, остальные пять легионов остаются под властью Императора. Шесть против пяти. Мы понесем катастрофические потери. Как мы сможем донести просвещение до Терры, если легионы Хоруса и Лоргара будут обескровлены и сломлены?

Ксафен ответил не сразу. Аргел Тал заметил в лице капеллана некоторое беспокойство, граничащее с недоверием.

— Неужели ты так низко ценишь капелланов собственного легиона, чтобы не надеяться на успехи в обращении легиона Альфа и Повелителей Ночи? Лоргар в течение полувека работал над тем, чтобы донести истину до ушей, достойных ее услышать. Любой легион, который нам потребуется, будет на нашей стороне. Лоялистов на поверхности Исстваана Пять ждет неминуемое истребление. Они не выберутся живыми с места десантирования, Аргел Тал. Это я могу тебе обещать.

— Этот заговор, — сказал Аргел Тал, — мне отвратителен.

— Это план Лоргара, приводимый в

исполнение самим Хорусом.

— Нет, — покачал головой Аргел Тал. — Это дело не Аврелиана. Это работа Эреба и Кор Фаэрона. От их интриг дурно пахнет. Лоргар — золотая душа, создание света. Эти козни растут из амбиций более мелких и темных людей. Примарх, да пребудет с ним благословение, любит этого злобного негодяя. Он пригрел гадюку на своей груди и называет ее отцом.

— Тебе не подобает так отзываться о магистре веры.

— Магистр!.. — Аргел Тал расхохотался. — Кор Фаэрон? «Магистр веры»? Он покрывается титулами, словно кинжал ядом. Нет, я действительно слишком долго был вдали от легиона, если теперь Кор Фаэрон стал всеобщим любимцем. Ксафен, да ведь ты и сам его ненавидел. Нечистая душа. Фальшивый Астартес. Это твои собственные слова, брат.

Ксафен наконец потупился, не желая или не в силах выносить прямой взгляд Аргел Тала. Ничто так не вредит

общению, как стыд.

— Времена меняются, — заметил капеллан.

— Да, похоже, — Аргел Тал сжал кулаки, стараясь облегчить боль в костях. Это не помогло. Суставы продолжали ныть. — Ладно, заканчивай. Мне еще предстоит привести мир к Согласию.

— Если позволишь, я и сам хотел бы задать тебе вопрос.

— Спрашивай, — согласился Аргел Тал. — Я отвечу.

— Кирена, — заговорил Ксафен. — Она снова подверглась омоложению.

— Не смотри на меня так сердито и не обвиняй ее в тщеславии. Астропатический приказ не так давно пришел от самого примарха. Он все еще питает к ней глубокое уважение и выразил желание, чтобы она прошла очередной цикл процедур.

Ксафен кивнул:

— Как Аквилон?

Выражение лица Аргел Тала осталось непроницаемым.

— Как и раньше. Он ничего не знает и

подозревает еще меньше. Его послания Императору никогда не выходили за пределы флотилии.

— А моя защита?

— Все так же действенна.

— Ты проверял сам? — Капеллан знал, что его брат считает некоторые методы неприятными. — Необходимо, чтобы ты лично в этом убедился.

— Я так и сделал, — сказал Аргел Тал. — И ничего не изменилось, выбрось это из головы.

— Тогда я спокоен. Тем не менее я обновлю заклинания сегодня ночью.

Он подошел к письменному столу и отстегнул с пояса висевшую на цепи огромную книгу. Неторопливо и бережно он стал перелистывать страницы толстого, переплетенного в кожу фолианта — страницы, исписанные красивым почерком, содержащие математические вычисления, астрологические диаграммы, певучие заклинания и ритуальные формулы.

Аргел Талу мучительно хотелось подойти ближе и прочесть секреты, почерпнутые из мыслей примарха. Правду

сказать, Лоргар щедро делился своими мыслями с братством капелланов легиона.

— Ты многое добавил в книгу, — заметил он.

— Да, верно. Каждый месяц мы получаем новые главы и строфы священного труда. Разум примарха пылает идеями и идеалами, и мы удостоены чести узнавать о них первыми.

В архивах Тысяча триста первой никогда не хранились цифровые копии записей Лоргара, поскольку оттуда информация могла попасть не к тем, кому она предназначалась. Вместо этого каждый капеллан Зубчатого Солнца носил личную копию, пристегнутую цепью к поясу доспехов. Эти книги постоянно пополнялись по мере разрастания Слова и использовались для проповедей на тайных церемониях. Аргел Тал взял копию «Книги Лоргара» с трупа Сар Фарета и сжег ее на поле боя; совершив вынужденное святотатство, он исключил возможность попадания книги в случайные руки.

Капеллан медленно набрал воздуха.

— Ты прав, Аргел Тал. Я

отсутствовал слишком долго. Я вынужден был манипулировать туго соображающими работягами из Четвертого легиона, тогда как на самом деле больше всего хотел бы оставаться здесь, с моими братьями, и проповедовать развивающееся Слово Лоргара.

— Извинения приняты, — ответил Алый Повелитель. — И у тебя есть еще тридцать восемь минут до начала высадки. Увидимся на палубе перед «Восходящим солнцем».

Ксафен просмотрел столбцы информации, разворачивающиеся перед глазными линзами.

— Есть приказ, санкционирующий в сегодняшней операции присутствие летописцев в зоне боевых действий. Здесь какая-то ошибка. Я знаю, ты никогда не позволил бы ничего подобного.

Аргел Тал проворчал что-то невразумительное и направился к выходу.

— Подожди.

Аргел Тал остановился у самой двери:

— Да?

— Брат, подумай о том, что должно

произойти. Сосредоточься на том, что события все стремительнее приближают нас к неизбежному восстанию. Ты ничего не ощущаешь? Никаких изменений?

Руки магистра ордена пронзил особенно сильный приступ боли, как будто в суставы насыпали битого стекла. Сам не зная почему, он решил солгать.

— Нет, брат. Ничего. А ты?

Ксафен улыбнулся.

Война против другой человеческой цивилизации никогда не сулила ничего хорошего, и каждый раз, когда в этом возникала необходимость, Аргел Тал испытывал отвращение.

Это были аморальные войны, и вели их с горечью от сознания обреченности каждой личности, которая восставала против Империума. Алого Повелителя расстраивал не тот факт, что противник осмеливался оказать сопротивление, не расход боеприпасов и не проявленная стойкость защитников, которую он мог бы уважать. Все это печалило его, но настоящие шрамы в душе

оставляла необходимость растрачивать жизни и упущенные возможности.

В прошлом он пытался поднять этот вопрос в беседах с Ксафеном. Но капеллан с присущей ему откровенностью прочел лекцию об их праведном деле и трагической необходимости сокрушать эти цивилизации. Эти дискуссии не принесли Аргел Талу ничего нового. Подобные рассуждения с Даготалом или Малнором приводили к тем же результатам, как и единственный разговор с Торгалом. Учреждение Гал Ворбак ликвидировало все звания, кроме звания самого Аргел Тала, и все воины были равны под командованием магистра ордена. Бывший сержант штурмового отделения изо всех сил старался понять, что пытается втолковать ему Аргел Тал.

— Но ведь они заблуждаются, — сказал Торгал.

— Я знаю, что они не правы. В этом-то и заключается трагичность ситуации. Мы несем просвещение путем объединения с миром прародителей человечества. Мы приносим надежду, прогресс, силу и мир,

обеспеченный непобедимой мощью. Но они все равно сопротивляются. Мне жаль, что ответом слишком часто становится истребление. Я сожалею об их невежестве, но восхищаюсь тем, что ради своего образа жизни они согласны умереть.

— Их поведение не заслуживает восхищения. Это идиотизм. Они скорее умрут в своем невежестве, чем согласятся на перемены.

— Я и не говорил, что это разумно. Я сказал, что мне жаль уничтожать все живое на планете из-за невежества.

Торгал задумался над его словами, но ненадолго.

— Но они заблуждаются, — повторил он.

— Мы тоже когда-то заблуждались. — В подтверждение своих слов магистр ордена поднял закованный в броню кулак: когда-то он был серым, а теперь стал алым. — Мы заблуждались, преклоняясь перед Императором.

Торгал тряхнул головой:

— Мы заблуждались, но мы исправились и не погибли. Я не вижу

причин для твоей печали, брат.

— А вдруг мы смогли бы их убедить? Вдруг это наша вина, что нам не хватает слов, чтобы склонить их на нашу сторону? Мы уничтожаем представителей своей собственной расы.

— Мы выбраковываем стадо.

— Забудь все, что я наговорил, — сказал в заключение магистр ордена. — Ты, разумеется, прав.

Но Торгал на этом не успокоился:

— Не скорби об идиотах, брат. Им была предложена истина, но они отказались. Если бы мы предпочли уничтожение истине, тогда мы заслужили бы свою судьбу, как эти глупцы заслужили свою долю.

Больше Аргел Тал не делал таких попыток. В самые мрачные моменты его терзала предательская и недостойная мысль: насколько безоговорочная вера его братьев исходит от сердца, а насколько обусловлена действием геноссемени? Сколько душ он лично обрек на разрушение, безмолвно побуждаемый к кровопролитию колдовской генетикой?

На некоторые вопросы он не находил ответов.

Аргел Тал не хотел тревожить своими проблемами Кирену, исповедующую сотни Астартес и солдат Эухарского полка, и единственный раз, когда он заговорил о своих сомнениях, его собеседником стал именно тот, кого Аргел Тал должен был опасаться.

Аквилон понял.

Он все понял, потому что и сам испытывал подобные чувства, и разделял едва заметное сожаление Аргел Тала о необходимости уничтожать целые империи только из-за того, что их правители оказались слепы к реальности Галактики.

Последний мир, приговоренный к уничтожению, его обитатели называли Калис, а в Тысяча триста первой экспедиционной флотилии ему присвоили обозначение Тысяча триста один — двадцать. Полномасштабное вторжение готовилось уже тогда, когда примитивная орбитальная оборона рухнула и, пылая, упала в атмосферу.

Население было приговорено к уничтожению на основании данных о его связях с ксеносами. Чистопородный человеческий генетический код обитателей Калиса был необратимо испорчен примесью генетики чужаков. Жители этого мира не раскрыли всех подробностей, образцы крови свидетельствовали, что на каком-то этапе развития калисианцы внедрили в клетки собственной плоти ДНК ксеносов.

— Скорее всего, они пытались излечиться от наследственных болезней или признаков вырождения, — высказал предположение Торв.

Но причина не имела значения. Подобные отклонения недопустимы.

Эухарскому полку генерала Джесметина при поддержке нескольких отделений Астартес был отдан приказ овладеть двенадцатью главными городами на не слишком обширной суше Калиса.

Столичный город — комплекс отсталой промышленности под названием Крачия — служил еще и резиденцией

правительницы планеты, носившей явно наследственный титул «психическое совершенство».

Именно эта женщина, ее психическое совершенство Шал Весс Налия IX, наотрез отказалась принять посланцев Несущих Слово. И это она, раздувшаяся от жира женщина, тем самым подписала своей цивилизации смертный приговор.

— Столицу оставьте нетронутой, — сказал Аргел Тал Балоку Торву на военном совете. — Я поведу на Крачию Гал Ворбак и лично добуду голову их королевы.

Командующий флотом кивнул:

— А как насчет летописцев? Они пробыли у нас не больше двух недель, но я ежечасно получаю прошения от их представителей с просьбами присутствовать при штурме.

Алый Повелитель покачал головой:

— Не обращай внимания. Балок, мы завоевываем мир, нам некогда нянчиться с туристами.

Балок Торв с возрастом приобрел невероятное терпение, и это стало одной из добродетелей, которой восхищались его

подчиненные и на которую уповали его командиры. Аргел Тал заметил трещины в неприступном фасаде, проявившиеся в морщинах вокруг старческих глаз и в том, как он одернул белый плащ, чтобы успокоиться, перед тем как ответить.

— При всем уважении, повелитель...

Аргел Тал протестующе поднял руку:

— Не стоит прибегать к формальному титулу, даже если ты со мной не согласен.

— При всем уважении, Аргел Тал, я по твоему приказу игнорировал их с момента прибытия и еще целый год до этого. Я изрекал банальности и составлял докладные записки, не допуская их появления во флотилии. Я приводил сотни доводов, что иметь с ними дело было бы неподходяще, невозможно и непрактично. А теперь они явились с имперскими приказами от самого Сигиллита и требуют, чтобы им позволили запечатлеть Великий Крестовый Поход. Я готов их перестрелять — не думай, что я не заметил этой усмешки, — как же мне и дальше их игнорировать?

Аргел Тал еще раз усмехнулся, и это был первый признак его дурного настроения, замеченный сегодня командующим флотилией. Какие бы новости ни привез капеллан, магистру ордена они пришлись не по душе.

— Я тебя понимаю. Сколько их всего у нас?

Торв заглянул в информационный планшет:

— Сто двенадцать.

— Хорошо. Пусть выберут десять человек. Мы отправим их вниз с первой волной и предоставим минимальный эскорт из эухарцев. Остальные будут ждать, пока посадочная зона не станет безопасной.

— А вдруг они наткнутся на значительное сопротивление?

— Тогда они погибнут. — Алый Повелитель направился к выходу. — В любом случае меня это не волнует.

Торву потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что Аргел Тал не шутит.

— Как прикажешь.

Глава 22
ИДЕЯ БРАТЬЯ НАЗНАЧЕНЫЙ ЧАС

Исхака слегка беспокоила возможность погибнуть внизу, но она не мешала ему наслаждаться жизнью, пока продолжалась высадка.

Все остальные летописцы ныли, изводя эухарцев вопросами, откуда лучше всего наблюдать за сражением, чтобы не оказаться слишком близко к полю боя. Похоже, едва ступив на твердую землю, они сразу же забыли о том, насколько почетна их миссия. Большинство участников экспедиции, казалось, уже не понимали смысла высадки, но Исхак получал удовольствие. Он не собирался заботиться о чужой карьере.

Полет вниз оказался ничем не осложненным дрейфом по полуденному небу, даже разочаровывающим после напряженного отбора претендентов и

настолько скучным, что Исхак начал сомневаться, действительно ли на планете идет война. Ограниченный обзор через пыльный иллюминатор позволял увидеть только расположенный вдалеке город, построенный по законам человеческой архитектуры.

Странно думать о войне в такой обыденной обстановке.

Их шаттл оказался армейским десантным транспортом — трясущимся и гремевшим образчиком древнего катера класса «Серокрылый», которые, как полагал Исхак, уже давно вышли из употребления, уступив место более изящным и компактным «Валькириям». Он осмотрел подвесной квадратный отсек, где, видимо, и предстояло лететь трем десяткам пассажиров. Затем окинул взглядом слегка опущенные крылья, провел рукой в перчатке по пластинам брони, отмеченной боевыми шрамами и следами столкновений времен Войн Объединения, закончившихся два века назад.

И влюбился.

Он сделал несколько пиктов

почтенной старушки и остался доволен каждым из них.

— Как ее зовут? — спросил он у пилота, стоявшего на ангарной палубе чуть поодаль с двумя десятками солдат и явно раздраженного заданием.

— Им не давали имен при изготовлении. Их делали слишком много и слишком быстро, а заводов было слишком мало.

— Понимаю. А как вы ее называете?

Он показал выгоревшую трафаретную надпись вдоль борта: ЭЛ-IXJJ-8E22.

Интерес Кадина немного смягчил раздражение пилота.

— Элизабет. Мы зовем ее Элизабет.

— Сэр, — с улыбкой произнес Исхак, — позвольте вступить на борт этой прекрасной дамы.

Итак, все началось прекрасно. Но как только они оказались внизу, дела приняли другой оборот. Офицер, назначенный командовать их экспедицией, оказался вовсе не офицером, а сержантом, которому выпал жребий нянчиться с шумной ватагой из десяти взбудораженных деятелей

искусства, оказавшихся в зоне боевых действий.

Исхак вполуха слушал спор сержанта, обсуждавшего с остальными летописцами маршрут прохождения по городу. Он стоял на небольшом возвышении в трех километрах от границы города и отчаянно скучал. Вся эта местность ничем не отличалась от какого-нибудь промышленного района Терры, и нигде не было видно никаких признаков сражений.

Характер проводимого Астартес штурма создавал проблемы тем, кто имел намерение вести хронику событий. Прямая атака посредством выброски десантных капсул непосредственно на дворец означала, что летописцам придется либо самим пересечь весь вражеский город, либо оставаться за границей и абсолютно ничего не увидеть. Первый вариант был практически неосуществимым. Второй же весьма вероятным.

Исхак Кадин от природы был весьма подозрительным и во всем происходящем видел чью-то дурную шутку. Кто-то, возможно сам Алый Повелитель, над ними

посмеялся. Их пригласили вниз, но держали в стороне от каких бы то ни было событий.

Он подошел к своим опекунам, двум солдатам в аккуратной форме цвета охры. Каждого из летописцев охраняли точно так же. Телохранители Исхака выглядели одновременно скучающими и раздраженными, что для человеческой мимики было очевидным достижением.

— А что, если нам пролететь прямо над дворцом? — предложил он.

— И быть сбитыми? — Эухарец буквально сплевывал слова. — Этот кусок дерьма загорится и грохнется на землю, как только мы попадем в зону обстрела средств ПВО.

Исхак напряг волю и изобразил сердечную улыбку.

— Тогда надо взлететь высоко-высоко, а над самым дворцом резко снизиться. А потом найти площадку для приземления.

Он жестами изобразил этот шедевр пилотажа, но не произвел должного впечатления.

— Не пойдет, — бросил один из

солдат.

Исхак, не говоря больше ни слова, развернулся и направился в темную утробу пассажирского отсека «Серокрылого». Когда он вылез, под мышкой был зажат ранец с персональным пластековым гравишютом, явно взятым из верхнего грузового отсека.

— А как насчет этого? Мы полетим чертовски высоко, и каждый, кто действительно хочет сделать свою работу, сможет спрыгнуть и заняться делом.

Двое солдат переглянулись и окликнули сержанта.

— Что еще? — спросил сержант.

Его лицо было достаточно красноречиво: очередной ноющий художник нужен ему, как в голове дырка.

— Вот у этого, — солдат показал на Исхака, — есть идея.

Для воплощения идеи в жизнь потребовалось около двадцати минут, и Исхак начал сожалеть о ней сразу, как только выпрыгнул из десантного катера и

стал падать.

Под ним простирался белокаменный дворец, словно перенесенный из древней Эллады декадентского прошлого Терры. Он с невероятной скоростью несся Кадину навстречу, а ветер изо всех сил старался выбить из него сознание.

«Возможно, — подумал он, — я совершил ошибку». Он потрогал кнопки на груди, активирующие гравишют. Сперва одну, потом другую. Сперва одну, потом другую.

— Подождите двадцать секунд и только потом включайте, — говорил сержант тем немногим, кто решился десантироваться. — Двадцать секунд, понятно?

Подождите двадцать секунд.

Ветер с ревом бил ему в лицо, а внизу разрасталась земля. Интересно, его вырвет? Он надеялся, что этого не случится. Тошнота заставляла содержимое желудка булькать и переворачиваться. Уф.

Подождите двадцать секунд.

По крайней мере, нет никаких

признаков зенитного огня.

В одном из внутренних двориков он заметил точку — почерневшее пятно, где приземлилась красная десантная капсула. Для начала и это хорошо.

Подождите двадцать секунд.

Сколько... Сколько времени он падает?

О черт.

Исхак посмотрел вверх. Через запотевшие очки он смог разглядеть своих телохранителей. Оба были намного, намного выше, чем он, и продолжали уменьшаться. Еще мельче, еще выше их обоих виднелись те, кто поняли его идею и поверили в нее настолько, что согласились прыгнуть.

Он нажал кнопки, сначала синюю, потом красную. Несколько мгновений абсолютно ничего не происходило. Исхак продолжал стремительно нестись навстречу смерти, слишком потрясенный, чтобы хотя бы выругаться. Поддавшись панике, он стал беспорядочно нажимать на кнопки, даже не сознавая, что таким образом не дает аппарату времени

прогреться и активироваться.

Наконец гравишют включился, резко дернув тышцы его шеи, и гравитационные подвески, оживая, негромко загудели. Поздняя активация спасла Исхака от превращения в красное пятно на стене дворцовой башни, но он дорого заплатил за свою рассеянность. Смеясь от страха, он не удержался на каменном парапете, прыгнул и, продолжая хихикать и стараясь не обделаться, полетел вниз.

Спустя сорок восемь секунд во внутреннем дворике приземлился первый из его охранников. Он обнаружил окровавленного Исхака Кадина с пиктером в разбитых руках. Летописец сидел на траве и раскачивался взад и вперед.

— Видал? — ухмыльнулся он солдату.

Три летописца и шесть эухарских солдат — ударная группа из девяти душ — двигались по коридорам дворца. Это было скудно отделанное сооружение с небольшим количеством картин и орнаментов. Вся архитектура заключалась в колоннах и сводчатых крышах, и по непокрытому коврами каменному полу они пробирались

вглубь здания, очаровательного, как горный монастырь.

Когда они оставили позади десантную капсулу и только вошли во дворец, Исхак не понимал, как они узнают, куда нужно идти. Оказалось, что беспокоиться не о чем. Они просто следовали по пути, усеянному трупами.

Свидетельства прохождения Астартес попадались повсюду. Это крыло дворца было полностью зачищено от всех признаков жизни, а вместо украшений там и тут лежали исковерканные тела. Одна из летописцев, маленькая и худая женщина по имени Калиха, каждые несколько минут останавливалась и делала снимки мертвецов. По углу наклона ее пиктера был ясно, что она старается избежать съемки откровенной резни, оставляя трупы размытыми пятнами на заднем плане.

Исхаку было неинтересно вести хронику этой бойни. Амбициозная, корыстная часть его мозга подсказывала, что в этом нет смысла: подобные работы никогда не попадут в уважаемые архивы.

По-настоящему ужасные изображения редко туда проходили. Люди на Терре хотели видеть, что способно создать человечество, а не последствия разрушения. Они желали видеть своих защитников в момент славы или праведной борьбы, а не истребление беззащитных людей, куда больше похожих на терранцев, чем сами Астартес.

Все заключалось в способе подачи информации — надо предоставить людям то, что они хотят видеть, независимо от того, известно им это или нет. Поэтому он не стал запечатлевать трупы.

Он даже старался не смотреть на мертвецов, мимо которых они проходили, настолько сильно изуродованных, что трудно было представить эти окровавленные куски живыми людьми. Их не просто убили, их истребили.

Один из солдат, Замиков, перехватил взгляд Исхака.

— Цепные мечи, — сказал он.

— Что?

— Выражение твоего лица. Ты удивляешься, что может нанести такие

повреждения телу. Так вот, это цепные мечи.

— Я вовсе не удивлялся, — солгал Исхак.

— Нет ничего постыдного в обычном страхе. — Замиков пожал плечами. — Я уже двенадцать лет состою при Зубчатом Солнце и первые два года не переставал блевать. Отряд Алого Повелителя делает грязную работу.

Они свернули влево и перелезли через очередную внутреннюю баррикаду, оказавшуюся бесполезной. Донесшиеся издалека звуки перестрелки заставили их прибавить шагу.

— Я слышал, что Несущие Слово всегда испепеляют своих врагов.

— Так они и делают. — Замиков ткнул большим пальцем через плечо, где на развалинах сложенной из мебели баррикады лежали растерзанные трупы. — Но это будет потом. Сначала они убивают, а потом очищают.

— Они возвращаются после сражения, чтобы сжечь трупы? Они действительно делают все это сами?

Замиков кивнул, не оборачиваясь на имажиста. Исхак заметил, что походка солдат изменилась, — как только послышались выстрелы, все эухарцы слегка пригнулись, крепче сжали свои лазганы и зашагали быстрее. Теперь они стали похожи на стаю бродячих кошек, охотящихся на крыс на улицах улья.

— Они все делают сами. Несущие Слово не признают ни похоронных команд, ни собирающих трупы сервиторов. Они работают тщательно, скоро сам увидишь.

— Я уже вижу.

— Вот как? — Замиков окинул его быстрым взглядом. — И что же ты видишь здесь?

— Тела.

Исхак приподнял бровь. В чем суть этого вопроса?

— Дело не просто в трупах. — Солдат снова смотрел вперед. — Все крыло дворца зачищено, но мы не раз возвращались назад, шагая по трупам. Несущие Слово не торопятся в тронный зал. Они работают не так. Сначала они истребляют всех, кто остался во дворце, — зачищают комнату

за комнатой, зал за залом. Это расправа. Это означает работать тщательно. Теперь ты понял?

Исхак кивнул, не зная, что еще сказать.

К звукам стрельбы добавился утробный вой моторизованных клинков. Сердце забилось быстрее. Вот оно: увидеть Астартес в бою. И надеяться, что его самого не пристрелят.

— Живее! — рыкнул сержант. — Оружие к бою.

Оружия у Исхака не было, но лицо его стало таким же суровым, как и у Замикова, а вместо ружья он взял на изготовку свой пиктер.

Когда они добрались до Несущих Слово, зрелище оказалось совсем не таким, как он ожидал. Во-первых, это было не отделение Астартес, а всего один Несущий Слово. И во-вторых, он был не один.

Пиктер щелкал и щелкал не переставая.

Они двигались так, словно были близнецами, единым орудием с единой

целью. Никто никем не командовал, ни один не вырывался вперед и не отставал. Это не было соревнованием. Это был идеальный союз. Они остановились одновременно, закончив атаку, чтобы оценить обстановку. Город бился в судорогах эвакуации, хотя это вряд ли могло принести населению какую-то пользу, а воздух сотрясали завывания сирен, слышных даже во дворце. За каждым углом, на каждом пересечении коридоров стояли отряды защитников, вооруженные бронебойными ружьями, но их снаряды с громким треском отскакивали от доспехов Астартес, не причиняя никакого вреда.

В вокс-сети было тихо. Никто не просил о подкреплении, не требовал приказов. Монотонные песнопения, привычные для многих отделений Несущих Слово, в Гал Ворбак не практиковались. Сорок воинов, заброшенные в капсулах в четыре сектора королевского дворца, немедленно рассредоточились и начали резню, сопровождая ее приглушенным ворчанием. Перед воинами возникла еще

одна баррикада, защищаемая десятками людей в роскошных белых с золотом одеяниях и вооруженных винтовками. Каждый выстрел сопровождался облачком дыма и звонким лязгом пули, высекающей искры и рикошетом отлетающей в сторону.

Два воина перешли на бег, разбивая подошвами каменный пол. Оба в одно мгновение взлетели на гребень баррикады, сооруженной из чего попало, приземлились одновременно и дали волю своей ярости. Порубленные тела защитников разлетались на части с такой скоростью, что было нереально уследить глазами.

Подобное единство было возможно только благодаря беспощадному знанию другого. Когда один пригибался, второй проводил верхний выпад. Их бой был подобен танцу, в котором каждый знал и предвидел все движения партнера, хотя все внимание обоих было сосредоточено на противнике.

Девятнадцать защитников баррикад быстро прекратили свое существование. Последний умер, будучи пронзен насквозь и

обезглавлен одновременно двумя мечами.

С клинков и когтей обильно стекала кровь. Встав спиной к спине, воины окинули взглядом сцену бойни, за полсекунды распознали эухарцев, сопровождающих летописцев, и одновременно двинулись.

Аквилон побежал.

Аргел Тал покачнулся.

От изумления кустодий остановился. Обернувшись, он увидел, как Несущий Слово сделал еще один неуверенный шаг, а затем рухнул на колени среди поверженных им защитников дворца.

Аквилон раскрутил свой клинок, превратив его в щит, способный отвести в сторону любой выстрел. Его вокс не был подключен к сети легиона, и жизненные показатели Аргел Тала были недоступны кустодию. Но Аквилон не видел никаких признаков ранения. Лишь странные конвульсии.

— Ты ранен?

В ответ Аргел Тал только отрывисто вздохнул. Из решетки шлема вытекла черная жидкость — не такая

густая, как масло, но гуще, чем кровь. Упав на камни, темные капли зашипели, словно кислота.

Аквилон, не переставая вращать клинок, остановился над коленопреклоненным Астартес. Куда бы он ни повернулся, в поле зрения не было никаких целей. Не было никакого убийцы, по крайней мере, он ничего не видел. Аквилон рискнул снова посмотреть вниз.

— Брат? Брат, что тебя мучит?

Аргел Тал вонзил когти в стену, опираясь на нее. На решетке шлема вздувались и опадали черные пузыри, посеребренные слюной.

— Ракаршшик, — выпалил он в вокс.

Конвульсии постепенно прекращались, но Несущий Слово не торопился встать.

— Что тебя свалило?

— Хнх. Ничего. Ничего, — едва слышно прохрипел Аргел Тал. — Я... Скажи, что ты тоже это слышишь.

— Что слышу?

Аргел Тал не ответил. Вопль в его голове не утихал. Это был звук печали и гнева, но с каким-то странным привкусом

наслаждения, — бессмысленная смесь несовместимых эмоций, соединенных в едином крике. И пока он продолжался, кровь с каждой секундой становилась горячее.

— Пора двигаться, — лязгая зубами, прорычал он Аквилону.

— Брат?

— Пойдем.

Торгал закричал в унисон с далеким воплем, повергая в панику стоявших перед ним защитников дворца. Вокруг него воины Гал Ворбак побросали оружие и вцепились руками в шлемы. Тронный зал огласился невыразимым страдальческим ревом вокса.

Ее психическое совершенство Шал Весс Налия IX смотрела на это неожиданное безумие сквозь пелену слез. До этого правительница Калиса корчилась на своем непомерно огромном троне — гора жира, прикрытая грудой пышных одеяний, — и во всеуслышание стонала и рыдала. Последние уцелевшие защитники — те, кто еще не сбежал, оставив ее погибать

от рук захватчиков, — тоже были захвачены врасплох внезапным прекращением резни и криками воинов в красной броне.

Церемониальные клинки гвардии были бесполезны против брони Астартес, как были бесполезны и их бронебойные ружья. Вместо того чтобы броситься в атаку, защитники воспользовались мгновением передышки, чтобы отойти к трону ее психического совершенства.

— Ваше высочество, пора уходить, — обратился к ней капитан дворцовой гвардии.

Эти же самые слова он повторял на протяжении нескольких дней, но, если это не подействует сейчас, ему, по крайней мере, больше не придется и пытаться.

В ответ она разрыдалась. Все подбородки затряслись.

— Забудь про нее, — сказал кто-то из защитников. От громких криков захватчиков все лица вокруг были крайне напряжены. — Ревус, это наш последний шанс.

— Защищайте меня! — взвыла

правительница. — Исполняйте свой долг! Убейте их всех!

Ревусу было уже пятьдесят два года, и он со всей преданностью служил отцу нынешнего психического совершенства — обаятельному и успешному правителю, любимому всем народом, чего так не хватало этой жирной паскуде, его дочери.

Но он не мог уйти. Точнее, не мог себе этого позволить.

Ревус повернулся и посмотрел на поверженных захватчиков, павших на колени и кричавших среди моря истерзанных тел. В этот момент он принял последнее в своей жизни решение. Он не побежит. Ему не подобает так поступать. Он будет защищать ленивую дочь своего господина ценой жизни и сломает клинок о броню врагов, напоследок выплюнув им в лица свое презрение.

— Бегите, псы! — бросил он своим людям. — Я умру, выполняя свой долг.

Половина стражников восприняла его слова как приказ и мгновенно разбежалась. Ревус увидел, как они исчезают в служебных проходах, и, несмотря ни на

что, не смог осудить их за трусость.

Капитан дворцовой гвардии остался среди какофонии криков с восемью защитниками: все они были либо слишком горды, либо преданы своему долгу, и все были ветеранами, которым перевалило за сорок.

— Мы с тобой, — сказал один из них, повысив голос, чтобы перекричать вопли.

— Защищайте меня! — снова завыла отвратительная девка. — Вы должны меня оберегать!

Ревус прочитал короткую молитву с почтительными пожеланиями духу ее отца всех благ и пообещал скоро встретиться с ним в загробной жизни.

Захватчики уже поднялись. Крики перешли в стоны и ворчание. И они потянулись за оружием, которое валялось в лужах крови.

Ревус бросил клич «В атаку!» и сам выполнил свой призыв.

Он даже не надеялся убить хотя бы одного из захватчиков, зная, что это не в его силах. Он лишь стремился сломать лезвие о красную броню — нанести

единственный удар, чего не смогли сделать многие из погибших защитников.

Он с криком рванулся вперед, но уже через мгновение рухнул на пол. Он даже не почувствовал боли, только мгновение слабости, и ноги вдруг выскочили из-под тела, а над ним нависла громада красного воина. Его клинок остался целым. В последнем желании Ревусу было отказано.

Захватчик наступил на грудь умирающего человека, переломав все кости и раздавив внутренние органы. Капитан дворцовой гвардии Ревус умер, так и не узнав, что его ноги и нижняя часть туловища после первого удара красного воина отлетели метра на три в сторону.

Торгал убил последнего из преданных защитников и первым из Гал Ворбак добрался до трона. Едкая слюна все еще обжигала гортань, но конечности обрели былую силу и снова ему повиновались. Вокс лихорадило от сообщений остальных отрядов, переживших такие же приступы боли и раскаты смеха в мозгу.

— Убирайтесь из моего мира! — орала

на него со своего трона ее психическое совершенство.

Торгал выдернул ее с сиденья, схватив за толстую шею. Вес оказался значительным даже для доспеха Астартес. Он почувствовал, как под напряжением активировались гиросистемы в плечевом и локтевом суставах.

Рядом с ним Селфарис надевал шлем после того, как сплюнул черный сгусток на один из трупов.

— Да убей ты эту свинью. Нам пора возвращаться на орбиту. Что-то случилось.

Торгал покачал головой:

— Ничего не случилось. — Он изо всех сил старался не обращать внимания на протестующие вопли женщины. — Но надо бы связаться с капелланом. Если это назначенный час, мы должны...

— Что? — Селфарис едва не рассмеялся. — Что мы должны сделать? Я слышу, как в моем черепе хохочет демон, а кровь так раскаляется, что вот-вот расплавит кости. У нас нет плана на

этот случай. Никто из нас на самом деле не верил, что этот час настанет.

— Убирайтесь из моего мира! — опять заорала правительница. — Оставьте нас в покое!

Торгал презрительно усмехнулся за лицевым щитком, чувствуя отвратительный рыбный запах чужой потной кожи. Какой ужасный случай в прошлом этого мира привел к подобному отклонению? Что могло вызвать необходимость такого осквернения — порчи человеческого генома генами ксеносов? Эти люди не были ни более сильными, ни просвещенными, ни более развитыми, чем любая другая человеческая цивилизация. По правде говоря, они даже казались более отсталыми.

— Зачем вы это с собой сделали? — спросил Астартес.

— Убирайтесь из моего мира! Убирайтесь!

Он отшвырнул ее в сторону. Мясистая груда рухнула на пол, и перелом шеи положил конец династии.

— Сжечь все! — приказал Торгал. — Сжечь все и вызвать «Громовые ястребы». Наступил назначенный час. Я доложу Алому Повелителю.

Алый Повелитель осмотрел двор. Пусто. Ничего, кроме приземлившегося десантного катера.

Он опустил когти.

Торгал отрапортовал об уничтожении монархини почти час назад, но энтузиазм Аргел Тала угас задолго до этого донесения. В его голове еще звучало эхо молчаливого вопля, и он остался стоять в тени своего «Громового ястреба» под названием «Восходящее солнце», не принимая участия в заключительной бойне внутри дворца. Воины Гал Ворбак огнеметами и зажигательными гранатами уничтожали все следы королевской жизни, очищая дворец с колоннами изнутри.

Многие по воксу задавали друг другу вопросы, заполняя канал связи гудением удивленных и агрессивных голосов. Отвратительно часто повторялись слова

«назначенный час». В воинах вскипела кровь, им казалось, что они слышали призыв богов.

Аквилон не отставал от него, что было вполне ожидаемо, но совершенно не нужно. Четверо Кустодес сражались среди Несущих Слово при штурме дворца. Они наверняка все видели, и это очень скоро может вызвать проблемы.

Аргел Тал смотрел на человека, которого ему вскоре прикажут убить, и спрашивал себя, хватит ли у него на это физических и моральных сил.

— Мне нечего тебе ответить, — сказал ему Аргел Тал. — Я не знаю, что произошло. Мной овладела мгновенная слабость. Я ее одолел. Вот и все.

Из динамика шлема кустодия послышался вздох.

— А сейчас с тобой все в порядке?

— Да, силы быстро восстановились. До сих пор таких приступов слабости не было.

— Мои люди сообщают о точно таких же случаях, — сказал кустодий. — Многие из Гал Ворбак упали, словно

пораженные невидимой рукой, и в тот же момент, когда пострадал и ты. — Аквилон в знак дружеского расположения снял шлем, но его жест остался без ответа. — Мы не обнаружили никакого вражеского оружия, способного произвести такой эффект.

Он смог выдержать взгляд Аквилона только благодаря прикрывающим глаза линзам.

— Брат, если бы я знал, что на меня подействовало, — сказал Аргел Тал, — я бы тебе сообщил.

— Придется рассматривать это как ранее неизвестный дефект геносемени вашего легиона.

Невнятное ворчание Аргел Тала можно было расценить и как согласие, и как возражение.

— Ты меня понимаешь, — продолжал кустодий. — Я должен немедленно сообщить об этом Императору, возлюбленному всеми.

Под лицевым щитком Аргел Тала изо рта снова потекла кровь.

— Да, — ответил он, облизывая губы. — Конечно, ты должен сообщить.

В первый момент он решил, что вопль возобновился. И только после нескольких секунд раскатистого завывания он снова повернулся к стенам королевского дворца.

— Ты слышишь? — спросил он.

На этот раз Аквилон кивнул:

— Да, слышу.

Когда раздался вой сирены, почти все Несущие Слово запросили информацию о ее источнике. Колхидские руны, мерцавшие на сотнях ретинальных дисплеев, сообщали отрывистые разрозненные данные, но они не имели никакого смысла.

Даже воины в красных доспехах Гал Ворбак, продолжавшие очищение огнем, засомневались и послали запрос на орбиту, требуя подтверждения и объяснений.

Во дворе Аргел Тал и Аквилон поднялись на борт «Восходящего солнца» и приказали всем воинам без промедления возвращаться к своим десантным капсулам. Дворец ее психического совершенства больше не имел значения.

Вся операция по приведению к Согласию уже утратила смысл.

«Все Несущие Слово, все Кустодес, все подразделения Имперской Армии Тысяча триста первой экспедиционной флотилии, слушайте это обращение. Говорит Аргел Тал, магистр Зубчатого Солнца. На "De Профундис" поступил сигнал с самой Терры, отмеченный печатью Императора. Система Иссtваан охвачена мятежом, во главе восстания четыре наших собственных легиона. Возникло множество слухов, но фактов мало. Говорят, что Воитель нарушил скрепленные кровью клятвы верности Тронному Миру. Правда это или ложь, мы не начнем войну, ослепленные неведением. Но мы откликнемся на призыв примарха, поскольку Лоргар требует нашего ответа.

Сворачивайте боевые

действия на поверхности и возвращайтесь к своим кораблям. Немедленно поднимайтесь на орбиту. Нам приказано лететь к Исстваану, и мы повинуемся, поскольку рождены для повиновения. Несущие Слово проникнут в сердце этого предательства и вырвут оттуда истину. Офицеры, займите свои посты. Воины, выполняйте свой долг.

Пока это все».

Аквилон стоял рядом с Алым Повелителем в пассажирском отсеке десантного катера.

— Я ни на секунду не могу в это поверить. Хорус? Предатель? — Кустодий провел пальцами по плоскости своего клинка. — Это невероятно.

— Ты слушал послание, так же как и я. — Аргел Тал моргнул на рунический символ дисплея своего визора, открывая вокс-канал Гал Ворбак. — Подтвердите безопасность связи.

Вторая руна появилась рядом с первой и утвердительно замигала.

— Говорит Аргел Тал. — Теперь он обращался только к своим ближайшим братьям. — Нас призывает Аврелиан.

В ответ раздался голос, не имевший никакого отношения к воксу. Он звучал в его мозгу и казался мучительно знакомым.

Они уже знают. Они чувствуют это.

«Мне знаком этот голос», — подумал он.

Конечно знаком. Это наш собственный голос. Мы Аргел Тал.

Глава 23
ИЗМЕННИКИ ОДЕРЖИМОСТЬ ВЫБОР

Астропат кивнул.

Аквилон был настолько ошеломлен, что даже не ощутил ярости.

— Измена, — произнес он. — Как это могло случиться?

Астропат по имени Картик, даже выпрямившись во весь рост, представлял собой ничем не примечательное низенькое существо, а преклонный возраст только усугублял это впечатление, и привычка сутулиться придавала ему сходство с ожидающим нападения зверьком. Возраст псайкера приближался к семидесяти, его лицо избороздили морщины, и даже в молодости он вряд ли отличался особой ловкостью. Теперь он был стар. И это сказывалось на всем его облике и в манере двигаться.

На уродливом лице, сформированном

жестокими генами, в глубоких глазницах под полуопущенными веками мерцали неожиданно красивые глаза. Один из летописцев, однажды увидев его, утверждал, что либо отец, либо мать Картика, а может, и оба родителя наверняка происходили из семейства грызунов.

Он никогда не умел отвечать на насмешки, всегда уклонялся от словесных баталий. Когда-то он попытался завязать дружбу с недавно прибывшими гражданскими служащими, и сознавал, что одиночество заставит его повторить попытку, но пока намеревался оставить все как есть.

Должность личного астропата при «Оккули Император» принесла его семье на Терре скромный достаток, но ему самому, согласно условиям договора, не дала ничего, кроме одинокой и унылой ссылки. Таковы были жертвы, приносимые в те дни и в ту эпоху. Уверенный в благосостоянии своей семьи, он был твердо намерен выполнять свой долг перед Императором.

Раз или два в поисках историй и

фактов для работы к нему приходили летописцы, желавшие воспользоваться его положением в собственных целях. В их глазах Картик видел неприкрытое честолюбие и полное отсутствие интереса к нему самому, а потому сделал все, чтобы его оставили в покое. По правде говоря, он привык к одиночеству. Он не хотел чувствовать себя использованным только ради того, чтобы его прервать.

— Я это подтверждаю, — сказал Картик. Его речь, как и глаза, была так же неожиданно приятна. И никто, кроме самого Картика, не знал, что он обладает еще и удивительной способностью к пению. — Высокий господин, в последние дни эфир стал удивительно прозрачным, и послание с Терры дошло без каких бы то ни было искажений. В нем говорится об измене.

Аквилон посмотрел на остальных, собравшихся вместе с ним в комнате Картика. Калхин, самый младший из всех, он получил на службе Императору всего девять имен. Ниралл, чей нагрудник украшен двадцатью выгравированными

именами, и непревзойденный мастер в обращении с алебардой. Ситран, все еще соблюдающий обет молчания, принесенный у стен Императорского Дворца, на вершине одной из немногих сохранившихся гор в Гималаях. Он расценил это назначение как ссылку и поклялся, что не проронит ни слова, пока через семь лет не вернется на Терру по окончании пятидесятилетнего срока службы.

— Четыре легиона, — заговорил Калхин. — Целых четыре легиона предали Императора.

— И под предводительством Воителя, — негромко добавил Картик. — Любимого сына Императора.

Ниралл насмешливо и презрительно фыркнул:

— Это мы любимые сыновья Императора, говорящий с варпом.

Аквилон пропустил старинный спор мимо ушей.

— Аргел Тал заверил меня, что мы достигнем Исстваана через тридцать девять дней. По прибытии братство Зубчатого Солнца присоединится к

легиону вместе со всеми остальными Несущими Слово. Ни армия, ни Механикум, ни какие-либо иные силы не будут принимать участия в атаке. Это касается и нас тоже. Вероятно, Астартес считают этот конфликт своим внутренним делом. Они хотят, чтобы мы взяли на себя командование четырьмя небольшими кораблями и помогли им в охране внешних границ. Я согласился.

Остальные повернулись к Аквилону. Почти все кивнули, соглашаясь с предложенной ролью, но их беспокойство не улеглось.

— Тридцать девять дней? — переспросил Ниралл.

— Да.

— Это невероятно быстро, — заметил Калхин. — Мы потратили годы, пробиваясь сквозь вздувшиеся потоки и приводя к Согласию захолустные миры, и вдруг навигаторы докладывают о свободных переходах как раз к тому месту, куда нам надо добраться. Расстояние в четверть всей Галактики? Это путешествие должно было занять лет

десять.

— Варп прояснился, — повторил Картик.

— Даже при благоприятных условиях это все равно путь, требующий нескольких месяцев.

Аквилон перевел взгляд на Картика, и все остальные, один за другим, сделали то же самое.

— Да, «Оккули Император»? — спросил тот.

— Сообщи Сигиллиту, что мы ждем его приказов. Астартес противятся участию посторонних сил в предстоящем сражении, но мы все же остаемся во флотилии Несущих Слово, командуя четырьмя кораблями.

— Как прикажешь, — привычно ответил Картик.

Ему предстоит долгая ночь. Срочное послание придется проталкивать весь длинный путь до самой Терры, а потом поддерживать контакт с астропатом в далеком домашнем мире, чтобы получить ответ.

— Все будет сделано.

Не говоря больше ни слова, Кустодес покинули комнату.

Аргел Тал дрожал от холода в своем доспехе, несмотря на жару. Ледяной пот стачивал кожу, и внутренние слои брони не сразу успевали впитывать его, перерабатывать и снова направлять в его тело.

Скрип тяжелого керамита о стальное покрытие палубы ритмично повторялся при каждом ударе сердца. Он пытался встать несчетное число раз. Каждая попытка заканчивалась очередным падением на пол комнаты для медитаций, оставляя новые вмятины в покрытии и царапины на краске доспеха.

Открытый канал связи с остальными членами Гал Ворбак доносил до него проклятия и неразборчивое бормотание, но он не мог вспомнить ни когда включил вокс, ни как его выключить. Они страдали так же, как и он. Большинство воинов были даже не в состоянии говорить — вместо слов их голоса воспроизводили отрывистое сдавленное рычание.

Раздался входной сигнал.

Аргел Тал глухо заворчал и лишь через несколько секунд сумел сформировать единственное слово:

— Кто?

— Это Аквилон, — прошипел динамик на стене.

Несущий Слово перевел слезящийся взгляд на ретинальный хронометр, глядя на перескакивающие цифры. Он о чем-то забыл. О каком-то... событии. Мысли путались. Между ноющими зубами просачивались струйки слюны.

— Да?

— Ты не пришел на нашу тренировку.

Да, вот оно что. Их тренировка.

— Извини. Медитирую.

— Аргел Тал?

— Медитирую.

— Хорошо, — раздался голос после недолгой паузы. — Я вернусь позже.

Аргел Тал дрожа лежал на палубе и шептал мантры на коренном колхидском наречии, лишенном терранских и готических заимствований.

В какой-то момент, окутанный

пеленой боли, он выхватил боевой нож. Стараясь избавиться от жара в крови, он дрожащей рукой рассек рукавицу вместе с ладонью. Из раны вытекла жидкость, похожая на кипящее масло; она бурлила и пузырилась и с шипением растекалась по полу.

Рана закрылась, словно исчезающая улыбка. Даже прореха в рукавице затянулась, оставив на поверхности отвратительный органический рубец.

Прошел еще час, и он, собравшись с силами, сумел встать на ноги и подавить дрожь. В воксе раздавались смех и рыдания воинов, проявлявших эмоции, совершенно не свойственные Астартес.

— Ксафен.

Чтобы ответить, капеллану потребовалось несколько секунд:

— Брат.

— Мы должны... скрыть это от Кустодес. Распространи информацию. Все члены Гал Ворбак уединяются для медитаций. Покаяния. Размышления, пока ты летим к Исстваану.

— Мы можем их просто убить. —

Капеллан не говорил, а отрывисто лаял. — Убить прямо сейчас. Час настал.

— Они умрут. — Аргел Тал проглотил сгусток кислоты. — Когда скажет примарх. Распространи по кораблю известие. Гал Ворбак совершают покаяние и отказываются от внешних контактов.

— Как прикажешь.

Фоном их разговору служили стенания и вопли братьев. Глухие удары, передаваемые воксом, говорили о кулаках и головах, бьющихся в стены. Ему стало трудно дышать. Надо снять удушающий шлем; даже теплый восстановленный воздух корабля лучше, чем запах углей и пепла, от которого он задыхался.

Пальцы нажали на клапаны замков у ворота, но с каждым рывком дергалась и голова. Шлем не желал сниматься. Липкий пот приклеил его к лицу.

Аргел Тал подошел к выходу и нажал кнопку на панели замка. Дождавшись открытия двери, Алый Повелитель, пошатываясь, бросился бегом по коридорам к единственному убежищу, на котором мог

сконцентрироваться его сбитый с толку разум.

— Войди! — крикнула она.

Первое, что она услышала, было рычание сервоузлов доспеха и тяжелые удары ботинок Астартес. Она открыла рот, чтобы заговорить, но запах лишил ее дара речи. Агрессивно-сильный, насыщенный химический запах расплавленного металла с примесью дыма тлеющих углей.

Неравномерные шаги раздались в ее комнате и внезапно закончились грохотом керамита о металл, от которого вздрогнула ее кровать. Сразу после грохота дверь закрылась. Она села на край постели и обратила невидящий взгляд в ту сторону, где, судя по шуму, упал Астартес.

— Кирена, — произнес воин.

Несмотря на крайнее напряжение в голосе, она мгновенно узнала его.

Не говоря ни слова, она соскользнула с кровати и ощупью направилась к тому месту, где он упал. Рука наткнулась на

гладкую броню на голени и потрепанный свиток с обетами. Получив ориентир, она осторожно двигалась дальше, пока не уселась возле плеч воина, и положила тяжелый шлем себе на колени.

— Твой шлем не снимается, — сказала она.

Теперь это было его лицо — раскосые линзы-глаза и оскаленная маска из керамита. Он ничего не ответил.

— Я... я вызову апотекария.

— Надо спрятаться. Запри дверь.

Входной замок выполнил ее голосовую команду.

— Что случилось? — Она не скрывала своего беспокойства и нарастающего ужаса. — Это то, о чем говорил Ксафен? Это... назначенный час?

Значит, капеллан ей все уже рассказал. Он знал, что глупо этому удивляться, — Ксафен всегда делился своими мыслями с Блаженной Леди, используя ее как еще один инструмент для распространения новой веры в легионе и среди слуг. Прежде чем ответить, Аргел Тал сморгнул с глаз едкий пот.

Целеуказатель воспроизвел перед его глазами контур лица Кирены, и он прогнал изображение, скрипнув зубами от напряжения.

— Да. Изменение. Назначенный час.

— Что произойдет?

Тревога в ее голосе нектаром ласкала его слух. Ангел Тал не понимал почему, но чувствовал себя сильнее, прислушиваясь к ее прерывистому дыханию... к ускорившемуся биению сердца... к согретому страхом голосу. Слезы падали на его лицевой щиток, и даже от этого его мышцы наливались новой силой.

Мы питаемся ее жалостью, возникла в голове неожиданная мысль.

— Ты умираешь? — спросила она сквозь слезы.

— Да. — Его собственный ответ вызвал шок, поскольку он этого не ожидал, но все же понял, что это правда, в тот самый момент, когда ответил. — Думаю, что умираю.

— Что я должна сделать? Пожалуйста, скажи.

Он ощущал кончики ее пальцев на

забрале шлема, несущие прохладу и немного успокаивающие боль. Как будто ее холодные пальцы касались прямо его воспаленной кожи.

— Кирена, — проворчал он не своим голосом. — Таков план примарха.

— Я знаю. Ты не умрешь. Лоргар этого не допустит.

— Лоргар. Поступает. Так, как должен поступить.

Он чувствовал, что его голос слабеет, а сам он выскальзывает из реальности, словно погружаясь в наркотический сон. Мысли, пробуждая звенящее эхо, разделились на две неконтролируемые части.

Он видел ее, видел закрытые глаза, из которых еще сочились слезы, каштановые локоны, спадающие на лицо. Но он видел не только это — биение пульса на виске, где под тонкой, слишком человеческой кожей подрагивала вена. Слабое, прерывистое биение ее сердца, перекачивающего в ее хрупком теле жидкую жизнь. Запах ее души, с каждым мгновением рвущейся наружу всю ее жизнь, выходящей с

дыханием, пока она не перестанет дышать. Она пахнет жизнью и уязвимостью.

Все это каким-то образом разожгло в нем желание, похожее на жажду битвы, на голод, но сильнее их обоих, настолько яростное, что причиняло боль. Ее кровь будет пощипывать язык и петь в пищеварительном тракте. Ее глаза станут сладкими жевательными шариками, увлажняющими рот. Он сломает ее зубы и будет перекатывать во рту осколки, а потом вырвет ее язык из окровавленных губ и проглотит эту полоску живой плоти целиком. А потом, лишившись языка, она будет стонать и захлебываться, пока не истечет кровью и не умрет перед ним.

Она добыча. Человек. Смертный. Она умирает каждую минуту, и ее дух обречен плавать в Океане Душ, пока его не проглотит один из нерожденных.

И кроме этого, она — Кирена. Блаженная Леди. Единственное существо, к которому он пришел в самую страшную минуту своей жизни, когда его тело

сломалось, а вместе с ним сломалась и его вера.

Ее уничтожение принесет радость. Ее жалость поддержит его, даже обогатит.

Но он не причинит ей зла. Он может, но не сделает этого. Ярость, появившаяся ниоткуда, перед осознанием этого мгновенно испарилась. Он не станет рабом своих диких желаний, какими бы сильными они ни были.

Он никогда не предаст своих братьев и не свернет с пути, указанного Лоргаром. Всегда существует выбор, и он предпочтет страдать, как предопределено его примархом, выдержит все изменения, чтобы другим не пришлось их терпеть. Человечество выживет благодаря силе немногих избранных.

— Аргел Тал?

Она произнесла это имя со странной нежностью, как произносила его всегда.

— Да. Мы Аргел Тал.

— Что происходит?

Он сумел ободряюще улыбнуться. Улыбка расколола керамит шлема, и

лицевой щиток улыбнулся вместе с ним. Она не могла увидеть злобно ухмыляющуюся демоническую физиономию.

— Ничего. Просто изменение. Присмотри за мной, Кирена. Спрячь от Аквилона. Я могу себя контролировать. Я не причиню тебе зла.

Он поднял руку и затуманенным взглядом смотрел, как все грани становятся расплывчатыми и неясными. На глаза попалась когтистая лапа — человеческая рука, облаченная в потрескавшийся алый керамит, черные когти с невероятной нежностью поглаживали волосы женщины. Некоторое время он просто наблюдал, как его новые когти притягивают скудный свет слабо освещенной комнаты. Металл брони стал керамитовой кожей, а когти рукавиц — его собственными когтями.

— У тебя изменился голос, — сказала она.

Его зрение сфокусировалось, все очертания обрели былую четкость. Лапа стала обычной рукавицей, а рука такой же человеческой, как всегда.

— Не беспокойся, — сказал Аргел Тал. — Так или иначе, скоро все закончится.

Гал Ворбак недолго оставались в уединении. Большинство воинов покинули свои запертые комнаты спустя несколько ночей. Ксафен вышел первым и, казалось, нисколько не изменился, хотя никогда больше не появлялся на палубах корабля без шлема. И в проволочной курильнице, установленной на заплечной силовой установке, всегда горел огонек, оставлявший за капелланом запах угля и пепла. Все свое время он посвятил посещению братьев по Гал Ворбак в их комнатах для медитаций, но больше никого туда не допускал. Аргел Тал покинул комнату Кирены после трех ночей. Как и ожидал Несущий Слово, Аквилона он обнаружил в зале для тренировочных боев.

— Я так и знал, что ты здесь, — сказал он.

Кустодес отступили друг от друга: Аквилон вел поединок с Ситраном, оба воина держали в руках активированное

оружие, и оба были в полном боевом облачении, включая увенчанные плюмажами шлемы.

Ситран деактивировал свою алебарду, и клинок отозвался щелчком прерванного потока энергии. Аквилон опустил оружие, но оставил его включенным.

— Твоя медитация затянулась, — заметил он, встречая Аргел Тала взглядом рубиновых линз.

— Брат, неужели я слышу подозрение в твоем голосе? — Аргел Тал усмехнулся под щитком шлема. — У меня было много поводов для размышлений. Ситран, не одолжишь ли ты мне свою алебарду? Я хочу сразиться.

Ситран, не говоря ни слова, повернулся к Аквилону, и вместо него ответил «Оккули Император»:

— Наше оружие настроено на генетический код. В твоих руках оно не активируется. Кроме того, позволить кому-то другому прикоснуться к оружию, врученному нам лично Императором, считается для нас тяжким прегрешением.

— Хорошо. Я не хотел никого оскорбить. — Аргел Тал прошел к оружейной стойке и пристегнул к своим перчаткам пару древних, изрядно побитых силовых когтей. — Начнем?

Шлем Аквилона слегка наклонился.

— С включенным оружием?

— Duellem Extremis, — подтвердил Аргел Тал и сжал кулаки, чтобы активировать силовое поле вокруг длинных когтей.

Ситран вышел из тренировочной камеры, заперев внутри своего командира и Алого Повелителя. Он сотни раз наблюдал за поединками Аргел Тала и Аквилона и, согласно тщательным подсчетам, ожидал поражения Несущего Слово через шестьдесят или восемьдесят секунд.

Прозвучал сигнал к началу поединка. За пять секунд клинки зазвенели одиннадцать раз, и на этом схватка закончилась.

— Еще раз? — спросил Астартес.

Он услышал взволнованный вздох Ситрана. Аквилон ничего не сказал.

— Что-нибудь не так? — поинтересовался Аргел Тал.

С когтями на рукавицах он не мог предложить руку Аквилону, чтобы помочь ему подняться с пола.

— Нет. Все в порядке. Просто я не ожидал, что ты будешь атаковать.

Кустодий встал на ноги, и узлы его брони загудели, напрягая искусственные мускулы, связки и сухожилия.

— Повторим?

Аквилон поднял свой длинный клинок:

— Повторим.

Оба воина бросились навстречу друг другу, и каждый удар сопровождался вспышкой сталкивающихся противоположных полей. В каждую секунду клинки успевали соприкоснуться не меньше трех раз и тут же отскочить назад. Всего спустя несколько мгновений потревоженные электрические поля насытили воздух запахом озона.

На этот раз силы воинов были примерно равны. Аргел Тал учитывал не только мощь своих когтей, но и возможные движения противника и предоставляемые

ими возможности. Это всегда позволяло ему оказывать сопротивление превосходящему противнику, такому как Аквилон. А теперь он использовал свой природный дар с ловкостью, не уступавшей ловкости кустодия, и Аквилон впервые за всю историю их поединков был вынужден отчаянно защищаться.

Он заметил изъян в неожиданных выпадах Несущего Слово — оттенок грубости, намек на утрату баланса — и нанес ответный удар, как только представилась возможность. Его клинок плашмя ударил в нагрудник Аргел Тала и отбросил магистра назад. Закованный в алую броню воин еще не успел коснуться палубы, а на губах Аквилона уже заиграла улыбка.

— Вот так. Баланс восстановлен, и ты там, где тебе и надлежит быть, — на полу.

— Я тебя почти одолел.

— У тебя не было ни единого шанса, — возразил кустодий, не совсем уверенный в правоте своих слов. — Но ты изменился брат. Стал более энергичным. Более

возбужденным.

— Я и чувствую себя иначе. А теперь извини — мне необходимо кое-что сделать.

— Как скажешь, — ответил кустодий.

Аквилон и Ситран проводили взглядами уходящего Астартес.

Аквилон нарушил установившуюся тишину.

— Что-то переменилось, — произнес он.

Ситран, верный обету молчания, только кивнул.

Глава 24
ИССТВААН V
ИЗМЕННИКИ
ОДЕТЫЕ ПОЛНОЧЬЮ

Исстваан --- ничем не примечательное солнце, расположенное вдали от Терры, драгоценного Тронного Мира Империума.

Третья планета системы, находящаяся на благоприятном расстоянии от светила, что обеспечивало условия для жизни людей, яростью Хоруса Луперкаля была обращена в зараженную вирусами массовую могилу. От населения не осталось ничего, кроме отравленного пепла, рассеянного над безжизненными континентами, а развалины городов чернели пятнами обгоревшего камня. Всего за один день цивилизация канула в небытие. После проведенной флотилией Воителя орбитальной бомбардировки зажигательными снарядами и торпедами, насыщенными вирусами, весь мир

обратился в ничто.

Теперь Исствааан III безмолвно двигался по своей орбите, почти величественный в своем абсолютном опустошении. Он стал покрытым шрамами надгробным памятником погибшей империи.

Пятая планета системы отличалась более холодным климатом, подходившим только самым стойким и генетически закаленным формам жизни. В ее небесах постоянно бушевали штормa, поверхность была покрыта тундрой, и ничто в этом мире не обещало легкой жизни тому, кто осмелился бы ступить на ее землю.

Вокруг Исствааана V кружил один из величайших флотов, когда-либо собиравшихся в истории человечества. Это было, без сомнения, самое впечатляющее соединение кораблей Астартес — разведчики, крейсеры, эсминцы и флагманы семи полных легионов. Матово-черные суда Гвардии Ворона сливались с бездной вокруг своего флагмана — огромной, обтекаемой и

грозной «Тени Императора». Плотным строем встали на орбите покрытые зеленой броней военные суда Саламандр вокруг корабля своего примарха — огромного «Рожденного в пламени», чей корпус и бастионы украшали злобно ухмыляющиеся горгульи из полированной бронзы, похожие на драконов.

Флот меньшего размера остался на высокой орбите. В его состав в основном входили небольшие сторожевые корабли, окружившие громоздкий линкор «Феррум», свидетельствующий о присутствии Железных Рук. Все корабли обладали более массивной броней, и их черные корпуса терцали отделкой и оружейной стали, и полированного серебра. Железные Руки прислали свои лучшие роты, а основная флотилия легиона еще находилась в пути.

Кораблей противника не было видно и следа. Суда Гвардии Смерти, Детей Императора, Пожирателей Миров и архипредателя Хоруса бесследно исчезли, скрылись от глаз имперцев и возмездия Императора.

Со сверхъестественной согласованностью сотни кораблей со всех концов звездной системы приблизились к планете. Закованные в броню полуночно-синего неба военные корабли авангарда несли на себе бронзовые черепа и скульптурные украшения легиона Повелителей Ночи. Железные Воины шли рядом со своими братьями, их корабли-бастионы из композитного металла и тусклого керамита почти не отражали свет звезд. Суда легиона Альфа держались на периферии огромного флота, их синие как море корабли в честь рептилии, выбранной их символом, были разрисованы под стилизованную чешую. Из своих гнезд вдоль бортов кораблей на космос скалились выпуклые чеканные гидры.

В центре приближающейся армады, превосходя численностью все братские легионы, шел гранитно-серый боевой флот Несущих Слово. Флагман Семнадцатого легиона, «Фиделитас Лекс», прокладывал путь к планете впереди всех, и его мощные двигатели вибрировали на малых оборотах, сохраняя вектор сближения с

миром.

Выход из варпа такого количества кораблей в одно и то же время должен был повлечь за собой бурю сталкивающихся корпусов и тучи обломков, тем не менее армада двигалась с утомительным спокойствием, между кораблями соблюдалась безопасная дистанция, и пустотные щиты ни разу не заискрили от соприкосновения.

С точностью, потребовавшей бесконечных вычислений, суда семи легионов повисли в небе над Иссваанон V. Между тяжелыми крейсерами заметались катера и шаттлы, а на палубах всех военных кораблей началась подготовка к беспрецедентной, уникальной высадке на планету.

Хорус, мятежный сын Императора, строил на поверхности оборонительные укрепления. Империум Человечества послал семь легионов, чтобы уничтожить сбившегося с пути потомка, не зная, что четыре из них уже отказались от своих клятв Тронному Миру.

«Погребок» был переполнен летописцами и солдатами, свободными от дежурств и покинувшими служебные палубы. Исхак протолкался к стойке, заработав массу раздраженных окриков и угрожающих восклицаний, которые, как он знал, никогда не перерастут в настоящую стычку. Он заказал пластиковый стаканчик (в «Погребке» избегали любых затрат) чего-нибудь свежеприготовленного, хоть машинного масла, если только оно не прикончит его на месте. В уплату он бросил на деревянную, покрытую пятнами стойку бара несколько медяков, и после этого его карманы окончательно опустели.

Все разговоры вокруг него велись на одну и ту же тему. Высадка на поверхность. Измена. Хорус, Хорус, Хорус. Но больше всего его заинтересовал тон, преобладающий в обсуждениях. «Император покинул Великий Крестовый Поход». «Хорус был предан своим отцом». «Восстание оправданно». Эти фразы повторялись снова и снова уже больше месяца, все время, пока флотилия была в

варпе.

Исхак тронул за плечо одного из выпивающих. Человек обернулся, продемонстрировав занимательную географию шрамов, покрывавших лицо. Он был в форме эухарцев и с пристегнутой к поясу пистолетной кобурой.

— Скажи-ка, почему ты считаешь, что все это оправданно? — заговорил Исхак. — По мне, так это обычное предательство.

Эухарский пехотинец ухмыльнулся и отвернулся к своим приятелям. Исхак снова похлопал его по плечу:

— Нет, правда, мне интересно, как ты на это смотришь.

— Отвали, парень.

— Просто ответь на вопрос, — с улыбкой настаивал Исхак.

Ухмылка эухарца могла бы показаться угрожающей, если бы не застрявшие в зубах остатки недавнего ужина.

— Воитель покорил половину Галактики, верно? А Император уже полстолетия прячется на Терре.

Исхак решил, что это типично солдатская логика. В то время как один человек занимается неизмеримо сложным управлением межзвездной империей, его уважают гораздо меньше, чем того, кто ведет войну самыми простыми и агрессивными методами, всегда имея тактическое, численное и материальное преимущество.

— Позволь мне прояснить этот вопрос. — Исхак изобразил задумчивость. — Ты восхищаешься человеком, у которого имеется достаточно большая армия, исключающая всякую возможность поражения в войне, но обвиняешь того, кто осуществил основной замысел и на самом деле управляет Империумом?

Эухарец ответил на вопрос летописца еще одной усмешкой и повернулся к нему спиной. На какой-то момент имажист задумался, не пропустил ли он во всем этом что-то самое главное. Несущие Слово прибыли сюда по приказу Императора, чтобы положить конец мятежу Хоруса. И вдруг люди из обслуживающего персонала и

экипажа практически единогласно одобряют действия Хоруса.

Он отхлебнул напиток и тотчас пожалел об этом.

— Великолепно, — сказал он девушке за стойкой бара.

Разговор вокруг него продолжался, и Исхак позволил ему впитываться в мозг, как делал много вечеров подряд, предпочитая слушать и не говорить, подслушивать и не стыдиться этого. Он был пассивным собирателем общественного мнения. Так намного легче избежать потасовок: с тех пор как «Погребок» стал местом солдатских сборищ, тут не обходилось без драк.

— Несущие Слово не станут нападать на Хоруса, — послышался непоколебимо уверенный голос.

— Это не война. Они собрались для переговоров.

— Будет война, если переговоры сорвутся.

— Император — это пережиток Объединительных войн. Теперь от правителей Империума требуется нечто

большее.

— Хорус не совершил никакого преступления. Император испугался и потому так резко реагирует.

— До сражения дело не дойдет. Лоргар этого не допустит.

— Неужели Император не покинет Терру, чтобы с этим разобраться?

— Да какое ему дело до Империума?

— Я слышал, Хорус собирается вести других примархов на Терру.

Исхак оставил недопитый стакан и направился в свою каюту на жилой палубе для гражданских лиц. Он пытался убедить себя, что с него хватит дрянных напитков и подстрекательских разговоров, но истина была намного прозаичнее. У него не осталось денег.

На полпути к своей спальне он решил изменить курс. Если сидеть и скучать в своей комнате, ничего не достигнешь. Даже не имея денег на приличную выпивку, можно заняться тем, чем он занимался в первые ночи после того, как попал во флотилию легиона. Это его долг, о котором он — к добру или к худу — в

последние недели совсем забыл. Его бесконечные попытки добиться встречи с одним из представителей Гал Ворбак каждый раз безоговорочно отклонялись. Уединение алых воинов оказалось нерушимым, и поговаривали, что доступ в комнаты для медитаций закрыт даже Кустодес. Бесконечные отказы и отсутствие сражений умерили честолюбивый пыл летописца, но если больше нечем заняться, пора снова вернуться в игру.

Исхак проверил заряд энергетической батареи пиктера и отправился на поиски того, что принесет ему известность.

Их ждал примарх.

Когда они вышли из «Восходящего солнца» на главную ангарную палубу «Фиделитас Лекс», Лоргар уже стоял там, в полном боевом облачении и с массивным крозиусом Иллюминариум в серых кулаках. По обе стороны от него в гранитно-серой броне с гравировками из Слова стояли Кор Фаэрон и Эреб. Позади впечатляющим приветствием

выстроилась вся Первая рота в громоздких терминаторских доспехах, с двуствольными болтерами и длинными клинками в убийственных кулаках.

К обычному доброжелательному выражению лица Лоргара при появлении на палубе тридцати семи алых воинов добавилась еще и теплая улыбка. Все они, как один, опустились на колени перед своим верховным повелителем.

Лоргар жестом приказал им подняться.

— Неужели ваша память так коротка? Мои Гал Ворбак не должны преклонять передо мной колени.

Аргел Тал поднялся первым и успел увидеть на старческом лице Кор Фаэрона тень недовольства. Он рыкнул на Первого капитана, оскалив зубы, и из перчатки высунулись когти.

Эта демонстрация эмоций вызвала у Лоргара усмешку.

— Мои молитвы услышаны, — продолжал примарх. — Вы прибыли.

— Согласно приказу, — одновременно ответили Аргел Тал и Ксафен.

В рядах Гал Ворбак не было особой сплоченности. Они не старались вытянуться в струнку и выстроиться в ровную шеренгу. Все воины стояли вместе, но в то же время по отдельности. Каждый оставался среди своих братьев, но тщательно охранял собственное личное пространство, щурясь под синими хрустальными линзами шлемов.

— Мы начинаем высадку через час, — объявил Лоргар. — Аргел Тал, Ксафен, сейчас я хочу, чтобы вы пошли со мной. Вы присоединитесь к своим братьям перед тем, как поступит приказ о начале штурма.

— Хорошо, — ответил Аргел Тал.

— А что с Кустодес? — спросил Лоргар. — Скажите мне, что они еще живы.

— Они еще живы. Мы разослали их по четырем отдельным кораблям с наказом «приглядывать за обороной» на тот случай, если в грядущем сражении начнутся абордажные схватки.

— Им известно о намечающемся сражении?

— Они не глупцы и не могли не слышать новостей, передаваемых от корабля к кораблю. Они останутся на четырех судах, которые... задержатся... в варпе. Их навигаторы и капитаны осведомлены о деликатности ситуации, мой лорд. Они не появятся до тех пор, пока битва за Исстваан не будет выиграна.

Ксафен решил вмешаться:

— Как ты и приказывал, мы их сберегли.

Он игнорировал взгляд Аргел Тала, хотя и ощутил его, несмотря на то что его брат не снимал шлем.

— Это был не мой приказ — по крайней мере, в последние годы. — Примарх показал на Эреба, и тот наклонил голову. — Первый капеллан все время настаивал, чтобы им сохранили жизнь. У него на этот счет имеются собственные планы.

Аргел Тал ничего не сказал, хотя и не скрывал своего раздражения. Ксафен был менее сдержан.

— Эреб?! — воскликнул он, улыбаясь под лицевым щитком. — Я внимательно изучал каждое твое дополнение и

замечание к «Книге Лоргара», брат. И многие ритуалы уже опробовал лично. Хотелось бы побольше о них узнать.

— Возможно, в свое время.

Ксафен поблагодарил Первого капеллана, и вся группа двинулась в путь. Эреб держался ближе всех к примарху, его суровое татуированное лицо, как обычно, излучало мрачное достоинство. Следом за ним, скрежеща соединениями терминаторского доспеха, вышагивал Кор Фаэрон. Ксафен по пути повторял каждое движение Эреба, в то время как Аргел Тал с улыбкой наблюдал за Первым капитаном.

— Что тебя так развеселило, брат? — спросил стареющий недо-Астартес.

— Ты, старик. От тебя воняет страхом. Мне жаль, что из твоих костей не удалось вытравить ужас.

— Ты думаешь, я испытываю страх? — Покрытое шрамами лицо исказилось, став еще более злобным. — Я повидал такое, о чем ты и не догадываешься, Аргел Тал. Мы с истинным легионом не сидели без дела, пока вы плясали на краю Вселенной, изображая из себя нянек для Кустодес.

Аргел Тал попросту рассмеялся, и динамик шлема превратил его смех в глухое ворчанье и треск вокса.

На борту «Фиделитас Лекс» состоялось собрание чрезвычайной важности.

Войдя в зал военного совета, Аргел Тал не смог удержаться от благоговейного вздоха. Он ожидал совещания капитанов, капелланов и магистров орденов Несущих Слово, но никак не предвидел, что здесь будут присутствовать и командиры Повелителей Ночи, легиона Альфа и Железных Воинов, не говоря уже о трех центральных фигурах, окруживших гололитический стол.

Собравшиеся расступились, пропустив Лоргара в середину зала, где он встал рядом со своими братьями. Никто из троих его не приветствовал, но и к остальным не выказывал особого почтения.

Аргел Тал, занимая место впереди Астартес, пробормотал приветствия двум стоявшим по соседству капитанам. Символы на их доспехах, нанесенные

главным нострамантским шрифтом, помогли определить их личность: первый — высокий и суровый воин с бронзовыми черепами, свисавшими на цепях с наплечников, — нес обозначения Десятой роты и имя «Малкарион».

Второй не нуждался в представлении: каждый узнавал его с первого взгляда. Его доспех был увешан растянутыми и высушенными кусками освежеванной плоти, а лицевой щиток был выполнен в виде выбеленного черепа. Его имя гремело по всему Империуму и стало таким же известным, как имя Абаддона из сынов Хоруса, Эйдолона из Детей Императора, Ралдорона из Кровавых Ангелов... или даже как имена самих примархов. Аргел Тал наклонил голову в знак уважения к Севатару, Первому капитану легиона Повелителей Ночи. Воин тоже кивнул в ответ.

— Вы опоздали, — проскрежетал динамик его шлема.

Аргел Тал не попался на приманку Повелителя Ночи.

— Какая наблюдательность, —

ответил он. — Ты еще и хронометром умеешь пользоваться.

Из-под разрисованного под череп шлема Севатара донеслось гортанное одобрительное ворчанье.

Лоргар поднял руки, призывая к молчанию. Дружеские перепалки, ворчанье и смех среди Астартес тотчас стихли.

— Времени мало, — заговорил золотой примарх. — И события уже происходят. Все, кто собрался в этом зале, не должны питать иллюзий относительно того, с чем мы столкнулись. Восемь легионов, из которых четыре наши, и бесчисленное количество миров поднимаются против Империума. Если мы намерены идти на Терру и захватить трон, мы должны уничтожить легионы, оставшиеся верными Императору. И мы должны сделать это самостоятельно. Неважно, насколько преданны наши армейские полки, стоит им ступить на поверхность Исстваана, они будут уничтожены. Поэтому мы пойдем в бой без них: Астартес против Астартес, брат против брата. В этом есть определенная

поэзия, которую все вы, несомненно, оценили.

Никто не произнес ни слова, и Лоргар продолжил:

— Все мы шли разными путями, но все пришли к одному и тому же. Император обманул наши ожидания. Империум нас разочаровал.

При этих словах Лоргар кивнул в сторону самой большой группы воинов Повелителей Ночи, сверкавших молниями на доспехах.

— Он разочаровал нас неопределенностью своих законов, упадком культуры и несправедливостью по отношению к тем, кто преданно служил ему.

Затем он показал на капитанов Железных Воинов в простой керамитовой броне:

— Он разочаровал нас пренебрежением к нашим достоинствам, нежеланием награждать за кровь, пролитую нами ради его возвышения, и не обеспечивая единства в те моменты, когда мы более всего нуждались в этом.

Воины легиона Альфа безучастно и молча стояли в своих раскрашенных под чешую доспехах.

— Он разочаровал нас, — Лоргар кивнул в их сторону, — изъяном в самой своей сути, несовершенством в стремлении к совершенной цивилизации и слабостью по отношению к вторжениям ксеносов, жаждущих извратить человечество на свой манер.

Наконец примарх повернулся к своим капитанам в серой броне, украшенной молитвенными свитками.

— И он разочаровал нас больше всего тем, что основан на лжи. Империум построен на опасном обмане и разрушает нас, требуя принести истину в жертву необходимости. Это империя, разрастающаяся благодаря греху, и она заслуживает гибели. Здесь, на Исстваане Пять, мы начнем процесс очищения. Из этого праха восстанет новое царство человечества: Империум справедливости, веры и просвещения. Империум, предсказанный, руководимый и оберегаемый воплощениями самих богов. Империя,

достаточно сильная, чтобы выстоять в пламени и крови будущего.

В зале произошла небольшая перемена, но от усиленных чувств Астартес она не могла укрыться: все воины выпрямились, руки потянулись к рукояткам остающегося в ножнах оружия.

— Император верит, что мы верны ему. Только из-за этой ошибочной уверенности он приказал нашим четырем легионам прибыть в этот сектор. Но наша коалиция — плод нескольких десятилетий планирования. Союз был задуман и осуществлен согласно древнему пророчеству. Хватит прятаться в тени. Хватит манипулировать передвижениями флотилий и фальсифицировать сведения об экспедициях. Начиная с этого дня и впредь легион Альфа, Несущие Слово, Железные Воины и Повелители Ночи будут стоять вместе — обагренные кровью, но непокоренные, под знаменем Воителя Хоруса, второго Императора. Истинного Императора.

Астартес стояли недвижимы. С

таким же успехом примарх мог обращаться с речью к статуям.

— Я вижу ваши глаза. — Лоргар улыбнулся и обвел взглядом зал. — Да, несмотря на ваши шлемы. Я вижу колебания, смущение и недоверие к каждому стоящему рядом брату. Между нами не было дружбы, не так ли? Мы никогда не были союзниками. Наши легионы объединены кровным родством, но еще не сошлись в едином, проверенном братстве. Но помните об одном, глядя на цвета доспехов, столь отличных от ваших собственных. Вас объединяет справедливость. Вас объединяет мщение. Каждое оружие в этом зале служит одному делу. И это, мои сыновья, братья и кузены... Это и есть необходимая нам сила. Начиная с сегодняшнего дня мы станем братьями. Нас породнит горнило войны.

После речи Лоргара воцарилась тишина. Примарх повернулся к гололитическому столу и уже начал вводить коды, необходимые для активации генератора изображений, как вдруг за его спиной послышался негромкий лязг.

Лоргар оглянулся через плечо в поисках источника шума. Несколько капитанов Несущих Слово пожимали руки своим коллегам из других легионов, и с каждым мгновением их становилось все больше. Они сжимали друг другу запястья в традиционном жесте, означавшем скрепление договора.

Аргел Тал протянул руку Севатару. Повелитель Ночи обхватил его запястье, и их лишенные эмоций взгляды из-под лицевых щитков встретились.

— Смерть лже-Императору, — произнес Севатар, став первым из живущих, кто высказал слова, эхом прокатившиеся через все тысячелетие.

Проклятие подхватили другие голоса, и вскоре его выкрикивали во все горло.

Смерть лже-Императору. Смерть лже-Императору. Смерть. Смерть. Смерть.

В разгар криков все четыре примарха улыбнулись. Изгиб их губ был различным: холодным, угрожающим, насмешливым или снисходительным, но это было единственным проявлением эмоций.

Лоргар ввел заключительный код. Гололитический дисплей ожил, и его встроенные генераторы воспроизвели мерцающее изображение тундры. Зернистая картина, испещренная штрихами помех, повисла над столом. Головы в шлемах из темного железа, цвета морской волны и полуночного неба, алые и серые повернулись, чтобы взглянуть на пейзаж. Перед ними предстала многокилометровая впадина, образовавшаяся в результате тектонического сдвига.

— Ургалльское ущелье, — раскатистым баритоном произнес один из братьев Лоргара. — Наши охотничьи угодья.

Конрад Курц когда-то, вероятно, был величественным существом. Все в его облике говорило о царственной натуре, но теперь изящество и величие были отброшены, и осталась неприкрытая суть воина-принца — беспощадное и мертвящее благородство. Облаченный в черную броню с отделкой из тусклой бронзы, примарх Повелителей Ночи указал на впадину

одним из четырех силовых когтей своей перчатки:

— Увеличить изображение.

Невидимые сервиторы выполнили требование. Трехмерное гололитическое изображение на миг расплылось, и тотчас на его месте появилась более подробная картина. В одном конце впадины возвышалась крепость из пластали, керамита и рокрита, с трудом различимая из-за пелены пустотных щитов, защищавших ее от орбитальной бомбардировки. Вокруг нее несокрушимой стеной тянулось кольцо бастионов, баррикад, траншей и земляных укреплений. Каждый из собравшихся воинов сразу понял, что это такое: шедевр оборонительного мастерства, созданный, чтобы сдерживать атаки десятков тысяч вражеских солдат.

В другом конце каньона в ожидании затерла целая флотилия десантных катеров и капсул, но взгляды всех присутствующих приковало к себе темное пятно в центре ущелья.

В решающем сражении сошлись две армии, две сероватые массы боевых

порядков, перемолотых в единую орду.

— Увеличить центральный сектор, — приказал примарх Курц.

Изображение расплылось и снова сфокусировалось, показав нечеткую картину, искаженную помехами...

— Гражданская война. — Конрад Курц улыбнулся, сверкнув глазами и зубами. — Силы обеих сторон равны, поскольку наши братья из Гвардии Смерти, Пожирателей Миров, Сынов Хоруса и Детей Императора удерживают господствующую позицию, а Железные Руки, Саламандры и Гвардия Ворона пользуются численным преимуществом.

Аргел Тал, выдохнув, зарычал и почувствовал, что его губы увлажнила желчь. Головы ближайших соседей повернулись в его сторону, но он проигнорировал их настороженные взгляды.

— Брат? — окликнул его Эреб со своего места рядом с примархом.

— Меня одолела жажда, — с улыбкой ответил Аргел Тал по закрытому вокс-каналу.

— Одолела... жажда?

— Эреб, я отведал крови Астартес. Она настолько насыщенная, что вкус навсегда остается в памяти, а ее святость пощипывает язык. Я снова попробую ее на Исстваане Пять.

Капеллан ничего не ответил, но Аргел Тал видел, как Эреб повернулся к Кор Фаэрону, и прекрасно понял, о чем они говорят по закрытому каналу. Эта мысль вызвала у него самодовольную усмешку. Глупые существа. Так дорожат своими мелкими амбициями. Так отчаянно стремятся к кратковременной власти. На мгновение он ощутил жалость к примарху. Он четыре десятилетия руководствовался их бессодержательными замыслами.

Последняя мысль охладила нарастающий гнев Аргел Тала. А что они делали все это время? Замечание Кор Фаэрона относительно нянек для Кустодес вдали от «истинного легиона» задело его сильнее, чем он готов был себе признаться.

Рычание в его горле утихло, сменившись звериным подвыванием.

— Тише, — проворчал Севатар.

Аргел Тал напрягся и задержал

дыхание, стараясь подавить гнев, вызванный тоном своего соседа. Какое бы существо ни было с ним связано, оно не желало подчиняться.

Раум.

Что?

Я Раум.

Аргел Тал обнаружил, что его сердце стучит в такт произнесенным шепотом слогам. Желчь, вскипая, пузырилась на губах, а безжалостная боль пронзила руки до самых костей.

Ты вторая душа, о существовании которой давно догадался мой отец.

Да.

Ты искажаешь мои мысли. Я все время впадаю в ярость и бросаю своим братьям резкие слова.

Я поднимаю наверх лишь то, что уже существует в тебе.

Я не позволю тебе завладеть мною.

Я и пытаться не стану. Мы одно целое. Я достаточно долго проспал, чтобы просочиться в каждую клеточку твоего тела. Это твоя плоть, и это моя плоть. Она скоро

изменится. Мы Аргел Тал, и мы Раум.

У тебя такой же голос, как и у меня.

Так моя душа говорит с твоей, и так наша общая плоть переводит мысли в доступную для смертных форму. У меня нет голоса, только рев, который мы с тобой будем испускать, проливая кровь.

Аргел Тал ощутил влагу вокруг пальцев в перчатках.

Мне больно. Я не могу пошевелить руками.

Симбиоз. Союз. Баланс. Будет время, когда ты станешь лидером. Будет время, когда наверху окажусь я.

А к чему эта боль?

Это прелюдия к грядущим переменам.

Боги уже позвали нас. Назначенный час пришел... Я стал быстрее, сильнее и энергичнее, чем прежде. И я не могу снять доспех, даже шлем.

Да. Теперь это твоя кожа.

Какие еще могут быть изменения?

Раум рассмеялся дразнящим далеким

шепотом.

Ты в своей жизни не раз будешь слышать голос богов. На самом деле назначенный час еще не наступил. Ты услышал призыв начать Долгую Войну, но боги еще не крикнули. Это только прелюдия.

Но я слышал их. Мы все их слышали.

Ты узнаешь крик богов, когда услышишь его на самом деле. Это я обещаю.

— ...Гал Ворбак встанет с Железными Воинами, образуя наковальню, — завершил свою речь Лоргар.

Аргел Тал снова сосредоточился на окружающих. Боль в руках быстро утихла. Не зная, что сказать, он кивнул примарху, соглашаясь со словами Лоргара, хотя и не знал, о чем тот говорил. Примарх доброжелательно улыбнулся в ответ, словно понимая рассеянность сына.

Лорд Курц обратил недремлющий взгляд на своих Астартес.

— Тогда мы готовы. Моя Первая рота тоже присоединится к Железным Воинам для первоначального удара. Dath sethicara

tash dasovakkian, — прошипел он, воспользовавшись нестраманским наречием. — Solruthis veh za jass.

Капитаны легиона Повелителей Ночи ударили темными перчатками по керамитовым нагрудникам.

— Одетые полночью! — хором крикнули они.

— Железо внутри, — угрюмо произнес Пертурабо и вскинул свой массивный боевой молот на плечо. — Железо снаружи.

Его люди в ответ застучали по палубе рукоятками топоров и молотов.

Воины легиона Альфа и их примарх по-прежнему хранили молчание.

Завершить собрание, как и предполагал Аргел Тал, тоже выпало Лоргару:

— Противоборствующие силы сражаются на поверхности вот уже три часа, и пока никто не добился победы. В этот момент лоялисты ждут нашей высадки и верят, что мы поможем им нанести решительный удар. Все мы знаем свои роли в этом спектакле. Все мы знаем, чью кровь придется пролить, чтобы

спасти нашу расу от вымирания и возвести Хоруса на престол Повелителя Человечества. Братья, — примарх почтительно склонил голову, — сегодня нам предстоит сделать первый шаг к построению нового царства. Да пребудут с вами боги.

Аргел Тал уже двинулся к выходу из комнаты, как вдруг заметил, что его подзывает к себе бывший наставник. Эреба можно было назвать привлекательным только в том смысле, в каком говорят об оружии: холодный клинок, опасный независимо от того, в чьих он руках, отражающий свет, но не излучающий собственных лучей. Командир Гал Ворбак подошел ближе, издавая негромкое рычание и наслаждаясь вкусом своей ярости.

Эреб хотел с ним поговорить, и Кор Фаэрон почти наверняка тоже задержится. Это уже само по себе вызывало беспокойство. Какие честолюбивые стремления внушили они примарху за четыре долгих десятилетия? Что они видели за это время и чему научились?

Его рычание стало громче.

Можешь его ненавидеть, но не нападай. Он избранный. Так же, как и ты.

Я всегда буду слышать твой голос?

Нет. Наш конец предопределен. Мы будем уничтожены в тени огромных крыльев. После этого ты уже не услышишь мой голос.

Аргел Тал почувствовал, как похолодела его кровь, и понял, что по крайней мере на этот раз ощущение не связано с обещанными изменениями его тела.

— Эреб, — приветствовал он Первого капеллана, — я не в настроении спорить.

— Я тоже, — ответил старший воин. — С момента нашего последнего разговора многое произошло. Мы оба много чего повидали и сделали трудный выбор, чтобы прийти к этому моменту.

Суровый непреклонный взгляд Эреба остановился на глазных линзах Аргел Тала. Трудно было не восхищаться его неизменной выдержкой и безграничным терпением.

Как было трудно забыть и об огромном разочаровании, тем более что оно было справедливым.

— Я слышал обо всем, что вы видели и через что вам пришлось пройти, — продолжал Эреб. — Ксафен держал меня в курсе.

— У тебя есть что мне сказать по существу? — пробормотал Аргел Тал, и даже ему самому эта фраза показалась ребяческой.

— Я горжусь тобой. — Эреб на мгновение коснулся плеча Аргел Тала. — Это все, что я хотел сказать.

Не говоря больше ни слова, Эреб ушел вслед за примархом. Кор Фаэрон издал булькающий смешок и неторопливо отправился за ними, поскрипывая сочленениями терминаторской брони.

Глава 25
ВТОРАЯ ВОЛНА ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Эта битва положила начало войне.

Дно Ургалльского ущелья было основательно перемолото подошвами многих тысяч Астартес и гусеницами бронетехники их легионов. Верные Императору примархи сражались там, где битва была самой яростной: Коракс из Гвардии Ворона парил в воздухе на черных крыльях, соединенных с огнедышащим летным ранцем; лорд Феррус из Железных Рук в самом центре поля боя крушил серебряными руками всех мятежников, до которых мог дотянуться, и преследовал тех, кто хотел ускользнуть; и наконец, Вулкан из Саламандр, закованный в уникальную чешуйчатую броню, с грохотом обрушивал боевой молот на доспехи и крушил их, словно фарфор.

Примархи-изменники участвовали в

битве точно так же, как и их братья: Ангрон из Пожирателей Миров с неудержимой яростью размахивал цепными мечами, едва ли различая, кто перед ним стоит; Фулгрим из легиона Детей Императора, печально известного своим неподобающим названием, со смехом отражал неуклюжие выпады Железных Рук и ни на мгновение не прекращал своего грациозного танца; Мортарион из Гвардии Смерти, словно отвратительный отголосок древних мифов Терры, пожинал жизни каждым неутолимым взмахом своей косы.

И сам Хорус, Воитель Империума, ярчайшая звезда и величайший из сынов Императора.

Его легионы устремились в бой, а их повелитель стоял в крепости в дальнем конце ущелья и наблюдал за кровопролитием. Защищенный и невидимый для своих братьев, еще хранивших верность Императору, Хорус не переставал говорить — он отдавал бесконечные приказы своим помощникам, а те пересылали их участвующим в бою

воинам. Прищурившись, он смотрел на разворачивающуюся внизу резню, которая была организована и проходила согласно его воле.

Наконец над этой бурей со скрежетом сталкивающегося керамита, над грохотом танковых орудий и стуком болтерных очередей раздался вой двигателей и вспыхнули огни ворвавшихся в атмосферу десантных катеров, спускаемых модулей и капсул второй волны. Слабое солнце заслонили десять тысяч летящих теней, и небо потемнело. От оглушительных торжествующих криков лоялистов содрогнулся воздух.

Мятежники, окровавленные и потрепанные легионы, преданные Хорусу, без колебания начали организованное отступление.

Аргел Тал все это видел из рубки «Восходящего солнца», когда «Громовой ястреб», спустившись к земле, с воем двигателей несся над сражающимися армиями. Целая стая десантных кораблей Несущих Слово, цвет брони которых

вполне соответствовал климату этого холодного мира, направлялась к краю ущелья.

— Уже достаточно далеко. Садимся, — приказал он управлявшему судном Малнору.

— Как прикажешь.

Два алых корабля, возглавлявших серую стаю, пошли на снижение. Выбранная Несущими Слово посадочная площадка располагалась неподалеку от участка местности, откуда Гвардия Ворона начинала наступление, и стая величественных гранитно-серых машин опустилась на землю рядом со своими угольно-черными близнецами.

Подтверждающие щелчки пробились сквозь кодированный вокс-канал, сигнализируя о приземлении четырех посадочных модулей легиона в назначенном месте. На одиннадцатом часу сражения в ходе битвы наступил перелом. Хорус и его союзники начали полномасштабное отступление к своей крепости.

Аргел Тал спустился по трапу и впервые вдохнул профильтрованный воздух

Исстваана V. Он оказался холодным. Холодным и с привкусом меди, а еще с сильным запахом изрытой земли и всепроникающими выхлопными газами. Быстрый осмотр представил ему панораму разворачивающейся битвы. С одной стороны от него спускались на поверхность похожие на воронов корабли Повелителей Ночи, а с другой — боевые машины легиона Альфа. Основные силы Несущих Слово усиливали позиции обоих братских легионов на краях ущелья. На краткий вдохновляющий миг перед ним мелькнули золото и слоновая кость, отличавшие корабль Лоргара среди машин избранных воинов Первой роты.

Затем примарх исчез из виду, скрытый расстоянием, дымом и множеством спускающихся кораблей.

Железные Воины заняли главенствующую на данном участке возвышенность и укрепляли ее, возводя заранее подготовленные пластальные бункеры. Громоздкие транспортные корабли спускали военные сооружения; крепкие металлические рамы на

небольшой высоте выпадали из зажимов подъемников и врастали в землю. Затем приступали к работе мастера-воины Четвертого легиона: они укрепляли их, соединяли и быстро превращали в высокие огневые позиции. Орудийные башни сотнями поднимались из защищенных гнезд, а из трюмов транспортных кораблей Железных Воинов высыпали толпы лоботомированных сервиторов, стремившихся лишь к одному: подсоединиться к системе управления орудиями.

Все это время Пертурабо, примарх Четвертого легиона, наблюдал за работой с бесстрастной горделивостью. Он был закован в многослойный керамит, который неплохо смотрелся бы на танке, и о его малейшем движении тотчас извещало щелканье и жужжание сервоузлов.

Время от времени он бросал короткие взгляды на представителей других легионов среди своих воинов и равнодушно кивал капитанам Несущих Слово и Повелителей Ночи. В сочетании с суровым взором примарха этот кивок был

весьма красноречив: даже не пытаясь изобразить уважение, он признавал их присутствие и позволял заниматься своими делами. Раз уж так распорядились примархи, пусть остаются здесь, пока они ни во что не вмешиваются. Железным Воинам ни к чему, чтобы у них путались под ногами. Грохот и лязг военного строительства не умолкал ни на мгновение, огневые точки поднимались выше, появлялись все новые и новые бастионы, и оборонительные орудия с жужжанием брали в перекрестья прицелов центр ущелья.

Аргел Тал и Ксафен повели своих людей прочь от «Громовых ястребов», через стоянку боевых машин, к баррикадам, возводимым Железными Воинами. По команде Алого Повелителя все Несущие Слово сомкнули ряды и зашагали следом, заставив землю вздрогнуть от тяжелой поступи Астартес. Тысячи воинов, разделенные на роты и ордена, ждали его сигнала под высоко поднятыми знаменами.

Дальше, за громоздящейся массой боевых танков Железных Воинов и

собравшимися Астартес, Аргел Тал заметил плащ Первого капитана Севатара и его элитную Первую роту, Атраментар. Бронзовые цепи, обвивавшие их доспехи, крепили оружие к рукам. Повелители Ночи тоже ждали сигнала.

— Мы должны образовать наковальню, — обратился по воксу Ксафен к собравшимся у баррикад Несущим Слово. — Мы — наковальня, а наши братья — готовый обрушиться молот. Противники будут отступать к нам, изнуренные, с опустевшими болтерами и сломанными клинками, надеясь на передышку, обеспеченную нашим присутствием. Железные Руки остались на поле боя и тем самым обрекли себя на гибель, но к нам, как вы видите, уже сейчас приближаются выжившие из двух легионов: Саламандр и Гвардии Ворона. Мы должны задержать их на достаточно долгое время, чтобы наши братья успели их уничтожить с флангов и тыла.

Аргел Тал уже отключил связь. Он увидел, как битва распадается на отдельные схватки, видел отчаянных

воинов из легиона Железных Рук, окруживших своего примарха в самом центре сражения. Задержавшее их праведное негодование приведет лишь к тому, что они будут истреблены раньше остальных.

Травянисто-зеленый керамит обозначил отступающих Саламандр, взбиравшихся по восточному склону к баррикадам Железных Воинов, тогда как потрепанные части Гвардии Ворона в черных доспехах направились к объединенным силам Повелителей Ночи и Несущих Слово. Разрозненные толпы лоялистов уже начали восстанавливать боевой порядок, группируясь вокруг несущих знамена сержантов.

Аргел Тал проглотил нечто напоминающее по вкусу отравленную кровь, собравшуюся во рту. Он никак не мог справиться с выделением слюны.

Раум, молча позвал он, но не получил никакого ответа.

В какой-то момент он с поразительной ясностью вдруг осознал, что ощущает кожей ветер. Не отдельное

дуновение от пробоины в доспехе, а повсюду — слабое дыхание ветерка на его теле, как будто в броне появились нервные окончания, способные реагировать на внешние раздражители. Руки опять заболели, но на этот раз боль ощущалась по-новому: его мышцы скручивались и разбухали, становились пластичными, как глина, но кости все же оставались внутри и поскрипывали.

Прицельные круги завертелись перед глазами, замерцали на синих линзах, хотя он и не активировал целеуказатель.

Снизу поднимались тысячи Астартес Гвардии Ворона. Ни один из них не избежал во время боя отметин на доспехах. Несмотря на значительное расстояние, Аргел Тал, благодаря острому зрению, мог разглядеть отдельных воинов, марширующих с пристегнутыми опустевшими болтерами, с клятвенными свитками, превращенными в обгоревшие лохмотья.

— Шестьдесят секунд! — зарычал он в вокс.

— Как прикажешь, — хором

отозвались три тысячи стоявших рядом с ним воинов.

Даготал сидел в седле, глядя поверх баррикад. Репульсивный двигатель, встроенный в шасси гравицикла, гудением реагировал на его движения и завывал громче каждый раз, когда всадник наклонялся вперед, чтобы рассмотреть отступающих воинов Гвардии Ворона.

Ему было поручено патрулировать фланги битвы и уничтожать всех, кто попытается избежать основного сражения. Хотя из его отделения переход в Гал Ворбак пережили только пять воинов, все они были рядом с ним, прогревали двигатели и готовились к выполнению полученных приказов.

Он сморгнул с глаз обжигающий пот, дыша тяжело и отрывисто, стараясь не обращать внимания на постоянно завывающий в мозгу голос. Боль в горле усиливалась уже несколько часов — стало мучительно трудно глотать. Теперь тяжело давалось даже дыхание. С подбородка стекал горячий клокочущий яд,

обильно выделяемый перегруженными слюнными железами, и он не успевал сглатывать и нейтрализовывать разъедающую жидкость.

— Тридцать секунд, — послышался приказ Аргел Тала.

Даготал булькающим голосом издал бессмысленные звуки, и из-под решетки шлема снова закапала кислота.

Торгал нажал на управляющую шестерней руну на панели цепного топора, меняя настройку с мягких тканей на бронированные пластины. Параллельно первому ряду зубцов выдвинулся второй, более массивный. По правде говоря, цепное оружие способно не больше чем содрать краску с многослойного керамита, но оно с легкостью рассечет сочленения доспеха вместе со связками жгутов или внешние силовые кабели.

Он уже целый час плакал кровавыми слезами, хотя не испытывал ни печали, ни каких-либо других эмоций. Торгал был уверен, что, сумей он снять шлем, алые потеки остались бы на щеках навечно, как

татуировка. Каждый раз, когда он моргал, слезные протоки выплескивали на лицо очередную порцию водянисто-кровавой жидкости. Пошевелив во рту языком, он порезал его об острые зубы, но боль прошла через пару секунд, и мелкие царапины затянулись.

Густая и темная кровь вытекала из сочленений в перчатках, приклеивая пальцы к рукоятке топора. Он не мог разжать кисть. Не мог выпустить оружие, как бы ни старался.

— Двадцать секунд, — произнес Аргел Тал.

Торгал закрыл глаза, чтобы моргнуть и прояснить зрение, но они больше не открылись.

Дыхание Малнора со свистом проходило сквозь решетку вокалайзера. Его преследовал хор голосов, и на какое-то мгновение показалось, что он слышит каждого, с кем ему приходилось говорить в жизни. И еще он никак не мог справиться с дрожью в костях.

— Десять секунд, — прозвучал голос

Аргел Тала. — Приготовиться.

Голова Малнора рывком повернулась к надвигающимся шеренгам Гвардии Ворона. На ретинальном дисплее вспыхнули указатели дистанции, мерцавшие при распознавании индивидуальных символов отделений на наплечниках воинов.

Малнор ухмыльнулся и крепче сжал болтер.

— Братья, — затрещал в воксе голос, — говорит капитан Двадцать девятой роты Гвардии Ворона Торизиан.

Идущий в авангарде отступающих Астартес приветственным жестом поднял руку. Разряженный болтер магнитным зажимом был закреплен на бедре, в левой руке поблескивал гладиус. Плащ капитана, некогда царственно-синий, теперь свисал с его плеч лохмотьями. Аргел Тал тоже поднял руку и ответил по воксу:

— Я Аргел Тал, командир Гал Ворбак легиона Несущих Слово. Как битва, брат?

Капитан Гвардии Ворона, подойдя ближе, рассмеялся.

— Эти псы-изменники уже бегут с поля, но отменно сражаются до последнего. Клянусь Террой, я счастлив вас видеть. Наш примарх приказал отступить, чтобы пополнить боезапас, но лорд Коракс не эгоист. Он не захочет лишать вас славы этого дня из дней.

По голосу говорившего воина Аргел Тал понял, что тот улыбается.

— Хорошей охоты всем вам. Слава Несущим Слово. Слава Императору!

Командир Гал Ворбак не ответил. Приближающиеся воины Гвардии Ворона были уже почти у самых баррикад. Он ощутил, как болезненная потребность сводит мышцы судорогой.

— Брат? — окликнул его Торизиан. На капитане был доспех старой модели «Марк III феррум» — громоздкий и тяжелый, почти примитивный по сравнению с моделью «Максимус», используемой в Семнадцатом легионе. — Как планируешь атаковать?

Аргел Тал, готовый произнести проклятие, уже набрал в грудь воздуха.

А потом, неизвестно почему,

вспомнил слова Лоргара, обращенные к нему давным-давно: «Ты — Аргел Тал. Ты родился на Колхиде, в деревне Сингх-Рух, в семье плотника и белошвейки. Твое имя на диалекте племени из южных степей означает "последний ангел"».

На пару мгновений он вспомнил своих родителей, умерших две сотни лет назад. Он никогда не был на их могилах. И даже не мог себе представить, где они могут быть.

Его отец был спокойным человеком с добрыми глазами, сутулым после долгих лет работы плотником. Его мать внешне походила на мышку, у нее были темные глаза и черные волосы, завитые в локоны, как принято у южных племен. Она почти всегда улыбалась. Это воспоминание осталось с ним на всю жизнь.

Как же далеко в пространстве и времени ушел он от их хижины из соломы и прессованного ила, стоявшей на берегу реки. Он и сейчас чувствовал на руках речную воду, прохладную на ощупь, несмотря на то что она искрилась под жестким колхидским солнцем.

У него было четыре старшие сестры, такие же далекие и мертвые, как и родители. Они плакали, когда за ним пришел воин легиона, но тогда он еще не мог понять причины их горя. Он радовался тому, что святые воины выбрали именно его, и предвкушал приключения. Самая младшая, Лакиша, всего на год старше его, подарила ему ожерелье из зубов пустынной собаки, которое сделала сама. Он ощущал его на запястье, куда привязывал каждое утро после пробуждения и медитаций. Первая нить давно истлела, но раз в несколько лет он нанизывал зубы шакала на новую.

Самая старшая из сестер, Думара, каждый день твердила, что он ни на что не годен и только путается под ногами. Но в тот день он не услышал от нее недобрых слов, вместо этого она принесла ему одеяло из козьей шерсти.

— Ему это не потребуется, — заявил механическим голосом огромный серый воин.

Думара, прижав одеяло к груди, отпрянула назад. А потом подошла и

поцеловала его в щеку. Она тоже плакала. Он вспомнил, как ее слезы увлажнили его лицо, как он надеялся, что воин не подумает, будто он тоже плачет. Он должен выглядеть храбрым, иначе воин может отказаться от своего выбора.

— Как зовут мальчика? — спросил воин.

Мать удивила его, ответив вопросом на вопрос:

— А как твое имя, воин?

— Эреб. Меня зовут Эреб.

— Спасибо, господин Эреб. Это мой сын, Аргел Тал.

Аргел Тал. Последний ангел. Он родился слабым маленьким существом в год засухи, и этим именем был назван последний ребенок, принесенный его матерью в этот сухой и томимый жаждой мир.

— Прости меня, — прошептал он.

Он не собирался произносить эти слова вслух, но не пожалел, что сделал это.

— Брат? — снова затрещал голос Торизиана. — Повтори, пожалуйста.

Взгляд серых глаз Аргел Тала стал
твердым, как кремень.

— Всем Несущим Слово, — произнес
он. — Открыть огонь.

Глава 26
РЕЗНЯ НА ПОСАДОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ ПРОБОИНА В ТЕНИ ОГРОМНЫХ КРЫЛЬЕВ

Торизиан отшвырнул в сторону тело своего сержанта и пополз вперед. Счетчик боезапаса вспыхнул в тот же миг, как только он сжал рукоять. Информация не сулила ничего хорошего. В грохоте бушующей стрельбы он выхватил боевой нож.

— Победа или смерть! — выкрикнул он боевой клич своего легиона. — Нас предали! В атаку!

Он поднялся, чтобы бежать, но болтерные снаряды застучали в грудь и наплечники, раскололи броню, и он покачнулся. Он вынес полученные повреждения ровно столько времени, чтобы их успел показать ретинальный дисплей.

Торизиан зашатался, ощущая клокочущую в горле жидкость. В груди скопилась влага, мешавшая дышать.

Голубая вспышка ударила его, налетев ниоткуда. Луч, ярче, чем солнце, швырнул обратно на землю. Там он и умер, рядом со многими своими братьями, рассеченными лазерным огнем. Он умер от ранений раньше, чем успел захлебнуться наполнявшей легкие кровью.

Передние ряды Гвардии Смерти легли, словно скошенные, и линию детонации болтерных снарядов усеяли обломки доспехов и кровавые брызги.

Астартес в черной броне падали на четвереньки, но тотчас попадали под непрерывную стрельбу, добивавшую тех, кто уцелел после первого залпа, направленного в голову и грудь. Через несколько секунд после начала болтерной стрельбы из-за спин Несущих Слово ударили ослепительно-яркие лазерные лучи. Орудия «Лендрейдеров», «Хищников» и турельные установки оборонительных бастионов оставили выбоины и в рядах Гвардии Смерти, и на земле, где они

стояли.

Аргел Тал видел лишь малую часть общей картины. Льдисто-голубые лучи толщиной с руку заметались над головой, оставляя траншеи в почве и рассекая тела. Рядом с ним, молча сжимая в руках топоры и мечи, стояли Гал Ворбак. Железные Воины и Несущие Слово вокруг них время от времени перезаряжали оружие и вновь продолжали стрельбу, метали гранаты и готовились отступать.

Аргел Тал как будто находился в эпицентре шторма и наблюдал за битвой из-под полуопущенных век. Канал связи с Торизианом оставался включенным достаточно долго, чтобы он услышал, как умирает воин. Когда капитан рухнул на землю, в воксе раздавалось только хриплое бульканье.

Кор Фаэрон провел языком по своим пожелтевшим зубам.

Вокруг них бушевал ветер, с ревом проносившийся по Ургалльскому ущелью, почти заглушая грохот битвы. Он не

приносил свежести, поскольку был насыщен выхлопными газами танков.

— Я не вижу, — признался он. — Слишком далеко.

Легион Несущих Слово занял позицию на западном фланге и был готов обрушиться сверху и атаковать Гвардию Ворона. На крыше командирского танка стояли трое; серо-бронзовую броню «Лендрейдера» украшали развевающиеся знамена и миниатюрные гравировки надписей, занимавшие все видимые плоскости.

Кор Фаэрон, магистр веры, безуспешно щурился, стараясь разглядеть посадочную площадку. Он снял шлем и в терминаторском доспехе выглядел сутулым бронированным гигантом.

Рядом с ним стоял Эреб и благодаря усиленному зрению Астартес все отлично видел.

— Мы побеждаем, — сказал он. — Все остальное не имеет значения. — Едва уловимый отблеск в глазах выдал его хорошее настроение. Эреб был черствым по своей натуре, до самой глубины души. — Но

Гвардия Ворона уже атакует баррикады. С другой стороны, далеко от них, Саламандры падают под огнем других легионов. А посреди всего этого несколько оставшихся Железных Рук окружают своего обреченного повелителя.

Лоргар возвышался над ними обоими, но не обращал ни малейшего внимания на предательскую стрельбу, открытую по Гвардии Ворона и Саламандрам. Он смотрел в центр поля боя, широко раскрыв глаза и приоткрыв рот. Он смотрел, как его братья убивают друг друга.

Фулгрим и Феррус размахивали оружием, сверкавшим в лучах заходящего солнца. Ветер относил в сторону лязг и скрежет ударов, но даже в тишине от поединка было невозможно оторваться. Никакое зрение, кроме глаз примарха, не могло бы уловить эти мгновенные и плавные движения. Идеальность схватки едва не вызвала улыбку на губах Лоргара.

Лоргар знал их обоих, хотя и не так хорошо, как ему этого хотелось бы. Его попытки сблизиться с Фулгримом всегда отклонялись с дипломатическим

изяществом, но раздражение его брата было вполне объяснимо: Лоргар, единственный из сыновей Императора, считался неудачником, о чем нельзя было умолчать. Даже пятьдесят лет, прошедшие после его унижения в Монархии, когда Несущие Слово завоевали больше миров, чем любой другой легион, стремясь сравняться с Сынами Хоруса и Ультрамаринами, не изменили его мнения. Фулгрим не желал иметь с ним дела. Повелитель Детей Императора — как же он гордился, что лишь его сыновьям позволено носить на груди символ аквилы, — никогда не выражал своего недовольства открыто, но чувства Фулгрима были предельно ясны. Он не ценил ничего, кроме совершенства, а Лоргар был навечно запятнан своими пороками.

Феррус, повелитель Железных Рук, в противоположность Фулгриму был существом открытым. Его чувства всегда были на поверхности, так же как и страсть его легиона на поле боя. Феррус сдерживал свой гнев, но никогда его не прятал, требуя того же от своих воинов.

Феррус, оказываясь на Терре, всегда дорожил своим временем и работал в кузнице, придавая металлу форму оружия, достойного его братьев-полубогов. А Лоргар запирался во дворце и обсуждал вопросы философии, древней истории и человеческой природы с Магнусом и самыми смышлеными из советников и помощников Императора.

Воспоминания о моменте наивысшей близости между ними вряд ли были достойны любого семейства. Лоргар пришел в кузницу к Феррусу и застал его за изготовлением чего-то литого и опасного, явно предназначенного для того, чтобы стать орудием войны. Казалось, примарх Железных Рук способен только на это.

Зная, что ехидство — мелочная черта характера, Лоргар попытался сдержаться.

— Интересно, можешь ли ты создать орудие созидания, а не разрушения?

Он постарался улыбкой стереть всякий намек на язвительность, но тем не менее очень неуютно чувствовал себя по

соседству с жарко пылающим горном.

Феррус оглянулся на своего шального братца поверх темного плеча, но не улыбнулся в ответ.

— Интересно, а можешь ли ты создать что-нибудь стоящее?

Золотое лицо Лоргара напряглось, улыбка осталась, но в ней не было и следа искренности.

— Ты меня звал?

— Да, звал. — Феррус отошел от наковальни. На его обнаженной груди виднелись крошечные шрамы — ожоги, сотни ожогов, испещривших кожу после случайных попаданий искр и частиц раскаленного металла. Как будто жизнь, проведенная в кузнице, наградила его бесчисленными медалями. — Я кое-что для тебя сделал, — добавил он своим раскатистым басом.

— Что? Зачем?

— Не могу назвать это спасением, — заговорил Феррус, — поскольку с этим не согласятся мои воины, но я должен тебя поблагодарить за подкрепление на Галадоне Секундус.

— Ты ничего не должен мне, брат. Я живу, чтобы служить.

Феррус что-то проворчал, словно уже тогда сомневался в этом.

— Как бы там ни было, вот знак моей признательности.

Легион Ферруса был назван в честь своего примарха. Его руки были металлическими, но не механическими, как у робота, а состоящими из какого-то чужеродного органического серебра. Лорган никогда не задавал вопросов по поводу этой уникальной биологии брата, поскольку знал, что Феррус ничего объяснять не станет.

Примарх Железных Рук подошел к стоящему рядом столу и уверенным жестом поднял длинное оружие. Без лишних слов он бросил его Лоргару. Несущий Слово аккуратно подхватил его одной рукой, но невольно поморщился, поскольку оно оказалось тяжелее, чем он ожидал.

— Оно называется Иллюминариум. — Феррус уже вернулся к своей наковальне. — Постарайся его не сломать.

— Я... Я не знаю, что сказать.

— Не говори ничего. — Рука-молот зазвенела по мягкой стали. — Не говори ничего и уходи. Это избавит нас от неловких попыток общаться, когда нам не о чем спорить и нечего сообщить друг другу.

— Как пожелаешь.

Лоргар выдавил улыбку, глядя в спину брата, и молча вышел. Такова была история его попыток сближения с Фулгримом и Феррусом.

А теперь Лоргар смотрел на них обоих и бледнел от ужаса, когда их оружие сталкивалось и отскакивало друг от друга, разбрасывая во все стороны ветвистые молнии силовых полей.

— Что мы наделали? — прошептал он. — Ведь это мои братья.

Кор Фаэрон неодобрительно заворчал:

— Мальчик мой, прикажи начинать атаку. Мы должны поддержать Аргел Тала и Железных Воинов.

— Но что же мы творим? Зачем надо было доводить до этого?

Эреб даже не нахмурился, для этого он слишком хорошо владел своими эмоциями, но Кор Фаэрон легче поддавался человеческим чувствам. Он буквально зарычал, отбросив всякую доброжелательность:

— Лоргар, мы несем просвещение Галактике. Ты был рожден для этого.

Эреб повернулся и взглянул на примарха:

— Разве это не грандиозное ощущение, мой лорд? Каково чувствовать себя архитектором таких событий? Видеть, как твои замыслы приносят плоды?

Лоргар не мог и не хотел отводить взгляд от своих сражавшихся родственников.

— Это не мой замысел, и ты знаешь об этом так же хорошо, как и я. Не стоит притворяться, что у меня хватит умения управлять кровопролитием такого масштаба.

Губы Кор Фаэрона скривились в подобии улыбки.

— Ты меня переоцениваешь, мой лорд.

— Только отдаю должное. — Закрытая перчаткой рука примарха крепко сжимала рукоять Иллюминариума, и его глаза слегка прищуривались от каждого удара, обрушенного на черную броню феррруса, — феррус устает. Фулгрим скоро убьет его.

Кор Фаэрон, заскрежетав сервоприводами, шагнул вперед и положил когтистую руку на плечо своего приемного сына.

— Не печалься об этом. Будь что будет.

Лоргар не сбросил руку с плеча, и Кор Фаэрон с Эребом расценили это как свою победу. Капризы Лоргара утомили их обоих, и от них обоих потребовалось неимоверное терпение и хитрость, чтобы подтолкнуть его к жестокости. Эта битва планировалась долгие годы, и они не могли допустить, чтобы неуместное сострадание примарха испортило все дело.

— Истина безобразна, мой мальчик, — продолжил ободренный Кор Фаэрон. — Но ничего другого у нас нет.

— Мальчик. — Улыбка Лоргара

получилась невеселой. — Мне почти двести лет, и я готов повергнуть в прах империю своего отца. А ты все еще называешь меня мальчиком. Иногда мне это приятно. А иногда угнетает.

— Ты мой сын, Лоргар. Не Императора. И ты несешь надежду человечеству.

— Довольно, — сказал примарх и на этот раз все-таки сбросил с плеча руку приемного отца. — Пора. Надо скорее закончить этот день.

Лоргар поднял свой крозиус, направив его к небу.

Это и был сигнал, которого все ждали. Повелитель вел их в бой, и за его спиной раздался одобрительный рев тысяч Несущих Слово.

Война на поверхности его больше не интересовала.

Вопрос выживания — да, но этот вопрос всегда его беспокоил. Он ни на мгновение не забывал об этой проблеме и, вероятно, поэтому достиг немалых успехов. И все же он был готов признать,

что проблема усложнялась, а цель становилась все более труднодостижимой.

Исхак никогда прежде не участвовал в космических сражениях, и он не расстроился бы, если бы больше никогда не попал в подобную ситуацию. Корабль швыряло из стороны в сторону, словно налетел ураган. Через каждые два десятка шагов имажист неизменно оказывался на полу с жестокой болью в коленях, что вызывало сердитое шипение и порцию новых ругательств. Обычно он смешивал уже существующие проклятия в единый поток ругани. Если уж Исхак Кадин ругался, то ругался с чувством, хотя и без особого смысла.

Половина проблемы состояла в том, что он заблудился, а вторая половина в том, что он заблудился на так называемой монастырской палубе, где Несущие Слово и слуги их легиона занимались своими геройскими делами (и делами рабов героев). Идея пробраться на эту палубу ему понравилась: он надеялся на панорамные пикты тренировочных катер Астартес, снятых доспехов, ожидающих ремонта,

или огромных стоек с оружием, чтобы показать масштаб войны, в которой участвуют легионы Императора. Все это прекрасно дополнило бы частные и персональные изображения, так редко встречающиеся в материалах о Великом Крестовом Походе, и значительно улучшило бы его портфолио. Украсть серую рясу легиона оказалось совсем не трудно. Даже давшим обет молчания рабам иногда приходилось пользоваться услугами прачечной.

Все начиналось так хорошо. А потом завязалось сражение, и он заблудился.

К счастью, самих Несущих Слово на борту не было, их всех вызвали на поверхность планеты. Слуги легиона, которых он видел, спешили по своим делам, хотя людей ему встречалось не так уж много. Возможно, в отсутствие хозяев у них имелись еще какие-то обязанности. Однако, что это были за обязанности, Исхак не имел ни малейшего представления.

— Щиты рухнули, — раздался голос из корабельного вокс-динамика,

сопровождаемый ужасной тряской. — Щиты рухнули. Щиты рухнули.

Что ж, это известие не сулило ничего хорошего.

Он свернул за угол, и свет снова тигнул. Перед ним протянулся еще один длинный коридор со множеством пересечений, ведущих вглубь этого бесконечного лабиринта. В дальнем конце он увидел еще один люк из толстого многослойного металла. Он уже прошел мимо нескольких таких люков и был почти уверен, что за ними скрываются самые интересные участки палубы. Но Исхак даже не пытался за них заглянуть — одно неудачное сканирование сетчатки могло указать его положение армейским патрулям, и тогда его ожидала бы незамедлительная казнь. Да. Он не забывал о наказании, грозящем за проникновение на эту палубу.

Эухарцы тоже создавали немало проблем. Они группами патрулировали все помещения, старательно прижимая к груди лазганы, и хотя капюшон рясы скрывал от их взглядов большую часть его

лица, они могли помешать сделать пикты в том случае, если ему все же встретится что-то интересное.

Исхак уже подумывал о тактическом отступлении, когда корабль тряхнуло так сильно, что его сбило с ног и швырнуло головой в стальную стену. Удар получился таким сильным, что оглушил его, и он забыл выругаться.

Оплошность была исправлена несколькими секундами позже, когда механический голос стал перечислять все повреждения палуб. Кульминацией перечисления стало следующее: «Шестнадцатая палуба. Сквозная пробоина. Переборки герметизируются. Шестнадцатая палуба. Сквозная пробоина. Переборки герметизируются».

В приступе почти поэтического отвращения Исхак поднял голову и увидел огромную красную цифру XVI, отпечатанную на стене в том самом месте, куда он ударился головой. Она была даже украшена брызгами его крови.

— Ты меня разыгрываешь, — произнес он вслух.

— Шестнадцатая палуба. Сквозная пробоина, — снова затянул монотонный голос. — Переборки герметизируются.

— Я это уже слышал.

Корабль опять задрожал, и где-то неподалеку, всего за парой поворотов, отчетливо послышались взрывы. Мир вокруг Исхака потонул в мрачном красноватом свете аварийной системы. В лучшем случае он лишится всех отснятых пиктов. В худшем, что более вероятно, ему придется здесь умереть.

Аргел Тал вытащил когти. Покрывавшая их кровь впиталась в металл с такой же жадностью, с какой пустыня впитывает дождь. Подняв голову к небу, он испустил вопль и ринулся вперед, отшвыривая ногами раненых Астартес и пробивая себе путь к ближайшей группе Гвардии Ворона. Их клинки ломались о его броню, и каждый удар вызывал странное ощущение: он чувствовал раны на поверхности своего доспеха, как чувствовал бы их на своей коже, но они не причиняли боли и не кровоточили.

Клинок слева опасность убей.

Предостережения проявлялись щекочущим давлением с внутренней стороны лба, чем-то средним между голосом, предчувствием и инстинктивным порывом. Он не был уверен, предупреждает ли его Раум — оба голоса были одинаковыми, и его движения принадлежали ему лишь наполовину. Он взмахивал когтями, но удар получался быстрее и жестче, чем он рассчитывал. Он блокировал удар меча, но обнаруживал, что его когти уже вонзились в горло противника, хотя сам об этом даже не думал.

Он резко повернул голову влево и ощутил металлический запах падающего меча, увидел блеск солнца на его кромке, хотя еще даже не успел на него посмотреть, и завершил разворот, чтобы убить владельца оружия. Когти Несущего Слова прошлись по торсу противника, и воин Гвардии Ворона мгновенно упал, а его разорванный доспех открыл тело. Пальцы Аргел Тала пощипывало от поглощаемой братской крови. Растянутые в усмешке

губы под шлемом окрасились кровью из порезанного языка.

Всю свою жизнь, в каждой битве, кроме ярости момента, Аргел Тал испытывал еще и отчаяние. Лихорадочное желание остаться в живых всегда скрывалось под его праведным гневом, даже во время тех самоубийственных атак, когда он вел десятки своих братьев против сотен врагов. Но когда его когти рвали броню и открытые лица Гвардии Ворона, он совершенно позабыл об этом стремлении выжить.

— Предатель! — крикнул ему один из Астартес Гвардии Ворона.

Аргел Тал взревел в ответ, керамит его шлема треснул, открыв зубастую пасть, и он прыгнул на противника. Астартес погиб на пропитанной кровью земле, разорванный на куски когтями Аргел Тала.

Он смутно слышал несущийся из вокса рычащий смех. В какой-то момент этой абсурдной и вневременной схватки закричал Ксафен, обращаясь к своим братьям:

— Гал Ворбак наконец-то вырвался на свободу!

— Нет, — с непонятной ему самому уверенностью рыкнул Аргел Тал. — Еще нет.

Он сорвал шлем с воина Гвардии Ворона и ухмыльнулся ему в лицо.

— Зверь! — задыхаясь, воскликнул Астартес. — Скверна...

В глазах воина Аргел Тал на мгновение увидел свое отражение. На него смотрел оскаленный черный шлем, левый глаз все еще окружал золотой солнечный ободок, решетка, закрывавшая рот, раскололась, открыв чудовищные челюсти из кости и керамита, из синих хрустальных линз, пятная лицевой щиток, протянулись кровавые полоски.

Аргел Тал погрузил когти в тело воина, чувствуя покалывание всасываемой крови, разрывая кости и внутренние органы.

— Я — истина.

Он потянул, и воин Гвардии Ворона развалился в его руках на окровавленные куски.

— Нет мира среди звезд, — произнес он, не понимая, оба ли голоса это сказали, или он только вообразил один из них.

— Только смех жаждущих богов.

Гал Ворбак, все как один, взвыли в поисках очередных жертв, преследуя воинов Гвардии Ворона, пытавшихся перегруппироваться для отпора этому невероятному предательству. Аргел Тал завывал громче всех, но вопль быстро затих в его глотке.

Тень, тень огромных крыльев заслонила солнце.

Земля загудела от его приземления. Когти, сверкнув серебром, выскочили из силовой перчатки, а мерцающие крылья из темного металла взметнулись в воздух над его плечами. Медленно, мучительно медленно он поднял голову и взглянул на изменников. С лица, что было белее имперского мрамора, смотрели черные глаза, и бледные черты выражали самое полное и абсолютное раздражение, какое только видел Аргел Тал. Это чувство было сильнее, чем ярость, искажающая

лица демонов в варпе.

И вдруг Аргел Тал понял, что это не раздражение и не ярость. Это сильнее, чем то и другое. Это был гнев, облеченный в физическую форму.

Примарх Гвардии Ворона издал нечеловеческий крик и развернулся, предоставив нанести первый удар смертоносным крыльям-клинкам, прикрепленным к еще дымящемуся прыжковому ранцу. Несколько воинов Несущих Слово, превратившись в окровавленные куски брони и плоти, отлетели назад. Затем настала очередь когтей. Они разрывали каждого серого воина, кому не повезло оказаться в пределах досягаемости приземлившегося полководца.

Начав битву, Коракс уже не останавливался. Он превратился в размытое пятно черной брони и черных клинков. Он рвал, рубил, обезглавливал безо всякого усилия, малейшее его движение приносило увечье, он убивал с легкостью, изобличавшей его ярость.

Железные Воины быстро распознали

самую страшную угрозу и развернули орудия на своих башнях. На примарха обрушился лазерный огонь. Застигнутые шквалом лазеров Несущие Слово были рассечены, как и их братья, настигнутые когтями Коракса, а от брони примарха лучи словно отскакивали, оставляя на доспехе глубокие ожоги, но не пробивая насквозь.

Вокс наполнили беспорядочные крики умирающих Несущих Слово.

— Помоги нам! — крикнул один из капитанов Аргел Талу.

Алый Повелитель отшвырнул в сторону последнего убитого им воина Гвардии Ворона — его шея уже убедительно хрустнула под нажимом его рук — и приказал Гал Ворбак атаковать. Из трещины в шлеме приказ вырвался яростным рычанием, поскольку лицо тоже ему уже не принадлежало.

Но даже это бессловесное выражение злости было понято Гал Ворбак, и они подчинились своему командиру. Первым на Коракса бросился Аянис, и повелитель Гвардии Ворона уничтожил воина, даже не

поворачиваясь к нему лицом. Струя пламени из прыжкового ранца ударила в Аяниса, опалила броню и замедлила его бег, так что крылья повернувшегося к новым врагам Коракса рассекли Несущего Слово пополам. Алые воины подбежали и набросились на примарха, но их атака принесла не больше результатов, чем борьба их серых братьев.

Мы умираем в тени огромных крыльев, раздался голос изнутри.

Я знаю.

Аргел Тал ринулся вперед, чтобы принять смерть от рук полубога.

Лоргар помедлил, и в этот момент его крозиус опустился. Резное навершие было запятнано кровью — кровью Гвардии Ворона, той же самой, что текла в венах брата, их генетического предка.

Болтерные снаряды взрывались на броне Лоргара, но он не обращал никакого внимания ни на жар, ни на разлетающиеся осколки. Как Несущие Слово были не в силах устоять перед Кораксом, так и Гвардия Ворона разлеталась на куски под

бесстрастными и хирургически точными ударами крушившего их Лоргара.

Один из болтов угодил в шлем, разрушив ретинальную электронику и оставив вмятину на керамите, отчего голова Лоргара резко дернулась. Он сорвал с лица искореженный обломок металла и одним взмахом Иллюминариума убил стрелка. Удар отбросил воина поверх голов его братьев, и он рухнул на землю среди отступающих Астартес.

— Что происходит? — Кор Фаэрон пробился к Лоргару, его когти тоже были в крови, как и крозиус примарха. — Торопись! Они уже дрогнули!

Лоргар указал булавой поверх поля боя, где Коракс продолжал рвать на части алых воинов Гал Ворбак.

— Кого волнует этот трусливый альбинос? — На губах Кор Фаэрона повисли клочья пены, изо рта вместе со словами летели брызги слюны. — Сосредоточься на более важном сражении.

Лоргар не стал обращать внимания на желчь в словах приемного отца, как игнорировал нечастые попадания снарядов

в свою броню.

Смертоносная атака Коракса обеспечила Гвардии Ворона спасительную передышку, и черная волна стала отступать, оставляя у ног примарха ковер из убитых братьев.

— Ты ничего не понимаешь! — крикнул Лорган, перекрывая грохот боя. — Мой брат не бежит. Он примчался туда, где шла самая отчаянная схватка. И он прорубает путь к своим кораблям, отвлекая на себя значительную часть огня, чтобы его сыновья могли спастись.

Эреб, уподобившись серой смертоносной тени, сбил на землю потерявшего шлем сержанта Гвардии Ворона и возвратным движением молота прикончил его, пробив череп.

— Повелитель! — Доспех Первого капеллана почернел, опаленный огнеметным огнем, сочленения еще курились дымком. — Пожалуйста, соберись.

Лорган сжимал в руке расколотый шлем. Вокс-связь продолжала работать, передавая беспорядочные крики умирающих.

— Он убивает слишком многих наших.

Пальцы разжались, и шлем выпал. Лоргар сжал окровавленную булаву закованными в железо руками и так же крепко стиснул зубы.

— Нет, — выдохнул он с абсолютной убежденностью.

Лицо Кор Фаэрона превратилось в окровавленную маску, и, несмотря на аугментику, дыхание давалось ему с трудом. Битва оказалась для него тяжелым испытанием. На мгновение он перехватил взгляд Эреба, и между ними промелькнуло нечто вроде отвращения.

— Твоим деяниям суждено свершиться на этом поле боя. — Эреб как будто читал проповедь. — Тебе еще рано встречаться с братьями. Это судьба. Мы играем уготованные нами роли согласно желаниям Пантеона.

— Убивай. Гвардию. Ворона, — прорычал окровавленными губами Кор Фаэрон. — Ты здесь для этого, мой мальчик.

Лоргар шагнул вперед и устехнулся, поразив и своего наставника, и приемного

отца.

— Нет.

От злости и разочарования Кор Фаэрон завопил. Эреб остался бесстрастным.

— Ты десятилетиями создавал армию верных, мой лорд. Этот легион способен умереть за тебя и твое дело. Не сворачивай с пути сейчас, когда ты добился желаемого.

Лоргар отвернулся от них обоих, сначала посмотрел на отступающую Гвардию Ворона, потом на Коракса, истреблявшего Несущих Слово — как алых, так и серых.

— Мы нашли богов, достойных поклонения, — сказал он, глядя на битву немигающими глазами. — Но мы не стали их рабами. Моя жизнь принадлежит только мне.

— Он убьет тебя! — Громоздкий терминаторский доспех не позволял Кор Фаэрону бегать, но в его голосе, кроме паники и гнева, сквозили искренние страх и печаль. — Лоргар! Лоргар! Нет!

Лоргар бросился бежать, подошвы

застучали по перепаханной земле и телам погибших воинов из легиона брата. Впервые в жизни он отправлялся в бой, выиграть который не было никакой надежды.

— И моя смерть тоже принадлежит только мне, — выдохнул он на бегу.

Он видел своего брата, с которым за два столетия жизни вряд ли хоть раз разговаривал и которого совсем не знал. Коракс с неудержимой яростью продолжал убивать его сыновей. Нечего и думать о том, чтобы его обратить. Нет никакой надежды склонить Коракса на свою сторону или просветить его настолько, чтобы остановить смертоносное буйство. В душе Лоргара стал разгораться гнев, спаливший бесстрастную холодность, с которой он убивал всего несколько мгновений назад. И пока примарх Несущих Слово пробивал себе путь к брату сквозь ряды Гвардии Ворона, он чувствовал, как в нем вскипает сила, рвущаяся наружу.

Он всегда подавлял свой психический потенциал, скрывая его и ненавидя в равной степени. Он был ненадежным,

беспорядочным, нестабильным и причинял боль. Эта сила не была желанным даром, как у Магнуса, и потому он загонял ее вглубь, закрывая стеной несокрушимой решимости.

Но не теперь. Крик облегчения вырвался наружу не изо рта, а из его мозга. Эхо пронеслось над всем полем битвы. И отозвалось в бездне. С его брони посыпались искры, и шестое чувство, наконец освободившееся от пут, вырвалось во всей своей чистоте, возможно лишь немного подпорченной Хаосом. По ущелью пронесся звук, напоминавший грохот волн в Океане Душ, и Лоргар ощутил нараставший жар собственной ярости. Он чувствовал, как ничем не сдерживаемая мощь рвется наружу, не только умножая его силы, но и помогая его сынам в этом сражении.

И вот он встал посреди битвы, окрыленный и освещенный бесформенными завихрениями энергии, и выкрикнул в бурю имя своего брата.

Коракс ответил пронзительным воплем — призывом предателя и криком преданного, — и ворон сошелся с еретиком в

грохоте когтей и крозиуса.

Это, донесся голос, и есть крик богов, которого мы оба ждали.

У Аргел Тала не было никакой надежды ответить. Боль с такой силой пронизывала каждую клеточку его тела, что он пытался покончить с собой, вцепившись когтями в свой шлем и горло, чувствуя, как горят пальцы от собственной крови, и срывая куски брони со своего тела и клочья плоти с костей.

Не противься единству.

Он снова проигнорировал голос. Он не умирал, как ни старался. Загнутые когти вырвали клок кожи с горла, а вместе с ним половину ключицы. Каждую секунду он наносил себе рану за раной, но никак не мог умереть. Он царапал броню и костяной щит, закрывавший оба сердца, отчаянно стараясь вырвать их из груди.

Единство... Вознесение...

Крылатая тень пропала из поля зрения Аргел Тала, и небо над ним осветилось последними лучами заходящего солнца.

Я жив, подумал он, разрывая себя на части, вытягивая из разбитой грудной клетки дымящиеся органы и раздавливая рукой первое сердце. Я не умер в тени и теперь не могу себя уничтожить.

Боль лишит тебя рассудка. Дай мне подняться!

Несмотря на мучения, которых не смогло бы пережить ни одно живое существо, внутри него продолжалась яростная борьба. Аргел Тал хотел умереть, ощутить вкус небытия, но не продолжать падение в бездну. Существо, называющее себя Раум, в результате оказалось запертым в глубине души, упрямо не желавшей сдаваться.

Я спасу нас и не причиню вреда. ОСВОБОДИ МЕНЯ.

Решимость Несущего Слово ослабела, но не потому, что он поверил словам демона, а потому, что его силы окончательно иссякли.

Аргел Тал закрыл глаза.

Открыл глаза Раум.

Раздвоенное копыто из обесцвеченной

кости, покрытое изменившим форму керамитом, вдавило задыхающегося воина Гвардии Ворона в грязь. Огромные лапы со множеством суставов напоминали хлещущие ветви лишенных листвы деревьев, они постоянно сжимались и разжимались, и каждый длинный палец заканчивался черным когтем. Алая броня стала еще массивнее, покрывшись твердыми костяными выступами и рубчатыми шипами. Существо возвышалось над всеми Астартес, хотя и уступало размерами сражавшимся неподалеку примархам.

Шлем венчало языческое великолепие рогов из слоновой кости, и в свете яркого пламени взрывов демон напоминал Тавра из Миноса, персонажа доимперской мифологии Терры. Его ноги теперь сгибались назад, и под броней выросли новые бугры мышц, а могучие черные копыта оставляли в земле дымящиеся отпечатки. Шлем Астартес лопнул по линии щек и решетки рта, открыв акулью пасть с рядами острейших зубов, поблескивающих чисто кислотной слюной.

Демон набрал в грудь воздуха и зарычал на ряды отступающих воинов Гвардии Ворона. Эта чудовищная стена звука ударила Астартес, словно над ними стеялось землетрясение. Воины десятками падали на четвереньки.

Вокруг левой глазной линзы исковерканного шлема еще сохранился золотой солнечный ободок, и только он один указывал на человека, которым когда-то было это создание.

Глава 27
СНИМОК, КОТОРЫЙ ПРИНЕСЕТ ЕМУ СЛАВУ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ БРЕМЯ ИСТИНЫ

Исхак прыгнул вперед и перекатился под дверцей люка, пока она не опустилась. Это было не так опасно, как можно себе представить, поскольку для спуска защитных перегородок все же требовалось некоторое время, но в вое сирен и тусклом красном полумраке аварийного освещения он утратил способность к ясному мышлению. Он не хотел, чтобы его через пробоину выбросило в открытый космос, но и не хотел остаться в этой ловушке до окончания битвы. Он должен был идти и идти не останавливаясь.

Убедившись, что пиктер еще цел, он снова бросился бежать, отчаянно желая выбраться с этой чертовой палубы. Лабиринты коридоров мешали ему это

сделать, уводя все дальше вглубь, поскольку большая часть надписей на стенах была выполнена не имперским готиком, а колхидскими рунами.

«Я уже был здесь?»

Коридоры ничем не отличались друг от друга. Вдали слышался стук задраивающихся люков. Каждое повреждение, полученное кораблем, отзывалось грохотом рушащихся переборок. Он уже проходил по некоторым переходам, где от стен остались на полу только груды обломков искореженной стали и железа.

Исхак опять перешел на бег. За очередным поворотом он наткнулся на четырех мертвецов — четыре эухарских солдата, почти полностью погребенные под обломками обрушенной стены.

Нет. Три мертвеца.

— Помоги мне, — простонал четвертый.

Исхак замер на содрогающейся палубе. Если этот солдат выживет и впоследствии узнает его, он сам очень скоро станет мертвецом за то, что

пробрался на монастырскую палубу.

— Пожалуйста, — дрожащим голосом умолял раненый.

Исхак встал рядом с ним на колени и снял с его ног часть обломков. Эухарец закричал, и имажист, прищурившись в сумраке аварийных ламп, понял причину его вопля. Некоторые из осколков металла пронзили ноги и живот эухарца, пригвоздив его к палубе. Помочь ему было невозможно. Вытащить их мог только хирург, да и то он вряд ли спас бы беднягу.

— Я не могу. Прости. Не могу. — Исхак поднялся на ноги. — Я ничего не могу сделать.

— Пристрели меня, глупый ублю...

— У меня нет...

Он заметил винтовку солдата, наполовину засыпанную мусором, и вытащил ее. Пытаясь прицелиться, Исхак едва не упал от очередного удара по кораблю.

Щелкнул курок. Щелк. Щелк.

— Предохранитель, — простонал солдат. Под ним уже растекалась лужа крови. — Переключатель.

Исхак передвинул рычаг на боковой стороне винтовки и снова нажал на курок. Раньше ему никогда не приходилось стрелять из лазерной винтовки. После треска и вспышки перед его глазами заплясали разноцветные пятна, и он не сразу смог посмотреть на солдата. Человек был мертв, и содержимое его головы осталось на стене позади. Сам коридор был полностью завален обломками, и Исхак, бросив лязгнувшую об пол винтовку, отправился назад тем же путем, которым пришел. Переборка перед пересечением проходов опустилась со щелчком, который, как мог поклясться Исхак, прозвучал с самодовольным смешком, оставив его в коридоре с четырьмя трупами и грудами обломков. Отсюда вела только одна дверь, помеченная, как ему показалось, колхидскими стихами, написанными по обе стороны от проема.

Он забарабанил по ней кулаками, но не получил никакого ответа. Дверь оказалась теплой на ощупь, как будто с другой стороны находилось жилое

помещение. Исхак стал набирать на панели замка случайные сочетания цифр, но безрезультатно.

В конце концов он снова взял лазерную винтовку, закрыл глаза и выстрелил в панель. В клавиатуре произошло короткое замыкание, она заискрилась, и дверь в сердце монастырской палубы открылась с усталым вздохом вырвавшегося воздуха. Порыв принес отвратительную вонь явно биологического происхождения — запах немытой плоти и смрад продуктов жизнедеятельности, скопившихся за время долгого заточения. Кроме запахов, воздух принес и голоса. Они что-то бубнили и бормотали, но без всякого смысла.

Исхак стоял, глядя внутрь, не в силах подобрать слова.

Сверкнула вспышка пиктера. Вот наконец снимок, который принесет ему славу.

Его брат был воином и полководцем, и с первого момента, как их оружие столкнулось, Коракс сражался, чтобы убить, а Лоргар — чтобы выжить.

Сражение проходило слишком быстро для глаз смертных, и оба примарха напрягали все свои силы, как еще не напрягали никогда.

Коракс избегал ударов крозиуса, даже не парируя их. Он отклонялся в сторону, уходя из зоны поражения, или включал прыжковый ранец и поднимался выше тяжеловесных выпадов Лоргара. Зато у Лоргара, вынужденного блокировать атакующие удары брата, от напряжения пот заливал глаза. Огромное навершие Иллюминариума, отбивая когти повелителя Воронов, звенело словно церковный колокол.

— Что вы делаете?! — закричал Коракс в лицо брату, когда их оружие сцепилось. — Какое безумие в вас вселилось?

Лоргар отскочил, рванув Коракса так сильно, чтобы тот покачнулся. Повелитель Воронов моментально восстановил равновесие, его прыжковый ранец изрыгнул пламя и развернул его спиной к брату. Крылья-клинки сверкнули, но Лоргар был к этому готов. Он не стал

обращать внимание на их скрежет, когда заостренные края оставили на броне глубокие царапины, а сосредоточился на том, чтобы отбить в сторону летящие в него когти Коракса. Получив несколько мгновений передышки, Лоргар наконец нанес настоящий удар. Крозиус угодил в нагрудник Коракса и отшвырнул его назад. Столкновение вызвало разряд силового поля, окружавшего булаву, и от сражающихся братьев разошлась ударная волна, от которой находившиеся поблизости Астартес попадали на землю.

Уже через мгновение Коракс снова был на ногах, и извергающий пламя ускоритель понес его навстречу Лоргару.

— Отвечай, предатель! — зарычал повелитель Воронов, прищурив глаза от мертвенного сияния, окружавшего Лоргара. — Ты... со своим психическим золотом... жалкое подобие нашего отца.

Лоргар почувствовал, что скользит по грязи под усиливающимся натиском брата. На этот раз ему не удалось расцепить оружие. Коракс когтями вцепился в древко Иллюминариума,

обжигая рукоятку и руки Несущего Слово.

— Я несу истину человечеству, — задыхаясь, выпалил Лоргар.

— Ты разрушаешь Империум! Ты предаешь свой собственный род!

В черных глазах повелителя Воронов бушевало такое бешенство, какого Лоргар до сих пор даже не мог себе представить. Коракс всегда казался ему неразговорчивым и бесстрастным. Воин, скрывавшийся под обликом альбиноса, вызвал у него настоящее потрясение.

Кончики когтей, окутанные искрами силового поля, были уже на расстоянии пальца от лица Лоргара.

— Я убью тебя, Лоргар.

— Я знаю. — Он говорил сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как силы покидают тело. — Но я видел будущее. Наш отец, превратившись в обескровленный труп на золотом троне, будет вечно кричать в бездну.

— Ложь. — Черные глаза повелителя Воронов прищурились, и его мышцы вздулись, усиливая давление. — Ты повергаешь империю в хаос. Уничтожаешь

идеальный порядок.

Несмотря на колоссальное напряжение, серые глаза Лоргара сияли светом.

— Брат, противоположность хаоса не порядок. Это застой. Безжизненный и неизменный застой.

Лоргар захрипел, чувствуя, что силы его на исходе. Дрожащие руки уже не могли сдерживать оружие брата.

— Ну вот, — брызжа слюной в лицо брата, прошипел Коракс. — Вот смерть, которую ты воистину заслуживаешь.

Когти достали до лица брата. Обжигающе горячий металл медленно резал золотую кожу Лоргара. Дюйм за дюймом, опаляя сияющую плоть, рассекая ее до самых костей. Даже если он спасется, шрамы останутся до самой смерти. Он сознавал это, но ему было все равно.

Психическое пламя, реагируя на страдания Лоргара, вспыхнуло с новой силой и окутало их обоих. Коракс, опасаясь за свое зрение, прикрыл глаза, и это стоило ему быстрой победы. Лоргар снова оттолкнул повелителя Воронов.

Иллюминариум взметнулся вверх, готовый нанести удар, пока повелитель Воронов не успел подняться с земли на столбе пламени и не набросился на Лоргара сверху. Несущий Слово отбил в сторону первую когтистую перчатку, ударив с такой силой, что разбил ее вдребезги. Но едва когти длиной с косу отлетели в самую гущу окружающей схватки, удар второй перчатки достиг цели.

Когти метровой длины вонзились в живот Лоргара, а их кончики блеснули по бокам, выйдя через спину. Этот удар не представлял особой опасности для примарха, но Лоргар качнулся, когда Коракс рванул когти вверх. Изогнутые клинки резали и жгли тело Несущего Слово.

Иллюминариум выпал из рук пронзенного примарха. Но эти же руки обхватили шею Коракса, несмотря на то что повелитель Воронов буквально рассекал своего брата пополам.

— За Императора! — выдохнул Коракс, почти не обратив внимания на сопротивление слабеющего брата.

Лоргар ударил лбом в лицо Коракса и разбил ему нос, но это не помогло ему вырваться. Повелитель Воронов не дрогнул даже после того, как за первым последовали второй, третий и четвертый удары, разбившие его красивое лицо.

— Но он обманывал нас, — произнес Лоргар, выплевывая вместе со словами сгустки крови. — Отец лгал.

Когти уперлись в усиленные кости Лоргара. Коракс отдернул руку, нанеся еще больше повреждений. Кровь, испаряясь на силовых клинках, зашипела и пошла пузырями.

— Отец лгал, — повторил Лоргар.

Он стоял на коленях, обхватив руками истерзанный живот.

Взгляд черных глаз Коракса оставался бесстрастным. Примарх Гвардии Ворона шагнул вперед и поднял единственную уцелевшую перчатку, чтобы покончить с братом.

— Давай, — бросил ему Лоргар.

Психический ветер, туманные поля — все исчезло. Он опять стал тем, кем был всегда: Лоргаром, семнадцатым сыном,

копией своего отца, единственным из двадцати братьев, который никогда не хотел быть солдатом. И он умрет здесь, на поле боя.

Мрачная ирония этой ситуации тяготила его. Он не мог пошевелить ногами. В его теле не осталось ничего, кроме страдания. Он едва видел своего убийцу, потому что психические усилия вызвали дрожь, слабость и затуманивающую глаза головную боль. Перед его взором поднимался размытый силуэт с высоко поднятыми когтями.

— Давай! — закричал Лоргар своему брату.

Когти рухнули вниз и встретили металл.

Коракс поднял голову и увидел такие же черные глаза, как у него, смотревшие с такого же белого лица. Его когти встретили точно такое же оружие, и оба набора клинков заскрежетали друг о друга. Один коготь стремился опуститься и убить, второй не поддавался, обеспечивая защиту.

Лицо примарха Гвардии Ворона исказилось от ярости, тогда как его противник усмехался. Но усмешка была безрадостной — такой застывшими в трупном окоченении губами улыбался бы мертвец.

— Коракс, — произнес подоспевший примарх.

— Курц. — Имя прозвучало словно ругательство.

— Посмотри мне в глаза, — потребовал прародитель Повелителей Ночи. — И ты увидишь свою смерть.

Коракс попытался освободить свой коготь, но вторая перчатка Курца сомкнулась на его запястье.

— Нет. — Он рассмеялся так же невесело, как и улыбался. — Нет, не улетай, мой маленький вороненок. Подожди. Мы с тобой еще не закончили.

— Конрад, — попытался его образумить Коракс, — зачем вы все это сделали?

Курц проигнорировал его вопрос. С нескрываемым отвращением на мертвенном лице он обратил взгляд

черных, словно бездна, глаз на распростертого Лоргара.

— Встань с колен, проклятый трус.

Лоргар как раз и пытался это сделать, используя в качестве опоры полуночно-синюю броню брата. Курц оскалил заостренные зубы.

— Лоргар, ты самый мерзкий слабак, какого я видел.

Коракс не остался безучастным к изменившейся ситуации. Он активировал прыжковый ранец и использовал остатки горючего, чтобы вырваться из когтей Курца. Повелитель Воронов выдернул свои когти и взмыл в небо, уносимый реактивными двигателями от нарастающего смеха Курца.

Оставшись на земле, Курц стряхнул с себя Лоргара.

— Севатар, — заговорил он по воксу, — Ворон направляется к вам, чтобы спасти своих людей.

Звуки боя. Болтерная стрельба. Рев танковых двигателей.

— Мы с ним разберемся, повелитель.

— Я присмотрю.

Курц подтолкнул Лоргара к Несущим Слово. Вокруг них серый легион продолжал битву против воинов в черном.

— Я с тобой закончил, золотой. Иди убивай Астартес своим красивым молоточком.

Сверхъестественная биология организма Лоргара стремительно восстанавливала поврежденные органы, но примарх, потянувшись за крозиусом, еще дрожал и чувствовал слабость.

— Спасибо тебе, Конрад.

Курц сплюнул под ноги Лоргару:

— В следующий раз я позволю тебе умереть. И если ты...

Повелитель Ночи увидел приближавшиеся к Лоргару фигуры и умолк. Их алая броня была усеяна костяными наростами. Огромные звериные лапы заканчивались длинными когтями, состоявшими одновременно из металла и плоти. Каждый шлем венчали рога. Каждый щиток был расколот демонической ухмылкой.

— Ты не просто глупец. — Курц повернулся спиной. — Ты погряз в скверне.

Лоргар наблюдал за тем, как его брат пробирается сквозь ряды Повелителей Ночи и Несущих Слово, расталкивая их, чтобы снова добраться до Гвардии Ворона. Очень скоро серебряные когти как ни в чем не бывало стали подниматься и опускаться, разрывая закрытые броней тела врагов Курца.

Лоргар повернулся к Гал Ворбак.

— Аргел Тал, — улыбнулся он одному из них, мгновенно узнав его.

Существо заворчало, движимое жаждой кровопролития.

— Это я, мой лорд.

— Вот воины, которые мне понадобятся. — Лоргар пробормотал древние слова с благоговейным придыханием. — Воистину, на вас благословение богов. Идите. Охотьтесь. Убивайте.

Гал Ворбак прыжками бросились прочь от своего повелителя, радуясь предстоящей битве. Аргел Тал задержался. Коготь из кости и керамита сомкнулся на руке Лоргара.

— Отец, я не смог успеть вовремя.

— Это неважно. Я еще жив. Хорошей охоты, сын.

Демон кивнул и повиновался.

«Громовые ястребы», несущие на себе цвета Саламандр и Гвардии Ворона, стали взрываться прямо на взлетно-посадочной площадке: Железные Воины развернули свои орудия от поля боя и принялись уничтожать единственный путь спасения лоялистов.

Несмотря на сокрушительный обстрел, десяткам десантных кораблей все же удавалось подняться в воздух, но только за тем, чтобы вскоре рухнуть на землю, испуская клубы черного дыма из пробитых лазерными лучами двигателей. Железные Воины пользовались безнаказанностью и совершенно не обращали внимания на то, что сбитые корабли падали прямо на поле, где все еще продолжалась битва. Горящие остовы разбитых кораблей Астартес намного чаще попадали на Несущих Слово и Повелителей Ночи, чем на оставшихся немногочисленных воинов Гвардии Ворона и Саламандр.

На протест командиров, жалующихся на столь бездумное уничтожение, капитаны Железных Воинов отвечали издевательским смехом.

— Мы сегодня все истекаем кровью, — ответил Кор Фаэрону капитан Железных Воинов. — Надо верить, Несущий Слово.

После очередного хихиканья связь отключилась.

Время утратило для Аргел Тала всякий смысл. Если он не убивал, он двигался дальше и искал очередную жертву. Его когти разрывали в клочья каждого воина Гвардии Ворона, до которого могли дотянуться. До вмешательства Лоргара Коракс сильно проредил ряды Гал Ворбак, но избранных сынов оставалось еще достаточно, чтобы образовать хищную стаю, ведущую свой легион на уменьшающиеся отряды противника.

Во время сражения он изменился. Его сознание больше не было господствующим. Большую часть контроля он уступил Рауму, и это произошло так же естественно, как утреннее пробуждение

казалось, что это обычная функция его нового тела. Овладевший им демон усиливал самые легкие удары и рвал тела врагов на части, даже если Аргел Тал намеревался их просто схватить. Каждое движение стало более энергичным, усиленное голодом и жаждой крови, каждый поступок подчинялся нечеловеческим потребностям. Когда он сомкнул когти вокруг шеи воина Гвардии Ворона, намереваясь его задушить, клинки погрузились в плоть и вцепились в позвоночник. Инстинкт толкал его на все более жестокие действия, причинявшие как можно больше боли тем, кто по неосторожности оказывался рядом.

Многие воины Гвардии Ворона пытались бежать. Аргел Тал оставлял их в живых, зная, что его братья в серой броне уничтожат их огнем болтеров. Трудно было устоять перед животным желанием преследовать добычу — одного только вида убегающих противников хватало, чтобы мышцы напрягались от стремления пуститься вдогонку, — но он знал свою роль в этой войне. Он был не охотником, а

воином.

Связь, о которой он даже не подозревал, проявилась холодным и бесстрастным ощущением смерти Даготала, хотя он и не присутствовал при этом.

Вы все связаны. Благословенны и связаны.

Всплеск боли словно воспоминание о старой ране, и им овладело странное чувство утраты. Оно быстро слабело, как слабеет тепло закрытого тучей солнца. Мгновенный озноб прошел, но в памяти запечатлелось сознание смерти брата, словно в черепе появился холодный камень.

Он погиб в огне.

Голос Раума показался ему восторженным и запыхавшимся.

В голове Аргел Тала замелькали отрывочные картины, на которых Даготал был охвачен пламенем, а вокруг него стояли воины Гвардии Ворона, вооруженные огнеметами. Он поливали его струями разъедающего пламени, покрывая мутировавшую броню слоями химического топлива и стойко перенося невероятную

вонь, которой сопровождалось это убийство.

Видения исчезли, и Аргел Тал выронил труп задушенного противника. В тот же миг им снова овладела страсть. Она требовала немедленного утоления, словно голод, и если он не двигался к очередной добыче, желание причиняло боль. Он сознавал, что эта ужасная страсть является единственной эмоцией, доступной нерожденным. Так работало их сознание, подчиненное грубым недоразвитым инстинктам.

Демон двинулся дальше, чтобы утолить вновь возникший голод.

Тряска стала слабее, но не прекратилась. Исхак был благодарен и за эту малость. Переборочные люки, которые не изолировали критически поврежденные места, стали со скрежетом открываться. Красное аварийное освещение сменилось обычным. Он полагал, что «De Профундис» выходит из зоны сражения... по какой-то причине. Перевооружиться? Перегруппироваться? Что бы там ни было,

это для него не имело значения. Он помчался по переходам, как только услышал скрип первого отодвигающегося люка.

Многие коридоры все еще оставались наглухо закрытыми, изолируя секции палубы, где образовался вакуум. Это тоже не имело значения. Сегодня ему больше не до исследований, он просто хотел выбраться отсюда живым.

Как ни странно, медленно идти мимо эухарских пехотных патрулей оказалось намного сложнее, чем петлять и прыгать между трупами, усеявшими наиболее пострадавшие помещения. Отряды эухарцев прибыли сюда, чтобы навести порядок, и он не завидовал их работе. Несколько раз, целеустремленно шагая мимо них, он видел, как солдаты подбирают убитых и упаковывают их в мешки. Он только глубже надвигал капюшон балахона и старался сохранять равнодушный вид.

Как только Исхак выбрался с монастырской палубы, он избавился от позаимствованного одеяния и направился

прямиком в «Погребок». В побелевших от напряжения пальцах он с такой силой сжимал пиктер, что более дешевая и менее прочная модель могла бы сломаться.

Двери перед ним распахнулись, и «Погребок» предстал во всей своей трущобной красе. Летописцы и гражданские служащие собирались здесь даже в разгар битвы, шумели и выпивали, изо всех сил стараясь не обращать внимания на бушевавшую за стенами войну. Честно говоря, Исхак не мог их в этом винить. Во время предыдущих, не столь грандиозных сражений, он и сам поступал так же.

Добравшись до свободного столика, он заметил, как сильно дрожат его руки. Проходящая мимо девушка поставила ему что-то, чего он не заказывал и не стал бы заказывать, если бы был в настроении выпить. Но он бросил на стол несколько монет, даже не сознавая, что переплачивает. Ему просто необходимо было оказаться среди людей. Нормальных людей.

— Исхак Кадин. Итажист. У меня

есть твой пикт «De Профундис». Настоящий шедевр, молодой человек.

Исхак поднял голову и встретился взглядом с обведенными темными кругами глазами говорившего. Он сразу узнал этого человека.

— Ты астропат. Астропат «Оккули Император».

— Виновен по всем статьям. — Старик отвесил необычно церемонный поклон и показал рукой на свободный стул. — Абсолом Картик к твоим услугам. Могу я присесть?

Ворчание Исхака он воспринял в качестве приглашения. Пожилому астропату, казалось, было очень неуютно в «Погребке», как и всякий раз, когда Исхак его здесь встречал.

— Я не видел тебя здесь уже пару недель. Говорили, что ты нашел местечко получше этого.

— Я здесь не слишком уместен, но время от времени тишина начинает меня раздражать. Мне хочется побыть в окружении других людей. — Картик жестом обвел помещение. — Сражение. —

Он с трудом сглотнул. — Они всегда меня раздражают.

— Мне знакомо это чувство. Прости, но сегодня меня вряд ли можно считать хорошей компанией.

Астропат наблюдал за ним с неослабевающим вниманием.

— У тебя очень громкие мысли.

От лица Кадина отхлынула кровь.

— Ты читаешь мои мысли? — Он так резко вскочил, что ощутил головокружение. — Разве это законно?

Астропат взмахнул рукой, словно разгоняя его беспокойство:

— Я никогда не мог читать мысли в том смысле, как ты себе это представляешь. Достаточно будет сказать, что ты очень интенсивно излучаешь эмоции. Точно так же кто-то мог бы определить, плачешь ты или смеешься, взглянув на твое лицо. Так и я ощущаю расстройство в твоих мыслях. Никаких деталей, но оно... очень громкое, — с запинкой закончил он.

— Сейчас мне этого совсем не надо. В самом деле не надо.

— Я не хотел тебя обидеть.

Исхак снова опустился на стул. Корабль вздрогнул от очередного попадания — достаточно сильно, чтобы расплескались напитки. Большинство посетителей предпочли сделать вид, что ничего не заметили. Некоторые отреагировали громким фальшивым смехом, словно все это было частью какого-то приключения.

— Могу я поинтересоваться, не появилось ли у тебя новых шедевров? — спросил старик.

Исхак опустил взгляд к своему пиктеру.

— Я не уверен. Может быть. Слушай, мне пора идти. — Он зажмурился, но, открыв глаза, убедился, что ничего не изменилось. — В конце концов, я не обязан здесь оставаться. И я не собираюсь пить, так что считай это подарком от меня.

Он передвинул стакан по столу. Взяв его, Картик одним пальцем задел костяшки имажиста. Старик дернулся, словно его ударили, и уставился на него широко раскрытыми глазами. Казалось,

ему стало так же плохо, как и Исхаку.

— Ради Тронного Мира... — забормотал он. — Ч-что ты увидел?

— Ничего. Совсем ничего. Прощай.

Старческие пальцы Абсолома Картика вцепились в руку молодого человека, словно когти хищника.

— Где. Это. Было.

— Я ничего не видел, сумасшедший старик.

Их взгляды встретились.

— Ты хочешь ответить на вопрос, — негромко произнес Картик.

— Я видел это на борту корабля.

— Где?

— На монастырской палубе.

— И ты сделал снимки? Есть свидетельства того, что ты видел?

— Да.

Картик отпустил его руку:

— Прошу тебя, пойдем со мной.

— Как? Ни за что.

— Пойдем со мной. То, что ты увидел, необходимо показать «Оккули Императору». Если ты откажешься, могу гарантировать только одно: кустодий Аквилон убьет тебя

за попытку сохранить этот секрет. Он убьет каждого, кто попытается сохранить этот секрет.

Вокруг опять сгустился красноватый сумрак аварийного освещения. В «Погребке» послышались протестующие возгласы, а набирающие обороты двигатели снова вызвали сильную дрожь корабля. Они возвращались в бой.

— Я... пойду с тобой.

Абсолом Картик улыбнулся. Он был уродлив — и возраст только усилил его уродство, — но его отеческая ободряющая улыбка на долгие годы сохранилась в памяти родных.

— Да, — сказал старик. — Я так и думал.

Глава 28
ПОСЛЕДСТВИЯ
КРОВЬ --- ЭТО ЖИЗНЬ
СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

После сражения он отыскал Даготала.

Сначала он обнаружил гравицикл брата, полностью разряженный и наполовину погребенный в ургалльской грязи. Неразбитый. Брошенный. Оставленный после того, как произошло изменение ради жажды бежать и убивать собственными когтями.

Он двинулся дальше, перешагивая через трупы убитых воинов Гвардии Ворона; белые символы их легиона скрылись под грязью или были уничтожены в бою. Один из воинов еще подавал признаки жизни, из-под решетки его шлема доносилось хриплое дыхание. Аргел Тал обхватил его шею, сорвал гибкую броню и с громким хрустом позвонков оборвал жизнь Астартес.

После мгновенного утоления голода потока эндорфинов не последовало. С каждой минутой сознание Раута покидало разум Аргел Тала с неотвратимостью утекающего сквозь пальцы песка. По мере того как демон удалялся, в нем восстанавливались собственные инстинкты и эмоции. Вместо жажды крови и нечеловеческого голода он чувствовал опустошенность и очень сильную усталость.

Перед ним протянулась его тень, изломанная там, где она попадала на тела погибших. Над шлемом поднимались огромные изогнутые рога. Тело представляло собой кошмарное нагромождение алого керамита и костяных наростов. Его ноги... У него даже не хватало слов. Они сгибались как лапы хищников — льва или волка — и заканчивались огромными черными костяными копытами. Их все еще покрывала броня, но силуэт напоминал существо из древних нечестивых мифов.

Аргел Тал отвернулся от своей тени. В горле заклокотало рычание. Этот

запах. Он дважды втянул ноздрями воздух. Знакомый. Да.

Он шагнул в сторону, позволив тени упасть на другие тела. Вот он. Даготал. Почерневшая груда, окутанная сильным запахом спекшейся крови и пепла. Вокруг него лежали тела в алой и серой броне, что придавало останкам вид статуи, кремированной посреди полегшей стаи Несущих Слово. Где-то вдали еще стучали болтеры. Почему? Битва закончена. Возможно, это казнили пленных. Неважно.

Последствия присутствия Раума напоминали о себе сверхъестественным восприятием, и он ощутил приближение остальных. Все они в той или иной степени были похожи на Аргел Тала. Малнор превратился в дикое существо, и его бугрившиеся мышцы периодически судорожно подергивались. Торгал сутулился при ходьбе, а его лицевой щиток превратился в оскаленную маску, на которой отсутствовали глаза. Помогало ли ему обоняние или слух, но он с демонической проницательностью чувствовал приближение любого

смертного. Вместо когтей, какие были в ходу у большинства Гал Ворбак, руки Торгала заканчивались длинными костяными клинками, изогнутыми наподобие примитивных ятаганов. Их поверхность покрывали зубчатые выступы, бывшие прежде цепными мечами.

В живых осталось одиннадцать Гал Ворбак. Коракс убил больше двух дюжин, их расчлененные тела теперь были разбросаны повсюду — алые среди серых. В пылу битвы было нетрудно подавлять ощущения Раума и отмахиваться от приступов боли, вызываемой гибелью братьев. Но теперь, в трачном сумраке, игнорировать их отсутствие стало намного труднее. Потеря оставила у него ощущение холода.

С течением времени незаметное присутствие демона заслоняла мучительная усталость. Раум никуда не ушел, он остался поблизости. Демон дремал, его холодная сущность пыталась согреться в мозгу Несущего Слово.

Чудовищные трансформации, произошедшие с его телом и доспехами,

наконец пошли вспять. Керамит трескался и заново восстанавливал герметичность. Костяные наросты ушли под кожу и растворились в скелете, откуда и вышли. Как еще давно обещал Ингетель, процесс не был безболезненным, но Гал Ворбак уже прошли сквозь пламя этих мучений. В конце концов, это всего лишь боль, а им приходилось переживать и худшее. Некоторые заворчали, когда начала восстанавливаться физиология Астартес, но никто не застонал, пока трещали кости и скручивались мускулы.

Тем не менее их заметили. Воины из других легионов видели их до и после битвы, и многие в той или иной мере проявили свое брезгливое недовольство. Повелители Ночи попросту не подходили близко к Гал Ворбак, а когда Аргел Тал подошел к Севатару, капитан снял шлем и сплюнул кислотную слюну под ноги Несущему Слово.

Сыны Хоруса — Астартес самого Воителя — с гораздо большим желанием обсуждали их изменения. Аргел Тал неохотно шел им навстречу, зато Ксафен,

медленнее остальных восстановивший облик Астартес, казалось, с радостью стремился просветить Сынов Хоруса относительно будущего, уготованного избранным воинам богов.

Аргел Тал подождал еще час, пока его кости перестанут скрипеть и стонать от боли, а затем ощутил настоящее блаженство, когда отстегнул зажимы на вороте и снял шлем.

На поле боя пахло выхлопными газами и насыщенной химическими снадобьями кровью, но он едва ли это заметил, впервые за несколько недель ощутив на лице дуновение ветра.

Сзади послышались уверенные и тяжелые шаги. Он понял, кто это, даже не оборачиваясь.

— И как ты себя чувствуешь? — раздался ожидаемый голос.

— Сильным. Чистым. Праведным. А потом холодным, опустошенным. Подвергшимся насилию. — Аргел Тал повернулся и посмотрел в глаза подошедшему. — Я и сейчас чувствую внутри себя демона. Но он ослабел и

дремлет. Я уже пережил изменения и обратные превращения, но и теперь не могу этого описать. Меня беспокоит сознание, что все это повторится, но в то же время я этого жду. Я... мне не хватает слов, чтобы выразиться точнее.

— Мы видели, как вы сражались, — заметил его собеседник. — Настоящие «благословенные сыны».

Аргел Тал сделал глубокий вдох, все еще наслаждаясь воздухом мира, а не профильтрованным кислородом доспеха.

— Перед битвой я был резок с тобой, наставник. Я прошу прощения.

Улыбка не затронула губ Эреба, но в его глазах на мгновение вспыхнула искренняя теплота.

— Больше не наставник.

Аргел Тал отвел взгляд, уставившись на поле сражения.

Тысячи и тысячи закованных в броню тел. Сотни разбитых танков. Корпуса сбитых десантных катеров, еще догорающих в воронках. Оживленные вопли Пожирателей Миров, собирающих черепа. Назойливое жужжание цепных мечей —

воины семи легионов-изменников с их помощью потрошили трупы, собирая трофеи.

— Я не жалею, что много лет назад предпочел меч крозиусу. Как я уже не раз с тех пор убедился, чтобы стать проповедником, мне не хватает слов.

Эреб подошел ближе и встал рядом с бывшим учеником, осматривая картину опустошения. На его броне, потрескавшейся и сильно обожженной, были отчетливо заметны следы сражения. Эреб никогда не посылал воинов в битву без того, чтобы возглавлять их лично. Выпуклые гравировки, описывающие его подвиги аккуратными колхидскими рунами, утратили цвет в пламени, и из-под содранной краски блестел металл керамита.

— Я уверен, в ту ночь состоялась первая попытка Астартес убить другого Астартес.

Аргел Тал ничего не забыл.

— Как-то давно, когда я в последний раз стоял в городе Серых Цветов, примарх мне говорил, что ты простил меня за ту

ночь.

— Примарх был прав.

Аргел Тал прищурился:

— Я никогда не просил у тебя прощения. Только не за тот случай.

— Тем не менее я тебя простил. Ты полагаешь, что я в своих методах зашел слишком далеко, а я так не считаю. В этом вопросе мы никогда не придем к единому мнению. А ты уверен в правильности подобной реакции? В том, что было справедливо поднять оружие на своего брата? Ты был прав, когда пытался убить капеллана своего легиона?

— Да, — без колебаний ответил Аргел Тал. — Я и сейчас верю в свою правоту. Я бы убил тебя, если бы мне представился такой случай.

Лицо Эреба осталось бесстрастным.

— Если не считать той первой и последней измены, ты был лучшим учеником. Верным, умным и сильным сердцем и волей.

Верным.

Мысль Раума была сонной, едва оформленной в пелене усталости. Она

заставила Аргел Тала насторожиться, поскольку он догадывался о намерениях демона.

— Порой я задаюсь вопросом, — сказал он, — какая часть нашей лояльности запрограммирована в нашей крови.

Вмешательство не укрылось от Эреба.

— Геносемя меняет любой легион, но Несущие Слово не станут с одинаковым пылом следовать за Аврелианом к победе и к поражению. Мы идем за ним, потому что он прав, а не потому, что так велит нам долг.

Аргел Тал кивнул, не выражая ни согласия, ни протеста.

— Мне нужны ответы, — сказал командир Гал Ворбак.

Он произнес это таким твердым и суровым тоном, что Эреб повернулся к нему лицом.

— Ты считаешь, сейчас подходящее для этого время? — спросил он.

Аргел Тал цинично усмехнулся в лицо своему бывшему наставнику.

— Мы стоим среди останков двух

легионов, уничтоженных руками изменников на поле первого сражения гражданской войны в Империуме. Сейчас самое время поговорить о предательстве, Эреб.

Губы капеллана дрогнули в намеке на улыбку.

— Спрашивай.

— Ты и так прекрасно знаешь, о чем я спрошу, так что избавь меня от повторения вопроса.

— Примарх. — Эреб, оставаясь, как обычно, политиком, заговорил бесстрастным тоном. — Ты хочешь, чтобы я рассказал, чего мы с главной флотилией легиона достигли за те сорок лет? Сейчас не время для подобного разговора. Большая часть из того, что мы узнали, содержится в «Книге Лоргара».

Скривившиеся губы Аргел Тала показали его отношение к такому ответу.

— Которая, как мне кажется, наполовину написана тобой лично, — сказал повелитель Гал Ворбак.

Эреб признал его замечание легким наклоном головы.

— Да, я добавил туда некоторые ритуалы и молитвы. И Кор Фаэрон тоже. Мы многому научились и направляли примарха не реже, чем он нас.

Аргел Тал недовольно заворчал:

— Выражайся яснее.

— Как скажешь. Подожди-ка секунду.

Эреб опустился на одно колено и вонзил свой гладиус в горло агонизирующего воина Гвардии Ворона. Двинувшись дальше, он вытер кровь с клинка промасленным лоскутом ткани, который достал из поясной сумки.

— Ты не знаешь, как все это было, Аргел Тал. После посещения Великого Ока Лоргар был... в смятении. Его вера в Императора уже рухнула, а истина, обретенная на краю Галактики, не столько вдохновляла его, сколько причиняла мучения. Им на долгие месяцы овладела нерешительность. Кор Фаэрон снова принял на себя командование флотилией, и нам ничего не оставалось делать, как обрушивать свою ярость на все встреченные миры. Несмотря на возвращение Лоргара, легион не ощущал

радости от присутствия примарха. По правде говоря, Аврелиан не был уверен, что человечество готово узнать об этом... ужасе.

У Аргел Тала кожа покрылась мурашками.

— Ужасе?

— Это слово примарха, а не мое. — Эреб толкнул ногой еще одно тело. Когда из решетки шлема послышался хриплый вздох, капеллан повторил процедуру казни, не забыв вытереть клинок. — Легион не противился новой вере. Мы в равной мере не только воины, но и философы и этим гордимся. Все знали, как боги много поколений назад сеяли зерна веры в нашу цивилизацию. Созвездия. Культы, всегда обращавшиеся к звездам за ответами. Сами Старые Дороги. Лишь несколько Несущих Слово воспротивились истине, тогда как большинство в какой-то мере всегда ее ощущали.

— Несколько Несущих Слово воспротивились... — Мозг Аргел Тала кольнула неприятная мысль. — Была чистка? Чистка в наших собственных

рядах?

Прежде чем ответить, Эреб обдумал свои слова.

— Не все захотели повернуть против Империума. Кое-кто верил, что в стагнации заключается сила, что стазис сохранит цивилизацию. Теперь в нашем легионе сопротивляющихся не осталось.

Итак, Несущие Слово втайне от других легионов уничтожали Несущих Слово. Ангел Тал медленно вдохнул, не желая знать, но и не в силах удержаться от вопроса.

— Сколько их погибло?

— Достаточно. — Признание явно не доставило Эребу ни малейшего удовольствия. — Не много — ничто по сравнению с количеством отвергнутых в нечестивых легионах, но достаточно.

Они обошли обугленный каркас «Рино», принадлежавшего Сынам Хоруса. Гусеницы бронетранспортера были разбиты и разбросаны по земле, словно выбитые зубы, на покатом зеленом корпусе остались отметины болтерного огня. Водитель был мертв — убит тем

снарядом, который разбил лобовую броню машины, и его зеленовато-синий доспех покрывали пробоины от осколков. Воин так и остался лежать в своем кресле.

— Мне почему-то кажется, что это не единственный твой вопрос, — пробормотал Эреб.

Аргел Тал почесал щеку, проверяя пальцем, не претерпело ли его лицо новых изменений. По крайней мере сейчас он еще оставался самим собой. Пока демон дремлет, мутация заперта в его генетическом коде. Он знал, что изменения вскоре вернутся. От одной только этой мысли Раут шевельнулся, медленно извиваясь во сне, словно дикий зверь.

— Кустодес, — сказал Аргел Тал. — Ради того, чтобы сохранить им жизнь, мы вынесли долгую ссылку. Ритуал Ксафена заставлял их молчать. Скажи, Эреб, зачем все это? Мы очень хотели быть рядом с примархом.

— Этого хотят все Несущие Слово любой флотилии легиона.

— Мы — Гал Ворбак.

Аргел Тал ударил кулаком по борту «Рино», оставив в броне вмятину.

— Спокойнее, Аргел Тал.

— Мы, — повторил командир, — это Гал Ворбак. Мы ценой своих душ принесли истину примарху. Я не требую почестей. Я спрашиваю, по какой причине нас отправили в долгое изгнание.

Эреб зашагал вперед, оставив танк и двух воинов Саламандр, которые погибли под его гусеницами.

— Вы прибыли и развеяли часть сомнений примарха, в то время как я и Кор Фаэрон разжигали в нем пламя убежденности. Мы посетили те первые покоренные нами миры, где позволили втайне чтить Старые Пути. В тех мирах желание Лоргара просветить Империум разгорелось заново.

— Тогда почему нас не позвали? Ритуал Ксафена для сохранения их молчания...

— Я знаю этот ритуал, — прервал его Эреб. — Я сам его написал после нескольких недель общения. А потом передал Ксафену, и каждый раз, когда я произносил

заклинание, ритуал действовал все лучше.

Заклинание. Чары. Колдовство. От таких слов пробирала дрожь. Одних только слов было достаточно, чтобы по коже забегали мурашки. На склоне горы начиналось сооружение погребального костра и платформы для Сынов Хоруса, чтобы возвысить их над «меньшими» легионами. Аргел Тал и Эреб оставили эту работу без внимания.

— В твоем голосе я слышу несогласие, Аргел Тал. Ты не горишь желанием их прикончить, и можешь не уверять в обратном, я все равно распознаю ложь.

— Мне бы не хотелось их убивать. За это время мы сблизились, участвуя во многих сражениях. Но я должен знать, зачем их надо было оберегать.

— Они нужны мне живыми, — наконец признался капеллан.

— Это я уже понял, — фыркнул Аргел Тал. — Но почему?

— Из-за того, кто они есть. Представь себе форму жизни, не способную к воспроизводству. Представь, что она создает собственные копии, но процесс

далек от совершенства. Эта форма жизни достигает бессмертия, производя лишь ослабленные версии, и так идет поколение за поколением. Мы представляем собой пример такого процесса. От Императора произошли примархи, а от примархов — Астартес. Мы особи, которым Император приходится не только создателем, но и дедом.

Аргел Тал кивнул, ожидая продолжения. И едва не улыбнулся, вспомнив их занятия, когда они еще были учителем и учеником, наставником и послушником.

— Мы — третье поколение этой генетической линии. Но вдруг наши инженеры плоти, наши апотекарии и психически одаренные воины смогли бы использовать эту связь с Императором в качестве оружия против него? Неужели нам не следует воспользоваться этим шансом?

Аргел Тал пожал плечами:

— Я не понимаю, как это возможно.

Эреб усмехнулся:

— Вспомни о Старых Путях, вспомни

все, что тебе известно об этой вере из архивов. Подумай о тех суевериях и догмах, которые Император надеялся стереть из области человеческих знаний во время его драгоценного Великого Крестового Похода. Сколько самых искренних и глубинных верований человечества основаны на жертвоприношениях и заклинаниях, скрепленных кровью? Кровь — это жизнь. Кровь — это средоточие миллионов чар, связь между заклинателем и жертвой или подношение для привлечения сил из варпа. Если у тебя имеется кровь существа, ты можешь составить яд, который убьет только его, и никого другого, — оборвет одну жизнь, но сохранит все остальные.

— И наша кровь — это кровь Императора, — закончил вместо него Аргел Тал.

— Да, но разбавленная и отфильтрованная в процессе массового производства, в ней слишком много искусственных химических компонентов, чтобы использовать в алхимии или колдовстве. Наша связь с предком слишком

слаба.

Алхимия. Колдовство. Аргел Тал не мог не отметить иронию в том, что даже с демоном в душе он с отвращением слушает, как эти слова произносятся с невероятной легкостью. Да, за время его неофициального изгнания ветер перемен действительно дул очень сильно.

Эреб вновь посмотрел на поле битвы, где Железные Воины собирали тела с грубой эффективностью, характерной для этого легиона. Танки, оснащенные огромными лопастями, двигались к грудам трупов и толкали их к погребальному костру.

— Ты понимаешь? — спросил он, продолжая наблюдать за подготовкой к похоронам.

— Ты веришь, что Кустодес более крепко связаны с Императором?

— Верю. Они созданы с использованием того же генетического кода, но наш был профильтрован для массового производства. Их кровь чище.

Исстари существовало предположение, что Император являлся

примархом Кустодианской Гвардии. Аргел Тал покачал головой.

— Живые Кустодес нужны тебе из-за их крови, — сказал он. — Но твои надежды основаны на мифе.

— Надо учитывать любое оружие, — бесстрастно ответил Эреб. — Кроме Императора, ни у кого не было возможности изучить Кустодес, а знание — это сила. Его приходится тщательно охранять. К настоящему моменту мы испробовали ритуалы с кровью одиннадцати легионов, и все они закончились неудачно. А вдруг мы овладеем тайной генетического кода Кустодес? Мы сможет использовать эти знания и нарастить свои силы, а не только нанести вред врагам. В главной флотилии Кустодес, которыми командовал Як, давным-давно погибли в сражении. Аквилон и его подчиненные остались одной из немногих возможностей. А для успешного проведения ритуала их кровь должна быть взята из бьющегося сердца.

У Аргел Тала возникла еще одна

мысль, но он заговорил, еще не успев ее обдумать:

— Но разве не примархи являются ближайшими родственниками Императора? Ты мог бы воспользоваться их кровью для... своих ритуалов.

Эреб рассмеялся. Аргел Тал впервые за всю свою жизнь увидел, как капеллан по-настоящему искренне смеется.

— Истина из уст младенца. — Эреб все еще улыбался. — Но где ты видишь хоть одного согласного на это примарха? Здесь нам не удалось захватить ни одного из сынов Императора, и ты можешь быть уверен, что ни Хорус, ни Аврелиан не горят желанием отдать свою кровь для подобных манипуляций.

Аргел Тал нерешительно замолчал. Из зажатого в руке шлема послышался треск вокса.

— Мой лорд? — прозвучал голос командующего флотилией Торва.

Несущий Слово глубоко вздохнул и неохотно надел шлем. Мир вокруг него мгновенно потемнел и замерцал отметками целеуказателя.

— Аргел Тал тебя слушает.

— Мой лорд, последние четыре наших корабля выбрались из варпа. «Оккули Император» требует немедленной посадки на «Де Профундис».

— Прими его. Теперь это уже не важно. У них возникнут подозрения, но в ярость может привести единственное свидетельство. Мы вернемся на орбиту через час и разберемся с ними. Корабль сильно пострадал?

— Довольно сильно, но мы справились. Единственное серьезное повреждение было на той палубе, где находится святилище легиона. Несколько сквозных пробоин, но все поврежденные секции изолированы, опасности нет.

Аргел Тал напряженно сглотнул.

— А Блаженная Леди?

— В безопасности и полном здравии. Эухарский патруль убедился в этом тридцать минут назад. Вражеская флотилия превратилась в пыль и тучи обломков. Как идет сражение на поверхности?

Несколько мгновений Аргел Тал

толча смотрел на окружающее его опустошение.

— Победа за нами, Балок, пока достаточно и этого.

Аквилон сошел с украшенного орлами шаттла и оказался на пустынной ангарной палубе. Ему еще никогда не приходилось видеть здесь подобного спокойствия: застывшие в ожидании подъемники и бездействующие сервиторы, замершие на своих местах у стены. Легион был задействован внизу, и все, чем командовали Несущие Слово, тоже было переправлено на поверхность планеты.

У основания трапа его ожидало несколько человек. Ситран безмолвно склонил голову. Калхин и Ниралл тоже не отдавали честь — не в привычках Кустодес было выказывать почтение кому-либо, кроме Императора, возлюбленного всеми. Трое воинов свободно держали свои алебарды, но их позы выдавали некоторое замешательство. Даже золотые доспехи, казалось, не могли скрыть, как красноречиво напряжены их мускулы.

Внимание Аквилона привлекли двое других встречавших. Первым был Картик, отвесивший глубокий поклон. Старик вспотел, несмотря на холод в ангаре, и его сердце билось быстро и неровно. Второй был ему незнаком. Смуглый, с острым взглядом, совершенно не испытывающий страха перед происходящим. Храбрый парень. Или дерзкий.

— Странная встреча, — негромко произнес «Оккули Император».

Он еще не разгневался, по крайней мере пока, но его терпение испытывалось уже несколько часов. Потеря связи с флотилией Несущих Слово привела его в замешательство, а теперь еще и этот необычный прием. Что-то не так, и он понял это сразу, как только увидел поджидавших его внизу братьев.

— Ваши корабли тоже «задержались», — высказал свою догадку Аквилон. — Вас не допустили до места сражения.

Все три воина кивнули.

— Я прибыл первым, — сказал Ниралл. — Не больше десяти минут назад.

Вокруг флотилии царит сущий кошмар, аусник, не переставая, звенел от обломков кораблей в верхних слоях атмосферы. Они еще не одно десятилетие будут падать на поверхность Иссстваана Пять.

— Я видел то же самое, — подтвердил Аквилон. — Нет никаких признаков кораблей с символами изменников, но легионы лоялистов понесли ужасающие потери. Характер разрушений не позволяет провести точные подсчеты. Похоже, что два легиона уничтожены полностью. Еще два, которые должны были здесь находиться, и вовсе не появились.

— Я не смог связаться с Аргел Талом, — сказал Калхин. — И ни с кем другим на поверхности.

Аквилон сверху вниз взглянул на двух смертных:

— Объясните их присутствие.

Ситран вышел вперед и протянул Аквилону громоздкий пиктер в пластиковом корпусе. Ясно было, что аппарат стоил немалых денег. Аквилон принял его, но даже не взглянул на экран.

— Ты имажист? — спросил он

смертного.

— Исхак Кадин, — ответил тот. — Да, я имажист. Надо активировать...

— Я знаю, как это работает, Исхак Кадин.

Аквилон нажал кнопку активации на рукоятке, и маленький экран ожил.

Некоторое время он обдумывал увиденное. В процессе обучения и тренировок на службе Императору он многое узнал о способностях человека и возможностях технологий, применяемых к живым существам. Он никогда не видел ничего подобного раньше, но сразу понял, что это может быть.

«Оккули Император» вернул пиктер имажисту, и тот невнятно пробормотал слова благодарности.

— Я полагаю, ты обнаружил это на палубе, где находится святилище? — спросил Аквилон.

— На монастырской палубе? Да.

— Понятно. — Затем с беспредельным достоинством он поднял руку и обнажил оружие. — Братья! — воскликнул он. — Нас предали.

— Меня не радует перспектива сражаться против всего экипажа, даже в отсутствие легиона на борту. Что ты предлагаешь? — спросил Калхин.

— Сначала надо выяснить, как глубоко пустила корни измена. Я должен своими глазами увидеть это безумие и вырвать правду из уст тех, кто хранит тайну. Прежде чем хотя бы пытаться вырезать эту опухоль, мы должны обеспечить доступ к Терре и передать все детали Императору.

— Возлюбленному всеми, — в один голос добавили Калхин и Ниралл, а Ситран ударил костяшками пальцев по нагруднику напротив сердца.

Аналогичный возглас Исхака прозвучал после нескольких секунд замешательства, но на имажиста уже никто не обращал внимания.

— Нам предстоит большая работа, — проворчал Калхин.

— Кого будем допрашивать? — спросил Ниралл. В его голосе не было и тени сомнений: он спрашивал не потому, что не имел представления об ответе, а из-за

множества имеющихся возможностей, выбирать из которых надлежало Аквилону. — Командующего флотилией? Генерала?

— На корабле есть одна особа, которая вот уже в течение полувека выслушивает все тайны и секреты Несущих Слово. И эту драгоценную личность мы найдем неподалеку от того места, где обнаружено свидетельство измены. За мной.

— К-как же ты собираешься попасть на монастырскую палубу?

Картик, о котором Кустодес уже забыли, сразу начал отставать.

— Мы убьем каждого, кто встанет на пути, — озвучил Нирал очевидный ответ. — А ты, старик, возвращайся в свою комнату. Рядом с нами будет небезопасно.

Кустодес, обнажив клинки, устремились вперед. Аквилон позволил себе проявить эмоции, слегка скривив губы.

— Кирена, — прошипел он. — Их Блаженная Леди.

Глава 29
КИРЕНА
НЕЛЮДИ
ВЫПОЛНЕНЫЙ ОБЕТ

Она подняла голову, услышав звон клинков у ее двери, хотя, разумеется, ничего не увидела. От гремящей двери на нее волнами накатывался нагретый воздух. Значит, силовое оружие. Они пробивают проход силовым оружием.

Кирена торопливо печатала, и ее пальцы лихорадочно плясали над клавиатурой, но работа оборвалась на середине фразы. Дверь с грохотом рухнула на пол, и комната наполнилась гулом активированной силовой брони. Гудели сочленения. Жужжали связки псевдомышц.

— Аквилон. Я знала, что ты при...

— Заткнись, вероломная шлюха. Несущих Слово здесь нет, и тебе придется отвечать перед представителем власти Императора. Прикажи своим служанкам покинуть комнату, иначе им тоже

достанется.

Кирена наклонила голову. Две пожилые женщины почти бегом бросились прочь.

— Брат, — произнес Калхин, поворачиваясь к открытой двери, ведущей во вторую комнату.

Оттуда появилась еще одна фигура, безусловно прятавшаяся до сих пор.

— Несущие Слово, — послышался голос, — ушли не все.

— Тебе здесь нечего делать, техноадепт, — сказал Аквилон, указав на выход кончиком клинка.

— Верно. — Кси-Ню-73 с определенным усилием надавил на кнопку в контрольной панели, зажатой в левой руке, и за его спиной возникла еще одна фигура, состоявшая из механических приводов и пластин брони. Машина заняла собой весь проем и угрожающе заворчала. Кси-Ню наконец решился закончить фразу: — Мне здесь нечего делать, а ему — есть.

Тяжелые болтерные орудия, заменившие руки робота, были уже заряжены и активированы: они оставались

в таком режиме долгие часы, готовые к любым осложнениям. Кирена соскользнула с кровати, пытаясь оказаться как можно дальше от Аквилона.

— За легион.

Звуки напоминали падение стальных брусьев на камни.

Инкарнадин обрушил на Кустодес сокрушительный шквал огня, но к тому моменту они уже пришли в движение и раскрутили алебарды.

Аргел Тал стремительно взбежал по трапу десантного корабля и, грохоча подошвами, проскочил в пассажирский отсек. Он последним взошел на борт. Вокс, словно улей, гудел от голосов торопивших его Гал Ворбак. Остальные «Громовые ястребы», гордо несущие серый цвет легиона, уже поднимались в воздух.

— Взлетаем, — приказал он по воксу пилоту, не стыдясь панических ноток в голосе. — Возвращаемся на корабль.

«Восходящее солнце» вздрогнуло, и когти оторвались от опаленной земли.

Аргел Тал переключился на другой

канал:

— Джесметин. Генерал, ты слышишь?

Шум помех.

— Аррик, ответь мне.

— Мой лорд! — задыхаясь, откликнулся генерал. — Мой лорд, они прорвались!

— Мы только что получили предупреждение. Расскажи подробно, что произошло.

— Они приземлились. Кустодес вышли на палубу. А потом что-то привело их в ярость. Вероятно, они все узнали, хотя я представить не могу откуда. Все эухарские подразделения в том секторе либо не отвечают, либо уже истреблены. Один из них — один — удерживает коридор к комнатам Кирены. Кровь богов, Аргел Тал... он выстроил баррикаду из трупов моих людей. И с каждым наступлением погибших все больше. Мы не можем справиться с одним из них, не говоря уж обо всех четверых.

Палуба десантного катера дернулась под ногами Несущего Слово.

— Мы включили главный двигатель и

вышли на курс. А что с Кси-Ню-73?

Вокс доносил до него треск лазерных разрядов. В безнадежный бой вступали все новые силы эухарцев.

— От него ни слова, — ответил престарелый генерал. — Ни единого слова. Проклятие, где же вы?

— Уже в пути. Раум?

Слаб. Связь была ненадежной и действовала замедленно. Сплю.

Десантный катер изрыгнул струи дыма и взял курс наверх, оставляя под собой поле сражения.

Ситран сражался так, как сражался всегда: в совершенном одиночестве и молчании. Каждое движение соответствовало самым высоким требованиям: каждый поворот рукоятки алебарды поднимал клинок ровно настолько, чтобы отразить лазерный разряд, или опускал, чтобы рассечь плоть. Каждый поворот и наклон выполнялся достаточно энергично, чтобы избежать поражения, но не угрожал потерей равновесия и не требовал смены позиции.

Его ноги замирали на месте ровно настолько, чтобы убить ближайшего противника, а затем снова двигались в непрерывном танце.

Они опять отступили. Нет, они побежали.

Ситран улыбнулся под лицевым щитком. Болтер на его алебарде задрожал, выталкивая разрывные снаряды в спины тех, кто оказался слишком трусливым, чтобы биться с ним лицом к лицу. Ритмичные взрывы следовали один за другим. Ситран упал на пол за грудой мертвых тел и развернул алебарду, чтобы достать конец клинка. Щелчок, лязг металла, и оружие уже перезаряжено. Ситран вскочил, вращая алебарду широкими кругами и отводя в сторону лучи лазера.

— Сит, — послышался прерываемый треском голос Аквилона. — Мы идем.

Ситран послал подтверждение, мигнув в сторону соответствующей руны на ретинальном дисплее. По коридору приближался еще отряд эухарцев, таких гордых в своей тускло-оранжевой форме.

Ситран перепрыгнул через баррикаду из трупов им навстречу. Все солдаты разлетелись на куски, а единственным свидетельством того, что он участвовал в схватке, остался лазерный ожог наплечника и кровь на клинке. Коридор опять был пуст, не считая мертвых глупцов, полагавших, что они справятся с ним, несмотря на то что это не удалось многим их товарищам. Ситран оглянулся через плечо как раз в тот момент, когда из кельи колдуньи показались его братья. Но только двое — Аквилон и Ниралл. Их броня почернела и покрылась трещинами от зажигательных снарядов.

Вероятно, Аквилон ощутил его вопросительный взгляд, даже не видя лица.

— Калхин погиб, — сказал Аквилон. — А нам надо торопиться.

В этот момент Ситран заметил, что клинок Аквилона тоже в крови.

Кси-Ню-73 вздохнул. Из его дыхательной маски звук вышел похожим на жужжание насекомого. Сенсорные ингибиторы, окружающие его нервные

волокна, как изоляция металлическую жилу кабеля, выполняли свои функции, но были не в состоянии полностью приглушить боль отключения. Отключение? Умирание. В последние мгновения своей жизни он не удержался, чтобы не воспользоваться биологическими терминами. Умирание... Смерть... Так драматично.

Он рассмеялся, и из-под маски вновь донеслось жужжание. Оно перешло в кашель, от которого во рту появился привкус испорченного масла.

При помощи единственной оставшейся руки адепт приступил к сложной задаче: проползти по полу. Как только он начал двигаться, возникла потенциальная подпрограмма. Можно ли, не останавливаясь на полпути, исследовать тело смертной женщины?

В мыслительном центре вспыхнули показатели соотношения затрат и выгоды. Да. Можно. Но он не будет этого делать. Подпрограмма была отклонена. Рука вцепилась в гладкий пол, и его металлическое тело со скрежетом

продвинулось еще на полметра. Перед глазами все время мелькали таблицы статистики функциональности. Он осознал, что существует вероятность отключиться, не достигнув цели. Это подстегнуло его, и бионические узлы, соединенные с немногими оставшимися органами смертного, подстегивали ослабевшую плоть электрическими разрядами и экстренными инъекциями химикатов.

К тому моменту, когда техноадепт добрался до цели, он полностью ослеп. Зрительные рецепторы вышли из строя и не передавали никаких сигналов, словно отключенный монитор. Он ощутил, как рука звякнула о намеченный объект, и воспользовался им, чтобы подтянуться ближе. Упавший робот был похож на сваленную статую, на поверженное воплощение Бога-Машины, и Кси-Ню-73 обнял его, как отец мог бы обнять любимого сына.

— Вот, — пробормотал он, едва слыша собственный голос из-за отказа слуховых рецепторов. — Долг выполнен. Достойно.

Имя занесено. В архив. Пророка. Доблесть.

На последнем слове отказал синтезатор голоса, оставив его немым до конца существования.

Кси-Ню-73 скончался через двадцать три секунды, когда его аутентические органы отключились без возможности восстановления. Ему не доставило бы удовольствия узнать, что по иронии судьбы ослабевшие органы из плоти еще полминуты боролись, чтобы вдохнуть жизнь в тело, не способное ее принять.

Комната недолго оставалась пустой и тихой. Вскоре по коридору снова загрохотала броня, предвещая прибытие новых сверхлюдей.

Фигура в алой броне застыла в дверном проеме на фоне забрызганной кровью стены. Воин неподвижно замер, не в силах поверить своим глазам.

— Дай мне войти, — потребовал Ксафен.

Аргел Тал остановил его разъяренным взглядом и вошел сам.

Кси-Ню-73 лежал, свернувшись в

клубок, возле разбитого и исковерканного остова Инкарнадина. Робот был полностью разрушен, его броня покрылась сотнями царапин и вмятин, нанесенных силовыми клинками. Знамя-плащ боевой машины и свитки обетов тоже пострадали, превратившись в лохмотья. Стены и пол были не в лучшем состоянии. В бронированных стенах виднелись сквозные отверстия, а там, где перегородки уцелели, они были изрыты воронками от болтерных снарядов.

Все эти детали Аргел Тал отметил в одно мгновение, а потом перестал обращать на них внимание. Он опустился на колени рядом с неподвижным телом Кирены. Кровь усилила цвет ее платья, и оно стало алым, как его броня. Пол под ней тоже покраснел. Брызги красной жидкости виднелись на ее волосах и шее. Единственная рана была ужасной — огромный разрез в груди, куда попал конец клинка. Одного удара, пронзившего сердце, оказалось достаточно, чтобы оборвать ее драгоценную жизнь.

Кровь. Присутствие демона

чувствовалось еще смутно, но мрачная ярость Аргел Тала способствовала его пробуждению. Скоро кровь. Охота.

Снова начались изменения. Демон чуял близкую схватку, и тело, которое они делили на двоих, начало реагировать. Аргел Тал испустил звериное рычание, но звук затер у него в горле, когда Кирена вздрогнула.

Она еще жива. Как же он этого не заметил? Слабое, едва заметное движение груди выдавало присутствие еще теплившейся внутри жизни.

— Кирена, — прорычал то ли Раум, то ли Аргел Тал.

— Это... — голос, напоминавший детский лепет, был едва слышным, — ...мой кошмар. — Незрячие глаза с безошибочной легкостью отыскали его лицо. — Остаться в темноте. И слышать дыхание зверя.

Когти сомкнулись на ее хрупком теле, защищая и оберегая, но повреждение было нанесено уже давно. Попавшая на его пальцы кровь обожгла кожу.

— Что они с тобой сделали? — с улыбкой спросила она.

Она умерла у него на руках, не дождавшись ответа.

Он слышал голоса, но не видел причин обращать на них внимание. Другой, да, он придавал значение этой болтовне. Блеяние людей: языки без костей болтаются во влажных ртах, а легкие гонят воздух на плоть, чтобы образовать звук в горле. Да, Другой прислушивался к голосам и отвечал им тем же.

Это не для Раума. Он гаркнул слово ненависти из Старого Языка, надеясь, что это утихомирит гнусавые звуки. Не помогло. Хнгх. Игнорировать их. Да.

Он ощущал потребность в кровавой охоте и в предвкушении вышел наверх. Тело Другого, нет, их общее теперь тело на этот раз с легкостью приняло охотничий облик.

Он бежал, гонимый мучительной жаждой, страдая от потребности преследовать добычу без возможности схватить ее. Люди разлетались с его пути. Раум не оглядывался. Он чуял запах их смерти, чувствовал, как кровь и мозги

забрызгивают стены и пол.

Хрупкие создания.

Ты убиваешь экипаж.

Другой возвращается? Это хорошо. Вместе они сильнее. Молчание Другого могло быть причиной для страха. Как только он вернулся, Раум почувствовал, что его инстинкты меняются, приспосабливаются, становятся острее благодаря логике и знанию прошлого и будущего. Интеллект, а не просто хитрость. Сознание. Лучше. Он мчался по коридору и ревел на людей, распугивая их. А пробегая мимо, не убивал.

Это союзники.

Они задерживают охоту.

Он ощущал резкое нежелание признавать свою слабость в логике и предвидении.

Мы больше не будем убивать. Мы одно целое.

Я... я вернулся.

Аргел Тал вдохнул, чувствуя на языке запах старой кожи, примешавшийся к рециркулированному воздуху корабля. Словно путеводная нить, где-то на грани

восприятия появился другой запах. Его друг. Аквилон. Это запах озона от активированного оружия. Запах масла, используемого для ухода за золотыми доспехами.

Он мчался по коридорам, пробегая мимо свежих трупов, изрубленных не когтями, а клинками. «Де Профундис» был полон мертвецов, тела эухарцев валялись во всех переходах.

Тебя слишком долго не было. Люди блеяли и фыркали на нас.

Вокс. Аргел Тал мигнул на вспыхнувшую руну.

--- Где? --- Ксафен был разъярен не меньше Аргел Тала. --- Императорские ублюдки уничтожили на борту корабля половину эухарцев. Где ты?

--- Я... я утратил контроль. Теперь чую запах Аквилона. Я... Тринадцатое помещение, ангарная палуба левого борта.

Аргел Тал ворвался сквозь огромные двери в док десантных кораблей.

Перед ним вспыхнули кормовые огни «Восходящего солнца», и катер через заградительное поле с ревом вырвался в

космос.

Ангар огласился воплем Аргел Тала.

— Брат! — закричал Ксафен. — Брат! Они бегут, чтобы спрятаться. Добыча направляется на поверхность.

— Они убегают от нас. — Аргел Тал включил общий канал. — Они бегут на планету. Балок! Определить траекторию «Восходящего солнца»! Всем батареям, взять на прицел тот корабль и стрелять по готовности.

— Нет! — воскликнул Ксафен. — Эреб хочет получить их живыми!

— Мне наплевать, чего хочет Эреб. Пусть падают на поверхность, охваченные пламенем.

«De Профундис» развернулся по широкой дуге. Как и большинство других кораблей флотилии, он сильно пострадал во время сражения в космосе и теперь неохотно повиновался командам. Сигналы и указания цели мгновенно были переданы на все находящиеся суда Несущих Слово, и семь из них открыли стрельбу, извергнув в пространство невероятно мощный заряд в

надежде накрыть небольшой катер.

После старта «Восходящего солнца» с ангарной палубы «De Профундис» прошло меньше минуты, когда объятый пламенем десантный катер ворвался в атмосферу Исстваана V. Его тепловые щиты от перегрузки в ходе неуправляемого спирального падения приобрели оранжевый оттенок.

Линкор «Дирж Этерна» отрапортовал о попадании.

Аргел Тал прислушивался к спорам в воксе и докладу магистра флота о том, что «Громовой ястреб» бесконтрольно падал, но не был уничтожен окончательно. Еще будет время обсудить попытку «Дирж Этерна» получить почести, но не сейчас.

— Гал Ворбак собраться на штурмовой палубе, — приказал он. — Подготовить десантную капсулу.

Десантный катер лежал на боку грудой искореженного и перекрученного металла.

Красные обломки корпуса разлетелись по окружающей равнине, а один двигатель

еще натужно кашлял, испуская клубы дыма, слишком густые и маслянистые для нормальных выхлопных газов. Почти на сто метров от места окончательной остановки тянулась пропаханная в почве борозда, отмечавшая место падения «Громового ястреба», в конце концов уткнувшегося в развалины городской стены. Эти изъеденные ветром и осадками камни стояли часовыми вокруг давно покинутого города, бывшего пристанища забытой цивилизации. От удара корабля со стены слетели остатки кладки, и камни дождем посыпались на исковерканную броню, завершая разрушение.

На Иссстваане V близился рассвет, и небо над местом крушения посветлело. Над горизонтом поднималась неприметельная звезда, скорее белая, чем желтая, и слишком далекая, чтобы обеспечить тепло. На другом конце континента еще догорал погребальный костер.

Сквозь раскрытые челюсти он втянул холодный предрассветный воздух, ощущая в

дуновении ветра привкус горящего масла. Его братья, алые сородичи, рыскали вокруг, осматривая обломки корабля в поисках хоть какого-то следа.

— Они не так давно упали, чтобы спрятаться, — угрожающим тоном заметил Ксафен.

Рядом с ним всем громадным телом подергивался Малнор, пуская изо рта ядовитые слюни. Торгал, словно нелепая обезьяна, запрыгнул на корпус разбитого судна и старался забраться повыше, цепляясь за металл своими костяными клинками. Он жадно принюхивался, отчего слепое лицо постоянно морщилось. Аргел Тал бродил вокруг корабля, его когти то сжимались в ребристые кулаки, то снова вытягивались смертоносными клинками. Одиннадцать оставшихся в живых Гал Ворбак, словно стая пустынных шакалов, окружили разбившийся «Громовой ястреб», выискивая добычу. Охота оказалась недолгой.

— А вот наконец и Алый Повелитель. — Неискреннее приветствие Аквилона прозвучало с неприкрытой

язвительностью. — Явил свою истинную сущность тем, кого предал.

Кустодес вышли из тени сломанного крыла, непринужденно держа в руках оружие. Каждый из них излучал несокрушимую уверенность. Они твердо шагали вперед, расправив плечи, в поцарапанных и побитых, но в общем целых доспехах.

Гал Ворбак сомкнули круг. Три золотых воина, оказавшиеся в центре алого кольца, встали спиной к спине. Они не могли противопоставить Несущим Слово ничего, кроме брони, украшенной на груди императорскими орлами, и клинков, которые поднимали только ради служения Императору. Из всех легионов Астартес лишь один был удостоен чести носить символ аквилы на броне — это некогда благородные Дети Императора, ставшие теперь ядром мятежа Воителя. Но это были Кустодес Императора, и их право не вызывало ни малейших сомнений. Кустодес носили аквилу чаще, чем сами примархи. Изображения орлов, сжимающих в когтях молнии, сияли на их броне чистым

серебром. Оба символа возвышения Императора больше не объединялись нигде, кроме доспехов его избранных телохранителей.

Охотники подошли ближе. Идущий впереди Аргел Тал на мгновение пожалел, что Кустодес не открыли по ним стрельбу. Возможно, после сражений на борту корабля у них закончились боеприпасы, а возможно, они предпочитали завершить дело чисто — не болтерами, а клинками.

— Ты убил Кирену, — произнес он довольно неразборчиво из-за собственной ярости и кислотной слюны, скопившейся во рту.

— Я казнил изменницу, хранившую свидетельства прегрешений легиона. — Аквилон направил клинок на искаженное лицо Аргел Тала. — Во имя Императора, во что ты превратился? Это же кошмар, а не человек.

— Мы — истина! — рявкнул Ксафен пойманным в капкан Кустодес. — Мы Гал Ворбак, избранники богов.

Несущие Слово с каждой секундой

придвигались все ближе. Петля вокруг Кустодес затягивалась.

— Посмотрите на себя! — изумленно воскликнул Аквилон. — Вы отвергли замысел Императора о совершенстве. Вы отреклись от всего, что означает быть людьми.

— Мы никогда не были людьми! — Вместе со словами из пасти Ангел Тала вырвались брызги шипящей слюны. — Мы. Никогда. Не. Были. Людьми. Нас забрали из семей, чтобы вести Бесконечную Войну во имя тысячи обманов. Ты думаешь, нам легко нести эту истину? Взгляни на нас. Взгляни на нас! Человечество примет богов или канет в забвение. Мы видели, как пылает Империум. Мы видели, как вымирают народы. Мы видели, как это происходит, как происходило раньше. Это цикл жизни Галактики, подчиняющийся стеющимся и жаждущим богам.

В голосе Аквилона не было других эмоций, кроме доброты, и от этого его слова звучали еще более жестоко:

— Друг мой, мой брат, вас обманули. Император...

— Императору известно куда больше, чем он вам открыл, — вмешался Ксафен. — Императору известна Изначальная Истина. Он бросил вызов богам и в своей гордыне обрек человечество. Только через преданность...

— ...через поклонение, — добавил Малнор.

— ...через веру, — сказал Торгал.

— ...человечество выживет в бесконечных войнах и реках крови, которые захлестнут Галактику.

Аквилон смотрел на каждого из Несущих Слово, когда они добавляли свои голоса к проповеди. И в заключение снова повернулся к Аргел Талу.

— Брат, — обратился он к Астартес, — вас обманули самым недостойным образом.

— Ты. Убил. Кирену.

— И ты считаешь это самым страшным предательством? — Звонкий раскатистый смех Аквилона заставил Аргел Тала скрипнуть зубами. — Ты, который отверг свет Императора и превратился в чудовище. Ты, который

приковывал несчастных к стенам корабля запрещенным знанием, заставляя их впитывать все психические потоки на протяжении сорока лет? Ты обвиняешь меня в предательстве?

Слова брата ранили его, невзирая на демоническую ярость, затуманившую мозг, невзирая на горе, причиненное гибелью Кирены. Аргел Тал не раз проходил через эту комнату и, с какой бы ненавистью ни относился к происходящему в ней, все же позволял продолжать процесс.

Воспоминания нахлынули болезненными уколами, и каждое видение успевало причинить страдания, прежде чем он его изгонял. Ксафен, читающий строки из «Книги Лоргара», а перед ним кричащий астропат. Эту женщину, приковав к стене, медленно потрошили, заставляя испытывать страшные мучения, которые и являлись центром притяжения. Колхидские руны, вытатуированные на ее теле всего час назад, еще кровоточили. Система жизнеобеспечения, управляемая апотекариями легиона, поддерживает ее

жизнь в течение долгих месяцев. Демон, призванный в ее разум, подчинит его себе ради простейших задач: притягивать и впитывать все проходящие поблизости психические потоки.

Ни одно слово не достигнет Терры, кроме фальсифицированных Несущими Слово донесений. Достигнуто Согласие. Идеальный легион. Лоргар, семнадцатый сын, проявляет преданность, которая порадовала бы любого отца.

— А я обвиняю тебя, — со смехом закричал Ксафен, — в глупости! Твой драгоценный астропат на протяжении сорока лет завывал о ваших подозрениях, обращаясь прямо к демонам. Каждый раз, когда вы толпились вокруг него, внимая словам Императора, вы слышали лишь ложь, которую я нашептывал на ухо демону.

Аргел Тал не поддержал Ксафена. Происходящее в той комнате не вызывало у него мрачного удовлетворения. Капеллан приговорил к мучительной смерти не одну женщину, а в общей сложности шестьдесят одну душу. Тяжесть

одержимости истощала астропатов отвратительно быстро. Они деградировали стремительно, в страшных мучениях. Уже через несколько месяцев тела начинали пожирать зловонные черные опухоли. Сознание несчастных разрушалось вихрями варпа, словно утесы, подверженные воздействию нескончаемых штормов, и многие страдальцы угасали быстро. Лишь некоторые продержались год, но каждый раз наступал момент, когда приходилось подключать к системе жизнеобеспечения очередного беспомощного и кричащего астропата, а потом мучить его плоть ритуальными кинжалами и раскаленным металлом.

Наблюдение за каждым подключением Аргел Тал считал частью своего покаяния. Каждый раз он дожидался, пока глаза очередного несчастного не остекленеют, но не от смерти, а в знак капитуляции. Каждый раз он ждал того благословенного момента, когда сущность демона прорывалась сквозь сознание человека. Вопли стихали. И после отчаянных стенаний наступала блаженная тишина.

Девятнадцать человек вызвались добровольно. Девятнадцать членов астропатического хора флотилии, подготовленные годами проповедей Ксафена, по своей воле решились сохранить важнейшие секреты легиона. Как ни странно, они сгорели быстрее остальных, поддавшись биологическому истощению сильнее, чем те, кого приковали насильно. Похоже, что страдания усиливали ритуал — Ксафен это заметил и доложил Эребу. В ответ он получил благодарность, и в описание ритуала в «Книге Лоргара» были внесены дополнения. После этого Ксафен несколько недель буквально светился от гордости.

Кустодес отыскали это помещение, скрытое в самом сердце монастырской палубы, но кто-то когда-то нашел его раньше. Аквилона туда направили, в этом Аргел Тал не сомневался. И тогда он принес в душе клятву. Кто бы ни был этим мерзким предателем, он разорвет его на части и попирует над его плотью.

— Мы никогда не были людьми, — негромко произнес он, даже не сознавая,

что говорит вслух.

В этот момент меланхоличной ярости Раум окончательно перехватил контроль, и их общее тело устремилось вперед.

— За Императора! — вскричал Аквилон.

В ответ ему засмеялись демоны Гал Ворбак.

В последующие годы Аргел Тал мало что мог вспомнить об этой схватке. Иногда он приписывал это влиянию Раума, иногда считал, что его собственное чувство вины пытается стереть из памяти события той ночи. Как бы то ни было, любые попытки вспомнить заканчивались ощущением опустошенности и усталости, а в голове мелькали только отдельные видения и наполовину забытые звуки.

Это было все равно что вспоминать события раннего детства, до того, как его разум обрел эйдетическую память, когда приходилось напрягать все пять чувств, чтобы ощутить реальность давно

прошедших дней.

Мы никогда не были людьми. Эти слова он не забывал никогда, несмотря на то что они одновременно отражали истину и ложь.

Малнор.

Малнор иногда вспоминался с особой ясностью. Когда погиб Малнор? Сколько времени длилось сражение? Он не мог вспомнить точно. Клинок Ниралла начисто снес голову Гал Ворбак с плеч, но Малнор не упал. На месте головы осталось призрачное видение шлема, оскаленная и беззвучно кричавшая маска. Чтобы окончательно уничтожить противника, Ниралу, лучшему мастеру владения клинком из всех, кого знал Аргел Тал, пришлось изрубить Малнора на куски.

Схватка была слишком отчаянной и исступленной, чтобы сознание могло уловить смысл движений. Мысли и общепринятые понятия исчезли, уступив место выучке и инстинктам. Мелькание клинков и когтей. Треск керамита. Рычание, вызванное болью. Запахи слюны, кислоты, пота, пергамента, костей,

страха, убежденности, дымящихся болтерных стволов, силовых клинков, слез, дыхания, крови, крови и крови.

А затем первое убийство.

Ниралл. Мастер клинка. Он убил Малнора и стал уязвимым. На спину кустодия одновременно прыгнули Торгал и Сигал. Рубящие удары клинков застучали по броне, пробивая сочленение на затылке, у основания позвоночника. Жизнь за жизнь.

Ниралл упал. Торгал отскочил в сторону, оставшись в безопасности. Сигал задержался, чтобы насытиться плотью, и заслужил смерть. Аквилон. «Оккули Император». Он отомстил за смерть своего брата, всего через мгновение оборвав жизнь Сигала безошибочно точным ударом сверкающего меча.

В то же мгновение на него бросился Аргел Тал. Он помнил прыжок и боль в горле, возникшую одновременно с воплем. Он помнил сочный хруст, когда голова кустодия оторвалась от шеи. Позвоночник Аквилона, словно убитая змея, свисал из окровавленного шлема. От запаха крови кружилась голова; безумный смех,

возможно, издавал Аргел Тал, а возможно, и не он. Он не мог сказать наверняка.

Шестеро Гал Ворбак еще оставались в живых. Все шестеро одержимых воинов оскалили зубы, словно пустынные шакалы, и ринулись к единственному оставшемуся в живых кустодию, гонимые демонической страстью.

И затем настал последний момент, сохранившийся в памяти Аргел Тала, а после этого он снова ощутил холодный воздух, и все было кончено. Ситран сорвал шлем и встретил их с непокрытой головой. Он не стал ждать нападения с алебардой в руках, а вместо этого метнул ее, словно копье.

Гал Ворбак мгновенно рассредоточились, но оружие попало в цель. С треском ломающегося дерева оно вонзилось в грудь одного из них. Клинок прошел сквозь керамит, кость и мышцы, и вышел из спины Несущего Слово. Мощный удар опрокинул Астартес, его грудная клетка раскололась, а легкие и оба сердца вылетели и остались лежать на земле окровавленными кляксами.

Ситран встретил пятерых оставшихся противников улыбкой. Он решил, что в сложившейся ситуации обет молчания можно считать выполненным, и рассмеялся над поверженным воином:

— Я всегда тебя ненавидел, Ксафен.

VI. Прощание

Это так на тебя похоже — заботиться о безопасности одного человека, когда весь мир объят пламенем. Я уверяла тебя, что твое беспокойство напрасно и все будет хорошо, как и всегда.

А теперь воют сирены, и в коридорах гремит эхо выстрелов. Предосторожность, предпринятая тобой ради спокойствия, стала моей последней надеждой, но я не глупа и понимаю, что это не может защитить меня от тех, кто идет ко мне.

Я слышу, как звон клинков приближается с каждым мгновением, и изо всех сил тороплюсь записать эти слова. Я могла бы спрятаться, но не буду. Причина

очевидна: они с равным успехом отыщут меня и в грузовом отсеке, и в моей уютной комнате. Хранимые мной тайны не оставляют им выбора: они обязательно должны прийти, и, несмотря на своих недышащих телохранителей, я не питаю иллюзий. Они придут и найдут меня. Но я умру, не изменив своему легиону. Это я тебе обещаю.

Моя жизнь была долгой, и я ни о чем не жалею. Немногие могут сказать то же самое о себе, и еще меньше тех, кто мог бы сказать это искренне. Даже ты, Аргел Тал, не можешь этого утверждать.

Когда будешь читать эти строки, знай, что я желаю привлечь к тебе всю удачу мира. Я слышала, как ты говорил о Калте и грядущих войнах, и я верю в твои замыслы, верю в праведный Крестовый Поход, который возглавит твой легион. Вы принесете просвещение в Галактику. Я верю в это и никогда не сомневалась.

Оставайся рядом с Ксафеном, и он пусть всегда будет рядом с тобой. Вы — дети полубога и избранные воплощения истинных богов. Этого никто не может у

вас отнять.

Я слышу клинки у своей двери, пожалуйста, не забывай...

Эпилог
Алый повелитель

Калт.

Прекрасный цветущий мир, которому покровительствует Тринадцатый легион, как когда-то Семнадцатый легион покровительствовал Кхуру.

Калт. Название, не покидающее губ каждого Несущего Слово. Калт, место сбора легиона Жиллимана перед грядущей войной.

Легион Лоргара собрался почти в полном составе. Достаточно кораблей, чтобы установить блокаду вокруг возлюбленного царства Ультрамаринов и выжечь дотла поверхность каждого из миров. Достаточно воинов, чтобы поставить Ультрамаринов на колени. Исствааан был вписан в историю мечом предателя. Вскоре и здесь произойдет битва, которая займет место в имперских архивах рядом с ним.

Калт.

Аргел Тал теперь предпочитал одиночество. У него не хватало терпения выслушивать хвалебные крики, издаваемые братьями в его присутствии. Ему были не нужны ни их почести, ни преклонение.

Он отдалился от собственного легиона и остался в компании сожалений, накопившихся за более чем полвека измены.

На коленях у него лежал золотой клинок великолепной работы, созданный и покрытый гравировкой для мастера меча, генетически настроенный только на руку человека, которому он предназначался. Это оружие принадлежало тому, кого он называл своим братом. Оно было взято с тела Аквилона в лучах незабываемого рассвета.

В руке Аргел Тал держал информационный планшет небольшого размера, подходивший только для пальцев смертных. Курсор мерцал в центре экрана в ожидании слов, которые уже никогда не введут. Текст завершался незаконченным предложением. Аргел Тал уже не помнил, сколько раз он его перечитывал, каждый

раз надеясь разгадать смысл слов, не попавших на страницу.

Корабль, дрожа, плыл сквозь преисподнюю человеческих мифов. Скоро они доберутся до Калта.

Аквилон. Ксафен. Его братья погибли.

Аргел Тал отложил меч и оставил инфопланшет на скромном столике рядом с постелью. Он поднялся на ноги, понимая, что его уединению скоро придет конец. Его призывал легион. Легион в нем нуждался. Примарх лично спрашивал его, не возглавит ли он штурм Калта.

Он повинуется, даже оставшись в одиночестве.

Мои братья мертвы.

Нет, произносит голос внутри него. Я твой брат.

---

notes

Примечания

Римский короткий меч.

Двуручный меч (нем. Bidenhander) — меч ландскнехтов, имевший специфическую двойную гарду.